РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Учреждение Российской академии наук
ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РАН

НАУЧНЫЙ СОВЕТ РАН ПО ПРОБЛЕМАМ
КОМПЛЕКСНОГО ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ

60 лет КНР

Шестидесятилетие дипломатических отношений СССР/РФ и КНР (1949-2009 годы)

Тезисы докладов
XVIII Международной
научной конференции
"Китай, китайская цивилизация и мир.
История, современность,
перспективы"

(Москва, 21-23 октября 2009 г.)

Часть 1

Москва
2009

俄中建交六十周年

中华人民共和国成立六十周年

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Учреждение Российской академии наук
ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РАН
НАУЧНЫЙ СОВЕТ РАН ПО ПРОБЛЕМАМ
КОМПЛЕКСНОГО ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ

60 лет КНР

Шестидесятилетие дипломатических отношений СССР/РФ и КНР (1949-2009 годы)

XVIII Международная научная конференция «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы»
(Москва, 21-23 октября 2009 г.)

О МЕЖДУНАРОДНОМ ЗНАЧЕНИИ ОБРАЗОВАНИЯ КНР И ОПЫТА КИТАЙСКИХ РЕФОРМ

Тезисы выступления
академика РАН
М.Л. Титаренко

Титаренко М. Л.,
академик РАН,
директор Института
Дальнего Востока РАН

О МЕЖДУНАРОДНОМ ЗНАЧЕНИИ ОБРАЗОВАНИЯ КНР И ОПЫТА КИТАЙСКИХ РЕФОРМ

Конец первого десятилетия нового века в развитии Китая и в российско-китайских отношениях отмечен целым рядом важных исторических вех. Это и 60-летний юбилей со дня провозглашения КНР, и 30-летие начала осуществления курса модернизации, известного как «политика реформ и открытости». Это 60-летие установления дипотношений между КНР и СССР, а затем и с Россией. И 60-летие первого в истории Китая общества дружбы с зарубежными странами — Общества дружбы с Советским Союзом, а затем и с Россией (ОКРД).

Такого рода даты, имея в виду стоящие за ними исторические процессы, уже по определению не могут не привлекать самого широкого внимания. В первом случае (60-летие КНР) речь идет о событии, предопределившем коренные внутренние перемены в судьбах страны с пятой частью населения планеты. В другом — о феномене реформ, которые за три десятилетия позволили еще недавно отсталому Китаю набрать уникальную динамику развития, увеличить абсолютные объемы ВВП за 60 лет почти в 80 раз. Весьма примечательно, что новый Китай впервые в истории решил проблему обеспечения населения одеждой, питанием и жильем на разумно минимальном уровне. Показательно, что ныне в КНР объем производства зерновых превышает показатель 500 млн т. Объемы выплавки стали также достигли этой цифры. Китай производит больше половины мировой выработки цемента. Ныне КНР по объему ВВП вошла в состав тройки мировых лидеров. Не случайно многие наблюдатели единодушно отмечают: «Глаза всей планеты устремлены на Пекин». Даже авторитетные эксперты Международ-

ного валютного фонда заявляют, что скорость выхода мировой экономики из обвала зависит от Китая.

Провозглашение 1 октября 1949 г. Китайской Народной Республики явилось, несомненно, важнейшим этапным моментом в многовековой истории Китая. С точки зрения конкретно-исторических особенностей внутреннего развитий страны оно означало:

- завершение многолетней гражданской войны и войны сопротивления японской агрессии, в которые были втянуты огромные массы многомиллионного народа. Победа в этих войнах и образование КНР открыли перспективы для возрождения экономики и социального строительства;
- создание условий для национально-территориальной консолидации, для осуществления эффективного суверенитета над огромной территорией страны, включая Синьцзян и Тибет, а в последующем и Сянгана, Аомэня. Последовательный курс на углубление диалога между материком и Тайванем на основе концепции «одна страна — две системы» открывает перспективу для мирного решения Тайваньской проблемы. После многих лет иностранной интервенции и внутренней нестабильности это была победа всех патриотических слоев населения Китая, объединенных в единый патриотический фронт во главе с КПК, над сторонниками партии Гоминьдан, над силами феодализма и компрадорским капиталом.

В широком историческом контексте образование КНР стало поистине явлением глобального масштаба, изменившим вектор мирового развития в пользу сил национального освобождения и социального прогресса. Победа демократической, национально-освободительной революции в Китае и образование КНР с огромной силой способствовали мощному подъему национально-освободительного движения во всем колониальном мире в Азии, Африке, Латинской Америке, Океании, а затем привели к окончательному краху колониальной системы.

В качестве долговременной общенациональной цели была объявлена великая задача возрождения и подъема Китая. «Отныне китайский народ поднялся с колен и распрямил плечи», — заявил Председатель Мао Цзэдун в день провозглашения КНР[1].

Сформулированные при образовании нового государства базовые принципы стали отправной точкой трудного и сложного поиска пути дальнейшего развития — независимого и самостоятельного строительства новодемократического справедливого общества, которое сочетает идеалы социализма с особенностями Китая, китаизирует марксизм-ленинизм и воплощает его в виде идеологии «социализма с китайской спецификой»[2].

Перемена характера социально-экономического строя в стране с 600-миллионным населением (1949 г.) открыла новую эпоху в историческом развитии Китая, что имеет огромное международное значение. С учетом особенностей структурирования глобальной обстановки в первые годы после окончания Второй мировой войны образование КНР и провозглашение победы социалистической революции означало:

- глубокие объективные перемены в расстановке сил между странами империализма и растущими силами мирового освободительного движения. Создание КНР означало перемещение центра мировых революционных изменений «на Восток — в Китай и Юго-Восточную Азию»[3];
- объективный вклад в становление нарождающейся системы социалистических государств; баланс сил между социалистическим лагерем, с одной стороны, и странами капитализма — с другой, на несколько десятилетий, вплоть до распада СССР, стал главным критерием развития мировой обстановки.

Была проведена земельная реформа, в годы первой китайской пятилетки (1953—1957 гг.) в среднем почти на 9 % в год рос национальный доход. Не оправдавшие себя экономические эксперименты конца 1950-х годов сменились новым подъемом. Однако следом наступило десятилетие «Великой культурной революции», которая, по официальным китайским оценкам, «нанесла стране, ее гражданам тяжелейший урон и наиболее серьезный ущерб за все время существования КНР»[4].

Реформы как «переломный момент»

Новый этап в развитии страны в Китае связывают с осуществлением продуманной и целенаправленной политики реформ. Экономические преобразования и открытость внешнему миру легли в основу неуклонно проводимого с той поры курса, который и стал путеводной звездой сегодняшних грандиозных достижений.

Китайский народ, руководство КПК рассматривают 60-летний период КНР как единый сложный исторический процесс поиска и созидания. Согласно китайской традиции, 60-летие есть завершение определенного цикла развития и перехода к новому этапу, что дает основание для подведения итогов и обобщения опыта, а также для комплексных прогнозов.

И в КНР, и за рубежом эксперты много рассуждают о новой роли Китая в мире и значении его достижений и особенно политики китайских реформ для будущего не только самого Китая, но и всего мира. Этим фактом подчеркивается именно большое непреходящее международное значение достижений Китая и его опыта как в позитивном, так и отрицательном планах, т. е. «учителя наоборот».

1. Прежде всего, речь идет о **феноменальных фактических показателях развития страны.** За 30 лет, которые прошли с начала проведения реформ, *Китай стал примером того, как продуманная политика руководства, понятная и поддержанная всеми слоями населения страны, может за относительно короткий промежуток времени вывести огромную державу в число наиболее динамично развивающихся государств мира.* Страна совершила *мощный экономический рывок.* Ее ВВП с 1978 г. увеличился примерно в 17 раз, составив в 2008 г., по данным китайской статистики, более 30 трлн юаней (4,4 трлн долл. США). Золотовалютный запас превысил 2,1 трлн долл. Среднедушевой ВВП возрос за это же время почти в 12 раз, составив в 2008 г. около 3300 долл.

Китай выступает как один из главных факторов стабильности мирового валютно-финансового рынка и, по сути, стал локомотивом вывода мировой экономики из кризиса.

2. Проведение политики реформ в КНР — пример раскрытия резервов, заключенных в творческом осмыслении возможностей, связанных с развиваемой в стране **моделью организации общества и производства.** Не вдаваясь в распространенные ныне дискуссии относительно корректности определений политэкономического существа этой модели — социализм в начальной стадии или конфуцианский капитализм, в любом случае нельзя не видеть, что объективно она являет собой *альтернативу традиционному западному либеральному варианту развития.* Сами китайские руководители в данной связи уверенно подчеркивают, что проводимые реформы, опыт которых рассматривается как «бесценное сокровище», направлены на *осмысление мирового опыта и сложившихся исторических представлений о социалистическом строе, «придание социализму новых жизненных сил, построение и развитие социализма с китайской спецификой».* Председатель Ху Цзиньтао, резюмируя исторический опыт КПК, определил его как *«соединение основополагающих положений марксизма с конкретными реалиями Китая, выбор собственного пути развития и построение социализма с китайской спецификой»*[5]. По его словам, успех реформ «свидетельствует о силе и значении марксисткой теории»; формулируется вывод, что *«только социализм может спасти Китай, только реформы и открытость могут развивать Китай»*[6].

К числу таких новых теоретических установок, которые являются значительным обогащением теории научного социализма, относятся:

• переосмысление прежних взглядов об этапности построения социализма, выдвижение концепции длительного начального этапа социализма и теория социализма с китайской спецификой. Этот этап предусматривает длительное функционирование многоукладного экономического базиса, соразвития и кооперации различных форм собственности, легальности эксплуатации и доминирования рыночных отношений, которые именуются социалистическими;

• преодоление абсолютизации классовой борьбы и антагонизма между трудом и капиталом как внутри страны, так и во внешних связях, выработка политических и практических установок, которые позволяют активнее и шире использовать внутренний и международный опыт, накопленный в рамках рыночного капиталистического общества;

• выдвижение новой концепции развития, предусматривающей комплексное одновременное развитие материальной, духовной и политической культур, развитие учения о роли фактора социальной стабильности и поддержания более гармоничных отношений между различными слоями общества в условиях развития многоукладности и временного существования эксплуатации в виде концепции построения общества малого достатка «сяокан» и гармоничного общества.

Китайские реформы отличает **постепенность, эволюционность (так называемый градуализм), вторичность политического реформирования перед экономическим**, приоритет модернизации и внешнеэкономической экспансии.

Политика реформ проводится на основе формирования новых негосударственных и частных форм собственности, помимо существовавших государственных, не вместо них, а вместе с ними. При этом отношения между ними четко регулировались тщательно разработанным законодательством. В Конституцию КНР были внесены принципиальные изменения, которые юридически уравнивали все формы собственности и делали государство гарантом их безопасности и обеспечения им равных прав и возможностей.

3. Нынешняя экономическая политика формировалась на основе **сохранения и максимального использования созданного ранее производственного потенциала**. Она предусматривает такую последовательность мероприятий, которая охватила бы в первую очередь самые слабые звенья народного хозяйства и позволила бы в максимально короткий срок добиться отдачи от политики реформы, которая сделала бы ее сторонниками абсолютное большинство населения.

Следующим этапом стало **освоение высоких технологий**. Страна, которая еще недавно была одной из отсталых, теперь занимает лидирующие позиции по производству многих видов высокотехнологичной продукции.

4. Весьма большую ценность представляет опыт развития рыночного сектора в Китае путем поощрения и господдержки **малого и среднего бизнеса (МСБ)**, который в стране называют настоящим «национальным достоянием». В 2005 г. в КНР было около 4,3 млн предприятий МСБ, 27,9 млн индивидуальных предприятий. В этом секторе работает около 75 % городского населения, он дает до 60 % всего ВВП, 65 % всех патентов, 46,2 % всех налоговых поступлений и 62,3 % всего экспорта Китая.

5. Значительный интерес за рубежом вызывает **китайский опыт формирования привлекательного инвестиционного климата**, создания инфраструктуры, благоприятствующей внутренним и внешним инвесторам. Приоритет создания инфраструктуры — строительство гостиниц разного уровня, мощная модернизация всех видов транспорта, широкое автодорожное строительство, развитие железнодорожного, морского и воздушного транспортов — играет исключительно положительную роль как в создании привлекательного инвестиционного климата, так и в стимулировании экономического развития регионов. Здесь много такого, чему стоит поучиться российским властям. Разработаны гибкие и льготные таможенная и налоговая системы, поощряющие капиталовложения и гарантирующие сохранность законной прибыли. Созданы разветвленная банковско-финансовая инфраструктура и коммуникационные системы, которые позволяют инвесторам эффективно использовать и капитализировать свою прибыль как на китайском, так и внешних рынках. Поддержание стабильности внутреннего денежного обращения и государственных гарантий китайским вкладчикам дает возможность привлечь огромные средства населения — свыше 27 трлн юаней, которые инвестируются в различные отрасли народного хозяйства.

6. Особый интерес в мире вызывает успешная **политика открытости**, которая означает реализацию внешнеэкономической деятельности на основе требований международной практики. Один из краеугольных камней — *интеграция в мировое экономическое пространство и экономические обмены*. Это позволило Китаю эффективно использовать процессы экономической глобализации в целях своего развития и модернизации экономики страны, завоевания новых рынков на мировых площадках. Создана комплексная система юридических и экономических гарантий Центрального банка и государства для ино-

странных капиталовложений. Государство всячески поддерживает выход государственных предприятий, имеющих подходящие для этого условия, на международный финансовый рынок с целью прямого привлечения инвестиций.

Политика открытости тесно сочетается с опорой на собственные силы, т. е. она проводится таким образом, чтобы Китай сохранил экономическую безопасность и не попал в зависимость от внешних сил. Политика открытости и создание благоприятного инвестиционного климата превратили Китай во второй, после США, центр вложения иностранного капитала. За годы реформ в Китае использовано иностранных капиталов на сумму около 1 трлн долл. В последнее время китайская политика открытости стала все более приобретать черты глобальности. Она дает зеленый свет не только поступлениям инвестиций извне, но и поощряет вложения китайских инвестиций за рубежом. Ныне внешние инвестиции Китая составляют около 150 млрд долл.

7. Опыт китайских реформ демонстрирует и важные наработки в области **стратегии в финансовой сфере,** которые направлены на создание эффективных механизмов денежно-кредитной политики. Целью при этом является создание условий для нормального кредитования и развития реального сектора экономики, причем упор делается на стремлении обеспечить доминирование национальной валюты — юаня. Финансовая стабильность, не поколебленная ни азиатским финансовым кризисом 1997—1998 гг., ни нынешним глобальным кризисом, создала необходимые условия для нормального развития промышленности и бизнеса. Грамотная политика *валютного регулирования*, с одной стороны, препятствует вывозу капитала и накоплению на руках населения избыточной наличной валюты, с другой — создает условия для привлечения внешних долгосрочных капиталов. Страна — мировой лидер по золотовалютным резервам (2,1 трлн долл. США), которые властям даже в условиях глобального кризиса удается не только сохранять, но и наращивать. При этом на фоне потенциальной угрозы падения стоимости американского доллара декларированы планы по диверсификации структуры этих резервов путем масштабной экспансии на рынки акций крупных мировых промышленных компаний и закупки золота и других драгоценных металлов.

8. Одной из важнейших особенностей китайского опыта реформ и модернизации является осуществление этой политики на основе **одновременного развития материальной и духовной цивилизации** и максимального совершенствования и использования человеческого капитала путем развития культуры, образования, науки, техники. Стратегия реформ неразрывно связана со стратегией подъема науки и образования,

на которые даже в условиях кризиса увеличены ассигнования на 26,7 %. Китай на деле пытается реализовать тезис, что наука и техника являются первой производительной силой. Не случайно 30 % экономического роста страны в последние годы достигается за счет реализации передовых технологий. Китай, который еще недавно считался одной из самых бедных и отсталых стран, осуществляет комплекс мер по созданию условий к переходу на новую стадию развития — обществу «экономики знаний». Он занимает одно из ведущих мест в мире по количеству и качеству выпускаемой компьютерной техники и степени компьютеризации систем народного образования, здравоохранения, промышленных предприятий, системы государственных органов. Китай разработал собственную иерархическую систему «электронной паутины» — Интернет, выработал и законодательно утвердил доктрину информационной безопасности страны.

9. Особняком стоит **опыт, который КНР демонстрирует в ходе реализации политики по преодолению негативного влияния мирового финансово-экономического кризиса.**

Китайская программа преодоления кризиса состоит из четырех главных компонентов:

- крупномасштабная промышленная политика;
- стимулирование внутреннего спроса;
- усиленная поддержка науки и техники;
- значительное повышение уровня социального обеспечения и распространение соцобеспечения на сельское население.

При этом основой реализации программы и в этом смысле ее опорным элементом, гарантирующим все перечисленные направления, является *массированный рост государственных инвестиций*, поощрение внутреннего спроса. На антикризисные меры до конца 2010 г. в КНР дополнительно выделено 4 трлн юаней (около 585 млрд долл.).

Антикризисная программа КНР соединяет в себе как решение ближайших неотложных задач, так и создание предпосылок для дальнейшего развития на *среднесрочную и долгосрочную перспективу*. Наращивание инвестиций и увеличение внутреннего потребления должны компенсировать сокращение экспортных возможностей, трансформировать модель экономического роста ВВП на уровне не менее 8 % в год и сохранить социальную стабильность.

Большую роль для стимулирования экономической активности предприятий и увеличения внутреннего спроса населения играет *налоговая политика*.

Кризис ускоряет переход Китая к более сбалансированной модели экономического роста, которая будет опираться в значительно боль-

шей мере, чем прежде, *на внутренний рынок*. Это ослабит внешнюю зависимость Китая и укрепит его национальную безопасность.

Новая модель не только не уменьшит вовлеченность Китая в мировую экономику, но, напротив, будет способствовать дальнейшему укреплению его глобальных позиций. Усилится влияние Китая в международных финансовых институтах. Повысится роль в решении глобальных экономических и геополитических проблем.

Выдающиеся достижения Китая в области экономики, культуры не освобождают его **от сложных проблем и различных вызовов**, которые требуют концентрации энергии народа. Проблемы экологии, дефицита ряда важных ресурсов, вопросы выработки собственной системы экономических ценностей — системы потребления, отвечающей специфике Китая, обеспечение приемлемых современных условий жизни для громадного населения, проблемы так называемых разрывов (между развитым городом и отсталой деревней, приморскими и внутренними регионами, богатыми и бедными и т. д.) — все это требует серьезных и весьма непростых усилий. Осознавая остроту и значимость этих проблем, включая прежде всего социальную сферу, руководство страны в последнее время акцентирует необходимость повышенного внимания к социальной ориентации экономики, к качественным показателям, которые ранее часто оказывались в тени количественных. Выдвинута новая научная концепция развития — как комплексный подход к решению возникших противоречий и как идейная основа *«гармоничной политики» и построения «гармоничного общества»*, в котором человек и его разумные потребности выступают основой политических решений.

Китай развивает всестороннее международное сотрудничество. Китайские руководители неизменно подчеркивают, что, несмотря на огромные достижения и успехи, КНР остается пока развивающейся страной. Потребление основных видов современных товаров на душу населения пока заметно отстает от развитых и среднеразвитых государств. Китайские лидеры твердо заявляют о намерении проводить политику мира и сотрудничества со всеми государствами, поскольку их страна для своего развития нуждается в благоприятной международной обстановке, взаимодействии и поддержке всего цивилизованного сообщества народов. При этом в современной редакции эти идеи облекаются в формулу *«гармонизации международных отношений», построения «гармоничного мира»*.

В созвучности внешних и внутренних установок видится общее стремление властей КНР обеспечить реализацию комплексной, органичной и сбалансированной стратегии развития.

Российская общественность, друзья Китая в России с большим заинтересованным вниманием и доброжелательными надеждами следят за мощным продвижением Китая. Коренные стратегические интересы развития, подъема экономики, культуры, укрепление безопасности России и Китая не сталкиваются. Более того, они во многом совпадают, что создает исключительно благоприятные условия для выработки долговременной стратегии соразвития и дружеского взаимодействия на международной арене. Международно-правовой основой для такого разностороннего сотрудничества является Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве от 16 июля 2001 года. Наши страны уже ряд лет прилагают значительные усилия к тому, чтобы воплотить в жизнь огромный потенциал сотрудничества.

Итоги встреч высших руководителей двух стран, имевших место в 2009 г., значительно продвинули наше сотрудничество и в сфере активизации инвестиционной политики, и в сфере налаживания давно ожидаемой кооперации и взаимодействия в реализации планов подъема российского Дальнего Востока, регионов Сибири и китайских приграничных регионов — старой индустриальной базы на Северо-Востоке КНР, Внутренней Монголии, Синьцзяна. В укреплении взаимопонимания и добрососедского, дружеского сотрудничества важную роль, помимо государственной дипломатии, играет и народная дипломатия. Лидерами народной дипломатии выступают ОРКД и ОКРД. Мы с больший радостью отмечаем, что первому в Китае обществу дружбы с зарубежными странами — ОКРД в этом году также исполнилось 60 лет. Мы горячо поздравляем наших друзей с этой замечательной годовщиной и желаем им новых успехов!

Примечания

[1] Цит. по: Независимая газета. 02.10.2004.

[2] Жэньминь жибао. 01.10.2004.

[3] Цит. по: *Капица М. С.* На разных параллелях. М., 1996. С. 50.

[4] Жэньминь жибао. 23.09.2004.

[5] Там же. 18.12.2008.

[6] Там же.

Рабочая группа по подготовке материалов к печати:

Островский А.В. (руководитель),
Горбунова С.А. (заместитель руководителя),
Портяков В.Я., Лузянин С.Г., Клименко А.Ф., Смирнов Д.А.,
Новоселова Л.В., Бергер Я.М., Мамаева Н.Л., Усов В.Н.,
Завьялова О.И., Ганшин В.Г., Ушаков И.В.

В сборнике, состоящем из 2 частей, публикуются тезисы XVIII Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы», организованной Институтом Дальнего Востока РАН совместно с Научным советом РАН по проблемам комплексного изучения современного Китая, Обществом российско-китайской дружбы.

Тезисы публикуются в авторской редакции. Содержащиеся в них выводы не всегда совпадают с мнением членов Оргкомитета. За достоверность опубликованных сведений ответственность несут авторы тезисов.

Проведение конференции и издание материалов осуществлено при финансовой поддержке Фонда социальной защиты «Академиа»

В оформлении использованы иероглифы, выполненные Гао Маном

© ИДВ РАН, 2009

Оргкомитет XVIII международной научной конференции
«Китай, китайская цивилизация и мир.
История, современность, перспективы»
выражает благодарность генеральному спонсору
Президенту китайско-российской
торговой палаты (Гонконг)
Хуан Сяодуну
за финансовую поддержку проведения конференции.

СОДЕРЖАНИЕ

РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КНР
(к 60-летию установления дипломатических отношений)

Шабалин В.И.
ОБ ОСНОВАХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РФ И КНР 11

Куликова Г.В.
РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И НАРОДНАЯ ДИПЛОМАТИЯ (НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВ ДРУЖБЫ) 15

Мировицкая Р.А.
К ИСТОРИИ ПЕРВОЙ ВСТРЕЧИ И.В.СТАЛИНА И МАО ЦЗЭДУНА 20

Галенович Ю.М.
МАО ЦЗЭДУН И РИЧАРД НИКСОН 23

Молодин В.И., Комиссаров С.А.
НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИЙСКИХ И КИТАЙСКИХ АРХЕОЛОГОВ 26

Дацышен В.Г.
ПРАЗДНОВАНИЕ 10-летия КНР В СИБИРСКОМ ГОРОДЕ: ЗАБЫТАЯ СТРАНИЦА СОВЕТСКО-КИТАЙСКОЙ ДРУЖБЫ 28

Головачёв В.Ц.
СССР, КИТАЙ И ВСТУПЛЕНИЕ МНР В ООН 31

Ван Шицай
ОБМЕНЫ И СЛИЯНИЕ КУЛЬТУР СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КИТАЯ И РОССИИ 35

Чжао Чжучэн
РОЛЬ РОССИЙСКОГО ФАКТОРА В НАЦИОНАЛЬНОМ ВОПРОСЕ В КИТАЕ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ 39

Портяков В.Я.
СТАНОВЛЕНИЕ КИТАЯ КАК ОТВЕТСТВЕННОЙ ГЛОБАЛЬНОЙ ДЕРЖАВЫ 39

Стабурова Е.Ю.
КОНСТРУИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИЙ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ КНР 44

Берзиня Уна-Александра
НОВЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ПОЛИТИКИ КНР: КРИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС – АНАЛИЗ И ПОНЯТИЕ «ГАРМОНИИ».. . . ..

Алимов Р.К.
СОСТОЯНИЕ МЕХАНИЗМОВ РЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ РАЗВИТИЯ 81
Клименко А.Ф.
К ВОПРОСУ О СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ШОС: ПРОБЛЕМЫ ОБОРОНЫ И БЕЗОПАСНОСТИ 85
Зимонин В.П.
КИТАЙ И ЕВРАЗИЙСКИЙ ПРОЦЕСС: ВЫСТРАИВАНИЕ НОВЫХ ПАРТНЕРСКИХ СВЯЗЕЙ 88
Трифонов В.И.
РОССИЯ И ШОС 91
Давыдов А. С.
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В «ТРЕУГОЛЬНИКЕ» США-КНР-РФ: ЕВРАЗИЙСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ 94
Лукин А.В.
ШОС: ПОЧЕМУ БУКСУЕТ МНОГОСТОРОННЕЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО? 97
Уянаев С.В.
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПАРТНЕРСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ФОРМАТЕ «РОССИЯ– ИНДИЯ–КИТАЙ» (РИК) 100
Кондрашова Л.И.
РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК ЗАЯВКА НА МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НОВОГО ТИПА (ЕВРАЗИЙСКИЕ АСПЕКТЫ) 104
Куртов А. К.
КОРИДОР «СЕВЕР – ЮГ» КАК ЭЛЕМЕНТ РАЗВИТИЯ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА 107
Баденков Ю.П.
АЛТАЙСКИЙ ТРАНСГРАНИЧНЫЙ УЗЕЛ: ВОПРОСЫ СОТРУДНИЧЕСТВА И РАЗВИТИЯ В РЕГИОНАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ 111
Семин А.В.
ЯПОНИЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ 115
Балакин В.И.
ИНВЕСТИЦИОННАЯ СТРАТЕГИЯ КНР В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ 117
Болятко А.В.
НОВЫЙ ЭТАП В РАЗВИТИИ АМЕРИКАНО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ВЗГЛЯД ПЕКИНА И ВАШИНГТОНА НА ЕВРАЗИЮ 120

Грозин А.В.
ПОЛИТИКА КИТАЯ В ПОСТСОВЕТСКОЙ АЗИИ: СОДЕРЖАНИЕ, ИСТОРИЯ И «ФАКТОР ШОС» 124
Парамонов В.В.
ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКАЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ: ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ 127
Шершнев И. Л.
ОБЩЕСТВЕННАЯ ДИПЛОМАТИЯ ШОС КАК ДЕЙСТВЕННЫЙ МЕХАНИЗМ ИНТЕГРАЦИИ ПРОСТРАНСТВА ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА 130
Гусев Л.Ю.
СОТРУДНИЧЕСТВО КИТАЯ И СТРАН-УЧАСТНИЦ ШОС В СФЕРЕ ЭНЕРГЕТИКИ 133
Сафронова Е.И.
СПЕЦИФИКА ВОСПРИЯТИЯ ОБРАЗОВ КНР И РОССИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ 135
Морозов Ю.В.
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РФ И КНР В РАМКАХ ШОС В ГУМАНИТАРНОЙ ОБЛАСТИ 139
Серебрякова Н.В.
ШОС: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ 142
Васильев Л.Е.
ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ БОРЬБЫ С СИЛАМИ «ТРЕХ ЗОЛ» В РАМКАХ ШОС 144
Овчинникова К.М.
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТАЙВАНЬСКОГО ОПЫТА УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКОЙ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ 148
Душейна К.В.
ПОЛИТИКА КИТАЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: АНАЛИЗ ЦЕЛЕЙ И ИНТЕРЕСОВ 151
Семенова Н.К.
ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА НА ПРОСТРАНСТВЕ ШОС 155
Горянина Ю.П.
ВЗГЛЯД КНР НА ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА ГОСУДАРСТВА ЗА РУБЕЖОМ В НАЧАЛЕ XXI века 158
Шатохин Д.С.
ВОСПРИЯТИЕ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА В ГЕРМАНИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ . . . 161
Беляев С.О.
РОССИЯ И КИТАЙСКО-ЯПОНСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО

В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ 164
Буравлева О.В.
РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ И ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКИЙ ФАКТОР 168

ШЕСТЬ ДЕСЯТИЛЕТИЙ ИСТОРИИ НОВОГО КИТАЯ. ДОСТИЖЕНИЯ И ОПЫТ

Доронин Б.Г.
ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МОДЕРНИЗАЦИИ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ) 171
Мазур Т.Г.
ЛИЧНОСТЬ УПРАВЛЕНЦА В ИДЕОЛОГИИ ТРАДИЦИОННОГО И СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ 174
Переломов Л.С.
КОНФУЦИАНСТВО В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ КПК .. . 178
Пожилов И.Е.
ЧЖУ ДЭ: ЧЕМ ЗАКОНЧИЛАСЬ ДЛЯ ГЛАВКОМА ПЕРЕСТРОЙКА СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ КПК (1949–1954 гг.) 181
Сотникова И.Н.
СССР И АТОМНЫЙ ПРОЕКТ КНР 184
Сухов М.В.
ЦЯНЬ СЮЭСЭНЬ И ЕГО ВКЛАД В НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КНР 188
Линь Цяньхань
КТО БЫЛ ВЫСЛАН? 191
Алексанян А.Г.
ЧЭНЬ ЮАНЬ (1880–1971) И ЕГО ВКЛАД В СОВРЕМЕННУЮ КИТАЙСКУЮ ИСТОРИЧЕСКУЮ НАУКУ 192
Мамаева Н.Л.
КНР: 60 ЛЕТ ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ КПК И КПСС – НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА 194
Ершов А.В.
ЭВОЛЮЦИЯ СТРАТЕГИИ РЕФОРМИРОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ КНР .. 198
Сун Юэхун
ПОЛИТИКА ПРОПОРЦИОНАЛЬНОГО СООТНОШЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА И ДЕРЕВНИ НА ВЫБОРАХ СОБРАНИЙ НАРОДНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПОСЛЕ ОБРАЗОВАНИЯ КНР И ЕЕ ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ. 202

Спичак Д.А.
О ПОДГОТОВКЕ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ БУДУЩИХ РУКОВОДЯЩИХКАДРОВ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ 203
Юань Сюэцин
РАЗВИТИЕ ДЕЛА ОБРАЗОВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В КИТАЕ 206
Борох О.Н.
ФОРМИРОВАНИЕ ПАРАДИГМЫ МАРКСИСТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ В КИТАЕ 210
Горбунова С.А.
ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЕХИ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ РЕЛИГИЙ В КНР. 213
Демидо Н.Ю.
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИСТОРИИ КНР В КИТАЙСКОЙ ТЕЛЕДРАМЕ «ЗОЛОТАЯ СВАДЬБА» 217
Тен Н.В.
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ КИТАЙЦЕВ О РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ И ИСКУССТВЕ. 218
Усов В.Н.
ИЗУЧЕНИЕ РОССИЙСКИМИ УЧЕНЫМИ ИСТОРИИ КНР ЗА ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТЬ ЛЕТ (1999–2009 гг.) 222
Герасимова Т.Г.
РОССИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ О ПЕРСПЕКТИВАХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В КНР (ВОПРОСЫ ТЕОРИИ) 223
Смирнова Н.В.
РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КИТАЕВЕДЕНИЯ в 1970-е годы 229

ЯЗЫК, ПИСЬМЕННОСТЬ, КУЛЬТУРА: ГОД РУССКОГО ЯЗЫКА В КИТАЕ, ГОД КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В РОССИИ

Завьялова О.И.
ИТОГИ ЯЗЫКОВЫХ РЕФОРМ И ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА В КНР. 233
Зограф И.Т.
КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК В КОНТАКТЕ С ЯЗЫКАМИ ИНОЙ СТРУКТУРЫ 236
Хохлов А.Н.
РАСПРОСТРАНЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В КИТАЕ ДО И ВСКОРЕ ПОСЛЕ ОБРАЗОВАНИЯ КНР 239

Антонян К.В.
КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК ПЕРЕД ЛИЦОМ ГЛОБАЛИЗАЦИИ 243
Маркина К.А.
СОВРЕМЕННЫЙ КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С АНГЛИЙСКИМ КАК СРЕДСТВОМ ИНТЕГРАЦИИ В МИРОВУЮ СИСТЕМУ КОММУНИКАЦИЙ 246
Шапиро Р.Г.
МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ КИТАЙСКО-РУССКОГО ПИДЖИНА 248
Хэ Цинчжи
ШЕСТЬДЕСЯТ ЛЕТ СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ЭВОЛЮЦИЯ РЕАЛИЗМА 250
Гурулева Т.Л.
ОБУЧЕНИЕ КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ И НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА. 252
Короткова О.Н.
К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ КИТАЙСКОГО АКЦЕНТА В РУССКОЙ ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ 256
Готлиб О.М.
СИНОЛОГ-ЛИНГВИСТ Н.Н. КОРОТКОВ – УЧИТЕЛЬ УЧИТЕЛЕЙ. 259
Никитина Т.Н., Зайцев В.П.
ОМОГРАФЫ В РОССИЙСКОМ СЛОВАРЕ ДРЕВНЕКИТАЙСКИХ ИЕРОГЛИФОВ 261
Виногродская В.Б.
ТЕКСТ-ИНСКРИПЦИЯ В МИРЕ КИТАЙСКОГО ТЕКСТА-КНИГИ. 264
Гурьян Н.В.
СЛОВАРЬ «ЭРЪЯ» В ОТЕЧЕСТВЕННОМ КИТАЕВЕДЕНИИ 268
Кондратьева Е.Б.
ЭЛЕМЕНТЫ ВЭНЬЯНЯ В СОВРЕМЕННОМ ДЕЛОВОМ ТЕКСТЕ 271
Воропаев Н.Н.
ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА В КИТАЙСКОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ 274
Комарова И.Н.
Ю.Н. РЕРИХ – СОЗДАТЕЛЬ «ТИБЕТСКО-РУССКО-АНГЛИЙСКОГО СЛОВАРЯ С САНСКРИТСКИМИ ПАРАЛЛЕЛЯМИ» 276
Тихонова Е.Ф.
РОССИЙСКИЕ СИНОЛОГИ И ТИБЕТСКИЙ ЯЗЫК 279

РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КНР
(к 60-летию установления дипломатических отношений)

Шабалин В.И.,
д. э. н., ИДВ РАН

ОБ ОСНОВАХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ РФ И КНР

1. Отношения между нашими государствами во многом определялись результатами внутриполитической борьбы и соотношением сил двух стран. В свое время события в Китае трактовались упрощенно в свете противостояния «маоистской и марксистско-ленинской линий». На деле происходило сложное переплетение борьбы сторонников социалистического (по сути, советского) пути развития, приверженцев либерально-буржуазного (по сути, американского) пути и, наконец, противоборствующих групп пекинского руководства за особый, «свой» путь, который бы обеспечивал национальные интересы и великодержавные устремления Китая, – эта сфера политических баталий играла главную роль в судьбах страны.

2. Одним из первых обоснований особого китайского пути общественного развития явилась теория Мао Цзэдуна о новодемократической революции и обществе (третий путь, не советский и не буржуазный строй, многоукладная экономика, элементы капитализма и социализма и т.п.), которая была принята в качестве программы на VII съезде КПК. Затем о ней «забыли», однако она не умерла, ее основные принципы возродились из пепла «большого скачка» и «культурной революции» и трансформировались в концепцию реформ и открытости. Дэн Сяопин во многом унаследовал идеи Мао Цзэдуна.

3. Характеризуя *общность* реформ последних десятилетий в РФ и КНР, обычно говорят о том, что они означают «переход к рынку». Этот тезис упрощает ситуацию, отражает одну, хотя и важную сторону широкого потока социально-экономических процессов. Неопределенный термин «переходная экономика» вообще не раскрывает существа этих процессов. Фактически и в России, и в Китае формируются системы, имеющие *общую форму* – это смешанная эко-

номика. Это строй, органически сочетающий государственное регулирование и развитые рыночные механизмы – их симбиоз, интеграционную многоукладность, множественность трансформирующихся укладов и различных форм хозяйствования, нацеленных не на кратковременное соперничество, а на естественное взаимодействие, при котором они «делят» между собой различные части воспроизводственного процесса в экономике.

4. Подобное определение в основном применимо к шведской, германской, французской, китайской, российской и другим моделям смешанной экономики, но оно не раскрывает специфических черт, *существенных различий* «перехода к рынку» в России и Китае.

Россия, принудительно насаждая капитализм, втянулась в игры мирового фиктивного капитала и фактически вошла в систему нынешней модели финансово-спекулятивного монополистического капитализма, отражающего интересы глобальной и российской финансовой олигархии и государственного криминалитета и несущего социально-классовую рознь.

Китай строит «социализм с китайской спецификой». Учений о социализме множество, так что и этот идейно-политический постулат имеет право на существование. По сути, за этим занавесом скрываются особые черты смешанной экономики КНР и кардинальные отличия от РФ: сильная регулирующая роль высокоцентрализованного государства и влияния государственной собственности; монопольное положение и руководящая роль Коммунистической партии Китая; стремление сгладить социальные противоречия; симбиоз элементов социализма и капитализма; соединение современных общественных и традиционных (китайских) компонентов.

5. КНР строит «свой социализм» не по прогнозам К.Маркса, который отрицал рынок при социализме, особые переходные формы, конвергенцию и т.д., а формирует уникальную «конвергентную» (иногда говорят конгломеративную) систему экономики, осуществляет исторический по своему значению опыт своеобразной конвергенции элементов социализма и капитализма, частного и общественного, традиционного и современного, опыт движения к плюралистической экономике, рассчитанной, как подчеркивают в Китае, «на сотни лет». Это позволяет говорить о перспективах образования особой общественно-экономической формации (нечто вроде современного азиатского способа производства). Видимо, для Китая такая перспектива не является гипотетической выдумкой. Не случайно еще в XIX веке основатели марксизма – и не только они – говорили об

особом «азиатском способе производства», прежде всего применительно к Китаю.

6. Основную роль в определении курса реформ в России и Китае сыграли политические доктрины власти. И здесь проявились *принципиальные различия* подходов.

Стратегическая линия КПК нацеливалась на укрепление существующего государства и власти партии, единства страны, на обеспечение стабильности и модернизацию как главную национальную задачу. Это была забота о стране. Цели реформ соответствовали державным настроениям китайцев. Был обеспечен рывок в экономике.

Стратегия РФ при Ельцине и «либерал-демократах» состояла в сломе существовавшего государства, захвате власти и создании нового политического режима. Это была забота о власти. Ускоренно формировалась соответствующая социальная опора главным образом путем растаскивания государственной собственности, поощрения олигархов, «номенклатурных капиталистов», поддержки националистических князьков в республиках, уступок им и Западу вплоть до развала страны. Все это не соответствовало национальным интересам народа, привело к кризису.

7. Структурная перестройка, в основе которой находился некоторый отход от стратегии догоняющего развития в сторону стратегии использования сравнительных преимуществ, также *происходил поразному.*

Пекин в целом довольно умело использовал свои сравнительные преимущества (дешевые трудовые ресурсы, привлечение в больших объемах прямых иностранных капиталовложений, в том числе *хуацяо*) для налаживания диверсифицированного *производства товаров* и превратился в «мировую фабрику».

Москва не сумела эффективно использовать преимущества России (природно-ресурсный и научно-технический потенциалы, включая базу ВПК, научно-технические кадры, уникальное геополитическое пространство), купалась в нефтяных и газовых «пузырях», превращаясь в *сырьевой придаток* Запада.

Существенно меняется место двух стран в мировой экономике.

8. В китайской цивилизации, общественной культуре просматриваются зримые черты общечеловеческих ценностей. Однако не менее важна специфика, превращающая Китай в «иной мир», населенный народом, испокон веков относящим себя к Великому Срединному Государству. Фундаментальные традиции, различия характера современных преобразований, «заусеницы» прошлого, природные и

естественно-исторические различия (перенаселенность Китая и огромные неосвоенные территории России) – все это «отграничивает» наши страны друг от друга. Так что, почти по Р.Киплингу: Россия есть Россия, а Китай есть Китай, и с мест они не сойдут. Достичь безоблачного соразвития и исторически бесконфликтного сотрудничества РФ и КНР непросто.

9. Многие базовые *политические* интересы РФ и КНР параллельны или совпадают; принципы взаимодействия зафиксированы в Договоре (2001 г.). Нас сближают также географическое соседство, экономическая взаимодополняемость, остатки менталитета исторической отсталости, идеологизированного авторитарного общества и командно-административной системы хозяйствования. Формула «стратегического партнерства» содействует сотрудничеству двух стран, но не должна завораживать: это лабильная комбинация национальных интересов, в известной мере «брак по расчету».

В шатком *экономическом* фундаменте отношений РФ и КНР нарастают тревожные для Москвы тенденции (главное – качественно изменилось в пользу Пекина соотношение сил, особенно в сопряженных пограничных регионах); ухудшается качество торгово-экономических связей; нарастает тенденция превращения России в сырьевой придаток Китая и т.п.).

10. Анализ баланса общих интересов, различий, вызовов и расхождений между РФ и КНР приводит к выводу, что в нынешней международной ситуации у России нет другого равноценного партнера, который бы, преследуя свои цели, способствовал развитию РФ, укреплению ее международных позиций. Ближайшие годы могут быть критическими: или мы углубим взаимовыгодное сотрудничество с КНР, или окажемся в одиночестве перед давлением США.

Мерами стратегического характера на пути развития сотрудничества России и Китая были бы:

- заключение нового договора о границе взамен всех предшествующих;
- принятие предметного государственного соглашения о взаимодействии в развитии российского Дальнего Востока и Северо-Востока КНР;
- разработка совместной программы соразвития в области экономики в XXI веке.

Куликова Г.В.,
ИДВ РАН

РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И НАРОДНАЯ ДИПЛОМАТИЯ (НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВ ДРУЖБЫ)

2 октября 2009 г. исполняется 60 лет со дня установления дипломатических отношений КНР с Советским Союзом, правопреемницей которого с конца 1991 г. стала Российская Федерация. За эти годы между нашими странами было все: и военно-политический союз 1950-х годов, который можно назвать «медовым месяцем» советско-китайских отношений, и идеологические разногласия, переросшие в межгосударственную конфронтацию, обернувшуюся военным противостоянием 1960-х годов, и, наконец, установление и развитие отношений равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия как свидетельство понимания руководителями стран того, что в двусторонних межгосударственных отношениях добрососедству альтернативы нет. Подтверждение этому нашло отражение в Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР от 16 июля 2001 г., в юридической форме закрепившем мирную идеологию двух государств и народов: «навеки друзья и никогда враги».

На протяжении 60 лет российско-китайских дипломатических отношений важную роль в их становлении, восстановлении и развитии играли Общество советско-китайской(ОСКД), а затем – российско-китайской дружбы (ОРКД) и Общество китайско-российской дружбы (ОКРД). Они стали подлинными проводниками народной дипломатии в российско-китайских двусторонних межгосударственных отношениях.

1. Создание 5 октября 1949 г. Общества китайско-советской дружбы (ОКСД) во главе с Лю Шаоци и Сун Цинлин. «Наша китайская революция смогла одержать свои теперешние победы только потому, ... что Советский Союз является бескорыстным и искренним другом китайского народа. ...Вслед за созданием Центрального Народного правительства нашей первой обязанностью является еще большее укрепление дружбы между Китаем и Советским Союзом», – задача, поставленная перед Обществом секретарем ЦК КПК Лю Шаоци. Активная деятельность ОКСД в сотрудничестве и при поддержке Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС) заложила основы взаимопонимания и дружбы между народами двух стран.

2. Создание 29 октября 1957 г. Общества советско-китайской дружбы – первого общества дружбы с народами зарубежных стран в нашей стране. Его деятельность под эгидой созданного в феврале 1958 г. Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД) – преемника ВОКС, в условиях финансовой поддержки со стороны государства.

Значительное расширение советско-китайских общественных связей при содействии и активном участии в них обществ дружбы на основании Соглашения о сотрудничестве ССОД и ОСКД с ОКСД от 12 ноября 1959 г.

3. Деятельность ОСКД в сложные и тяжелые для советско-китайских отношений годы – годы «культурой революции» в КНР, в условиях отсутствия контактов с китайскими партнерами.

- II Всесоюзная конференция ОСКД (24 января 1969 г.), поставившая задачу содействия сохранению, укреплению и развитию братской дружбы и сотрудничества между советским и китайским народами; широкое ознакомление советской общественности с богатой историей и культурой китайского народа, содействие воспитанию у советской общественности уважения к китайскому народу, внесшему весомый вклад в развитие мировой цивилизации. ОСКД развернула активную деятельность по проведению мероприятий, посвященных памятным датам китайской истории и культуры, истории двусторонних отношений: за период 1969 по 1978 г. было проведено более 100 таких мероприятий.
- III Всесоюзная конференция ОСКД (17 февраля 1978 г.) поставила задачу «содействовать восстановлению и развитию братской дружбы и сотрудничества между народами Советского Союза и КНР». С трибуны конференции впервые прозвучало заявление о том, что «Общество советско-китайской дружбы готово к восстановлению и развитию контактов с ОКСД на основании Соглашения о сотрудничестве от 12 ноября 1959 года». Заявление о готовности к восстановлению контактов прозвучало и в 1982 г., когда отмечалось 25-летие ОСКД. В Москву, в адрес Общества поступило приветствие из Пекина, в котором была дана высокая оценка «благородной деятельности ОСКД, направленной на расширение взаимопонимания, укрепления дружбы и сотрудничества между советским и китайским народами».
- IV Всесоюзная конференция ОСКД (26 ноября 1986 г.) и мероприятия, посвященные 30-летию ОСКД (29 октября 1987 г.), вновь подтвердили заинтересованность российской стороны к восстановлению и развитию контактов с китайскими партнерами.

К своему юбилею ОСКД стало представительной и массовой советской общественной организацией, имеющей отделения во всех союзных республиках, многих краях, областях и городах нашей страны. В период 1968–1987 гг. в нашей стране было проведено более 300 различного рода мероприятий. В адрес ОСКД по случаю юбилея поступило приветственное послание от ОКСД, в котором говорилось: «За прошедшие 30 лет ОСКД проделало большую работу по содействию взаимопониманию и развитию традиционной дружбы между китайским и советским народами. Мы высоко ценим это».

С середины 1970-х до середины 1990-х годов Общество советско-китайской дружбы превратилось в центр, сплотивший вокруг себя всех тех представителей советской общественности, кому было дорого дело сохранения добрососедства и дружбы с китайским народом.

4. Активная деятельность ОСКД на фоне позитивных перемен в советско-китайских отношениях в 1983 г. привела к восстановлению связей и контактов с китайским партнером ОКСД, подтвердив важную роль народной дипломатии в двусторонних отношениях.

Первые взаимные визиты делегаций, возглавляемых руководителями организаций дружбы, их встречи с руководителями стран, подтверждающими заинтересованность в развитии двусторонних отношений, привели к значительному расширению и развитию не только делегационных обменов и российско-китайских общественных связей, но и наполнению их новым содержанием.

В период 1980–1990-х годов организации дружбы выступили с инициативой и активно участвовали не только в расширении делегационных обменов специалистами, но и в возобновлении проведения различного рода массовых мероприятий и кампаний, посвященных знаменательным датам из жизни двух стран.

Руководители КНР в ходе визитов в нашу страну (премьер Госсовета КНР Ли Пэн, в апреле 1996 г. и генеральный секретарь ЦК КПК Цзян Цзэминь в мае 1991 г.) встречались с руководителями и активистами ОСКД, что подтверждало признание в Китае вклада Общества в нормализацию российско-китайских межгосударственных отношений, в восстановление и развитие советско-китайских общественных связей.

5. В 1991 г. в стране происходила реорганизация государственных и общественных организаций. Перестал существовать ССОД. На V Всесоюзной конференции ОСКД (январь 1992 г.), переименованное в ОРКД, лишилось штатных работников и финансовой поддержки государства. Общество должно было работать, опираясь на собственные силы и средства.

И вновь народная дипломатия убедительно доказала свою востребованность. Заботу об ОРКД берет на себя ИДВ РАН во главе с директором, первым заместителем председателя ОРКД М.Л. Титаренко. Опираясь на самоотверженную работу ветеранов, ученых ИДВ РАН и членов ЦП ОСКД, Общество российско-китайской дружбы продолжило свою деятельность.

29 октября 1997 г., когда отмечалось 40-летие ОРКД, в его адрес поступило приветствие Президента РФ Б.Н. Ельцина, в котором была высоко оценена его деятельность, которая «... помогла сберечь теплые чувства народов России и Китая друг к другу, способствовала нормализации межгосударственных отношений, а затем налаживанию равноправного доверительного партнерства с КНР».

6. VI отчетно-выборная конференция ОРКД (апрель 1998 г.) избирает председателем ОРКД директора ИДВ РАН М.Л. Титаренко. Академик С.Л. Тихвинский, успешно возглавлявший ОРКД со времени IV конференции (ноябрь 1986 г.), становится почетным председателем ОРКД.

В соответствии с решением конференции ОРКД совместно с китайскими партнерами – КНОДЗ и ОКРД выступили инициаторами и организаторами массовых кампаний, посвященных 55-летию и 60-й годовщине Великой Отечественной войны, 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина, 55-летию КНР, 55-летию дипломатических отношений между КНР и нашей страной, форумов, направленных на содействие российско-китайскому торгово-экономическому, научно-техническому и межрегиональному сотрудничеству.

7. Деятельность ОРКД после подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР (16 июня 2001 г.).

▪ VII отчетно-выборная конференция ОРКД (апрель 2003 г.). Главная задача, поставленная конференцией перед Обществом, – участие в дальнейшем расширении социальной базы взаимопонимания и доверия, общественной поддержки российско-китайского равноправного партнерства и стратегического взаимодействия, привлечение к сотрудничеству с Китаем широких слоев российской общественности, и прежде всего молодежи.

ОРКД и его отделения на местах проводят конкурсы и викторины на лучшее знание Китая и китайского языка, начинают обмены с китайскими партнерами детскими коллективами и студенческими делегациями, одной из главных задач своей деятельности считая проведение мероприятий, объективно рассказывающих о стране-соседе и российско-китайских отношениях.

8. Активная деятельность ОРКД в сотрудничестве с китайскими партнерами в проведении Года России в Китае (2006 г.) и Года Китая в России (2007 г.). Руководители и активисты ОРКД активно участвовали во многих из 500 мероприятий, прошедших в Китае и в России.

9. В октябре 2007 г. было торжественно отмечено 50-летие ОРКД. В приветствиях, поступивших в его адрес от Президента РФ В.В. Путина, министра иностранных дел С.В. Лаврова, посла РФ в КНР С.С.Разова и посла КНР в РФ Лю Гучана, отмечалось, что «народная дипломатия во многом помогла сберечь традиционные добрые чувства жителей России и Китая друг к другу, способствовала нормализации межгосударственных связей, а затем и подъему их до уровня доверительного партнерства и стратегического взаимодействия», что «деятельность общества несомненно является неотъемлемым компонентом всего огромного комплекса российско-китайских отношений».

10. В 2009 г. отмечаются сразу три юбилея: 60-летие КНР, 60-летие установления дипломатических отношений между КНР и СССР и его правопреемницей Российской Федерацией, 60-летие ОКРД.

По линии ОРКД в России, в центре и на местах, проведено большое количество мероприятий, в том числе в сотрудничестве с КНОДЗ и ОКРД.

Выступая в Москве на торжественном собрании, посвященном 50-летию ОРКД, председатель КНОДЗ и ОКРД Чэнь Хаосу сказал: «Общество российско-китайской дружбы является боевым товарищем и партнером КНОДЗ и ОКРД. Наше плодотворное сотрудничество, в котором заложена большая жизненная сила, – один из значимых факторов развития российско-китайских межгосударственных отношений».

В КНР деятельность КНОДЗ – лидера китайской народной дипломатии, работающего под его эгидой ОКРД, активно поддерживается государством, организация имеет большой штатный аппарат и получает большую финансовую поддержку от государства. Хотелось бы, чтобы и в России было уделено достойное внимание деятельности таких общественных структур, как общества дружбы, в том числе и ОРКД, которое на словах признается активным каналом народной дипломатии и важным компонентом российско-китайских отношений и вместе с тем до сих пор не пользуется никакой финансовой поддержкой со стороны государства.

Мировицкая Р.А.,
к. и. н., ИДВ РАН

К ИСТОРИИ ПЕРВОЙ ВСТРЕЧИ И.В. СТАЛИНА И МАО ЦЗЭДУНА

В истории российско-китайских отношений XX века до сих пор имеются события и даты, по разным причинам не нашедшие должного освещения в исторической и политологической литературе. К таковым относится и наша тема. В настоящее время представляется возможным обсудить данный вопрос. В 2005 г. составители и редакторы тома V документальной многосерийной публикации «Русско-китайские отношения в XX веке. Документы и материалы. Советско-китайские отношения. 1946–1950 (февраль) гг.» опубликовали архивные материалы, которые и использованы для подготовки данных тезисов.

1. **Об актуальности проблемы**. Как известно, в 1920–1940-е годы практически все ведущие политические деятели коммунистического направления из стран Запада и Востока приезжали в Москву (по различным каналам), в их числе из Китая – Чжоу Эньлай, Лю Шаоци, Линь Бяо, Гао Ган и многие другие. Мао Цзэдун впервые прибыл в Москву 16 декабря 1949 г., после образования КНР, в качестве главы партии и правительства нового Китая.

Очевидно, что первая встреча И.В. Сталина и Мао Цзэдуна не могла состояться ранее выхода основных сил КПК к границам, близким к СССР. Но далее имели место Сианьские события (декабрь 1936 г.). Началась антияпонская война, был создан единый фронт ГМД–КПК в антияпонской войне. Окончилась Великая Отечественная война Советского Союза и Вторая мировая война, подписан между СССР и КР Договор о дружбе и сотрудничестве (август 1945 г.).

Согласно документам указанного тома, вопрос о приезде Мао Цзэдуна в Москву обсуждался сторонами в июне–июле 1947 г., т.е. со времени, когда в Китае вновь разгорелась ожесточенная гражданская война, охватившая Северный Китай и Маньчжурию. Именно в этот период войска Гоминьдана нанесли основной удар по главной опорной базе КПК – Особому району Китая, захватили Яньань, где с 1936 г., после выхода основных сил КПК из глубинных районов Китая, находились штаб-квартира КПК и командование войсками КПК.

Подобного разворота событий на Севере Китая, как следует из документов тома V, не ожидали ни в руководстве КПК, ни в Москве. Именно тогда И.В. Сталин 15 июня направил в Китай по существо-

вавшему в тот период каналу связи – связной ЦК ВКП (б) А.Я. Орлов (при ставке Мао Цзэдуна), Ф. Кузнецов, генерал-полковник (Генштаб, Москва) – приглашение Мао Цзэдуну посетить Москву. В шифротелеграмме сообщалось, что «ЦК ВКП(б) считает желательным его приезд в Москву без какого-либо разглашения об этом. Если Мао Цзэдун также считает это нужным, то нам представляется, что это лучше сделать через Харбин. Если нужно будет, то пришлем самолет» (Док. № 219). Одновременно связникам предписывалось: «Телеграфьте результаты беседы с Мао Цзэдуном его пожелания». В Москве предполагалось обсудить сложившуюся в Китае военно-политическую обстановку, вопросы, которые встанут перед КПК в результате победы, советско-китайские отношения.

1 июля 1947 г. И.В. Сталин, получив шифротелеграмму от Орлова (Теребина) о беседе с Мао Цзэдуном и о тяжелом положении на фронтах гражданской войны, направил в Китай шифротелеграмму следующего содержания: «Ввиду предстоящих военных операций, ввиду того, что отсутствие Мао Цзэдуна может отразиться на операциях, мы считаем целесообразным временно отложить поездку Мао Цзэдуна» (Док. № 224). Таков был результат первой (известной нам) попытки организовать встречу лидеров компартий двух стран.

2. **К истории вопроса.** На протяжении 1947–1948 гг. происходил обмен мнениями между ЦК ВКП (б) и ЦК КПК о поездке Мао Цзэдуна в Москву. Однако сроки выезда неоднократно менялись по разным причинам: из-за трудностей в средствах сообщения, в связи с удаленностью мест пребывания Мао Цзэдуна в ходе боевых действий, из-за болезни Мао Цзэдуна, по другим причинам. Например, 26 апреля 1948 г. из Китая пришла телеграмма от Мао Цзэдуна, в ней сообщалось, что Мао Цзэдун хотел бы одновременно посетить Москву и проехать в страны Восточной и Юго-Восточной Европы, где предполагалось ознакомиться, изучить опыт создания Народного фронта и другие формы работы (Док. № 300). В подобном случае было бы весьма трудно осуществить принцип «без разглашения». К тому же к концу 1948 г. боевые действия армии КПК развивались в благоприятном направлении. В Северном Китае шли решающие бои. Армия КПК (с конца 1946 г.) получала оружие из СССР, а также оружие Квантунской японской 700-тысячной армии и двигалась в направлении Пекина. Вскоре могло быть образовано правительство во главе с Мао Цзэдуном, тогда Мао Цзэдун получил бы возможность приехать в Москву, в СССР не инкогнито, не как партизанский лидер, а официально, как глава правительства Китая. Более того, в

Москве понимали, что информация о выезде Мао Цзэдуна из Китая, несомненно, просочилась бы в печать. Поездка Мао Цзэдуна могла быть истолкована на Западе как посещение Москвы для получения инструкций от ЦК ВКП (б), а сам бы он был назван московским агентом. Это нанесло бы ущерб престижу КПК и было бы разыграно западными державами и властями КР против КПК и СССР.

Такая оттяжка срока приезда, конечно, отодвигала возможность обсуждения назревших вопросов советско-китайских отношений на ответственном этапе гражданской войны в Китае. После советско-китайских консультаций Мао Цзэдун сообщил в Москву, что он временно откладывает выезд в Москву, а ЦК ВКП (б) по согласованию с ЦК КПК принял решение, что в Китай для обсуждения назревших вопросов советско-китайских отношений будет направлен член ПБ ВКП (б). Им оказался А.И. Микоян. (Обсуждение вопросов с лидерами КПК см. в томе V упомянутого издания.)

17 января 1949 г. (Док. № 418) Мао Цзэдун в шифротелеграмме писал И.В. Сталину: «Я решил временно отложить поездку в Москву. ...Мы очень приветствуем направление Вами одного товарища, члена ПБ в Китай». Обратим внимание, что ранее, 13 января (Док. № 408) в шифротелеграмме Ф. Кузнецову А.Я. Орлов сообщал: «О Москве. По всему видно, что если Мао Цзэдун в ближайшее время, не позже конца января, не сможет поехать, то, вероятно, он вообще не сможет поехать. Ши Чжэ говорил об этом прямо».

8 января 1949 г. правительство КР направило ноту правительствам СССР, США, Франции, Англии с предложением взять на себя посреднические функции в переговорах между правительством КР и КПК о прекращении войны и заключении мира. Как известно, ответ правительства СССР на указанную ноту согласовывался И.В. Сталиным с Мао Цзэдуном в период с 10 по 14 января 1949 г. (см.: Док. 398, 403 и др.). В итоговом советском документе (Док. № 415) подчеркивалось: «Рассмотрев обращение китайского правительства, правительство СССР считает необходимым заявить, что оно неизменно придерживалось и продолжает придерживаться принципа невмешательства в китайские дела... Правительство СССР считает, что восстановление единства Китая, как демократического и миролюбивого государства, является делом самого китайского народа ...».

После образования КНР стороны согласовали вопрос о поездке Мао Цзэдуна в Москву (см.: Док. от 10 ноября, Док. № 535, 541, 542 и др.). В беседе с послом СССР в КНР И.В. Рощиным Чжоу Эньлай говорил, что Мао Цзэдун давно лелеет мечту о посещении Советского

Союза, что летом 1949 г. китайская делегация во главе с Лю Шаоци выезжала в Москву, во главе делегации хотел поехать Мао Цзэдун, но к этому времени руководство КПК только что прибыло в Пекин, еще не было организовано правительство. Сталин при этом подчеркнул, что в любой момент рад встретить Мао Цзэдуна в Москве ... Мао Цзэдун передал (через Ковалева) о своем пожелании посетить Москву в декабре с тем, чтобы «лично поздравить тов. Сталина с днем рождения...».

16 декабря 1949 г. председатель Центрального народного правительства КНР Мао Цзэдун в приветственной речи на Ярославском вокзале в Москве говорил о помощи СССР делу освобождения китайского народа. Одновременно, начиная речь, Мао Цзэдун отметил: «Полученная мною на этот раз возможность посетить столицу Советского Союза ... является в моей жизни весьма радостным событием». Данное заявление подвело черту вопросу о визите Мао Цзэдуна в Москву.

Учитывая особенности китайской истории, лидер крупнейшей после ВКП (б) коммунистической партии, прошедшей долгий путь к победе на китайской земле, действительно мог посетить Москву только после создания в Китае КНР.

Галенович Ю.М,
д. и. н., ИДВ РАН

МАО ЦЗЭДУН И РИЧАРД НИКСОН

В 2008 г. в китайской печати была опубликована запись беседы председателя КНР Мао Цзэдуна и президента США Ричарда Никсона, состоявшейся 21 февраля 1972 г. в Пекине во время визита Р.Никсона в Китай (Лусюнь цанькао. 16.08.2008. С. 34–35.).

Эта первая и единственная встреча Мао Цзэдуна и Р.Никсона заложила фундамент взаимоотношений между политическими лидерами Китая и Америки на годы вперед. Публикаторы подчеркнули, что встреча Мао Цзэдуна и Никсона состоялась еще до нормализации отношений между КНР и США. Известно, что с того времени пройден значительный путь. Сегодня существуют около 60 различных каналов связи между Пекином и Вашингтоном. Обе стороны заботятся о том, чтобы не нанести существенного урона нынешним двусторонним отношениям. И в Китае, и в Америке появляются призывы сделать отношения еще более тесными, создавать их «симбиоз», «вдвоем властвовать над миром», формировать «большую двойку» и т.д.

В «Записи беседы» отражены две позиции: президента США Никсона и председателя КНР Мао Цзэдуна.

Общие пункты в первой части беседы: равновеликое воздействие на мир обеих стран и признание общности антисоветских настроений, т.е. признание принципа равноправия во взаимоотношениях и признание сближения позиций сторон на основе их общей подозрительности и враждебности к СССР.

Мао Цзэдун, проявив эмоции, по своей инициативе подчеркнул, что в КНР были те, кто выступал против сближения с США (Мао Цзэдун имел в виду прежде всего Линь Бяо), но из-за действий Мао Цзэдуна и его сторонников они были вынуждены бежать на самолете из Китая за границу.

Никсон не стал прямо реагировать на высказывания Мао Цзэдуна. Он заговорил о том, что в США есть силы, которые подталкивают его к проиндийской позиции. Он же этому противодействует. Это мог быть еще один намек на то, что у Америки и Китая могут и тут находиться точки соприкосновения, а именно имелось в виду, в частности, то, что Пакистан будет оставаться другом и Пекина, и Вашингтона. Никсон в этом своем рассуждении также отметил, что нельзя допускать, чтобы мощное государство поглощало другое государство.

Мао Цзэдун попросил Никсона держать в секрете все то, что говорится на этой встрече. Никсон обещал сделать это. Таким образом, стороны подтвердили конфиденциальный характер отношений на самом высоком уровне.

Никсон, со своей стороны, подчеркнул, что главными, с его точки зрения, во взаимоотношениях Пекина и Вашингтона являются крупные вопросы всемирного характера, а не мелкие вопросы. Таковыми он назвал вьетнамский, северокорейский, тайваньский вопросы. Мао Цзэдун согласился с такой постановкой вопроса.

Самым важным вопросом, по мнению Никсона, был вопрос о том, как развивать политику Китая и Америки в отношении всего мира. Здесь Никсон выделял вопросы о позиции Советского Союза и Индии. При этом его беспокоило то, как устранить негативное отношение этих стран к установлению отношений между Америкой и Китаем.

Это было развитие кардинальной идеи Никсона, с которой он и приехал в Пекин: предложить Китаю строить отношения на равных, быть вдвоем выше всех остальных, решать вдвоем мировые проблемы. Никсон рассчитывал на то, что Мао Цзэдун согласится на это предложение.

Сразу же после того, как Никсон высказал эти соображения, Мао Цзэдун одобрил их. Иными словами, в принципе он был согласен с этим.

Никсон далее сосредоточился на том главном, что, с его точки зрения, объединяло национальные интересы Китая и Америки, – на вопросе об опасности агрессии для Америки и для Китая. Никсон подчеркнул, что Советский Союз сосредоточил на границе с Китаем больше войск, чем на границе с Западной Европой.

Далее Никсон поставил вопрос о Японии. Из его слов следовало, что есть два взгляда на то, как относиться к будущему Японии. В Китае считают, что лучше всего, если бы Япония была полностью лишена средств ведения войны. Со своей стороны, Никсон доводил до Мао Цзэдуна мысль о том, что и в интересах Китая, чтобы Япония на некоторое время находилась в определенных отношениях с США.

Мао Цзэдун, со своей стороны, разъяснил, что, с его точки зрения, в настоящее время нет вопроса о войне между Китаем и Америкой, следовательно, и вопрос о некой агрессии Китая против Америки или Америки против Китая – это не крупный вопрос, это мелкий вопрос. Это, может быть, центральное положение, которое Мао Цзэдун стремился донести до Никсона в ходе этой беседы.

Мао Цзэдун намекнул и на то, что Китай и Америка потеряли 22 года, т.е. зря не установили отношения еще в 1949 г. Препятствий, с точки зрения Мао Цзэдуна, и тогда не было, т.е. и тогда не было угрозы войны между двумя этими государствами. Во всяком случае, в 1972 г. Мао Цзэдун подчеркивал отсутствие такой опасности.

Мао Цзэдун счел также необходимым признать, что в тактике продвижения к встрече лидеров Китая и Америки американская сторона оказалась права. Мао Цзэдун сначала требовал от американцев прийти к компромиссу по крупным вопросам, а потом налаживать контакты между людьми, торговлю и т.д. Затем Мао Цзэдун понял, что можно идти и путем, который предлагали американцы. Так появилась «пинг-понговая дипломатия».

Киссинджер внес свою лепту в беседу. Он довел до Мао Цзэдуна вывод, к которому пришли в США: раньше там считалось, что все социалистические страны одинаковы по своей идейно-политической сущности; затем в США поняли, что у Китая «свой путь», отличный от СССР. Следовательно, с Китаем можно устанавливать отношения не как с «подобием» СССР.

Никсон счел нужным подтвердить это своими словами: важна не политическая философия, которой руководствуются в той или иной

стране, а то, как эта страна относится к различным государствам в мире, как она относится к США. Никсон также предложил еще 2 тезиса, которые могли лечь в основу двусторонних отношений Китая и Америки: Китай и Америка не претендуют на территорию друг друга; Китай и Америка не претендуют на господство друг над другом. В то же время Никсон отметил, что с другими странами договориться об этом «не получается». Никсон заявил, что ни Китай, ни Америка не стремятся владычествовать в мире. Он предложил Китаю строить структуру взаимоотношений во всем мире на этих принципах. Никсон также отметил, что и он, и Мао Цзэдун подвергались опасности, идя на установление таких контактов.

Мао Цзэдун в ответ сделал упор на том, что никто в Китае не собирается «свергать» в США таких политиков, как Никсон и Киссинджер, потому что он, Мао Цзэдун, и его последователи считают именно их своими друзьями.

При прощании, и этого нет в записи американцев, но есть в записи беседы, сделанной китайцами, Никсон, пожимая руку Мао Цзэдуна, сказал: «Вместе мы сможем изменить мир». Китайцы также констатируют, что Мао Цзэдун не откликнулся на это, а лишь сказал: «Я Вас не буду провожать».

Таким образом, выявились общие позиции. И это, прежде всего, взаимные уверения в неагрессивности и в отсутствии вероятности войны между сторонами. В то же время Китай согласился обсуждать мировые проблемы, но не пожелал следовать за США в их предложениях «совместно изменять мир», а оставил себе руки свободными.

Молодин В. И.,
академик,
Комиссаров С. А.
к.и.н., Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН

НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИЙСКИХ И КИТАЙСКИХ АРХЕОЛОГОВ

Сотрудничество российских археологов с китайскими партнерами вышло на новый уровень благодаря рамочному договору по совместным исследовательским проектам, подписанному Институтом археологии и этнографии СО РАН с Институтом археологии Академии общественных наук Китая в марте 2009 г., при участии Управления меж-

дународного сотрудничества АОН Китая. Этот документ определяет основные направления и условия такой деятельности, в том числе: проведение совместных полевых исследований на территории России и Китая; аналитическая обработка и совместная публикация полученных результатов в научных изданиях двух стран; организация совместных конференций, обмен научной литературой; подготовка молодых ученых (аспирантов, студентов-дипломников). Аналогичный договор готовится к подписанию с Институтом палеонтологии позвоночных и палеоантропологии АН Китая.

На ближайшие два года намечено: 1) провести антропологическое и археологическое изучение раннепалеолитических памятников в Китае и их корреляцию с находками на территории Сибири и государств Центральной Азии, определить пути древнейших миграций на территории Евразии; 2) осуществить сопоставительный анализ важнейших факторов, определивших формирование древних цивилизаций, в первую очередь в области древних технологий – наиболее известны раннее производство керамики и металлических изделий; 3) разработать сравнительную типологию и хронологическую шкалу для древних культур сопредельных территорий Северного Китая и Южной Сибири.

В плане практической реализации этих крупных тем предполагаются: 1) совместные археологические раскопки сибирских памятников эпохи бронзы; 2) подготовка совместной публикации палеолитических материалов, полученных китайско-российско-американской экспедицией на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района; 3) направление российских специалистов по приглашению ИА АОН Китая для проведения лекций и консультаций; 4) участие молодых китайских ученых в полевых школах, ежегодно проводимых ИАЭТ СО РАН и Новосибирским государственным университетом.

В перспективе предлагается организовать (на основе уже имеющихся хороших рабочих отношений между археологами России, КНР, Монголии, Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана и Ирана) постоянно действующий археологический мониторинг в рамках Шанхайской организации сотрудничества.

Дацышен В. Г.
д. и. н., Сибирский федеральный университет

ПРАЗДНОВАНИЕ 10-летия КНР В СИБИРСКОМ ГОРОДЕ: ЗАБЫТАЯ СТРАНИЦА СОВЕТСКО-КИТАЙСКОЙ ДРУЖБЫ

Полвека назад, в октябре 1959 г., Китай праздновал юбилей – 10 лет со дня провозглашения Китайской Народной Республики. Первое десятилетие истории КНР было периодом самой теплой дружбы и тесного сотрудничества Китая с Советским Союзом. Не случайно 10-летнюю годовщину КНР широко отмечали и советские люди.

Мероприятия по празднованию юбилейной даты в 1959 г. прошли практически по всему Советскому Союзу. Организаторами торжественных мероприятий были органы советской власти, партийные и комсомольские организации, общественные структуры, но в первую очередь организатором и куратором их стали региональные отделения Общества советско-китайской дружбы. Празднование 10-летия КНР в Советском Союзе, по сути, стало не просто отражением советско-китайской дружбы, но и подытожило накопленный опыт сотрудничества между двумя народами. В связи с этим крайне интересным и показательным представляется такой документ, как «Отчет о проведении празднования десятилетия Китайской Народной Республики в Иркутской области», направленный в ноябре 1959 г. на имя председателя Общества советско-китайской дружбы.

В документе, в частности, говорится: «Подготовка к празднованию 10-летия КНР и проведение всех мероприятий, связанных с этим, развертывались нами на основании указаний, полученных своевременно от правления общества Советской дружбы, с учетом тех специфических сторон, которые характерны для нашей области... Правление Иркутского областного отделения общества Советско-китайской дружбы в период подготовки и проведения 10-летия КНР проделало большую организационно-массовую работу. Еще в июле месяце был разработан, утвержден и начал проводиться в жизнь обширный план проведения празднования 10-летия КНР. Этот план включал мероприятия широкой пропаганды: чтения лекций, публикации статей в периодической печати, выступления по радио, телевидению, организации выставок литературы о Китае, фотовыставок и выставок китайского изобразительного искусства, организации кинофестиваля китайских фильмов, проведение вечеров советско-китайской дружбы, встреч, бесед и пр. Совместно с областным издательством был подготовлен и издан сборник статей местных ав-

торов, озаглавленный «Дружба навеки»... Совместно с областным Управлением культуры, в помощь местным культпросветработникам была составлена и издана брошюра «Вечер советско-китайской дружбы». В 3-м выпуске иркутского литературно-художественного альманаха «Ангара» целый раздел посвящен 10-летию КНР... В журнале «Сибирские огни» № 9 организован специальный раздел, посвященный 10-летию КНР... В этом же номере журнала опубликована хроника подготовки к празднованию 10-летия КНР в Сибири «У нас в Сибири». Целый ряд статей, очерков, заметок, выступлений, связанных с 10-летием КНР, были опубликованы в областных газетах «Восточно-Сибирская правда» и «Советская молодежь», а также по радио и телевидению... Большая лекционная пропаганда была развернута правлением Общества совместно с обществом по распространению политических и научных знаний: а) в помощь местным лекторам и беседчикам были подготовлены и размножены на ротаторе материалы для лекций на следующие темы: «Успехи китайского народа в борьбе за социализм», «Коммунистическая партия — руководящая сила китайского народа», «Дружба и сотрудничество народов СССР и Китая», «Китайская литература на службе народа», «Славное десятилетие»; б) была подобрана и проинструктирована группа лекторов (29 человек), в составе которой, кроме лекторов-китаистов, находятся товарищи, побывавшие в Китае на работе или как туристы... По неполным данным, общее количество лекций и бесед, прочитанных в связи с празднованием 10-летия КНР, составляет более пятисот с общим количеством слушателей около 45 тысяч человек... С 29 сентября по 5 октября в области был проведен фестиваль кинофильмов КНР (художественных и хроникальных)... Перед юбилеем и в дни празднования по существу всеми библиотеками области были организованы выставки книг, посвященных Китаю... Иркутским областным художественным музеем было организовано несколько передвижных выставок китайского изобразительного искусства... Несколько больших фотовыставок на тему «Китай сегодня» были организованы в городском Доме политпросвещения...

Однако основным мероприятием празднования 10-летия КНР было проведение вечеров советско-китайской дружбы. Эти вечера мы рекомендовали проводить во всех клубах, домах культуры и других культурно-просветительных учреждениях. Еще задолго до юбилейной даты мы совместно с культотделом Облпрофсовета провели инструктивное совещание клубных работников города Иркутска и ближайших районов (Ангарска и др.), на котором был обсужден вопрос

о том, как лучше подготовить и провести вечер советско-китайской дружбы. Помимо примерной программы вечера, его художественной части, рекомендовалось организовать к вечеру выставки книг о Китае, фотовыставки, выставки китайского изобразительного искусства, выставки плаката, а также сделать все возможное для придания клубу в день вечера китайского колорита, в частности, кроме призывов на русском языке, написать и на китайском. Текст лозунга на китайском языке был дан печатными иероглифами, удобными для копирования.

Большой городской вечер советско-китайской дружбы, посвященный 10-летию КНР, состоялся 30-го сентября в городском Доме политпросвещения г. Иркутска. Открыл вечер и выступил со вступительным словом о праздновании и значении советско-китайской дружбы председатель правления Иркутского отделения ОСКД писатель Г.Ф. Кунгуров... На вечере в качестве гостей присутствовала группа китайских товарищей практикантов в количестве 7 человек. Выступая от их имени, тов. Дуань тепло поблагодарил присутствующих и всех трудящихся Иркутской области за теплое, дружеское отношение и за ту огромную повседневную помощь и заботу, которые они получают в процессе работы, находясь в Иркутской области. На вечере были приняты теплые приветственные письма в адреса Центрального правления Общества китайско-советской дружбы (Пекин) и Ляонинского провинциального правления ОКСД (Шэньян). В заключение вечера присутствующие просмотрели китайский художественный фильм «Дочь партии», хроникальный фильм «Достопримечательности Пекина»...

Интересный и содержательный вечер советско-китайской дружбы состоялся в клубе Иркутской гидроэлектростанции... Хороший литературный вечер советско-китайской дружбы состоялся в научной библиотеке университета им. Жданова... Интересный вечер, посвященный 10-летию КНР, состоялся также в Иркутской областной библиотеке... Хорошие вечера советско-китайской дружбы, посвященные 10-летию КНР, состоялись также в горнометаллургическом институте, горном техникуме, в Доме культуры завода им. Куйбышева. В клубах железнодорожников Иркутск I и Иркутск II, у строителей алюминиевого комбината, в восьми средних школах Иркутска, на Иркутской ГЭС и т.д. ...По имеющимся данным, вечера дружбы, выставки, беседы, лекции, посвященные славному десятилетию КНР, прошли во всех районах и городах области, ими были охвачены широкие массы трудящихся...»[1].

Масштабность празднования 10-летия КНР подтверждается и другими документами. Например, в «Справке об интернациональных

связях комсомольцев и молодежи Иркутской области» говорилось: «В 1959 г. комсомольцы и молодежь области торжественно отмечали 10-летие провозглашения Китайской Народной Республики. Во всех городах и ряде районов области был проведен фестиваль китайских кинофильмов, посвященный 10-летию КНР, которые посмотрело 120 тыс. человек в кинотеатрах и более 100 тыс. человек по телевидению; было прочитано 12 000 лекций по интернациональной тематике»[2].

Вообще, разнообразие форм и масштабы советско-китайских контактов в юбилейный год только в Иркутске и области поражают сегодняшнего человека. Кроме уже указанных мероприятий можно отметить, что в Иркутске в 1959 г. выступали футбольные команды провинций Цзилинь и Хэбэй. Только за полгода по линии Общества советско-китайской дружбы состоялось более 30 встреч иркутян с группами из КНР[3]. В 1959 г. только по линии Общества советско-китайской дружбы состоялось 14 встреч жителей Усолье-Сибирское с работающими в городе китайцами[4]. Поездками в Китай были награждены победители развернувшегося в Иркутской области соревнования за экономию и бережливость. И таких примеров много.

Таким образом, юбилейные торжества по случаю 10-летия КНР явились отражением советско-китайской дружбы и сотрудничества. Документы о юбилейных мероприятиях, проведенных по этому поводу в Иркутске и Иркутской области, говорят о поддержке населением сибирской провинции политики СССР в отношении Китая. Празднование юбилея КНР в очередной раз подтвердило важность для нашей страны сохранения дружеских отношений с китайским народом.

---

[1] Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф.Р-2883. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–16.

[2] Там же. Д. 6. Л. 47–55.

[3] Там же. Д. 4. Л. 7.

[4] Там же.

Головачёв В. Ц.
к. и. н., ИВ РАН

СССР, КИТАЙ И ВСТУПЛЕНИЕ МНР В ООН

Признание независимости и вступление МНР в ООН имели сложную историю, тесно связанную с СССР и Китаем. О мировом масштабе этой проблемы говорит то, что судьба Монголии решалась на Ялтинской конференции. В подписанном Сталиным, Рузвельтом и Черчиллем 11 февраля 1945 г. секретном соглашении по вопросам

Дальнего Востока были названы три условия, на которых СССР обещал вступить в войну против Японии. Первым из них было «Сохранение status quo Внешней Монголии (МНР)». «Предполагается, что относительно Внешней Монголии... потребуется согласие генералиссимуса Чан Кайши. По совету Маршала И. В. Сталина президент примет меры к тому, чтобы получить такое согласие...[1] Со своей стороны, Советский Союз выражает готовность заключить с Национальным китайским правительством пакт о дружбе и союзе между СССР и Китаем для оказания ему помощи своими вооруженными силами в целях освобождения Китая от японского ига»[2].

14 августа 1945 г. был подписан Договор о дружбе и союзе между Китаем и СССР и состоялся обмен нотами по вопросу о государственной независимости Монголии. Нота МИД Китайской Республики (далее – КР) гласила: «Ввиду неоднократно выражаемого народом Внешней Монголии стремления к независимости, правительство Китая заявляет, что после поражения Японии, если плебисцит народа Внешней Монголии подтвердит это стремление, китайское правительство признает независимость Внешней Монголии и ее существующие границы». В советской ноте также говорилось, что СССР «будет уважать государственную независимость и территориальную целостность Внешней Монголии»[3].

Согласно заявлениям правительств Китая и СССР, 20 октября 1945 г. был проведен плебисцит с участием 487 409 человек (97% избирателей), единодушно поддержавших государственную независимость Монголии[4]. Итоги плебисцита были опубликованы 10 ноября 1945 г. и направлены властям СССР и КР. Правительство Китая признало плебисцит состоявшимся и 12 ноября 1945 г. признало независимость Монголии. Незадолго до этого, 24 октября 1945 г., вступил в силу ратифицированный СССР, Китаем и другими странами Устав ООН. Таким образом, МНР оказалась ровесницей ООН, но ее принятие в ООН затянулось на многие годы.

2 сентября 1945 г. был подписан акт о капитуляции Японии. По советско-китайскому соглашению срок вывода советских войск из Северо-Восточного Китая истекал через 3 месяца, 3 декабря 1945 г. Но их полный вывод завершился лишь 3 мая 1946 г. Вскоре в Китае началась гражданская война между КПК и Гоминьданом. 1 октября 1949 г. было провозглашено создание КНР, а правительство Чан Кайши бежало на Тайвань.

27 февраля 1946 г. СССР заключил с МНР новый Договор о дружбе и взаимопомощи сроком на 10 лет, а также соглашение об эко-

номическом и культурном сотрудничестве. До 1949 г. МНР имела официальные дипотношения лишь с СССР. 16 октября 1949 г., почти сразу после основания КНР, Пекин также установил официальные дипотношения с МНР, что стало новым этапом в международном признании и в сотрудничестве двух стран. Но именно тогда КНР и МНР столкнулись с проблемой участия и представительства в ООН.

8 декабря 1949 г. правительство КР подало жалобу в ООН, обвинив СССР в нарушении советско-китайских соглашений и Устава ООН. Три года ООН не принимала по жалобе четких резолюций. Но 1 февраля 1952 г. ООН признала вину СССР в нарушении советско-китайских соглашений и Устава ООН[5]. На основании этой резолюции правительство КР аннулировало 25 февраля 1952 г. советско-китайское соглашение от 14 августа 1945 г. и денонсировало признание суверенитета Монголии[6]. В 1969–1970 гг. глава информационного бюро Вэй Цзинмэн неофициально встречался в Вене с советским эмиссаром Виктором Луи и сообщал, что Чан Кайши готов признать суверенитет МНР на определенных условиях. Но эти переговоры не имели последствий, и власти Тайваня до сих пор не признают МНР де-юре. Неформальные связи Тайбэя и Улан-Батора стали возрождаться лишь с 1995 г. А на картах, издававшихся на Тайване до 2000 г., МНР обозначалась одним цветом с КР[7].

Резолюция ООН от 1952 г. и денонсация советско-китайского соглашения уже не могли изменить де-факто независимый статус МНР. Но так как с 1945 г. Китай был представлен в СБ ООН правительством КР, аннулирование Тайбэем признания МНР сильно осложнило ее положение. В 1953 г. заявка МНР о вступлении в ООН была отклонена под предлогом отсутствия достаточных условий и оснований. Главной помехой было вето, накладывавшееся КР как постоянным членом СБ ООН. С 1946 по 1961 г., при помощи СССР, МНР пыталась вступить в ООН 12 раз. Дело сдвинулось лишь в 1960 г., когда СССР блокировал принятие в ООН Мавритании, заявив, что не поддержит ее заявку до тех пор, пока не будет позитивно рассмотрена заявка МНР. По сути, это означало приостановку приема в ООН ряда других стран Африки. В этой обстановке США уже в апреле уведомили Тайбэй о возможности установления ими дипотношений с МНР. А на 15-й сессии ГА ООН Вашингтон объявил, что США не выступят против вступления МНР, если та будет выполнять должные международные обязательства. В итоге, под влиянием США, до и во время прошедшей 19 апреля 1961 г. сессии Генеральной Ассамблеи ООН, делегаты от КР не стали налагать вето и голосовать, а прочие страны поддержали принятие

МНР в ООН. Так, при активной помощи СССР, МНР обрела международное признание в качестве независимого государства[8].

Пекин в те годы не мог поддержать заявку МНР, поскольку тоже не имел доступа в ООН, хотя с 1950 г. вопрос о вступлении КНР в ООН ставился почти ежегодно. В 1960 г. ООН отклонила просьбу СССР внести вопрос о представительстве Китая в повестку 15-й сессии Генеральной Ассамблеи[9]. Лишь 10 лет спустя 26-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН 25 октября 1971 г. приняла резолюцию № 2758 «Восстановление законных прав КНР в ООН», по которой официальное право представительства Китая, включая место постоянного члена СБ ООН, перешло от КР к КНР.

---

[1] Рузвельт передал Чан Кайши полный текст соглашения лишь 15.06.1945. Впервые Соглашение было опубликовано 11.02.1946. См.: Вай Мэнгу дули нэй му (За кулисами независимости Внешней Монголии) / Ред. Ши Фу. Пекин, 1993. С. 352–353; *Тсенг Куолунг.* Исследование влияния политики Китая и России на независимость Внешней Монголии (1911–1946 гг.) // Диссертационная работа. Graduate Institute of Slavic Studies, Tamkang University. Тайбэй, 1997. С. 121–123.

[2] Известия. № 38(8954). 12.02.1945; «Внешняя политика СССР: Сб. документов. М., 1947. Т. 5 (июнь 1941–сент. 1945). Док. № 392 С. 537–538; *Лузянин С. Г.* Ялтинская конференция и проблемы международно-правового оформления МНР накануне и в годы второй мировой войны // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 6. С. 52–60.

[3] *Капица М.С., Иваненко В.И.* Дружба, завоеванная в борьбе (советско-монгольские отношения). М., 1965. С. 147; *Люй Цювэнь.* Чжун Э Вай Мэн цзяошэ (Переговоры между Китаем и Россией по Внешней Монголии). Тайбэй, 1976. С. 252; *Тсенг Куолунг.* Указ соч. С. 127–128.

[4] История Монгольской Народной Республики. М.: ГРВЛ, 1983. С. 449; *Чойбалсан Х.* Краткий очерк истории монгольской народной революции /Пер. с монг. М., 1952. С. 73; ЦГЛ (127–128).

[5] 6-я сессия ГА ООН приняла 01.02.1952 резолюцию A/RES/505 (VI) (A/PV.369) «Угроза политической независимости и территориальной неприкосновенности Китая и миру на Дальнем Востоке, проистекающая из нарушения Советским Союзом Китайско-советского договора о дружбе и союзе от 14 августа 1945 г., а также из нарушения Советским Союзом Устава ООН».

[6] *Ли Юйшу.* Вай Мэнгу чэ чжи вэньти (Проблемы отмены управления Внешней Монголии). Тайбэй, 1976.

[7] *Головачёв В.Ц.* Тайвань на заре XXI века – смена символов, ритуалов и предрассудков // Подъем Китая: значение для глобальной и региональной стабильности. М., 2007. С. 330.

[8] *Павлин Е П.* Монгольская Народная Республика. М., 1973; *Тсенг Куолунг.* Указ соч. С. 133–135.

[9] Резолюция 15-й сессии ГА ООН от 08.10.1960 № A/RES/1493 (XV) (A/PV.905) «Представительство Китая в ООН». URL: http://daccessdds.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/155/03/IMG/NR015503.pdf?OpenElement

Ван Шицай,
директор Института России
АОН пров. Цзилинь, КНР

ОБМЕНЫ И СЛИЯНИЕ КУЛЬТУР СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КИТАЯ И РОССИИ

1. Влияние российской культуры на Северо-Восточный Китай в первые годы КНР

С декабря 1949 г. до конца 1952 г. в период восстановления экономики Китая СССР оказал КНР помощь в строительстве 42 объектов, 30 из них находились в Северо-Восточном Китае. В период 1-й пятилетки с 1953 г. СССР оказывал помощь в строительстве 156 объектов, 57 из которых находились в Северо-Восточном Китае: 24 в пров. Ляонин, 22 в пров. Хэйлунцзян, 11 в пров. Цзилинь; в основном это были новые объекты. СССР направил в Китай около 3000 технических специалистов, они помогали создавать в Китае научные структуры и крупные предприятия, участвовали в их проектировании, строительстве, наладке и пуске в эксплуатацию, а также в подготовке кадров. СССР оказал помощь в строительстве на северо-востоке Китая 57 крупных предприятий, в основном обрабатывающей промышленности; в создании предприятий по добыче угля и производства стали. Строительство охватило в пров. Ляонин: Шэньян, Далянь, Аньшань, Бэньси, Фушунь, Фусинь; в пров. Цзилинь: Чанчунь, Цзилинь, Ляоюань, Тунхуа; в пров. Хэйлунцзян: Харбин, Цицикар, Фуларцзи, Шуанъяшань. В городах вдоль железной дороги Харбин–Далянь образовалась крупная промышленная зона. Объекты, построенные с помощью СССР, заложили основы современной промышленности Северо-Восточного Китая.

В декабре 1946 г. Мао Дунь посетил СССР и, вернувшись в Китай, написал «Записки об СССР». После начала 3-й гражданской войны Гоминьдан развернул новую антикоммунистическую кампанию и блокировал связи с СССР. Несмотря на это, Мао Дунь написал книгу об СССР, которая была издана в Чанчуне в 1949 г. В ней довольно полно описаны политическая система, экономическое строительство, культура, просвещение и жизнь народа. Она оказала глубочайшее влияние на культуру Северо-Восточного Китая.

В 1950-е годы в Северо-Восточном Китае было опубликовано много книг об СССР и переводных произведений советских авторов. Среди них: «Как закалялась сталь» Островского; «Разгром»

и «Молодая гвардия» Фадеева; «Железный поток» Серафимовича; «Чапаев» Фурманова; «Повесть о Зое и Шуре» Космодемьянской. Эти книги советских авторов оказали огромное влияние на воспитание молодежи Северо-Восточного Китая. Реалистические произведения советских авторов обладали для китайских читателей огромной привлекательной силой. «Как закалялась сталь» в 1950–1960-е годы использовалась в качестве учебного пособия для молодежи Северо-Восточного Китая. Образ Павла Корчагина вдохновил сотни тысяч молодых людей встать на путь революции, вступить в ряды добровольцев в корейской войне.

2. Оживление китайско-российских культурных связей после образования независимой России

Китайско-российские отношения стратегического партнерства постоянно углубляются, культурные связи становятся еще более оживленными. Китай и Россия активно развивают государственные отношения нового типа, расширяют обмены и сотрудничество во всех сферах. За десятилетия совместных усилий связи двух стран прошли путь от добрососедских отношений до отношений конструктивного и стратегического партнерства. В декабре 1992 г. было подписано «Совместное заявление об основах китайско-российских отношений», отношения от нормализации развились до отношений дружественных стран. В сентябре 1994 г. было подписано «Совместное китайско-российское коммюнике». В апреле 1996 г. были установлены отношения конструктивного стратегического партнерства, ориентированные на XXI век. Китайско-российские отношения вступили в новый этап развития, усилилось сотрудничество во всех областях. В июле 2001 г. стороны подписали «Китайско-российский договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве». В 2004 г. была подписана «Программа реализации Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве». В 2005 г. было опубликовано «Совместное заявление о международном порядке в XXI веке». Подписание вышеуказанных документов укрепляет политические основы отношений двух стран и способствует углублению отношений стратегического партнерства.

Вместе с углубленным развитием отношений непрерывно усиливается сотрудничество в области культуры, образования и туризма, с каждым днем становятся богаче культурные связи. Начиная с 1991 г. более 100 художественных коллективов осуществили взаимные визиты; Северо-Восточный Китай и российский Дальний Восток обменялись визитами более 10 художественных коллективов. Начиная с 2001

г. ежегодно на учебу в Россию отправляются более 10 тыс. студентов (из них 1/3 составляют студенты из Северо-Восточного Китая), что равняется общему количеству студентов, направленных в СССР в начале 1950-х годов. Успешно развивается обмен туристами. С сентября 2005 г. Россия стала официальным партнером Китая по туризму. В 2004 г. Китай принял 1,8 млн. туристов из России, увеличение по сравнению с прошлым годом 29,8%; количество китайских туристов, посетивших Россию, составило 810 тыс., увеличение на 22,4%; среди туристов, посетивших Россию, 50% составляли жители Северо-Восточного Китая. В 2004 г. прошел Год дружбы молодежи Китая и России. В 2006 г. и 2007 г. были проведены Годы России в Китае и Китая в России. Культурные связи Китая и России непрерывно углубляются, в том числе усиливаются культурные связи с Россией Северо-Восточного Китая.

3. Тенденции связей и слияния культур Северо-Восточного Китая и России

Согласно принципам распространения культуры, объективно существует взаимная потребность в культуре, а это неизбежно способствует культурным обменам. В результате каждая нация заимствует лучшее из культуры партнера. Без обменов культура не имеет жизненной силы, важным свойством культуры является ее распространение и проникновение. Однако упорядочение отношений между двумя различными культурами весьма затруднительно, поэтому очень важен поиск точек соприкосновения.

Между формами культуры существуют значительные различия, их границы не четкие и часто пересекаются. Наиболее рациональным является поиск общего на стыке культур. Поэтому автор полагает, что культурные обмены приграничных районов Китая и России имеют реальное и практическое значение. В ходе обменов можно обнаружить общие или сходные черты. И китайская, и российская культуры зародились на континенте, поэтому путь модернизации этих культур значительно сложнее, чем у приморских стран. Обе культуры долгое время существовали в условиях высокой концентрации власти и обе прошли через социализм. Обе культуры встретили немало трудностей на пути модернизации. Конфликты и контакты китайской и западной цивилизаций общеизвестны. Восприятие западной цивилизации, со времен Петра Великого и до наших дней, в России не всегда было успешным. И китайская, и российская культуры встретили немало трудностей на пути модернизации и освоения западной

культуры. Западная культура придала российской нации жизненные силы и способствовала пробуждению национального самосознания. Соприкосновение с западной культурой пробудило в России чувство великой национальной миссии и национальную самобытность. С учетом вышеперечисленных общих особенностей китайская и российская культуры могут сливаться в восточных точках соприкосновения. Хотя культура Северо-Восточного Китая является частью великой китайской культуры, она имеет яркие особенности «гуаньдунской» культуры, соединившей в себе культуру кочевых племен севера и земледельческую культуру китайской равнины. По экономическим характеристикам культура Северо-Восточного Китая является комплексом культур рыболовов-охотников, собирателей, скотоводов-кочевников и земледельцев. Она относится к пограничному типу культур. Эта пограничная культура была мало подвержена влиянию великой культуры китайской равнины.

Культура Сибири и российского Дальнего Востока тоже относится к пограничному типу культур, особенно слабо влияние российской культуры на культуру Дальнего Востока. Дальний Восток испытал на себе влияние китайской культуры эпохи династий Мин и Цин. Только в 60-е годы XIX в. российский Дальний Восток стал водоразделом западной и восточной культур, при этом сохранились некоторые особенности культуры кочевников. В этом большая схожесть с «гуаньдунской» культурой северо-востока Китая.

Сравнивать слияние культур несколько проще, чем сравнивать слияние народов, поэтому теоретически вполне допустимо говорить о слиянии приграничных культур Китая и российского Дальнего Востока. Однако вероятность не однозначна реальности, теория может быть подтверждена только практикой. Культурные обмены в приграничных районах Китая и России осуществлялись на ограниченном историческом отрезке и не достигли должного уровня. Поэтому Китай и Россия должны достичь взаимопонимания о необходимости активных и широких культурных обменов. Обе стороны в свое время упустили шансы развития культурных обменов в этом регионе, что достойно сожаления.

Китай и Россия не должны сидеть сложа руки перед угрозой вызовов со стороны США, Японии и Европейского союза. Если в политическом, экономическом или военном сотрудничестве не избежать трудностей, то обмены и сотрудничество в области культуры должны успешно развиваться.

Перевод с китайского
Б.Я. Надточенко

Чжао Чжучэн,
Национальный Университет политики, Тайвань

РОЛЬ РОССИЙСКОГО ФАКТОРА В НАЦИОНАЛЬНОМ ВОПРОСЕ В КИТАЕ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Национальный вопрос явился одной из причин распада Советского Союза. Кроме того, национальные проблемы России оказали глубокое влияние на политику Китая в национальном вопросе, на его внешнюю стратегию. Исторически и практически взаимоотношения России и Китая относятся к числу наиболее важных межгосударственных отношений, поэтому анализ долгосрочных взаимоотношений двух держав приобретает особое значение. Очевидно, что стабильность, целостность и безопасность Северо-Западного Китая со второй половины XIX века и до сегодняшнего дня испытывают на себе воздействие тех или иных тенденций в политике России.

Доклад посвящен России, которая оказывала и по сей день оказывает огромное влияние на безопасность китайского приграничья. В докладе рассматриваются три вопроса.

1. Исторические проблемы, связанные с эпохой «Большой игры» между Россией, Китаем и Англией в центре Евразии у границ Северо-Западного Китая.

2. Современные китайские концепции китайско-российских отношений и погранично-территориальных проблем.

Китайская национальная политика и проблемы этнического атизма в Северо-Западном Китае после создания ШОС.

Портяков В.Я.,
д. э. н., ИДВ РАН

СТАНОВЛЕНИЕ КИТАЯ КАК ОТВЕТСТВЕННОЙ ГЛОБАЛЬНОЙ ДЕРЖАВЫ*

В последние годы в китайских СМИ и в публичных выступлениях официальных представителей КНР стала нередко встречаться дефиниция Китая как «ответственной крупной державы». Особенно активно этот термин используется в период текущего мирового фи-

* *Подготовлено при содействии РГНФ, проект № 09-03-00048 а/р.*

нансово-экономического кризиса. Вот характерный пример. В газете «Жэньминь жибао» в статье «Китай стремится укрепить имидж ответственной крупной державы» декларируется, что страна «всегда действовала вместе с международным сообществом в деле обеспечения глобальной экономической и финансовой стабильности. Как высокоответственная крупная держава, она принимает активное участие в международном сотрудничестве, прилагая максимум возможных усилий с ее стороны для противодействия текущему финансовому кризису»[1].

Довольно распространенной является точка зрения, что идея о необходимости для Китая взять на себя большую долю глобальной ответственности, адекватную его возросшему весу в мировой политике и экономике, навязывается Западом. При этом прежде всего апеллируют к тому обстоятельству, что предложение «стать ответственным акционером» в мировых делах было в 2005 г. адресовано Китаю Робертом Зелликом – на тот момент заместителем госсекретаря США. Несомненно, такого рода пожелания Запада в определенной мере учитываются в Пекине, однако понимание необходимости нести свою долю ответственности за мировые дела было осознано в КНР самостоятельно и задолго до 2005 г. По-видимому, впервые сам этот термин прозвучал в конце 1999 г. в статье заместителя директора Института мировой политики и экономики Академии общественных наук Китая Ван Ичжоу, опубликованной в журнале «Стратегия и управление» (*«Чжаньлюе юй гуаньли»*)[2]. В 2001 г. термин появился уже в издаваемом Министерством иностранных дел КНР журнале «Знания о мире» (*«Шицзе чжиши»*) в статье того же Ван Ичжоу «Постоянное и переменное: международная политика и безопасность в 2000 г.»[3] Вслед за этим данный термин начали использовать и другие китайские политологи, в частности Чжан Юнлинь, Тан Шипин, Сяо Хуаньжун, Ню Хайбинь.

Одновременно проблема растущей глобальной ответственности Китая попала и в поле зрения американских политологов-китаеведов. Один из разделов монографии Сюзан Ширк «Китай: хрупкая сверхдержава» так и озаглавлен: «Ответственная мощь». В ее интерпретации, в китайский рецепт обретения репутации ответственного игрока на международной арене входят три компонента: выстраивание взаимно удовлетворяющих отношений с соседними государствами; выступление в роли командного игрока в международных организациях и использование экономических связей для установления дружественных отношений с различными странами[4].

Так что, судя по всему, в идее становления Китая как ответственной глобальной державы нашло отражение сочетание, с одной сторо-

ны, объективно назревших с ростом экономической мощи подвижек в самоидентификации страны, с другой – стремления западных стран заставить набирающий вес Китай действовать на благо сохранения, а не слома существующей мировой архитектоники.

Такое достаточно противоречивое сочетание стало возможным по ряду причин. Прежде всего, стремление Пекина позиционировать Китай в качестве ответственной глобальной державы явилось в какой-то мере вынужденным ответом на теорию «китайской угрозы», интенсивно разрабатывавшуюся на Западе в разных вариантах с 1992 г. Во-вторых, сравнивая реакцию международного сообщества на свои действия, содержавшие определенную угрозу сложившемуся миропорядку (военные учения в Тайваньском проливе в 1995–1996 гг.) и, напротив, направленные на стабилизацию глобальной обстановки (поддержание стабильного курса юаня в период азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг.), которая была резко негативной в первом случае и весьма позитивной во втором, Китай сделал для себя недвусмысленный вывод: от сохранения мирового статус-кво он на современном этапе получает больше, чем от попыток его слома. Наконец, вступление во Всемирную торговую организацию и стремление обрести максимальный экономический выигрыш от процесса глобализации предопределили гораздо более глубокое, чем ранее, вхождение Китая в международное правовое поле со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Категория «ответственности» является новой не только для Китая, но и для теории и практики международных отношений в целом. И углубленная разработка теоретических и правовых аспектов данной категории, и детальная проработка практических вопросов принятия страною на себя конкретной ответственности в тех или иных сферах и формах, надо полагать, впереди.

Тем не менее, первоначальный комплекс подходов к проблеме растущей ответственности Китая уже определился. Наибольшего внимания заслуживают, на наш взгляд, следующие моменты.

1. По мнению Ван Ичжоу, внешняя политика Китая в XXI веке должна удовлетворять трем базовым потребностям. Это, во-первых, потребность в развитии, предопределяющая борьбу КНР за относительно стабильное внешнее окружение, благоприятствующее реализации курса на реформы и развитие. Во-вторых, потребность в суверенитете, предполагающая обеспечение сохранности территории и границ страны и достижение в долгосрочной перспективе единства государства. В-третьих, потребность в ответственности, означающая

выявление Китаем активной и весомой роли в АТР и постепенное обретение им признания в качестве конструктивного государства, оказывающего влияние на глобальном уровне. Важно отметить, что Ван Ичжоу не считает три вышеназванных императива внешней политики современного Китая одинаково приоритетными, но, напротив, допускает возникновение противоречий между ними и вероятность разновременности их реализации. Соответственно, императив ответственности выглядит скорее не как требование уже сегодняшнего дня, а как задача «на вырост»: «По мере роста комплексной мощи Китая и улучшения его международного положения императив ответственности будет играть все большую роль во всей внешней стратегии Китая, включая стратегии внешнеполитическую, экономическую и обеспечения безопасности»[5].

2. Закономерно возникает вопрос, какую же ответственность сегодня готов взять на себя Китай: региональную или глобальную?

В своей монографии «Глобальная политика и внешнеполитический курс Китая», опубликованной в декабре 2003 г., Ван Ичжоу вполне определенно констатировал, что «глобальная ответственность... является для Китая сравнительно долгосрочной перспективой» и что главной для него на текущем этапе выступает ответственность как «важной региональной державы Азиатско-Тихоокеанского региона». Успешное содействие в этом качестве общей стабильности ситуации и укреплению доверия и сотрудничества в регионе, проявление творческого подхода для нейтрализации имеющихся в АТР очагов потенциальных конфликтов послужили бы, считал Ван Ичжоу, «пробным камнем» для вхождения Китая в мировую элиту с соответствующим изменением масштаба и расширением сфер его ответственности[6].

3. По сравнению с 2003 г. доля Китая в мировой торговле и мировой экономике увеличилась в 2008 г. в 1,5 раза. По объему ВВП и внешнеторгового товарооборота страна вышла на 3-е место в мире. В последние годы Китай стал играть заметно более активную роль в наиболее важных международных саммитах, а также в ООН и в организуемых под ее эгидой миротворческих операциях.

Тем не менее, в международном сообществе подчас высказывается мнение, что страна пока берет на себя меньшую долю ответственности за глобальные дела, чем могла бы и должна взять в соответствии с ее весом в мировой экономике и торговле. Так, согласно комментарию, опубликованному журналом «Economist», Китай все еще «продолжает действовать как малая страна с незначительным влиянием на глобальную систему и поэтому несущая незначительную ответственность за нее»[7].

Существует, однако, и иная крайность. Настороженные возросшей уверенностью Пекина в ведении международных дел, его декларациями о намерении приступить к созданию мощного океанского флота, некоторые эксперты настаивают на неготовности Китая к глобальной роли, поскольку, дескать, «экономическая значимость не трансформируется автоматически в геополитический вес. А в случае с Китаем другие важные компоненты подлинно глобальной мощи – моральный авторитет, военная состоятельность, культурное влияние... – либо находятся в стадии формирования, либо вовсе отсутствуют». Утверждается также, что глобальные амбиции Китая не могут быть реализованы «без решения таких сковывающих страну проблем, как широкое распространение бедности, авторитарное правление, придавленная десятилетиями изоляции культура и плохо понимаемые намерения»[8].

4. В Пекине, похоже, внимательно изучают весь спектр мнений, вырабатывая с их помощью оптимальную модальность поведения.

Судя по всему, Китай ориентируется на поступательное наращивание своей международной ответственности в целях улучшения образа страны в глазах мировой общественности и укрепления ее региональных и глобальных позиций. Одновременно Пекин четко дает понять, что он намерен выстраивать этот процесс собственным темпом, строго соизмеряя бремя принимаемой на себя ответственности со своими возможностями и интересами, и что он не поддастся на попытки заставить его, образно говоря, таскать каштаны из огня для чужого дяди. В этом смысле весьма показательна формула «общей, но дифференцированной ответственности», озвученная в Китае применительно к борьбе с глобальным потеплением.

Пекин также утверждает, что признание им своей растущей ответственности за состояние миропорядка и решение ряда глобальных проблем не тождественно претензиям на ведущую роль и тем более гегемонию в мировых делах. Поскольку и за ответственность, и за руководящие позиции в мире надо платить немалую цену, то Китаю, как констатировала сингапурская газета *«Ляньхэ цзаобао»*, «еще рано бороться за международное лидерство»[9].

---

[1] China to bolster image as a responsible big nation // People's Daily Online, March 31, 2009.

[2] *Ван Ичжоу.* Мяньсян 21 шицзи дэ Чжунго вайцзяо: саньчжун сюйцю дэ сюньцю цзи ци пинхэн (Китайская дипломатия перед лицом XXI века: три императива и баланс между ними) // Чжаньлюэ юй гуаньли. Пекин, 1999. № 6. С. 18–27.

[3] Шицзе чжиши. Пекин. 2001. № 3. С. 15–17.

[4] *Shirk, Susan*. China: Fragile Superpower. Oxford University Press, 2007. P. 109.
[5] Ван Ичжоу. Цюаньцю чжэнчжи хэ Чжунго вайцзяо (Глобальная политика и внешнеполитический курс Китая). Пекин, 2003. С. 307, 317.
[6] Там же. С. 320–321.
[7] The Economist. London. 2009. March 21–27. P. 30.
[8] *Michael Wines, Edward Wong*. An Unsure China Steps On to the Global Stage// The New York Times. April 2, 2009.
[9] Ляньхэ цзаобао. Сингапур, 07.04.2009. *Цит. по:* URL:http://world.people.com.cn/GB/9088294.html

Стабурова Е.Ю.,
д. и. н.,
Рижский университет им. П. Страдыня
(Латвия)

КОНСТРУИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИЙ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ КНР

В последние несколько лет – и это можно считать новым явлением XXI века – происходит активизация политического дискурса КНР, направленного вовне страны и рассчитанного на выработку новых правил (то, что конструктивисты называют *rules*) в международной политической системе. Наиболее знаменательными вехами этого процесса стали: 1) внешнеполитическая доктрина «мирного возвышения Китая», озвученная в 2003 г. сначала проректором Центральной партийной школы КПК Чжэн Бицзянем [7], а потом политическими лидерами КНР – Вэнь Цзябао и Ху Цзиньтао; 2) появившаяся в 2004 г. идея Пекинского консенсуса [3]; и конечно, 3) развиваемая генеральным секретарем КПК и председателем КНР Ху Цзиньтао, начиная с апреля 2005 г., мысль о гармоничном мире [1].

Продвижение новых концепций осуществляется на поле западного политического дискурса, а более точно – на поле британско-американского политического дискурса. Для этого есть немало причин. Во-первых, это обеспечивает непосредственное обращение к мировому политическому центру современности. Во-вторых, это позволяет встроиться в ведущий, с точки зрения политической науки, научный дискурс. В-третьих, это диктуется интересами сращивания экономик и образовательного пространства КНР и США – общий дискурс в международной политике должен облегчать коммуникацию в разных областях, в том числе и в экономике.

Интересно, что продвижением этих идей в международное пространство организованно занимаются одновременно разные уров-

ни: представители высших органов власти КПК и КНР, китайские ученые (прежде всего, хотелось бы отметить работы сотрудников Шанхайского института международных исследований) и даже служащие в КНР американские журналисты (Джошуа Рамо, помимо своей нашумевшей работы «Пекинский консенсус», в 2007 г. опубликовал исследование под названием «Бренд – Китай» [4]).

Что предлагают политики и политологи КНР? Они вводят в обиход новые термины («гармоничный мир», «мирное возвышение Китая», «Пекинский консенсус»), осуществляют переформулировку уже известных терминов («политика мягкой силы»), а также используют британско-американскую политическую риторику либерализма в контексте собственных международных преференций («открытость и терпимость», «уважение прав стран на свободу выбора»). Результаты работы политической мысли китайских теоретиков налицо. Можно говорить о том, что в XXI веке положено начало процессу внедрения китайского видения международных отношений в политический дискурс Запада.

«Месседж» КНР, посылаемый миру через британско-американскую науку международных отношений, сталкивается с очевидными ограничителями. Ему преграждает путь антикитайский и антикоммунистический синдромы. Антикоммунистическая составляющая является, можно сказать, родовым знаком британско-американской политической мысли XX века, поэтому попытка вступить с ней в диалог под красным знаменем нередко воспринимается как враждебная вылазка (именно в этом ключе была воспринята концепция «мирного возвышения Китая»).

Кроме того, несмотря на взаимопроникновение культур, культурная составляющая по-прежнему лимитирует границы взаимопонимания. Наиболее ярким примером со стороны КНР можно считать то, что теоретики международных отношений активно используют концепт Джозефа Ная, именуемый «политика мягкой силы», и довольно некритически переносят его с американского фундамента в свое дискурсивное пространство (см., например, статью профессора Института управления им. Чжоу Эньлая и директора Института глобальных проблем Нанькайского университета Пан Чжунъина [2]). В качестве примера недопонимания «с другого берега» можно было бы привести январские (2009 г.) филиппики Збигнева Бжезинского в адрес китайской концепции гармоничного мира. Его понимание «гармонии», на наш взгляд, кардинально отличается от того смысла, которое вкладывают в словосочетание *«хэсе»* в современной КНР.

Конструирование международной политики на поле современной британско-американской политологии является доминирующим

направлением мысли КНР, правда, при этом не исключается деятельность и на других площадках. Тонкий пример смыслового различия приводит в своей статье президент и старший научный сотрудник Шанхайского института международных исследований Ян Цземянь. Он пишет, что в отношениях с Россией китайские политики гораздо чаще употребляют словосочетание «международный порядок», чем «международная система» [6. С. 97].

По его мнению, это означает то, что сами китайские участники и творцы нового подхода к международным отношениям не до конца еще разобрались с непривычной для них терминологией. По нашему же мнению, приведенный китайским ученым пример может также означать готовность Китая использовать разные политические языки. При кажущейся синонимичности двух слов – «порядок» и «система» – они выражают принадлежность к разным политологическим направлениям. Международный порядок предполагает структурированные международные политические отношения, оформленные или неоформленные в рамках принципов и норм международного права. Международная же система для теоретиков международных отношений многих британско-американских школ (реалисты, либералы, конструктивисты) лишена какой бы то ни было упорядоченности, хаотична и определяема как «анархическая» [5. С. 97]. То есть «порядок» подразумевает правила соблюдения определенных, уже заданных, правил. В случае же с «системой» международных отношений речь может идти о том, что страны в каждом конкретном случае вправе искать инструменты для обуздания этой стихии, которая по определению беспорядочна.

Встраивание теории международных отношений КНР в поле британско-американского политического дискурса является объективной реальностью. Это явление вызвано к жизни различными причинами. В нем просматривается некоторая двойственность: стремясь к самостоятельности в международном политическом дискурсе, КНР выбирает для себя чужую нишу. Впрочем, это можно рассматривать и как тактический маневр, как первый шаг в направлении создания собственных теорий международных отношений. Пока же, чтобы быть услышанными за пределами своей страны, китайские политологи и политики осваивают чужое поле. Впрочем, как мы видели, этот выбор, задавая определенный формат движения политической мысли, не исключает его корректировки, а также допускает альтернативные подходы.

---

1. From the Glorious Past to a Bright Future: Building a New Type of Strategic Partnership Between Asia and Africa. April 22, Jakarta // People's Daily. April 23, 2005.

2. *Pang Zhongying*. On China's Soft Power. URL: http://www.siis.org.cn/Sh_Yj_Cms/Mgz/200601/2008724225610L5PS.PDF
3. *Ramo J.C.* The Beijing Consensus: Notes on the New Physics of Chinese Power. London: The Foreign Policy Centre, 2004. URL: http://fpc.org.uk/fsblob/244.pdf
4. *Ramo J.C.* Brand China. London: The Foreign Policy Centre, 2007. URL: http://fpc.org.uk/fsblob/827.pdf
5. *Wendt, A.* Anarchy is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics // International Organization. 1992. Vol. 46. No. 2.
6. *Yang, Jiemian*. China's Perspective on International System: Soft Power and Public Goods [online]. Shanghai Institute for International Studies, Publications: International Review. Summer, 2006. URL: http://www.siis.org.cn/Sh_Yj_Cms/Mgz/200602/200872423442T6BS.PDF
7. *Zheng Bijian*. China's «Peaceful Rise» to Great-Power Status // Foreign Affairs (USA). September/October, 2005. URL: http://www.irchina.org/en/news/view.asp?id=397

Берзиня Уна-Александра,
аспирант
Рижского университета им. П. Страдыня
(Латвия)

НОВЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ПОЛИТИКИ КНР: КРИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС – АНАЛИЗ И ПОНЯТИЕ «ГАРМОНИИ»

В данном сообщении рассмотрены возможности, которые предоставляет для анализа китайской политики теория критического дискурс-анализа (КДА) Нормана Ферклоу [4].

За последние 15 лет в политологических исследованиях возрос интерес к теме анализа языка, в том числе дискурсов – языковых сетей, в рамках которых обозначены и наделены смыслом слова. Это связано как с развитием и возрастающей популярностью эпистемологии социального конструктивизма, так и с расширяющимся признанием роли дискурса не только как посредника, но и как активного, смыслоизменяющего участника информационного обмена. Все шире распространяется теория дискурс-анализа, использующая язык текста для установления дискурса, к которому он принадлежит, а, следовательно, и скрытой (имплицитной) информации, предназначенной для прямого адресата текста.

Мы считаем, что дискурс-анализ особенно ценен при исследовании китайского политического языка, потому что для него характерна полисемантичность и, раскрыв заложенные в нем скрытые смысловые связи, возможно глубже проникнуть в тот смысл современных политических процессов КНР, который нередко остается не замеченным из-за неспособности аналитика воспринять имплицитную часть китайского политического текста.

Одним из течений дискурс-анализа является критический дискурс-анализ, направленный на выявление закодированных мировоззрений, т.е. широкообъемлющей системы значений и вытекающих из нее кодов поведения. С нашей точки зрения, именно эта теория наиболее отвечает задаче выявления имплицитных значений китайского политического дискурса в современных политических текстах КНР.

Применять теорию КДА возможно для выявления несовпадения смысловых полей понятий, используемых в политической коммуникации Китая и внешнего мира. Одним из характерных примеров является несовпадение имплицитных полей значения китайского слова *«хэ»* (в том числе в рамках словосочетания *«хэсе»*) со словом «гармония», которое восходит к европейскому философскому дискурсу, но с помощью которого, тем не менее, слова *«хэ»* и *«хэсе»* передаются на языки, принадлежащие к европейской мыслительной традиции.

Европейская категория «гармонии» происходит от древнегреческого *хармос*, что означает соединение, сустав. Эта категория по преимуществу эстетического характера [2. С. 323]

Китайское слово *«хэ»* содержит в себе отчетливый социальный компонент, который проявляется как в виде графических составляющих иероглифа (злак + рот), так и в виде смыслового наполнения данного слова. Еще Конфуций превозносил понятие *«хэ»*: в «Лунь юе» записано, что «гармония – это драгоценность» *(«хэ вэй гуй»)*. Мэнцзы придал этому слову смысл, сводимый к социальной политике. Он призывал заботиться о стариках и детях, безотносительно того, являются ли они твоими родственниками или нет. Ему принадлежит высказывание: «Если это старик, то все равно, свой он или чужой; если это ребенок, то все равно, свой он или чужой» *(«Лао у лао и цзи жэнь чжи лао, ю у ю ицзи жэнь чжи ю»)*. Современное понятие *«хэ»*, по мнению китайских исследователей, связано также с идеалами социального равенства и общности. Обычно они ссылаются на высказывание Хун Сюцюаня: «Есть поле – вместе возделываем, есть еда – вместе едим, есть одежда – вместе носим, есть деньги – вместе тратим» *(«Ю тянь тун гэн, ю фань тун ши, ю и тун чуань, ю цянь тун ши»)*. Разъясняя смысл, который вкладывает Ху Цзиньтао в слово *«хэ»* и словосочетание *«хэсе»*, китайские ученые ссылаются также на социальную утопию Кан Ювэя и идею классовой справедливости К. Маркса [1].

Збигнев Бжезинский, гостивший в КНР в январе 2009 г. в связи с 30-й годовщиной установления дипломатических отношений между КНР и США, предложил положить в основу дальнейших отношений между США и КНР китайскую идею «гармонии». Ссылаясь на слова

Ху Цзиньтао о «мировой гармонии», он заявил, что «понятие гармонии, которое предлагает Китай, является самым правильным ответом на опасность столкновения цивилизаций». Более того, по его мнению, это «единственный способ», который может обеспечить «достаточно стабильный и более справедливый мир» [3].

Опираясь на теорию КДА, возможно зафиксировать и дать оценку несостыковки смыслов «*хэ*» и «гармонии» в речах Ху Цзиньтао и заявлениях З. Бжезинского.

Данный пример показывает эффективность подхода КДА при изучении вопросов, связанных с политикой современного Китая, так как позволяет выявить несовпадения смысловых полей понятий, используемых в политической коммуникации, и тем самым предотвратить взаимонепонимание, которое в политике чревато серьезными последствиями.

---

1. *Ван Вэй.* Хэсе вэньхуа: «И жэнь вэй бэнь» ды вэньхуа фачжань чжаньлюе // Синьхуа ван. URL: http://news.xinhuanet.com/theory/2006-07/26/content_4881267.htm
2. Философская энциклопедия. М., 1960. Т. 1.
3. *Brzezinski*: Harmonious world a good platform for U.S.-China co-op. Special Report: 30th Anniversary of Sino-U.S. Diplomatic Relations // China Review. January 13, 2009.URL: http://news.xinhuanet.com/english/2009- 01/13/content_10653009.htm
4. *Fairclough, N.* Analyzing Discourse. Textual analysis for social research. London, New York, 2003.

Королев А.Н.,
аспирант университета Нанькай, КНР

«КРИЗИСНАЯ ДИПЛОМАТИЯ ВОЗВЫШЕНИЯ» КИТАЯ

Успешная «кризисная дипломатия» (в зарубежной литературе – *disaster diplomacy,* досл. «дипломатия катастроф») позволяет государству извлечь максимум выгоды из кризисной ситуации, способствует созданию благоприятного международного имиджа и укреплению международных позиций [1].

В китайской стратегической культуре подход к «кризису» как к явлению особый. Значение слова «кризис» в русском и английском языках безальтернативно: «кризис» – это лишь кризис. В китайском языке «кризис» – это *вэйцзи*, где помимо *вэй* (опасность, угроза), есть еще и *цзи* (возможность, шанс). Таким образом, в «кризисе»–*вэйцзи* сбалансированно сосуществуют опасности и возможности, а преобладание одних над другими зависит от того, как использовать кризисную ситуацию.

Подобный подход к кризисам позволяет сделать предположение о том, что в Китае «кризисная дипломатия» (в китайской литературе используется термин *«вэйцзи вайцзяо»* или *«цзайнань вайцзяо»*) может рассматриваться как эффективный метод усиления международного влияния.

Анализ политики Китая в таких различных кризисных ситуациях, как вспышки атипичной пневмонии в 2003 г., землетрясение в пров. Сычуань 12 мая 2008 г. и финансовые кризисы (1997 и 2008 гг.), показал, что китайское правительство действительно активней других пытается использовать кризисную дипломатию для реализации более широких интересов и повышения своего влияния на международной арене.

Дипломатия Китая в период распространения атипичной пневмонии. Борьба китайского руководства с распространением атипичной пневмонии в 2003 г. дала наглядный пример того, как действия правительства в кризисной ситуации выходят за рамки лишь антикризисных мер и становятся толчком к развертыванию более масштабной дипломатии, затрагивающей различные аспекты внешней и внутренней политики.

29 апреля 2003 г. в Бангкоке прошел саммит, призванный наладить сотрудничество между Китаем и государствами АСЕАН в сфере борьбы с распространением атипичной пневмонии. Однако апрельский саммит воспринимался китайским руководством гораздо шире – как возможность укрепить сотрудничество в различных сферах, как новая и потенциально эффективная модель взаимодействия между КНР и странами АСЕАН, некая «пробная схема» институционализации сотрудничества, которая должна работать и в таких сферах, как финансовая и информационная безопасность, меры предотвращения финансовых кризисов и решение вопроса о природных ресурсах Южно-Китайского моря. На саммите китайское руководство активно продвигало идею комплексной безопасности *(цзунхэ аньцзюань)*, подразумевающую многоуровневое сотрудничество в различных областях, и подчеркивало необходимость развития взаимодействия в форматах 10+1 (АСЕАН + КНР) и 10+3 (АСЕАН + КНР, РК, Япония)[2]. Таким образом, Китай активно использовал площадку саммита для продвижения широкого спектра вопросов стратегического характера и повышения своего влияния в регионе ЮВА.

Землетрясение в пров. Сычуань и международный имидж Китая. Землетрясение, произошедшее в пров. Сычуань 12 мая 2008 г., заставило все мировое сообщество сосредоточить свое внимание на Китае. Китайское руководство в полной мере использовало эту возможность

для «выхода из тени» и укрепления имиджа «ответственного государства».

Во-первых, Китай быстро проинформировал все мировое сообщество о случившемся. Китайские англоязычные каналы CCTV 24 часа в сутки осуществляли панорамное транслирование работ спасательных бригад, осуществляемых под прямым руководством премьера Вэнь Цзябао и председателя Ху Цзиньтао, которые сразу после землетрясения отправились в пострадавшие регионы. Активно использовались спутниковые каналы связи для обмена информацией с другими странами, что позволило быстро создать глобальную платформу для международного взаимодействия. Во-вторых, высокая степень прозрачности и открытости китайских СМИ после землетрясения показала китайское правительство как открытое и готовое к сотрудничеству. Сразу после землетрясения в Сычуань были отправлены большие группы журналистов, которые должны были следить за всем происходящим и предоставлять самую свежую информацию. В зону бедствия также был допущен большой контингент западных журналистов. Западные информационные агентства, привыкшие не доверять китайским СМИ, впервые в качестве основного источника информации использовали сообщения, предоставляемые китайской стороной. Таким образом, Китаю удалось овладеть глобальным информационным пространством. В-третьих, был организован механизм приема гуманитарной помощи, действовала круглосуточная телефонная связь между МИД КНР и иностранными посольствами в Пекине. Премьер Вэнь Цзябао многократно говорил: «первостепенная работа — это спасать людей», что стало достойным ответом на предъявление Западом Китаю обвинений в нарушении прав человека.

Результатом подобной политики стало принципиально новое освещение китайской тематики в западных СМИ. Европейские информационные агентства заговорили о китайском народе как «народе с большой буквы»[3].

Финансовые кризисы и возвышение Китая. Китай не миновало влияние глобального финансового кризиса. Сокращение экспорта привело к волне банкротств работающих на экспорт предприятий, что больно ударило по экспортоориентированной китайской экономике. Однако положение государства в международной системе определяется отношением его мощи к мощи других государств. Во время финансовых кризисов 1997 и 2008 гг. Китай как отдельное государство испытывал определенный спад в развитии, но как элемент международной системы наращивал влияние и мощь.

После кризиса 1997 г. значительно выросло международное влияние Китая в Восточной Азии. Китай, будучи важным актором (*actor*) этого региона, во время кризиса через МВФ предоставил Таиланду помощь в размере 1 млрд. долл. и предотвратил девальвацию юаня. Эти меры на фоне резкой девальвации ряда региональных валют повысили политическое и экономическое влияние Китая в Азии. В то же время, в кризисной ситуации Китай сохранил 8%-ный рост экономики[4]. В результате баланс сил в регионе начал меняться. Сильно пострадала Япония, обладающая самой мощной экономикой региона, и, как следствие, ее влияние среди стран АСЕАН снизилось, тогда как влияние Китая выросло.

Что касается текущего глобального финансового кризиса, то он еще не завершился и выводы делать трудно, однако многие китайские эксперты утверждают, что Китай в очередной раз поднимется выше, теперь уже в глобальном, а не в региональном масштабе, и уверены, что настоящий финансовый кризис таит в себе больше *цзи*, чем *вэй*[5].

Во-первых, кризис обрушил цены на энергетические и другие природные ресурсы, в которых нуждается Китай, и таким образом предоставил ему возможность покупать и производить дешевле. Во-вторых, кризис заставил китайское правительство более интенсивно трансформировать экономику, стимулируя внутренний спрос, который позволит уменьшить зависимость от экспорта и, следовательно, от конъюнктуры мирового рынка. У большинства китайских граждан имеются сбережения «на старость», медобслуживание и на образование детей. Реформы в этих областях снизят соответствующие расходы граждан и позволят им начать тратить свои сбережения. Это позволит высвободить колоссальные суммы для трат на внутреннем рынке.

В современном мире кризисы различного характера происходят часто и моментально приобретают глобальное измерение. Действия Китая в многочисленных кризисных ситуациях подтверждают наличие у него особого подхода к кризису как к явлению и активное использование им кризисной ситуации как возможности очередного возвышения. Подобный опыт осуществления кризисной дипломатии может быть полезен и России, для которой также стоит проблема создания благоприятного международного имиджа.

---

[1] Disaster diplomacy – current view. URL: http://www.disasterdiplomacy.org

[2] *Чжан Гуйгун.* Цун фэйдянь фэнхуй кань синчэн чжун дэ Чжунго – Дунмэн фэйчуаньтун аньцзюань линюй хэцзо цзичжи (Саммит по борьбе с атипичной пневмонией и формирующийся механизм сотрудничества между АСЕАН и КНР в сфере нетра-

диционной безопасности) // Дуннанья цзунхэн (Вокруг Юго-Восточной Азии). 2003. №12. С. 10–14.

[3] URL: http://world.huanqiu.com/roll//2008-05/115356.html.

[4] *Чжай Фэнюй.* Инцзя, шуцзя, хайши ю ин юшу (Победители, проигравшие, или и те и другие) // Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи (Мировая экономика и политика). 1998. №3. С. 38–41.

[5] *Шао фэн.* Цзиньжун вэйцзи дуй гоцзи гуаньси дэ инсян цзи чжунго дэ индуй (Влияние финансового кризиса на международные отношения и реакция Китая) // Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи. 2008. № 12.

Самойлов Н.А.,
к. и. н., Восточный факультет СПбГУ

КНР – ФИНЛЯНДИЯ: 60 ЛЕТ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Финляндия стала одной из первых несоциалистических стран Европы, признавших образование Китайской Народной Республики. Сегодня она входит в число государств, с которыми КНР поддерживает наиболее активные отношения.

Основные события истории двусторонних отношений. 13 января 1950 г. правительство Финляндии приняло решение о признании де-юре Китайской Народной Республики. Официальные дипломатические отношения между ними были установлены 28 октября того же года, а в 1951 г. два государства обменялись дипломатическими представителями. Первым представителем КНР в Хельсинки был назначен Гэн Бяо (1909–2000) – известный китайский государственный деятель, в 1970–1980-х годах занимавший должности заместителя председателя Госсовета КНР и министра обороны. В 1951 г. он стал послом КНР в Швеции и по совместительству в Дании и Финляндии. В 1954 г. страны договорились о повышении уровня дипломатических отношений и открыли постоянно действующие посольства.

Финляндия первой из несоциалистических стран Европы стала активно развивать отношения с КНР. Обмен официальными визитами начался уже в 1950-х годах. В 1956 г. в Пекин прибыла делегация парламента Финляндии во главе с его спикером Сукселайненом. Члены делегации имели встречи с председателем КНР Мао Цзэдуном, председателем ПК ВСНП Лю Шаоци и премьером Государственного совета КНР Чжоу Эньлаем. На следующий год делегация ВСНП во главе с Сайфуддином нанесла ответный визит и была принята президентом Финляндской Республики Урхо Кекконеном, премьер-министром и главой парламента.

В 1952 г. было заключено трехстороннее торговое соглашение между КНР, Финляндией и СССР. В 1953 г. подписано китайско-финляндское межправительственное соглашение о торговле и платежах – первый подобный документ между КНР и западным государством, что в настоящее время отмечается китайскими официальными лицами и средствами массовой информации.

В 1960–1970-х годах продолжался обмен визитами на министерском уровне. Финляндия однозначно поддерживала стремление КНР восстановить свои законные права в ООН.

В 1979 г. китайская правительственная делегация во главе с вице-премьером Гэн Бяо посетила Финляндию. В ходе визита было подписано Соглашение об экономическом, промышленном и научно-техническом сотрудничестве и создана двусторонняя комиссия, которая проводит ежегодные встречи.

С начала 1980-х годов китайско-финляндские отношения переходят на качественно новый уровень. Резко расширяется обмен визитами, постоянно растет экономическое, научно-техническое и культурное сотрудничество. В 1992 г. состоялся визит в Финляндию премьера Госсовета КНР Ли Пэна, а в 1995 г. – государственный визит председателя КНР Цзян Цзэминя. Высокопоставленные лица из Финляндии посещали КНР еще чаще: в 1986 г.– премьер-министр Калеви Сорса, в 1988 г. – президент Мауно Койвисто, в 1994 г. – спикер парламента Риитта Уосукайнен, в 1994 г. – премьер Эско Ахо, в 1998 г. – премьер-министр Пааво Липпонен.

В 1996 г. проходил государственный визит в Китай президента Финляндии Марти Ахтисаари. В 1999 г. он принял участие в церемонии возвращения Макао в состав Китая. В том же году торжественно и на самом высоком уровне была отмечена 50-я годовщина установления дипломатических отношений между КНР и Финляндией. В ноябре 2002 г. президент Финляндии Тарья Халонен нанесла государственный визит в КНР.

Современное состояние отношений. С 1980-х годов начали интенсивно развиваться торгово-экономические связи двух стран. К настоящему времени подписаны и претворяются в жизнь в общей сложности 150 инвестиционных проектов с общим объемом капиталовложений около 560 млн долл. В Китае работают 110 совместных китайско-финских предприятий, среди которых наиболее крупными являются: *Valmet (Xian) Paper Machine Co. Ltd.*, *Nokia (Beijing) Mobile Telecommunications Ltd.*, *Kone Elevators Co. Ltd.* (в пров. Цзянсу). Основные виды китайского экспорта в Финляндию: текстиль, одежда,

зерно и масличные культуры, продукты питания, продукция легкой промышленности. Китай импортирует из Финляндии телекоммуникационное оборудование, бумагу, строительный картон, оборудование для производства бумаги, удобрения, кабель и провода. В 1988 г. авиакомпания Finnair открыла регулярное воздушное сообщение между Хельсинки и Пекином.

В 1973 г. было заключено двустороннее соглашение об обмене студентами. По данным 2002 г., 1300 китайских студентов обучались в Финляндии и 160 финских студентов – в Китае. Во всех ведущих университетах Финляндии ведется преподавание китайского языка и китаеведных дисциплин. В сентябре 2002 г. началось преподавание финского языка в Пекинском университете иностранных языков. В 1986 г. между двумя странами было подписано Соглашение о научном и техническом сотрудничестве.

В 1980 г. КНР и Финляндия подписали Программу культурных обменов и сотрудничества, которая обновляется и продлевается через каждые три года. Благодаря этому культурные связи между двумя странами развиваются чрезвычайно быстрыми темпами. Финляндию неоднократно посещали различные музыкальные, танцевальные и цирковые коллективы из Китая. Особенно большой популярностью пользуются гастроли традиционной китайской оперы. С успехом выступали в Китае академический симфонический оркестр Финляндии им. Сибелиуса и симфонический оркестр города Турку, финские танцевальные коллективы. В 2006 г. на экраны вышел первый финско-китайский художественный фильм «Нефритовый воин», соединяющий в себе элементы китайского жанра *уся* и финского эпоса «Калевала».

В начале 2008 г. в преддверии Пекинской Олимпиады на одной из центральных площадей финской столицы была развернута фотовыставка, включавшая материалы об участии спортивной делегации из КНР в Олимпийских играх 1952 г. в Хельсинки.

Расширяются побратимские связи между городами Китая и Финляндии, растет количество городов-побратимов. Пионерами в этом деле выступили города Муданьцзян и Йювяскюля, установившие партнерские отношения в 1990 г. В настоящее время Финляндия имеет свои генеральные консульства в Гуанчжоу, Шанхае и Гонконге.

Руководители КНР и Финляндии о характере и перспективах двусторонних отношений. Премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао, посетивший в сентябре 2006 г. Хельсинки, на встрече с президентом Финляндии Тарьей Халонен отметил, что Финляндия одной из первых среди западных стран установила дипломатические отношения с

КНР и первой подписала с Китаем межправительственное соглашение. В течение многих лет КНР и Финляндия развивают отношения на основах уважения, равноправия и взаимной выгоды.

В сентябре 2006 г. во время проходившего в Хельсинки саммита «Китай – ЕС» состоялась встреча Вэнь Цзябао и премьер-министра Финляндии Матти Ванханена. М.Ванханен заявил, что обе страны имеют хорошие перспективы для расширения торгово-экономического сотрудничества, и проявил интерес к стратегии возрождения и развития старых промышленных баз на Северо-Востоке Китая. Он также подчеркнул, что Финляндия неуклонно придерживается политики «одного Китая». 6 сентября 2007 г. в Даляне, в рамках форума «Летний Давос», состоялась встреча Вэнь Цзябао и Т.Халонен. Президент Финляндии – страны, в то время председательствовавшей в Европейском союзе, отметив успешное развитие финляндско-китайских отношений и огромный потенциал двустороннего сотрудничества, выразила желание приложить все усилия для развития европейско-китайских отношений. Она также подчеркнула важность участия Китая в обсуждении глобальных проблем современного мира. Вэнь Цзябао назвал Финляндию «важным партнером Китая» в Европе и подчеркнул, что сотрудничество между двумя странами принесло ощутимые результаты. По словам главы китайского правительства, Китай готов изучать и заимствовать у Финляндии накопленный ею опыт в таких областях, как энергосбережение, охрана окружающей среды и научно-технические инновации. В 2008 г. премьер-министр Финляндии Матти Ванханен, представляющий Партию Центра, невзирая на призывы оппозиции и депутатов Европарламента бойкотировать Олимпийские игры в Пекине, заявил о том, что будет присутствовать на открытии Олимпиады, и, подчеркнув, что нельзя смешивать политику и спорт, напомнил, что Финляндия никогда не принимала участия в бойкотах спортивных мероприятий.

Еще одна сфера взаимодействия Китая и Финляндии на современном этапе – сотрудничество в области изучения климатических изменений на планете и в сфере охраны окружающей среды. Эти вопросы обсуждались во время визита М.Ванханена в Китай и его встреч с Вэнь Цзябао в апреле 2009 г. Ванханен отметил, что Финляндия готова предоставить Китаю самые передовые технологии в сфере охраны окружающей среды, рассчитывая на сотрудничество в деле планирования и строительства экологически чистых городов. В условиях международного финансового кризиса, по его мнению, Китай и Финляндия могут найти пути для наращивания торговли и взаимных инвестиций.

Активно развивается сотрудничество Финляндии с отдельными регионами КНР. Особый интерес в этом смысле вызывает пров. Гуандун. Посетивший ее в сентябре 2005 г. премьер-министр М.Ванханен на встрече с председателем народного правительства этой провинции Хуан Хуахуа заявил о готовности Финляндии сотрудничать с провинцией в сфере информатики, целлюлозно-бумажной промышленности, машиностроения, охраны окружающей среды, туризма и биофармацевтики. В настоящее время в Гуандуне действуют 11 объектов с участием финского капитала, введено регулярное воздушное сообщение между Хельсинки и Гуанчжоу.

Китайско-финляндское взаимодействие: перспективы для России. Интенсивно развивающиеся торгово-экономические и научно-технические связи Китая и Финляндии и географическое положение России создают предпосылки для активного включения нашей страны в процесс их взаимодействия.

В марте 2007 г. было заявлено, что Министерство транспорта РФ планирует участвовать в организации транспортного коридора Финляндия – Китай. Согласно концепции Минтранса, подобный коридор должен связать Китай, Казахстан и основные регионы России с Финляндией, а через нее – со всей Северной Европой. По словам ответственных работников Министерства, предусмотрены средства на реконструкцию, расширение и приведение в соответствие с международными стандартами дорожно-транспортного полотна на участках, проходящих по территории России. При этом некоторые отечественные эксперты отмечают наличие ряда трудностей в деле организации ускоренных контейнерных перевозок между Китаем и Европой по Транссибирской магистрали.

20 сентября 2007 г. на территории железнодорожного бизнес-парка в небольшом финском городе Коувола, расположенном вблизи российско-финляндской границы, был открыт Китайский торговый центр. В первой очереди центра разместились представительства 30 компаний из КНР, в течение 2008 г. к ним добавилось еще около 70 организаций. Предложенная концепция выставки-ярмарки позволяет различным торговым компаниям из Финляндии и других стран знакомиться с продукцией китайских производителей в одном месте и там же налаживать нужные контакты. Кроме того, в январе 2008 г. в Коуволе введена в эксплуатацию первая очередь специализированного складского комплекса «Innofood Centre», площадью 10 тыс. кв. м, предназначенного для хранения продуктов питания. Однако, по словам представителей финской стороны, несмотря на это, трафик меж-

ду Дальним Востоком и Финляндией, проходящий через Коуволу, остается очень скромным и в основном состоит из отдельных поездов. Европейский и китайский рынки ждут увеличения перевозок контейнеров по Транссибу, что объективно выгодно и российской стороне.

31 октября 2008 г. в Хельсинки состоялось пленарное заседание первого российско-финляндско-китайского экономического форума. Важнейшим на форуме стал вопрос о расширении транспортных перевозок между Китаем и Европой. Министр внешней торговли и развития Финляндии Пааво Вяюрюнен говорил о необходимости подобного расширения, для чего необходимо увеличить возможности Транссиба. Железнодорожные перевозки он выделил в качестве приоритетной сферы развития трехсторонних отношений. Об этом же говорили и китайские участники форума.

Старовойтова Е.О.,
Восточный факультет СПбГУ

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ КНР В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Отношения с развивающимися странами – одно из приоритетных направлений внешнеполитической стратегии КНР в XXI веке. Латинская Америка занимает особое место в системе международных интересов КНР, являясь опорой для модели, основанной на кооперации Юг–Юг.

На сегодняшний день КНР установила отношения стратегического партнерства с крупнейшими странами региона – Бразилией (1993 г.), Мексикой (2003 г.) и Аргентиной (2004 г.) – и отношения «всестороннего партнерства» с Чили (2004 г.) и Перу (2005 г.). Развиваются отношения и с другими странами региона.

Бразилия, Аргентина, Чили и Перу – крупнейшие в регионе рынки сбыта китайских товаров и ведущие поставщики сырья для КНР.

Бразильский экспорт в КНР представлен, прежде всего, железной рудой (70%), сталью и соевыми бобами. До 80% объема аргентинского экспорта в КНР составляют соевые бобы. Помимо сои, Китай импортирует из Аргентины пшеницу, руды металлов, кожу. До 74% чилийского экспорта в Китай составляет медь. Перу экспортирует в Китай продукты горнорудной, рыбной промышленности и сельского хозяйства. Китай поставляет в эти страны широкий спектр продукции бытовой электроники и электротехники, производственное оборудование, продукцию химической промышленности.

Бразилия – единственная латиноамериканская страна, входящая в десятку ведущих торговых партнеров Китая. Страны сотрудничают в нефтегазовой сфере, в области ядерных разработок, космических технологий и авиационного производства. Расширяется сотрудничество Китая и Бразилии в качестве развивающихся рынков в формате БРИК.

Растет число долгосрочных проектов в *Аргентине* с участием китайских инвесторов в области железнодорожного строительства, оснащения портов, а также в энергетике.

Отношения Китая и *Чили* строятся на прочной прагматической основе. Чили – первая латиноамериканская страна, поддержавшая вступление КНР в ВТО. В 2005 г. Чили первой в регионе подписала с КНР соглашение о создании зоны свободной торговли. Среди стратегических интересов КНР в этой республике – планы по превращению глубоководных портов Чили в важный перевалочный пункт в транспортировке китайских товаров в глубь континента.

Китайско-*перуанское* сотрудничество наиболее активно развивается в горнодобывающей и в газовой сфере. Хотя в 2008 г. цены на сырье испытали значительное падение, Перу показала экономический рост и добилась статуса наиболее быстро растущей экономики в Южной Америке, во многом благодаря спросу на ресурсы со стороны Китая. А стратегическое положение Перу на побережье Тихого океана делает ее наиболее удобным пунктом для отправки товаров в КНР из Бразилии и других районов Южной Америки. Сегодня Перу и Бразилия сотрудничают в строительстве транспортной магистрали, которая свяжет Сан-Паулу и Лиму, что облегчит доставку необходимых товаров в Азию, и в частности в Китай.

Сложнее складываются отношения КНР с Центральной Америкой, прежде всего с *Мексикой*. Торговые отношения сторон характеризуются объемным дефицитом сальдо для центральноамериканских стран, за исключением Коста-Рики. Со вступлением Китая в ВТО более дешевые китайские товары стали замещать мексиканские на рынке основного торгового партнера обеих стран – США. Прежде всего это коснулось текстильной промышленности, промышленного оборудования и автомобилестроения. Конкуренция за рынки третьих стран привела к возникновению трений. Мексика – основной в регионе инициатор антидемпинговых расследований против китайских товаров. Китайская сторона считает подобные действия проявлением дискриминации и нарушением правил ВТО. Однако противостояние Мексики с Бразилией за роль регионального лидера приводит КНР

к необходимости активно развивать отношения в различных направлениях с обеими странами, чтобы не спровоцировать недовольство одной из них.

Венесуэла как поставщик нефти и нефтепродуктов – один из основных партнеров КНР в регионе в сфере энергетики. Активное развитие связей с Китаем началось с приходом к власти в Венесуэле президента Уго Чавеса. Партнерство с КНР дало Венесуэле возможность увеличить объемы экспорта нефти. В 2001 г. между сторонами был подписан меморандум сроком на 10 лет о сотрудничестве в сфере энергетики. На 2009 г. запланированы ежедневные поставки венесуэльской нефти в КНР в размере 500 тыс. баррелей в день. К 2012 г. планируется увеличить поставки до 1 млн баррелей в день.

Венесуэла также участвует в реконструкции нефтепровода в Панаме для транспортировки топлива в КНР. Китай, в свою очередь, увеличил поставки военной техники в Венесуэлу, опередив Испанию и став вторым партнером Венесуэлы в этой сфере после России. В 2008 г. с территории КНР произошел запуск первого венесуэльского космического спутника «Симон Боливар», построенного в Китае.

Проблема энергоресурсов присутствует и в отношениях Китая с другими странами региона. Китай осуществляет крупные вложения в нефтяную индустрию *Аргентины, Бразилии, Колумбии, Кубы, Перу и Эквадора.*

Куба – один из основных поставщиков сахара и никеля для азиатского гиганта. Но стратегически важной для КНР Кубу делает ее близость к США. В 1999 г. страны подписали соглашение об использовании спутниковой станции в Бехукале для связи с китайскими спутниками. Специалисты из Соединенных Штатов полагают, что этот пункт, наряду с Сантьяго-де-Куба, используется Китаем для сбора информации о США. Обсуждается возможность организации прямого воздушного сообщения между Пекином и Гаваной, чтобы столица Кубы, а не Лос-Анджелес, стала перевалочным пунктом на пути китайских туристов в Латинскую Америку.

Другой значимый для КНР стратегический пункт в Латинской Америке – ***Панама*** – крупнейший дипломатический партнер Тайваня в регионе. Китай укрепляется на этой точке посредством экономического сотрудничества, в частности, путем размещения китайских банков в панамских оффшорных зонах. Как владелец Панамского канала, страна влияет на динамику торговых отношений КНР с ее партнерами в регионе, а также с США. В 2000 г. вся территория Панамского канала перешла к панамцам, и власти страны объявили тендер на

управление каналом. Его выиграла компания *Hutchison Whampoa Ltd* (владелец – гонконгский магнат Ли Ка Шин). Помимо этого, китайские инвесторы при поддержке правительства КНР высказали большую заинтересованность в участии в проектах по усовершенствованию инфраструктуры канала. Цель этих действий – переориентация в торговле нефтью на побережье Тихого океана.

Что касается стран Карибского бассейна, то среди них находится большое число дипломатических партнеров Тайбэя, и Пекин в текущем десятилетии предпринимал определенные усилия для «переманивания» таких стран на свою сторону.

Сегодня можно говорить о долгосрочной стратегии КНР в отношении стран Латинской Америки. Основные цели этой стратегии таковы:

1. Обеспечить себе доступ к ресурсам и рынкам сбыта Латинской Америки.

2. Организовать новую систему сообщения со странами региона для наиболее удобного товарообмена.

3. Увеличить свой престиж на международной арене, привлекая все больше партнеров среди стран Латинской Америки и Карибского бассейна.

4. Уменьшить число государств, признающих Тайбэй.

5. Создать условия для возможной в будущем конкуренции с США, не вызвав ответной агрессии.

КНР планомерно идет к осуществлению этих целей и в течение последних нескольких лет стала одним из центральных игроков в регионе. Обнародованный МИД КНР в конце 2008 г. официальный документ «Политика Китая в отношении стран Латинской Америки и Карибского бассейна» подтверждает высокую заинтересованность Пекина в дальнейшем развитии отношений с данной группой государств. Однако, как отмечает один мексиканский специалист, «рано или поздно шаги Мао на внутреннем дворе Монро начнут беспокоить США»[1].

---

[1] China-America Latina: una relacion economica diferenciada // Revista Mexicana de Politica Exterior. 2005 No. 75. C. 47.

Мисакян С. И.,
Дипломатическая академия МИД России

КИТАЙСКАЯ ПОЛИТИКА «МЯГКОЙ СИЛЫ» В ОТНОШЕНИИ АСЕАН

В последние годы КНР демонстрирует большую, чем раньше, готовность следовать общепризнанным нормам и правилам международного сообщества. Для таких стран, как США, «социализированный на международном уровне» Китай становится необходимостью как минимум по двум причинам. Во-первых, международные нормы, сдерживающие любое потенциально нерациональное поведение этой возрастающей силы, смогут уменьшить восприятие угрозы, исходящей от этого роста. Во-вторых, включение Китая в международные процессы – скорее, чем его изоляция – в ближайшем будущем может стать более конструктивным и благоприятным фактором для обеспечения большей прозрачности в региональных процессах. Эти предположения, несомненно, отражают общие опасения по поводу возрастающей угрозы со стороны Китая и неуверенность в том, каковы будут последствия его роста на региональном и глобальном уровнях международных отношений. «Расширяющийся» Китай из-за своей величины (географической, демографической и экономической) сам по себе представляет «глобальный вызов». Но наличие «китайского вызова» нетождественно способности КНР претендовать на мировое лидерство. Китай вплотную приблизился к позиции, с которой он может рассчитывать на гораздо более высокий международный статус, но сам он эти претензии никак не обозначил. Скованный наличием колоссальных внутренних проблем Китай, прежде всего, должен решать их, хотя переход в новое статусное качество дает возможность автоматически разрешить часть этих внутренних проблем, что не может не понимать китайское руководство.

Демонстрируя уважение к принципам мультилатерализма, Китай одновременно изыскивает пути повысить свою репутацию на международной арене параллельно с обеспечением собственных национальных интересов. Пекин стал более практичным в подписании стратегических соглашений с партнерами и более гибким в привлечении международной поддержки. Новые политические инициативы, такие, как «улыбчивая дипломатия» *(weisiao waijiao),* «публичная дипломатия» *(gonggong waijiao)* и «добрососедская дипломатия» *(mulin waijiao),* играют важную роль в стремлении Пекина стать региональным лидером.

Возьмем для примера отношения КНР и АСЕАН. В 1991 г. между ними были установлены официальные отношения. Для Китая АСЕАН является близким соседом, который охватывает стратегически важный для национальной безопасности КНР регион. АСЕАН также служит идеальной платформой для участия Китая в международных делах Восточной Азии, в то время как Пекин дает возможность странам АСЕАН уменьшить свою зависимость от США и Японии. Такие взаимоотношения имели всевозможные ловушки взаимовыгодного сотрудничества. Хотя АСЕАН осознает возможность потенциального доминирования Китая в региональных вопросах, большинство ее членов верят, что процесс региональной интеграции способствует урегулированию возрастающей мощи. После азиатского финансового кризиса 1997 г. для стран АСЕАН стало невероятно трудно противостоять влиянию китайской экономической помощи и его «мягкой силы». Более того, в последние годы большинство стран АСЕАН были успокоены заявлениями Пекина о «мирном доминировании» и его имиджем благожелательного дружественного помощника.

«Мягкая сила» – это искусство убеждения, и китайское владение «мягкой силой» расширяет ее западное определение, так же как и раздвигает границы применения. С 1990-х годов КНР продвигала свои отношения со странами АСЕАН в сферах экономической взаимопомощи, торговли, финансов, инфраструктуры, бизнеса, окружающей среды, трудовых ресурсов, в вопросах развития и туризма. Всеобъемлющая и сложная стратегия «мягкой силы» Китая может быть разделена на *3 уровня: первый* – установление стабильных политических и финансовых связей с правительствами стран ЮВА посредством увеличения экономической помощи; *второй* – исследование рамок всестороннего сотрудничества по планам ЗСТ; *третий* – усиление культурной привлекательности и продвижение прокитайских подходов среди членов АСЕАН с помощью полугосударственных проектов. Иностранная экономическая помощь, создание всесторонней системы экономических сетей и культурные связи формируют ядро этой «мягкой силы».

Превращение Китая из развивающейся страны – получателя иностранной помощи в двустороннего донора – это последнее слово и важный признак достижений 1,3- миллиардной нации. Согласно китайской статистике, размер его годовой помощи достигает 970 млн долл., но реальные показатели, вероятно, выше[1]. В ЮВА сумма экономической помощи из Китая превзошла показатели Соединенных Штатов. Для примера, в 2002 г. китайская помощь Индонезии была

в 2 раза больше американской, а в 2006 г. помощь Филиппинам — в 4 раза[2]. Большая часть этих финансовых вливаний направляется в местную инфраструктуру.

С тех пор как основным содержанием китайско-асеановских отношений стала торговля, обширная экономическая сеть является другим ресурсом «мягкой силы» КНР. Государства Ассоциации рассматривают Китай не только как центр экономического притяжения, но и потенциальный рынок возможности деловой активности. По этой причине Китай максимально использует свои сравнительные преимущества, применяя экономическую дипломатию с ресурсами «мягкой силы» для выработки многосторонних рамок соглашений о свободной торговле. Пекин пытается наметить план взаимовыгодного сотрудничества, основываясь на зоне свободной торговли АСЕАН + Китай, для снижения региональной обеспокоенности по поводу обострения конкуренции на внешнем рынке и в сфере прямых иностранных инвестиций. В 2007 г. общий объем торговли Китая с АСЕАН превысил 200 млрд долл.

Китайская экономическая дипломатия в отношении АСЕАН, очень продуманная и глубокая, охватывает инвестирование в бизнес, туризм и новые инициативы по развитию. В рамках бизнес-сообщества расширение китайских деловых связей соответствует экономическим и стратегическим интересам Пекина в регионе. В октябре 2008 г. Китай организовал и провел 5-ю ЭКСПО Китай–АСЕАН и китайско-асеановский деловой и инвестиционный саммит, пригласив участвовать в выставке 1154 компании государств АСЕАН, подписав 1372 инвестиционных договора[3]. При этом межличностные взаимоотношения среди молодых лидеров и деловой элиты обеих сторон устанавливаются и реализуются на 16 различных форумах и встречах. Со стратегической точки зрения, ежегодная двусторонняя ЭКСПО содействует установлению многочисленных деловых связей с целью помочь китайским госкомпаниям, а также малому и среднему бизнесу инвестировать и сотрудничать с деловыми кругами ЮВА и чрезвычайно важна для осуществления Пекином политики «мягкой силы». Таким образом, активное сотрудничество с местным бизнесом породило неподдельное внимание к Китаю со стороны АСЕАН. Пекин, в свою очередь, расширил сферу влияния на асеановских рынках.

Осторожно используя ресурсы «мягкой силы», Китай приобретает большее влияние в АСЕАН, создает дополнительные каналы общения с населением ЮВА. Китай перестал быть «неповоротливым гигантом» по отношению к своим южным соседям, а проявляет себя

как «подвижный дракон» в делах распространения преобладающего влияния на регион.

---

[1] *Thomas Lum.* Comparing Global Influence: China's and U.S. Diplomacy, Foreign Aid, Trade and Investment in the Developing World/ CRS Report for Congress (2008). P..33/ URL: www.fas.org/sgp/crs/row/RL34620.pdf

[2] *Joshua Kurlantzick.* China's Charm: Implications of Chinese Soft Power"? //Carnegie Endowment for International Peace Policy Brief. № 47 (2006). P. 3.

[3] Синьхуа. 25.10.2008.

Олейников И. В.,
аспирант Иркутского государственного университета

КИТАЙСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА И СТРАНЫ ОКЕАНИИ: РАЗВИТИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ИЛИ ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ?

В начале XXI в. Китайская Народная Республика, во многом благодаря своим грандиозным экономическим достижениям, все более энергично начинает очерчивать контуры своих внешнеполитических интересов в Океании, заявляя о себе как о новой политической и экономической силе. Малые островные государства Океании, экономики которых являются преимущественно дотационными, также ожидают от активизации сотрудничества с КНР определенных дивидендов. Все это позволяет заявить, что официальный Пекин отнюдь не пренебрегает установлением тесных контактов с малыми государствами, понимая, что с учетом роста тенденций взаимозависимости в современном мире такая политика наверняка оправдает себя в будущем.

Первые контакты между КНР и Океанией начались в конце XIX в. Именно в это время колониальные администрации Великобритании, Франции, Германии и США стали способствовать привлечению китайцев в свои островные владения с целью использования их дешевого рабочего труда. В середине 1970-х годов Китайская Народная Республика установила дипломатические отношения с Фиджи и Западным Самоа[1]. Несколько позже последовало установление контактов с Папуа-Новой Гвинеей. К настоящему времени КНР четко обозначила свое присутствие в регионе, установив формальные и неформальные связи со всеми независимыми государствами, региональными организациями, включая Форум Тихоокеанских островов. Если политическая составляющая взаимоотношений остается на постоян-

ном уровне, то значимость их экономических компонентов в последние годы усиливается. Китай заинтересован в расширении торговых контактов и технического сотрудничества со странами Океании, предоставлении инвестиций и гуманитарной помощи развивающимся островным государствам. Так, в период с 2002 г. общий объем торговли между Китаем и странами, входящими в Форум Тихоокеанских островов, увеличился на 200%, достигнув к концу 2006 г. 1 млрд долл.[2] Все больше китайских туристов ежегодно совершают туристические поездки в страны Океании. Однако для растущей экономики КНР более важны энергетические и природные ресурсы стран «тихоокеанского рая». Так, Соломоновы острова и Папуа-Новая Гвинея – важный источник древесины и рыбы. В Папуа крупнейшая китайская нефтяная компания, *China National Petroleum*, планирует строительство завода по переработке природного газа, а металлургический консорциум *Chinese Metallurgical Construction Corporation* с 2006 г. участвует в проекте по освоению месторождений никеля и кобальта в провинции Маданг[3]. Помимо этого, в 2006 г. правительство Папуа-Новой Гвинеи подписало соглашение с Бюро разведки полезных ископаемых Китая о совместном поиске месторождений угля, хромистого железняка и золота. Таким образом, посредством промышленного освоения ресурсов Океании КНР помогает формированию своего имиджа значимой региональной державы, на что с опаской смотрят традиционные игроки – Новая Зеландия, Австралия, Соединенные Штаты и отчасти Япония: ведь исторически Океания являлась зоной притяжения преимущественно их интересов. Появление нового регионального актора способствует нарастанию напряженности, ведь китайская дипломатия преследует не только экономические цели.

Так, за последние два десятилетия Пекин пытается усилить свое политическое влияние среди островных государств, так как ему необходима их поддержка в деятельности различных международных организаций, в частности ООН. Этому способствует своеобразная «дипломатия визитов», благодаря которой лидеры океанийских государств ежегодно совершают визиты доброй воли в Пекин. Такие визиты являются реакцией малых стран региона на гуманитарную помощь, которую регулярно оказывает КНР. К ней относятся строительство спортивных и культурных сооружений, а также поставки продовольствия и прямые финансовые вливания в неразвитые экономики стран Океании. Осуществление подобных программ оказывает существенную поддержку в реализации внешнеполитического курса КНР, и даже в некоторой степени изолирует Южно-Тихоокеанский регион

от экономических устремлений Японии и Тайваня. Особенно примечательно соперничество КНР и Тайваня в Океании по вопросу реализации политики «одного Китая»[4]. В настоящее время 6 государств Океании (Кирибати, Соломоновы острова, Палау, Маршалловы острова, Тувалу, Науру) признают в качестве легитимного правительства Китая администрацию Тайбэя. Остальные 7 малых стран региона (Папуа-Новая Гвинея, Самоа, Тонга, Фиджи, Острова Кука, Вануату, Федеративные Штаты Микронезии) установили дипломатические отношения с Китайской Народной Республикой. Именно поэтому официальный Пекин пытается повлиять на политику малых стран, склоняя их к признанию КНР, – ведь это поспособствует укреплению позиций страны на международной арене. Западные аналитики выражают свои опасения по поводу того, что «дальнейшее дипломатическое соперничество между КНР и Тайванем будет способствовать дестабилизации слабых политических режимов островных государств.., делая тихоокеанскую политику более коррумпированной и жестокой»[5].

В китайской внешней политике в Океании присутствует и значительный стратегический компонент. Это связано с тем, что во времена «холодной войны» КНР рассматривалась другими внешними акторами – странами Запада (США, Австралией, Новой Зеландией) как союзник в деле противодействия советской экспансии в Океании. Действительно, Китай активизировал свою региональную политику после того, как СССР установил дипломатические отношения с Фиджи и Тонга[6]. Этот шаг рассматривался западными аналитиками как грозящий советской морской экспансией, расширением геополитического присутствия СССР в Южно-Тихоокеанском регионе, поэтому страны Запада не препятствовали усилению китайского влияния в Океании. Однако после распада СССР ситуация изменилась, и теперь уже между странами Запада и КНР постепенно формируется скрытая конфронтация по вопросу влияния на слабые режимы государств Океании, а также за право доступа к богатым минерально-сырьевым ресурсам региона, КНР рассматривается как долговременная угроза, которая может постепенно вытеснить традиционное влияние Соединенных Штатов.

Суммируя вышеизложенное, необходимо отметить, что КНР проводит политику многовекторной дипломатии, реализуя внешнеполитические интересы страны даже в таком отдаленном уголке земного шара, как Океания. Развитие торговых связей и мощное экономическое присутствие в ЮТР посредством инвестиций, гуманитарной помощи, укрепле-

ния связей с китайской диаспорой формируют определенный кредит политического доверия у океанийских элит, позволяя Пекину добиться определенных долгосрочных выгод в стратегическом плане.

---

[1] New Zealand Foreign Affairs Review. November 1975. Vol. 25. No. 11. P. 37.

[2] *Wesley-Smith T.* China in Oceania: New Forces in Pacific Politics.Honolulu: East-West Center, 2007. P. 10.

[3] Ibidem.

[4] *Lai I-chung.* Taiwan Examines its Policies of Diplomacy [Электронный ресурс] / I-chung Lai // China Brief. October 4, 2006. № 6 (20). URL: http://jamestown.org/china_brief/article.php?articleaid=2373227. (26 апр. 2009).

[5] Dobell G. China and Taiwan in the South Pacific: Diplomatic Chess versus Political Rugby [Электронный ресурс] // Chinese in the Pacific: Where to Now? ed. Paul d'Arcy. CSCSD Occasional Paper, 2007. No.1. May. URL: http://rspas.anu.edu.au/cscsd/occasional_papers/index. php?issue=01. (15 апр. 2009).

[6] New Zealand Foreign Affairs Review. April-June 1976. Vol. 26. No. 4. P. 78.

Забровская Л. В.,
к. и. н., Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

ЭВОЛЮЦИЯ КИТАЙСКОЙ СТРАТЕГИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СТАБИЛЬНОСТИ НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ*

В соответствии с современной китайской внешнеполитической доктриной Китай осуществляет курс, направленный на создание мирной и стабильной обстановки по всему периметру своих границ. Пристальное внимание уделяется ситуации на Корейском полуострове. В интересах Китая — соблюдение статус-кво в этом регионе, что прежде всего подразумевает сохранение политического режима в КНДР. В то же время Китай выступает против ядерной программы Пхеньяна. Руководители обеих стран характеризуют отношения Китая и КНДР как традиционно дружественные, очень тесные, подобные «губам и зубам», объединенные «общими горами и реками». Благодаря заключению 11 июля 1961 г. бессрочного военно-политического Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи Китай и КНДР стали друг для друга военно-политическими союзниками. Это налагало на обоих партнеров особую ответственность за защиту союзника от внешних опасностей. Опираясь на поддержку друг друга, они

---

* *Работа выполнена при поддержке гранта Президиума ДВО РАН 2009 г. № 09-III-11-555.*

сумели в тяжелые времена сохранить военно-политический баланс сил в Северо-Восточной Азии.

Китайские политические цели состоят в том, чтобы держать ситуацию в КНДР под собственным контролем и не допускать какого-либо внешнего вмешательства, даже стран - постоянных членов ООН. Поэтому Китай не одобрил предложение США о проведении многосторонних переговоров по урегулированию ядерной угрозы на Корейском полуострове по формуле 5+5 (пять постоянных членов ООН плюс КНДР, РК, Япония, Евросоюз и Австралия). Однако, видя, что в таком случае можно потерять инициативу в корейском вопросе, китайский МИД предложил провести трехсторонние переговоры между делегациями Китая, КНДР и США, которые состоялись в апреле 2003 г., но не имели какого-либо положительного результата.

Более успешными оказались китайские усилия по проведению шестисторонних переговоров по ликвидации ядерной угрозы на Корейском полуострове.

Осудив в 2006 г. через дипломатические каналы проведение в КНДР ядерного испытания, Китай при активной поддержке России не позволил США воспользоваться мандатом ООН и ввести военно-политические санкции против КНДР, экономически изолировать ее. Таким путем был сохранен статус-кво на Корейском полуострове и не произошло падения северокорейского режима, а, следовательно, обеспечена безопасность восточных границ Китая.

Торгово-экономические контакты между Китаем и КНДР также подчинены политическим задачам. В течение первых лет нового столетия наблюдается быстрый рост китайских инвестиций в северокорейскую экономику, которые к 2007 г. превысили 100 млн долл. и помогли укреплению китайского политического влияния на Севере Корейского полуострова. Экономические условия для китайских инвестиций в КНДР и северокорейских в Китае более благоприятные, чем для других стран, что способствует росту численности совместных предприятий. Более 60 совместных китайско-северокорейских совместных предприятий располагаются не только в КНДР, но и в соседних китайских провинциях — Цзилинь и Ляонин. В 2008 г. объем товарооборота между двумя странами впервые превысил отметку в 2 млрд долл. На протяжении последних 10 лет Китай занимает 1-е место во внешней торговле КНДР и 3-е во внешней торговле Республики Корея, что свидетельствует о важности китайского фактора в экономике обоих корейских государств. Китайских бизнесменов привлекает в КНДР низкая стоимость рабочей силы, которая

в 3-4 раза дешевле, чем китайская: северокорейским рабочим можно платить всего 80 юаней в месяц. Поэтому китайские бизнесмены переносят трудоемкие производства в КНДР. Китайский частный и государственный бизнес вкладывает средства в северокорейские предприятия легкой и пищевой промышленности, в разработку полезных ископаемых, строительство морских портов и дорог. Все экономические мероприятия китайской стороны подчинены задаче более широкого вовлечения КНДР в торгово-экономические контакты с Китаем.

Китайские власти стремятся, чтобы торгово-экономические связи с КНДР трансформировались из идеологически мотивированных в экономически выгодные для обеих сторон. Отчасти это достигается путем импорта из КНДР сырья по льготным ценам и поставок китайского продовольствия и одежды – также по сниженным ценам. Подобная экономическая политика помогает решать проблемы экономической безопасности, что в настоящее время очень актуально для КНДР, так как снижает эффективность проведения экономической блокады со стороны США и Японии. В перспективе от этого больше выиграет Китай, который сможет использовать северокорейские природные ресурсы как свою сырьевую базу.

В связи с этим можно заметить, что США, Япония и РК, отказываясь от установления дипломатических отношений и развития экономических контактов с КНДР, косвенно сами способствуют укреплению китайско-северокорейского сотрудничества. В свете такого замечания по-другому выглядит непреклонное стремление КНДР завязать прямые контакты с США. Это может указывать на намерение северокорейского руководства выйти из-под китайского контроля и расширить свои внешнеполитические связи. При этом КНДР не стремится отказаться от военно-политического союза с Китаем, который продолжает рассматриваться в Пхеньяне в качестве стратегического партнера, заинтересованного в сохранении государственного строя и, главное, нынешнего руководства КНДР. Поэтому есть основания предполагать, что Китай, используя гибкую внешнюю политику, удержит на длительное время ведущие позиции на Севере Корейского полуострова.

Из всего вышесказанного следует, что Китай рассматривает КНДР как ключевое звено своей безопасности в СВА. В Пекине полагают, что китайским интересам в наибольшей степени отвечает сохранение КНДР как самостоятельного государства. Поэтому Китай оказывает Пхеньяну военно-политическую поддержку и экономическую помощь, а также прилагает серьезные усилия для предотвращения воен-

ного конфликта на полуострове и развала северокорейского режима.

Анализируя китайскую стратегию обеспечения безопасности на Корейском полуострове, следует подчеркнуть эволюционный характер ее развития. За последние десятилетия центр ее тяжести переместился из чисто военной сферы в военно-политическую, а в последние годы эта стратегия приобрела политико-дипломатические очертания. Это соответствует новейшей китайской внешнеполитической доктрине — формированию мирных дружественных связей со своими соседями, превращению Китая в экономически привлекательного партнера и нахождению точек соприкосновения и взаимопонимания с США по острым военно-политическим вопросам. Все китайские внешнеполитические шаги нацелены на сохранение статус-кво на Корейском полуострове, а, следовательно, обеспечение безопасности восточной границы Китая.

Кузнецов В.С.,
д. и. н., ИДВ РАН

КИТАЙ — ИНДИЯ: НА ПУТЯХ ОБЩЕНИЯ КУЛЬТУР

Развивающиеся страны, к которым причисляют себя Китай и Индия, сходны не только экономически, по уровню своего развития, но и в известном смысле имеют идеологическую общность. Она проистекает от общей духовной традиции, а именно буддийской. Пришедший из Индии буддизм духовно оплодотворил китайскую культуру. Учение Будды выступает и в наши дни связующим звеном для межцивилизационного общения двух азиатских государств.

Шакья-Муни Будда изначально явился властителем душ азиатов, его заповеди владели умами жителей Азии намного раньше, чем определенная часть мыслящих азиатов восприняла учение Маркса. Последний был европейцем, за ним для обыденного сознания азиатов стояла Европа. Она предстает в глазах народов Азии не столько как носительница более передовой цивилизации, но, прежде всего, как олицетворение гнета империализма и колониализма.

Политическая культура Запада в целом неприемлема для Востока, провозглашал Сунь Ятсен. В своей речи (28 ноября 1924 г.) он говорил: «Британия, Америка и другие страны сильны в макиавеллизме, восточные народы не имеют позыва к такой политике... Азиатская культура превосходит культуру Запада».

В борьбе с империализмом и колониализмом Индия и Китай об-

рели национальную независимость и свободу от западного культуртрегерства. Буддизм, как порождение азиатской цивилизации, ближе менталитету обыденных азиатов именно в силу своего, «туземного» происхождения.

Партийно-государственное руководство КНР представляет буддизм как своего рода духовно-идеологическую основу для развития отношений между народами Китая и Индии. За последние годы наблюдается расширение разносторонних связей между КНР и Индией в сфере культурного общения. Это происходит благодаря целенаправленным усилиям официального руководства обеих стран. Во время встречи с премьер-министром Индии Сингхом (апрель 2005 г.) премьер КНР Вэнь Цзябао выдвинул программу по развитию китайско-индийских отношений. В частности, предусматривалось расширять культурные связи, делать более частыми контакты между людьми. Инициатива опосредовалась, прежде всего, в религиозно-духовной сфере, в области контактов по буддийской линии. В сентябре 2006 г. делегация религиозных деятелей Индии посетила Китай.

Выступая перед индийскими гостями, зампредседателя Китайского буддийского общества (КБО) Сюе Чэн акцентировал общее тяготение уроженцев Китая и Индии к распространению буддизма в Поднебесной. В течение двух тысячелетий китайские монахи непрерывно ходили на Запад за каноном, индийские монахи приходили с Востока распространять буддийское учение. Те и другие внесли вклад в развитие дружбы и взаимопонимания между буддистами и народами двух стран. Говоря иными словами, на почве буддизма сходились азиатский Запад с азиатским Востоком, взаимодействовали разные цивилизации, китайская и индийская. На почве буддизма сходились Запад и Восток – таков глубинный смысл сказанного руководителем КБО.

Пример тому – подвижничество китайского монаха Сюань Цзана (Чжуана). Во времена династии Тан он отправился в Индию, в прославленный монастырь Наланда – и провел там 10 лет. В своем получившем известность сочинении «Дай Тан Сиюй цзи» («Записки о путешествии на Запад в эпоху династии Великая Тан») Сюань Цзан запечатлел все, что видел и слышал в Индии. Это произведение в оценке Сюе Чэна – квинтэссенция культурных связей Индии и Китая. Чтя память великого Сюань Цзана, напомнил Сюе Чэн, руководители Китая и Индии Чжоу Эньлай и Джавахарлал Неру в свое время инициировали восстановление в монастыре Наланда учебного помещения, где занимался Сюань Цзан.

Считая важными дружеские связи Китая с Индией, правительство КНР в 2005 г. решило начать реконструкцию мемориального зала Сюань Цзана, где в течение более 50 последних лет не проводилось никаких работ. Завершение реконструкции этого памятника в 2006 г. станет отправной точкой в развитии культурных связей двух стран, выразил убежденность в беседе с религиозными деятелями Индии заместитель председателя КБО.

Наланда (штат Бихар), 12 февраля 2006 г., 11 часов утра.

Китайские и индийские представители подходят к звоннице у юго-восточного угла площадки перед мемориальным залом. По два человека поочередно бьют в колокол Мира. Потом кладут свежие цветы перед изваянием Сюань Цзана (который держит бамбуковую кошелку для канона), в центре площадки перед мемориальным залом. Восемь высокопоставленных китайских и индийских монахов снимают занавес, открывая памятник. Следом в зал входят китайские и индийские официальные лица, возжигают перед изваянием светильники. Затем совершается обряд буддийской службы. Китайские и индийские монахи ходят кругами перед изваянием Сюань Цзана, по отдельности читая свой канон. Прозвучали слова на санскрите. Настал черед китайских и индийских частных лиц. Перед мемориальным залом они выступают с речами.

Восстановление мемориального зала, подчеркивали ораторы, придает новый импульс культурным и религиозным связям между двумя странами. Звучали призывы, вдохновившись величием духа Сюань Цзана, написать новую главу китайско-индийской дружбы. Выражалась надежда, что в эпоху глобализации связи между Китаем и Индией будут развиваться день ото дня и участие КНР в восстановлении мемориального зала Сюань Цзана не будет преходящим.

Правительство и буддийские круги Китая, выразил надежду главный министр штата Бихар Нитиш-Кумар, поддержат в Наланде восстановленный университет мировой значимости, с тем, чтобы буддизм на священной земле в Наланде стал средоточием культуры Азии. Буддизм важен для развития двусторонних культурных отношений. Это было лейтмотивом выступлений и гостей, и хозяев. Китайская сторона, говорил начальник Управления по делам религий при Госсовете КНР Е Сяовэнь, вместе с соответствующими индийскими учреждениями продолжает развивать связи между двумя государствами по линии буддийской культуры.

Инаугурация мемориала Сюань Цзана продемонстрировала непреходящую значимость культурного общения стран-соседей с различной государственной идеологией. В этом были едины и власть

предержащие, и духовные лица, которых собрал вместе пример подвижничества Сюань Цзана.

Торжества в Наланде по своей значимости вышли далеко за рамки события в культурном общении Китая и Индии. Судя по выступлению главы китайской делегации Ли Чжаосина, Пекин сформулировал идейную основу для межгосударственного сотрудничества Китая и Индии на перспективу. Это не абстрактные общечеловеческие ценности и не навязываемая всем проповедь насилия во имя социального равенства, но буддизм. Не случайно именно открытие мемориала буддийского монаха министр иностранных дел КНР Ли Чжаосин обозначил как отправной пункт дальнейшего развития китайско-индийских отношений: «Давайте начнем с этого прекрасного примера!»

Далеко не все возможности для более тесного общения народов Китая и Индии использованы. В этом единодушны китайские и индийские эксперты. И тиражирование таких суждений – основание полагать, что представители общественности двух стран заинтересованы в развитии всесторонних связей по линии культуры.

Каток глобализации без упреждающего грохота, исподволь угрожает самобытности цивилизаций, больших и малых. Расширение по всем направлениям духовного общения народов Китая и Индии будет способствовать упрочению их цивилизационной идентичности, сохранению их своеобразия, их духовности.

Майборода Д.Ю.,
аспирант ИДВ РАН

КНР – ЕС: РАЗВИТИЕ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ

Вплоть до 1990-х годов Европейский союз (ЕС) считал Китайскую Народную Республику заметной, но не первостепенной державой. Это объяснялось невысокой активностью Китая в мировой политике за пределами своего Азиатско-Тихоокеанского региона и небольшим весом КНР во внешнеэкономических связях ЕС.

Официальные отношения между Китаем и Европейским экономическим сообществом (ЕЭС, в дальнейшем преобразовано в ЕС) были установлены 6 мая 1975 г. Несмотря на то, что вскоре были подписаны торговое соглашение и соглашение о торговле и экономической кооперации, о плодотворном взаимодействии и сотрудничестве до 1990-х годов говорить не приходится. Однако поскольку формирование нового мирового порядка после окончания «холодной войны»

было невозможно без участия Китая, то политика Европы на китайском направлении активизировалась. В этот интереснейший период углубления двусторонних отношений можно выделить ряд важных вех:

- В 1994 г. между Китаем и ЕС было подписано соглашение о политическом диалоге.
- В июле 1995 г. Еврокомиссия приняла первый стратегический документ, определяющий политику ЕС в отношении Китая. Главной причиной разработки «долгосрочной политики китайско-европейских отношений» стало укрепление политического и экономического веса КНР.
- С учетом растущей интеграции Китая в мировую экономику и углубления рыночных реформ, а также более ответственного поведения на международной арене в 1998 г. Европейский союз принимает новый документ – «Развитие всестороннего партнерства с Китаем».
- В 1998 г. стартуют ежегодные саммиты ЕС – КНР (механизм встреч лидеров КНР и ЕС, предусматривающий их проведение раз в год поочередно в Китае и Европейском союзе).

Именно 1998 год можно считать переломным в отношениях ЕС и Китая. Объяснить это можно тем, что Китай, а отчасти, и ЕС начинают рассматривать друг друга в качестве базовых элементов многополярного мира, в котором они могут играть более важную самостоятельную роль. После этого учащается обмен визитами на высоком уровне, улучшается механизм политического диалога и консультаций на разных уровнях между Китаем и Евросоюзом, что придает сильный импульс развитию их связей.

- В 2001 г. стороны решили установить отношения всестороннего партнерства.
- Вступление КНР в ВТО в декабре 2001 г. привело к быстрому росту торговли и инвестиционного сотрудничества Китая с Евросоюзом.
- В октябре 2003 г. по итогам 6-й встречи руководителей Китая и ЕС стороны договорились о развитии связей всестороннего стратегического партнерства. Тогда же был обнародован первый официальный документ КНР об отношениях с Евросоюзом.

Экономика Китая в последние годы приковывает к себе растущее внимание европейского бизнеса. В 2008 г. товарооборот Китая с ЕС превысил 400 млрд долл., что в 100 раз больше, чем в 1975 г. ЕС стал крупнейшим экономическим партнером Китая.

Усиление позиций Китая в определенной мере выгодно ЕС, поскольку оно позволяет европейским странам ослабить свою зависи-

мость от США. При этом военная угроза для европейских стран со стороны Китая в принципе отсутствует.

Вместе с тем в двусторонних отношениях существует проблема недостаточного взаимопонимания из-за цивилизационных, социальных, политических различий. Однако обе стороны настроены на углубление диалога и поступательное развитие отношений.

Тео В.,
д. н. Гонконгский университет

МЕЖДУ ВРАЖДОЙ И СОТРУДНИЧЕСТВОМ: НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ В СОВЕТСКО-КИТАЙСКИХ И РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

В настоящих тезисах содержится обзор текущих российско-китайских отношений в контексте усиленного развития отношений между Советским Союзом/Россией и Китаем после окончания «холодной войны».

Советско-китайский Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи, подписанный в 1950 г., не предотвратил возникновения скрытого антагонизма между СССР и Китаем, сделавшегося очевидным во время открытого конфликта по поводу о-ва Даманский в 1969 г. Затем последовала почти 30-летняя конфронтация, продолжавшаяся до речи М.Горбачева во Владивостоке в 1986 г. и последующего согласия СССР на выполнение трех условий Дэн Сяопина по нормализации отношений между Советским Союзом и КНР: вывод советских войск из Монголии, из Афганистана и вывод вьетнамских войск из Камбоджи. В середине 1990-х годов Китай и Россия снова стали «товарищами по оружию» – благодаря стратегическому партнерству, провозглашенному президентами Цзян Цзэминем и Б. Ельциным.

Эти 60 лет дипломатической истории представляют собой интересный феномен в области международных отношений. Способность русских и китайцев радикально менять свое отношение, чередуя стратегическое противостояние с объятиями, едва ли можно назвать обычным для международных отношений явлением. Может ли политический режим менять ориентацию своей внешней политики без возникновения внутренней оппозиции, политической вялости и пережитков устаревшей системы?

В настоящих тезисах в общих чертах описывается 60-летний путь развития российско-китайских отношений и делается попытка опре-

делить динамику и глубинный базис их развития. Выдвигаются три основных аргумента. Первое утверждение состоит в том, что, несмотря на распад СССР, в двусторонних российско-китайских отношениях очень сильна преемственность. Второе: в контексте окончания «холодной войны» в отношениях между Россией и Китаем появилось больше граней и оттенков, что особенно касается отношений обеих стран с государствами Центральной Азии. Третье: аргументируется, что при отсутствии конфликта интересов движущей силой российско-китайских отношений является, главным образом, осознание каждым из государств своей позиции в международной системе и желание поддержать репутацию великой державы. Прогнозируется развитие российско-китайских отношений в будущем.

Перевод с английского
А.В.Курбатовой

ШАНХАЙСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РФ И КНР В ЕВРАЗИИ

Лузянин С.Г.,
д. и. н., ИДВ РАН

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ ПОНЯТИЙ «ПРОСТРАНСТВО ШОС» И «ОБРАЗ ШОС». ПРОБЛЕМА СРАВНИТЕЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ ВОСПРИЯТИЯ РФ И КНР В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ*

В современном экспертном дискурсе региональную направленность деятельности ШОС определяют, прежде всего, как центральноазиатскую, что понятно и абсолютно справедливо. Как известно, «Шанхайская пятерка» возникла и оформилась (1996 г.) как группа сопредельных Китаю центральноазиатских государств (Казахстан, Таджикистан, Узбекистан, Кыргызстан) и Россия. В 2001 г. преобразование «пятерки» в ШОС произошло в связи с присоединением к организации еще одного государства региона (не приграничного с КНР) – Узбекистана. Ключевые программы ШОС по безопасности (борьба против «трех зол» – сепаратизма, экстремизма и терроризма), экономическому и гуманитарному сотрудничеству связаны в основном с данным регионом.

Специфика центральноазиатского измерения ШОС и его восприятия в регионе ЦА и за его пределами заключается в том, что 4 государства региона в отношениях с Россией и Китаем выступают и субъектами политики в сферах экономики, безопасности и, одновременно, объектами российско-китайских инициатив. Подобный объектно-субъектный характер отношений обусловлен, с одной стороны, независимым статусом новых (образовавшихся после 1991 г.) государств региона, имеющих право на суверенную независимую внешнюю политику, с другой – разностью экономического и политического потенциала этих государств по сравнению с Россией и Китаем.

* *Подготовлено при поддержке РГНФ, проект № 09-03-00688 а/р.*

Вместе с тем параллельно формируется новое измерение ШОС, ориентированное на более широкий геополитический (евразийский) контекст, которое придает Организации более фундаментальный имидж. В основе подобной эволюции лежит уже существующий институт ШОС – система стран – наблюдателей при организации (Индия, Пакистан, Иран, Монголия). Понятно, что евразийское измерение ШОС связано в основном с перспективными проектами и будущим (возможным) расширением Организации – как в группе постоянных членов, так и наблюдателей. Однако уже сегодня имиджевая составляющая евразийского измерения играет позитивную роль для ШОС в странах Центральной Азии (Казахстане, Таджикистане, Узбекистане, Кыргызстане), а также в странах наблюдателях – Индии, Пакистане, Иране и Монголии. Понятно, что восприятие данного образа происходит с учетом национальной специфики. Например, для Ирана, Индии и Пакистана геополитический образ ШОС более важен и необходим, чем для Монголии или Таджикистана, которые воспринимают ШОС и ее лидеров, Россию и Китай, скорее, с узкорегиональных и практических позиций.

Условно, данное (евразийское) измерение можно структурировать как систему взаимодействия двух векторов.

Во-первых, это – южноазиатский вектор (Афганистан – Пакистан – Индия), в основе которого уже сложился серьезный политический формат трехстороннего сотрудничества Россия – Индия – Китай (РИК), имеются хорошие заделы в двусторонних отношениях членов ШОС (КНР, РФ, центральноазиатских стран) с Индией в сфере торгово-экономического и гуманитарного сотрудничества, перспективные проекты по энергетике и транспорту. Основным препятствием развития ШОС на данном направлении является Афганистан.

Во-вторых, восточноазиатский вектор – Россия, Китай, Монголия, Корейский полуостров (РК и КНДР), Япония и АСЕАН. Данное направление потенциально может включать весь спектр энергетического взаимодействия, инвестиционно-технологического обмена и торговли.

Оба измерения – центральноазиатское (узкое) и евразийское (широкое) – не противоречат друг другу, а, наоборот, дополняют, являясь частями единой, долговременной стратегии развития ШОС. Одновременно подобная структура дает ШОС преимущества по сравнению с ЕврАзЭС и ОДКБ, ориентированных преимущественно на регион Центральной Азии.

Кризис во главу угла поставил вопросы экономической безопасности и выживаемости стран ШОС. Все 6 стран-членов Организации разработали специальные программы мер по преодолению его пос-

ледствий, выделили на эти цели крупные денежные суммы. Основные направления: жесткая бюджетная экономия, поддержка банковско-финансового сектора, меры по стимулированию внутреннего спроса, созданию рабочих мест, организации общественных работ, что будет способствовать ослаблению социальной напряженности в обществе.

Вместе с тем в рамках ШОС пока не имеется совместной антикризисной программы. Вопрос о целесообразности выработки такой программы обсуждался на Совещании в Пекине (24–25 сентября 2008 г.) министров, отвечающих за внешнеторговую и внешнеэкономическую деятельность, однако необходимого консенсуса достичь не удалось. Тема путей преодоления кризиса и его последствий не нашла отражения в совместном коммюнике по итогам заседания 30 октября 2008 г. в Астане Совета глав правительств (премьер-министров) государств-членов ШОС. Упор в принятых ими решениях был сделан на сотрудничестве по следующим направлениям:

- создание стабильных и предсказуемых условий для взаимной торговли и инвестиций, укрепление рыночных механизмов;
- повышение энергоэффективности, развитие экологически чистой энергетики и новых технологий, использование возобновляемых источников энергии;
- внедрение инновационных технологий;
- продвижение проектов в сфере транспорта;
- углубление взаимодействия в сфере таможенного контроля;
- развитие сотрудничества в сфере здравоохранения, в особенности в областях профилактики, диагностики и лечения инфекционных болезней.

Важное значение имело утверждение на заседании СГП обновленной редакции Плана мероприятий по реализации Программы многостороннего торгово-экономического сотрудничества государств-членов ШОС (принята в 2003 г. и рассчитана до 2020 г.).

На экспертном уровне сформулированы пять основных предложений по минимизации последствий кризиса: 1) создать антикризисный Фонд ШОС с согласованной (единой) программой действий 6 государств; 2) сформировать Банк ШОС, который бы объединил не только государственные, но и частные, коммерческие банки; 3) реализовать механизм перехода на расчет в национальных валютах по отдельным межгосударственным проектам ШОС; 4) шире привлекать к реализации намеченных в рамках Плана проектов Деловой совет и Межбанковское объединение ШОС; 5) усилить между странами-членами ШОС координацию действий, в том числе и в целях

разработки мер по преодолению кризиса, на двусторонней основе.

Организация исходит из реальности усложнения и дифференциации вызовов и угроз, носящих как внутренний (центральноазиатский), так и внешний (афгано-пакистанский) характер. Причем, спектр и виды вызовов особенно расширяются в области так называемых нетрадиционных угроз: от трансграничной преступности и наркотрафика до угроз стихийных бедствий, водно-энергетических проблем, экологической и продовольственной безопасности.

Военная, антитеррористическая составляющая в ШОС, вероятно, будет усиливаться, но при сохранении главной черты организации – отсутствие блоковых, военно-политических компонентов (типа НАТО или ОДКБ). Одновременно происходит формирование с помощью ШОС (де-факто) дихотомной центральноазиатской системы безопасности, в которой основную роль играет ОДКБ, особенно с учетом последних реформ – создание Коллективных сил оперативного реагирования (КСОР). В ШОС, как известно, отсутствуют постоянно действующие силы коллективной обороны.

Таким образом, имиджевая проблематика ШОС и ее ведущих государств – РФ и КНР является частью общей стратегии организации по поиску новых ресурсов и возможностей своего позиционирования в мире, укреплению стабильности и безопасности в регионе Центральной Азии.

Алимов Р.К.,
к. соц. н., Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Таджикистан в КНР

СОСТОЯНИЕ МЕХАНИЗМОВ РЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ РАЗВИТИЯ

Проблема поиска путей налаживания эффективного сотрудничества в регионе Центральной Азии не теряет своей актуальности со времени распада в 1991 г. Советского Союза, когда на территории Центральной Азии образовалось 5 новых независимых государств. С тех пор интерес и внимание к каждой из этих стран и к региону в целом неизменно растет, причем не только из-за наличия здесь значительной части мировых запасов нефти и газа. В этот же период по инициативе лидеров центральноазиатских государств начался и процесс поиска таких форм взаимодействия, которые бы отвечали сложившимся новым политическим реалиям, интересам всех и каждого.

Общность истории, традиций, религии, культуры, а для четырех тюркоязычных государств – и языковая близость были объективными предпосылками для развертывания широкого сотрудничества и региональной интеграции. Схожесть социально-экономических проблем, вызовов и угроз национальной безопасности, отсутствие на протяжении веков межэтнических и иного рода конфликтов также выступали естественной и надежной платформой для их сближения. Однако этих факторов оказалось не достаточно для того, чтобы самостоятельно создать эффективно действующий региональный механизм, обеспечивающий взаимодействие в интересах решения общих задач.

Долгие поиски интеграционной модели, как известно, в 2002 г. привели к созданию Организации Центрально-Азиатского сотрудничества, которая в конце 2005 г., слившись с Евро-Азиатским экономическим сообществом, ушла в историю, так и не выполнив ни одной из поставленных перед собой задач.

ЕврАзЭС, обладающая значительно большим потенциалом, обещает стать «организацией-локомотивом» регионального сотрудничества, хотя также сталкивается с проблемами как объективного, так и субъективного характера, сдерживающими темпы интеграционного развития и многовекторного сотрудничества. К ним можно отнести территориальные (из-за не до конца решенных вопросов делимитации и демаркации границ); водные и тесно связанные с ними электроэнергетические проблемы; потребности развития траспортно-коммуникационной сети, которые для стран Центральной Азии, не имеющих выхода к морю, имеют судьбоносное значение. К этому следует также добавить проблемы нового поколения, такие, к примеру, как распространение политического или радикального ислама, возросшие масштабы наркотической агрессии и попытки проникновения в регион террористических групп с территории Афганистана, многие годы пребывающего в состоянии нестабильности.

Процессы, происходящие в ЕврАзЭС, указывают как минимум на два возможных сценария развития ситуации: сдержанный и оптимистический. В первом случае, сотрудничество отдельных групп стран ЕврАзЭС и процесс их интеграции друг с другом и внешним миром будут развиваться с примерно одинаковой скоростью, во втором – глубокая интеграция произойдет в связи с осознанием ее необходимости всеми государствами-участниками практически одновременно, вне зависимости от ныне существующих подходов в таких областях, как торговля, транспорт и транзит, водные и энергетичес-

кие ресурсы, пограничная и таможенная службы, социальный сектор. Не исключено, что нынешний мировой финансово-экономический кризис станет катализатором расширения сотрудничества в рамках ЕврАзЭС по второму, оптимистическому пути развития. Вселяет оптимизм и то обстоятельство, что государства-участники организации стремятся придать дополнительную динамику именно такому развитию процессов и совместными усилиями решать практические задачи.

В последние годы особую роль в регионе стала играть Шанхайская организация сотрудничества, в которую входят 4 из 5 государств Центральной Азии. Ясные цели и принципы, зафиксированные в ее Хартии, находят все большее понимание в регионе и сообществе наций, рассматриваются как позитивная модель регионального сотрудничества в XXI веке. За короткий исторический период сформировалась структура, заработал многофункциональный механизм Организации, сложился и продолжает развиваться формат межведомственного сотрудничества. На экономическом векторе заработали Межбанковское объединение и Деловой совет. Все возрастающую координирующую роль играет исполнительный орган и генеральный секретарь ШОС.

Таджикистан стоял у истоков зарождения Организации и по праву является одним из ее «отцов-основателей». Как справедливо отметил президент Эмомали Рахмон, «ШОС открыла для Республики Таджикистан новые, перспективные направления многостороннего сотрудничества, в первую очередь, в области безопасности и экономики, а также в культурной и гуманитарной сферах». Другими словами, для Таджикистана, равно как и для всего региона Центральной Азии, с появлением ШОС значительно вырос уровень взаимного доверия и взаимопонимания, уважения к многообразию культур, был дан серьезный импульс многостороннему экономическому сотрудничеству.

Экономическая составляющая сотрудничества в рамках ШОС с каждым годом набирает обороты в интересах всех ее участников. К примеру, до 60% товарооборота Республики Таджикистан приходится на государства-члены ШОС. Причем, за последние 7 лет товарооборот только с Китаем возрос почти в 100 раз и по итогам 2008 г. достиг рекордной отметки в 1,5 млрд долл. Используя существующие природные и людские ресурсы, транспортную инфраструктуру, другие возможности, Республика Таджикистан, например через механизмы ШОС, предлагает такие масштабные проекты, реализация которых даст ощутимые выгоды для всех стран – ее участниц.

К ним, в частности, можно отнести общенациональные проекты строительства автомобильной дороги Кульма–Душанбе–Чанак и линий электропередач «Юг–Север», осуществление которых стало возможным благодаря льготным кредитам, предоставленным правительством КНР государствам-членам ШОС. Включение этих объектов, равно как и строительство новых гидроэнергетических сооружений, в общерегиональные торгово-экономические линии, безусловно, будет выгодно всем членам Организации.

С высоты 8 лет существования ШОС можно смело утверждать, что «шанхайский дух» дал всем государствам-участникам уникальную возможность сопрягать национальные интересы и усилия с общей заботой о превращении пространства ШОС в территорию мира, стабильности и процветания. VII саммит ШОС, который в августе 2008 г. принимала столица Республики Таджикистан г. Душанбе, стал важным этапом в укреплении основ Организации. Прошедший летом 2009 г. саммит ШОС в Екатеринбурге стал коллективным ответом ШОС на новые вызовы и угрозы в мире и на обширном евразийском пространстве.

Республика Таджикистан является участником 8 региональных организаций, в которые в той или иной степени вовлечены если не все, то большинство государств Центральной Азии (Содружество Независимых Государств, Организация договора коллективной безопасности, ЕврАзЭС, ШОС, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, Организация экономического сотрудничества, Организация Исламская конференция, Международный фонд спасения Арала). У каждой из них своя история, они проходят очередные этапы своего становления и имеют разные перспективы: для одних открываются горизонты будущего, для других важным является сохранение перманентного развития.

В то же время все более очевидным становится то обстоятельство, что развитие взаимовыгодного сотрудничества и интеграция между странами Центральной Азии в гораздо большей степени зависят не столько от эффективности существующих региональных механизмов и структур (что само по себе важно и необходимо), сколько от наличия политической воли и высокого уровня взаимного доверия, открытости границ и согласованной стратегии действий, глубины и интенсивности взаимодействия пяти центральноазиатских государств.

Клименко А.Ф.,
к. воен. н., ИДВ РАН

К ВОПРОСУ О СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ШОС: ПРОБЛЕМЫ ОБОРОНЫ И БЕЗОПАСНОСТИ

В недавно принятой Стратегии национальной безопасности России отмечается, что «внимание международной политики на долгосрочную перспективу будет сосредоточено на обладании источниками энергоресурсов, в том числе... в бассейне Каспийского моря и в Центральной Азии». Обострение конкурентной борьбы за ресурсы может привести к решению возникающих проблем с применением военной силы, что нарушит «сложившийся баланс сил вблизи границ Российской Федерации и границ ее союзников». Негативное воздействие на международную обстановку в среднесрочной перспективе «будут оказывать ситуация в Ираке и Афганистане, конфликты на Ближнем и Среднем Востоке». В этих условиях и для России, и для Китая, и для других их партнеров по Шанхайской организации сотрудничества особое значение будут иметь укрепление потенциала этой Организации, стимулирование в ее рамках практических шагов, способствующих укреплению взаимного доверия и партнерства в Центрально-Азиатском регионе.

Как известно, до недавнего времени ставилась под сомнение возможность сотрудничества между участниками ШОС в сфере обороны под тем предлогом, что Организация – не военный блок. Но реальные события и возможные сценарии их развития вносят свои коррективы. Используя «затишье» в Ираке, США перенацеливают расположенные там силы на Афганистан, непосредственно граничащий со странами ШОС. Между тем расширение военной кампании в этой стране ведет к общей эскалации напряженности в регионе.

Во-первых, вытесненные и «потерявшие работу» в Афганистане террористы перебазируются в Центральную Азию, что чревато ростом террористической угрозы в странах этого региона. Во-вторых, после удаления П. Мушаррафа с поста президента Пакистана Дж. Буш санкционировал военные операции на территории этой страны без согласования с Исламабадом. Последнее привело к вооруженным инцидентам на афгано-пакистанской границе. Таким образом, достигается цель американской стратегии в регионе – обеспечение там своего постоянного военного присутствия, что позволяет Вашингтону расширить влияние на все его страны. Срыв кавказского проекта и финансово-экономический кризис ослабили позиции Америки, но

не сняли с повестки дня реализации ее «азиатских планов». Наконец, не следует забывать и о политике США в отношении Ирана, которая также не способствует стабильности в регионе.

Признавая, что Шанхайская организация сотрудничества – это не военно-политический союз, не следует отрицать и того, что, согласно ст. 1 Хартии, ШОС представляет собой универсальную организацию. Ее задача – «развитие многопрофильного сотрудничества в целях поддержания и укрепления мира, безопасности и стабильности в регионе», а также «поощрение эффективного регионального сотрудничества в политической, торгово-экономической, *оборонной*... и др. областях» (курсив наш. – *А.К.*).

В апреле 2006 г. вопрос о формировании Концепции сотрудничества государств-участников ШОС в сфере безопасности и обороны был инициирован Россией на совещании министров обороны стран – ее членов. Тогда и было принято решение о разработке такого документа. Основной целью при этом ставилось поэтапное развитие сотрудничества оборонных структур в формате ШОС и организация взаимодействия ее военной составляющей с другими международными организациями, в том числе ОДКБ. Разработка документа увязывалась с решением антитеррористических задач, возложенных на РАТС ШОС. При формировании концепции учитывался и опыт, полученный Организацией на учениях серии «Мирная миссия». Согласование членами ШОС положений Концепции было непростым, что обусловлено наличием противоречия: с одной стороны, ШОС не является военно-политическим союзом (согласно Хартии), а с другой – полностью отвечает за мир и стабильность в регионе. В результате было найдено компромиссное решение, по которому Концепция военного сотрудничества трансформировалась в Соглашение о сотрудничестве между министерствами обороны стран-участниц ШОС (принято в мае 2008 г). Конечно, уровень сотрудничества в военной сфере снизился с межгосударственного до межведомственного. Тем не менее, этот документ позволяет вырабатывать меры оперативного реагирования на чрезвычайные события в регионе, координировать усилия по противодействию угрозам и вызовам, вводит военное сотрудничество в правовое поле и, таким образом, дает возможность целенаправленно определять перспективы его развития.

Опираясь на данное Соглашение, участники ШОС могут развивать сотрудничество по следующим направлениям:

- обеспечение своевременного реагирования на опасные ситуации, ставящие под угрозу мир и стабильность в регионе;

- поддержка правоохранительных органов в борьбе с терроризмом и сепаратизмом;
- содействие мерам по охране госграницы в случае попыток ее прорыва террористами и в их пресечении, блокирование районов действий формирований террористов и их нейтрализация;
- практическая отработка вопросов оперативной совместимости штабов и войск в ходе совместных учений;
- проведение семинаров и т.п. по проблемам обеспечения региональной безопасности и по другим актуальным вопросам, а также обмен опытом противодействия возникающим угрозам;
- совместные исследования и поиск новых методов борьбы с традиционными и нетрадиционными угрозами и вызовами;
- совершенствование нормативной базы по сотрудничеству оборонных ведомств.

Последний пункт особенно важен. Вспомним, как Казахстан отказался пропускать через свою территорию эшелоны с военной техникой КНР для участия в маневрах «Мирная миссия-2007», ссылаясь на отсутствие такой базы.

И все же главная задача военного сотрудничества в ШОС – отработка совместных действий на командно-штабных и тактических учениях, направленных на достижение оперативной совместимости и слаженности при проведении различных операций.

К сожалению, Узбекистан не поставил своей подписи под этим Соглашением. Видимо, его руководство не определилось со своим политическим курсом, о чем свидетельствуют колебания между ГУАМ и ОДКБ, длительные раздумья о присоединении к ШОС, приостановление своего членства в ЕврАзЭС.

Тем не менее, не следует останавливаться на достигнутых рубежах. Принятие Соглашения о сотрудничестве в военной сфере – это лишь первый шаг на пути реализации принципа универсальности, на котором строится Организация. Представляется, что в перспективе, в целях обеспечения должного уровня организационной работы и координации военного сотрудничества, целесообразно подумать об учреждении постоянного органа – Координационного комитета ШОС по военному сотрудничеству. Такой орган способствовал бы помощи вооруженным силам стран региона, нуждающимся в ней, повысил уровень их взаимодействия, в том числе и между военными разведками стран-участниц. На него же можно возложить подготовку и проведение совместных мероприятий оперативной подготовки.

Повышению возможностей ШОС по обеспечению безопасности ее учредителей способствовало бы создание Коллективных сил оперативного реагирования, совместимых по составу и возможностям с аналогичными силами ОДКБ. Это позволит быстро реагировать на весь спектр угроз и обеспечит защиту суверенитета и территориальной целостности государств-участников ШОС, противодействие терроризму и наркотрафику, проведение спецопераций против организованных преступных групп и, наконец, ликвидацию последствий природных и техногенных чрезвычайных ситуаций.

Внося эти предложения, мы понимаем: несмотря на разногласия по многим вопросам, у нас имеются общие с США интересы: борьба с терроризмом, поддержание стратегической стабильности, урегулирование конфликтов, нераспространение ОМП и др. Возможно, что шансы на такое сотрудничество сегодня повышаются. Но оно не должно быть в ущерб нашей безопасности. Поэтому ШОС нужен эффективный механизм стратегического сдерживания в целях предотвращения агрессии против любого из ее участников.

Зимонин В.П.,
д. и. н., директор Института проблем безопасности и развития Евразии

КИТАЙ И ЕВРАЗИЙСКИЙ ПРОЦЕСС: ВЫСТРАИВАНИЕ НОВЫХ ПАРТНЕРСКИХ СВЯЗЕЙ

Китайское руководство продемонстрировало завидное умение справляться с вызовами и трудностями, порожденными спецификой внутренних преобразований в последние полвека Второго тысячелетия. Это позволило Китаю более активно включиться в бурно протекающие международные процессы.

Шанхайская инициатива, ведущая роль в создании Шанхайской организации сотрудничества стали первыми шагами на пути претендующего на роль нового лидера мирового масштаба быстро развивающегося Китая. Безусловно, названные инициативы связаны, в первую очередь, с необходимостью создания внешних условий для собственного экономического развития, гармонизации межнациональных отношений внутри страны, особенно в Синьцзяне. Однако этим миссия Китая в третьем тысячелетии вряд ли ограничится, о чем свидетельствуют продуманные шаги на других направлениях.

Сегодня китайское руководство значительное внимание уделяет не только делам близлежащего региона, но и своим отношениям с

другими районами мира, в первую очередь с Объединенной Европой, получая при этом встречные импульсы от ее лидеров. Пекин намерен в полной мере воспользоваться предоставляющимися возможностями, чтобы «застолбить» свое присутствие (в том числе и политическое) в планах объединяющего около 30 стран с общим более чем 350-миллионным населением Евросоюза и стать новым альтернативным США глобальным «центром силы»[1]. В Китае понимают, что по сравнению с США и Японией экономическое и научно-техническое сотрудничество с Европейским союзом связано с меньшим риском попасть в некую прогрессирующую политическую зависимость. У КНР и ЕС нет столкновения коренных интересов, даже наоборот, уже многие годы наблюдается взаимное стремление к расширению экономического и технологического сотрудничества. Помимо этого, Объединенная Европа, как показал опыт, связанный с возвращением Китаю Гонконга и Макао, способна повлиять на ускорение решения тайваньской проблемы на устраивающих КНР условиях.

Кроме того, в КНР высоко оценивают взвешенную позицию официального Евросоюза, в значительной мере исключающую из европейско-китайских взаимоотношений так называемую идеологическую компоненту. Для сравнения можно отметить, что на Россию сильнейшее идеологическое давление со стороны Евросоюза не прекращается. Приоритетным же направлением в стратегическом взаимодействии КНР и ЕС стало экономическое сотрудничество. Одновременно глубоко интегрированная не только экономически, но и политически Европа становится, по оценке Пекина, все более наглядной и ощутимой реальностью, привлекательной действующей моделью цивилизационного объединения, на примере которой в перспективе можно было бы сформировать аналогичный каркас Восточноазиатского общего рынка. Развивающиеся интеграционные процессы в Восточной Азии, с которой в первую очередь связывает себя Китай, столь масштабны и беспрецедентны, что их успешная реализация принесет величайший международный авторитет стране, способной принять в этом деле роль лидера и главной движущей силы[2].

Поддержка Россией тесного экономического, а в перспективе и политического взаимодействия Китая и Евросоюза способна придать импульс возникновению нового, трансевразийского стратегического партнерства. Долгосрочным интересам как КНР, так и России отвечает мощный, политически однородный Евросоюз, способный твердо отстаивать общие с партнерами позиции в отношениях с другими центрами силы.

Китай очевидно заинтересован освоить успешную европейскую социальную технологию, обеспечивающую последовательное расширение ЕС и увеличение сферы его влияния. Эти перспективы должны быть пропорциональны способности абсорбировать существующие проблемные зоны. В Пекине видят в таком подходе возможность аналогичным образом мирно решать собственную тайваньскую проблему.

В настоящий момент главная угроза поступательному развитию Китая исходит от внешних факторов. По мере «возвышения» Китая внешняя обстановка будет все менее благоприятной для него и, возможно, даже угрожающей. Чтобы разорвать этот порочный круг, руководству КНР придется перенести центр тяжести в сферу внешней политики, превратить дипломатию в приоритетный вид своей деятельности. Однако, по оценке специалистов двух авторитетных институтов Российской академии наук (Института Дальнего Востока и Института экономических стратегий), в среднесрочной перспективе Китай вряд ли пойдет на занятие лидирующей позиции не только в мировых, но и в трансконтинентальных процессах. Кроме того, следует учитывать, что Китай просто-напросто не имеет достаточного опыта разработки и претворения в жизнь комплексных многонациональных программ такого масштаба. В Пекине традиционно придерживаются взвешенной и сдержанной позиции, уклоняются от вступления в жесткую конфронтацию с великими державами. Лидеры Китая демонстрируют приверженность стратегическому курсу, выдвинутому Дэн Сяопином: «Хладнокровно наблюдать, укреплять расшатанные позиции, проявляя выдержку, справляться с трудностями, держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя, быть способным защищать свои незрелые взгляды, ни в коем случае не лезть вперед, на первое место, но при этом что-то делать»[3]. Судя по словам Цзян Цзэминя[4], в настоящее время и в обозримом будущем, возможно, по крайней мере, до середины XXI века, Китай не будет стремиться обладать достаточно сильными позициями на международной арене. Задача состоит в том, чтобы в перспективе эти позиции были упрочены. Такой переход требует времени и усилий.

В 2003 г. премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао выдвинул тезис о «подъеме Китая в условиях мира». Это можно понимать как «мирное возвышение» Китая, причем на основе соразвития с другими государствами. Пекин с его философией «гармонии при сохранении различий», готовностью к учету интересов других и к соразвитию, действительно, лучше многих других стран подходит для роли равного среди равных в деле стабилизации международных отношений.

КНР нуждается во времени, в финансовых и научно-технических, технологических заимствованиях из-за рубежа для того, чтобы добиться целей развития. Дипломатия, внешняя политика рассматривается руководителями современного Китая как средство, помогающее решить эту задачу. Поэтому КНР заинтересована в том, чтобы обеспечить несколько десятилетий работы в мирной обстановке, а также гарантировать невовлеченность Китая в конфликты на планете. Такая ориентация предполагает поддержание на протяжении всего этого времени нормальных отношений сотрудничества, прежде всего с США, и добрососедских отношений со всеми соседями КНР, включая Россию, Индию, Японию, страны АСЕАН.

В настоящее время для Китая особенно актуален «российский фактор» в его обширных отношениях со странами Евросоюза. Прежде всего это касается сферы торгово-экономических связей.

Для России же в долгосрочном плане выгоден такой вариант развития отношений Китая с Евросоюзом, который бы учитывал ее интересы и преимущественное положение между ними огромной страны, готовой к быстрому развитию. В этом плане Китай остается одним из немногих государств, заинтересованных в том, чтобы Россия сохранила и упрочила статус великой державы, что служило бы гарантией принятия ею независимых решений в различных сферах[5].

---

[1] Российско-китайские отношения. Состояние, перспективы. С. 162.

[2] Там же. С. 164; *Кузык Б.Н., Титаренко М.Л.* Китай–Россия – 2050: стратегия соразвития. М., 2006. С. 538.

[3] *Цит. по: Кузык Б.Н., Титаренко М.Л.* Китай–Россия – 2050... С. 527.

[4] Там же.

[5] Там же.

Трифонов В.И.,
ИДВ РАН

РОССИЯ И ШОС

Учреждение Шанхайской организации сотрудничества в июне 2001 г. явилось важнейшим событием для нашей страны, значительно укрепляя позиции России и дружественных ей стран в нынешней сложной международной обстановке. ШОС – в силу ее геостратегического положения в центральной части евразийского континента, наличия огромных трудовых, интеллектуальных, природных ресурсов – имеет все необходимые предпосылки для того, чтобы стать од-

ним из главных полюсов современного мира. Особое значение ШОС придает тот факт, что в ней представлены две крупнейшие державы – Россия и Китай, а также 4 центральноазиатские страны, объединившие усилия для укрепления мира и стабильности в этом важном регионе. Проведение июньского (2009 г.) саммита ШОС в Екатеринбурге под председательством Российской Федерации еще больше упрочило позиции ШОС, определило основные направления деятельности Организации на дальнейшую перспективу.

За короткий срок своего существования ШОС стала заметным фактором региональной и мировой политики, важным звеном в формировании нового полицентричного миропорядка, основанного на принципах равенства и справедливости, одним из ключевых элементов стабильности на обширном евразийском пространстве. Крупнейшая заслуга ШОС – оздоровление обстановки в Центральной Азии, налаживание сотрудничества и укрепление доверия между странами региона. Поставлен надежный заслон на пути террористических и сепаратистских угроз в Центральной Азии, попыток разного рода структур взять регион под свой контроль. Созданы активно работающие механизмы взаимодействия, осуществлены масштабные наработки по наиболее важным направлениям деятельности Организации.

С самого начала существования ШОС неоднократно подчеркивалось, что данная Организация не преследует целей создания военного союза; вместе с тем одна из главных ее задач – совместное обеспечение и поддержание безопасности и стабильности в регионе Центральной Азии, борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, осуществление действенных мер по пресечению потока наркотиков. Важным шагом в этом направлении стало принятие Программы сотрудничества в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом на 2007–2009 гг., проведение 27 марта 2009 г. в Москве под эгидой ШОС Специальной конференции по Афганистану. Принципиальное значение имеет содержащееся в Декларации 5-летия ШОС (Шанхай, 15 июня 2006 г.) положение о том, что «определение конкретных форм и механизмов региональной безопасности – прерогатива и ответственность расположенных в данном регионе государств». Эти вопросы становятся еще более актуальными на фоне активности определенных внерегиональных сил, объявивших Центральную Азию «зоной своих национальных интересов».

На первый план в работе ШОС все больше выдвигаются задачи ускоренного экономического развития региона, подъема жизненного уровня населения государств-участников ШОС. Главная задача

сейчас – с наибольшей отдачей осуществить реализацию принятых решений. Дальнейшее упрочение сплоченности государств-членов ШОС, повышение международного веса Организации в первую очередь зависят от практических результатов ее деятельности, осознания каждым участником этой новой международной структуры своей сопричастности к решению сложных проблем, отвечающих национальным интересам стран, входящих в ШОС. Новые вызовы перед Организацией ставит разразившийся мировой финансово-экономический кризис. Наступило время для существенной активизации деятельности ШОС на экономическом направлении, в том числе для выработки коллективных действий по обеспечению выхода из кризиса, оказанию помощи тем странам-членам ШОС, которые особенно в этом нуждаются. В противном случае имеющееся у отдельных стран-членов Организации разочарование результатами деятельности ШОС в экономической сфере будет нарастать.

В контексте формирования полицентричной мировой архитектуры возрастает и такой важный аспект в деятельности Организации, как цивилизационный. Шанхайская организация сотрудничества представляет собой уникальный ансамбль, большой симфонический оркестр цивилизаций, по своей структуре сопоставимый с Организацией Объединенных Наций. Основываясь на своем богатом историческом и культурном наследии, государства-члены ШОС призваны внести немалый вклад в формирование и сохранение высоких принципов культуры и нравственности, способствовать развитию национального и культурного разнообразия, т.е. укреплению жизнеспособности мировой культуры. Нужно и дальше развивать гуманитарное направление деятельности ШОС, связи по линии здравоохранения, образования, культуры, спорта, туризма, молодежные обмены. Особую актуальность приобретает реализация идей создания Университета ШОС (ведется активная работа в этом направлении), призванном расширить подготовку как кадров востоковедов широкого профиля, так и специалистов по странам, входящим в структуру ШОС.

Среди других насущных задач ШОС – необходимость более активного использования потенциала стран-наблюдателей при ШОС (Индия, Иран, Монголия, Пакистан), налаживание более тесного взаимодействия с другими региональными организациями Центральной Азии, с международными финансовыми институтами.

Давыдов А. С.,
к. и. н., ИДВ РАН

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В «ТРЕУГОЛЬНИКЕ» США–КНР–РФ: ЕВРАЗИЙСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ

Нынешний год празднования 60-летия Китайской Народной Республики ознаменован еще двумя юбилейными датами: 60-летием установления дипломатических отношений КНР и СССР (с 1991 г. – с Российской Федерацией) и 30-летней годовщиной поддержания Китаем официальных дипломатических контактов с Соединенными Штатами Америки. Перспективы развития связей между сторонами «треугольника» в целом могут внушать определенный оптимизм. Однако, поскольку для каждой из них приоритетными и определяющими остаются собственные национальные интересы, существует большая вероятность того, что на пути этого развития возникнет еще немало трудностей и препятствий.

Пришедшая в январе 2009 г. в Белый дом на смену республиканцам администрация демократов во главе с Б.Обамой выдвинула ряд инициатив, объявив о «перезагрузке» отношений с Россией и «новом рейсе» на американо-китайском направлении. Однако в отношениях с Россией первые «сто дней» президента Б.Обамы какими-либо радикальными шагами, кроме обоюдного зондажа, взаимных обещаний, встречи лидеров двух стран на саммите G-20 в Лондоне и контактов главы МИД РФ С.Лаврова и госсекретаря США Х.Клинтон, отмечены не были.

Чтобы проанализировать будущую политику США в отношении России, необходимо определить, на какой основе и кем она будет формироваться. Пока ясно лишь, что, поскольку сам Б. Обама еще не располагает ни достаточным международным опытом, ни собственными экспертными наработками в этой области, он будет полагаться на мнения и оценки своего ближайшего окружения, в первую очередь вице-президента Д.Байдена, госсекретаря Х.Клинтон и ряда внешнеполитических советников. Причем первые двое изначально не принадлежали к «команде» Обамы, а были призваны им в нее позднее. Отсюда разнородность взглядов и различия в нюансах подходов к реализации внешнеполитического курса, включая российский.

Обращает на себя внимание доклад комиссии Харта–Хейгела, двух бывших сенаторов, посетивших Россию вскоре после прихода Обамы к власти, озаглавленный «Какой должна быть направленность

американской политики в отношении России». В нем содержится три основных вывода: 1) в последние годы российско-американские отношения оказались в наихудшем состоянии со времен завершения «холодной войны»; 2) готовность Америки изменить эту ситуацию – не награда за «хорошее поведение» Москвы на международной арене и не поддержка внутренней политики российского руководства; 3) помощь России имеет большое значение для достижения целей, важных для США – от прекращения работ по созданию ядерного оружия в Иране, «демонтажа» «Аль-Каиды» и стабилизации обстановки в Афганистане до обеспечения безопасности и благосостояния Европы. Комиссия также предложила администрации целый ряд рекомендаций в отношении курса на российском направлении.

Российско-американские отношения не могут улучшиться изолированно, сами по себе, поскольку огромное влияние на их состояние оказывает множество внешних факторов, и в первую очередь фактор Китая. При этом в США наряду с традиционным прокитайским лобби в экономике и других сферах существует группа настроенных прокитайски так называемых лоббистов от геополитики, т.е. весьма влиятельных лиц, занятых разработкой различных «геометрических» комбинаций, главный смысл которых состоит в том, чтобы, стравливая Китай и Россию, добиваться решающих преимуществ для Америки.

Реагируя на стремление подавляющего большинства стран к формированию многополюсного мира, американские теоретики геополитических построений пытаются в качестве спасательного средства навязать ныне лидерам США и Китая новую концепцию мироустройства – «проект общей судьбы», или так называемую Чимерику (China-America), полагая, что сближение двух самых крупных мировых держав может стать осью нового мирового порядка. Очевидно, что с тактической точки зрения расчет американцев при позиционировании такого проекта состоит прежде всего в привлечении ресурсов Китая для содействия выходу США из кризиса. В стратегическом плане его авторы нацелены на развязывание новой масштабной геополитической игры, результатом которой должно, по их замыслу, стать очередное глобальное возвышение Америки на фундаменте спровоцированного ею российско-китайского раскола. Следует отметить, что идея «Чимерики» не вызвала большого энтузиазма в Пекине, где было откровенно заявлено, что она «не только идет вразрез со стратегическим курсом на политическую многополярность в мире, но может породить обеспокоенность среди большинства стран и нанести вред отношениям КНР с основными стратегическими партнерами».

Несмотря на отдельные многообещающие заявления обеих сторон, в официальном Вашингтоне пока проявляют определенную сдержанность в оценке перспектив американо-китайских отношений при новой администрации. В ходе сенатских слушаний при утверждении ее на пост госсекретаря Х.Клинтон заявила, что Китай имеет для США исключительное значение, и они, безусловно, хотят развивать доверительные отношения с ним, но многое будет зависеть от выбора Китаем своей внутренней и внешней политики. Основополагающие принципы будущего развития китайско-американских отношений были озвучены китайской стороной в январе 2009 г. на двустороннем симпозиуме в Пекине, посвященном 30-й годовщине установления дипломатических связей между двумя странами. В их числе: 1) необходимость строить межгосударственные отношения, руководствуясь стратегической дальновидностью, уважать принципы трех совместных коммюнике; 2) непрерывное углубление диалога и взаимопонимания, рост политического взаимодоверия; 3) активное «взращивание новых ростков» межгосударственного сотрудничества; 4) надлежащее разрешение разногласий и чувствительных проблем, уменьшение взаимных трений; 5) всемерная поддержка обменов между общественными кругами двух стран в целях укрепления социальной базы китайско-американских отношений.

Многое в развитии двусторонних связей между США и Россией, Россией и КНР, а также КНР и США будет зависеть от возможных моделей и перспектив активизации связей между сторонами «треугольника» в региональном формате, особенно в Центральной Азии – зоне функционирования Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Интересно, что многие китайские политологи в своих публикациях не исключают возможности привлечения Вашингтона к непосредственному участию в деятельности ШОС. Не до конца ясной остаются лишь степень и масштабы подобного привлечения (от ограничения такого сотрудничества наиболее актуальными сферами противодействия терроризму и наркотрафику – до фактического слияния региональных многосторонних механизмов, как с участием США, так и без него). Функциональные основы для такой перспективы видятся ими в совпадении долгосрочных интересов участников ШОС и США в рамках борьбы с терроризмом и экстремизмом, в сохранении постоянного присутствия США в регионе, а также в институциональных особенностях самой ШОС, все в большей степени соответствующей статусу координационного политического органа, но не военно-политического союза. Формами американского участия в

ШОС, по мнению этих авторов, могли бы стать как совместные форумы, так и приглашение Вашингтона в ШОС в качестве наблюдателя.

В связи с этим особенно важным представляется формулирование и уточнение позиций России и других стран-членов ШОС – КНР и наших соседей из ближнего зарубежья.

Лукин А.В.,
д . и. н., директор Центра исследований
Восточной Азии и ШОС
МГИМО(У) МИД России

ШОС: ПОЧЕМУ БУКСУЕТ МНОГОСТОРОННЕЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО?

Мировой финансово-экономический кризис делает необходимым расширение экономического сотрудничества в рамках ШОС и объединение усилий государств - ее членов по его преодолению, а также изучение опыта друг друга по принятию антикризисных мер. В то же время кризис выявил и основные проблемы этого сотрудничества.

Приняв ряд важных документов, в которых намечены планы развития многостороннего экономического сотрудничества и механизмы их реализации, государства-члены ШОС не пошли дальше. Следует признать, что через 8 лет после создания Организации фактически ни один проект многостороннего экономического сотрудничества в должной мере не реализуется. К исключениям с натяжкой можно отнести 2 проекта по строительству автодорог, которые вообще-то начали реализовываться до создания ШОС, но были определены как проекты ШОС «задним числом». Отчеты же о расширении экономического взаимодействия в основном содержат данные о росте двустороннего сотрудничества. Главная же причина торможения реализации многосторонних проектов заключается в том, что пока еще не созданы механизмы их финансирования.

Сложившаяся ситуация вызвана следующими обстоятельствами. В основе одной точки зрения, которая разделяется российскими ведомствами (прежде всего Министерством финансов и Министерством экономики и торговли), лежит мнение, что ШОС вообще не должна заниматься активной реализацией многосторонних проектов. Согласно этому подходу, главными целями Организации должны стать разработка правовой базы сотрудничества между отдельными государствами-членами, унификация таможенного, банковского и дру-

гого законодательства, а также иные меры, которые бы способствовали общему росту экономической активности на пространстве ШОС. Другая точка зрения, которой придерживаются в Китае: необходимо ускоренно реализовывать именно многосторонние проекты, для чего требуется создать систему их финансирования, что будет способствовать ускорению формирования зоны свободной торговли. Последнее время в Китае отмечают пассивность России в вопросах экономического сотрудничества в формате ШОС и ее стремление развивать сотрудничество с государствами Центральной Азии исключительно в рамках ЕврАзЭС. Беседы с китайскими экспертами по ШОС, близкими к руководству КНР, а также содержание их выступлений на ряде конференций, посвященных тематике ШОС, позволяют сделать вывод о серьезном разочаровании китайской стороны состоянием дел в этой Организации и позицией России по ряду вопросов. Вопросы китайской стороны вызывает, прежде всего, слабый интерес России к углублению многостороннего экономического сотрудничества. В связи с этим китайские эксперты высказывают мнение, что Россия взяла курс на взаимодействие в рамках ЕврАзЭС, утратив интерес к экономической составляющей деятельности ШОС.

Позиция сторонников ограниченного экономического сотрудничества в рамках ШОС строится на двух положениях: 1) нежелание выделять государственные средства на инвестирование затратных проектов; 2) беспокойство по поводу того, что Китай как экономически более мощная держава может ущемить интересы России в рамках такого сотрудничества. Однако представляется, что обе эти позиции безосновательны.

Начнем с того, что Россия выделяет значительные средства на развитие других международных организаций. Как известно, весь бюджет ШОС составляет около 4 млн долл. Для сравнения: российский взнос в ОБСЕ в 2007 г. составлял около 6 млн евро, до этого – 9 млн евро. И это притом, что деятельность ОБСЕ – и в целом, и в частности в Центральной Азии – часто вызывает критику в России, в том числе и на официальном уровне. Ежегодный взнос России в бюджет ПАСЕ составляет 25 млн евро. В 2009 г. Россия потратит на ОДКБ около 94 млн долл. В рамках ЕврАзЭС создан Евразийский банк развития, доля России в уставном капитале которого составляет 1 млрд, Казахстана – 0,5 млрд долл. Недавно в ЕврАзЭС был создан Антикризисный фонд, размер которого составляет 10 млрд долл. Согласно предварительной информации, взнос России составит около 7,5 млрд, а Казахстана – около 1 млрд долл. Бюджет Союзного го-

сударства России и Беларуси на 2009 г. определен в сумме около 5 млрд руб. (т.е. около 90 млн долл.).

Здесь встает вопрос о соответствии широкого экономического сотрудничества в рамках ШОС национальным интересам государств-членов. По нашему мнению, нет никаких оснований рассматривать ШОС как организацию, в которой доминируют интересы какой-то одной страны, например, КНР. Как известно, все финансовые взносы России в ШОС равны китайским. Кроме того, используемый в ШОС при принятии решений принцип консенсуса как раз соответствует национальным интересам государств менее мощных, так как ставит их вровень с лидерами.

Что касается опасений роста экономического влияния Китая в Центральной Азии и снижения влияния российского, то это и так происходит. Например, во внешнеторговом обороте Казахстана Китай все еще уступает России, но за последние 10 лет он увеличил свой товарооборот с этой страной в 22 раза, а Россия – лишь в 9 раз. В других государствах ЦА картина сходная. Однако причина здесь как раз обратная – нежелание Москвы теснее взаимодействовать с Пекином, что, порой, приводит к ненужной конкуренции. Как раз активное взаимодействие с Китаем в Центральной Азии в экономической области создаст возможность для согласованной политики, взаимного учета интересов, в том числе российских Китаем.

Распространяемая некоторыми СМИ теория о том, что Китай якобы старается «прибрать к рукам» Центральную Азию в ущерб интересам России, не соответствует реальности. Китай, как и Россия, и другие члены ШОС, прежде всего заинтересован в политической стабильности и экономическом развитии государств Центральной Азии. Реальные китайские торговые интересы здесь минимальны. Не следует забывать, что доля России и Центральной Азии вместе взятых во внешнеторговом обороте Китая в 2008 г. составила всего лишь 3,3%. Даже «захват» всех рынков ЦА особенно много китайской экономике не прибавит.

Таким образом, объективно теория «китайской угрозы» в Центральной Азии ведет к укреплению здесь позиций Запада, а основанная на ней политика имеет явный отпечаток односторонне прозападной дипломатии начала 1990-х годов.

Правда, верно и то, что в Китае склонны преувеличивать роль торговли в развитии экономики и поддержании стабильности. Настойчивость Китая в этой области связана, в частности, и с тем, что за экономическое сотрудничество с ШОС у них отвеча-

ет Министерство коммерции, занимающееся внешней торговлей. Китайским партнерам, естественно, необходимо разъяснять социальные и политические опасности, к которым может вести поспешное открытие рынков государств Центральной Азии. В то же время, учитывая перспективу вступления в ВТО России и еще не вступивших туда государств-членов ШОС, можно предполагать, что вопросы тарифных барьеров постепенно отпадут сами собой.

Интерес Китая к Центральной Азии имеет в основном не экономический, а стратегический характер, но не в плане установления контроля, а в плане устранения исходящих отсюда угроз нестабильности и терроризма для самого Китая. Согласно мнению большинства китайских экспертов, Пекин согласен учитывать традиционные российские интересы в этом регионе, но не может проявлять пассивность только потому, что недостаточно активна сама Россия. Они призывают Москву к более активному сотрудничеству, соглашаясь принимать во внимание мнение Москвы, но если оно будет основываться на действии, а не на бездействии.

Именно отказ от согласованного многостороннего сотрудничества в рамках ШОС и приведет к результату, которого так опасаются противники расширения экономического сотрудничества в этой Организации – к значительному усилению роли Китая в этом регионе за счет российских интересов. У КНР есть для этого все необходимые экономические средства, и она легко сможет их применить, если окончательно разочаруется в возможности согласованного сотрудничества с Россией.

Уянаев С.В.,
к. и. н., ИДВ РАН

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПАРТНЕРСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ФОРМАТЕ «РОССИЯ–ИНДИЯ–КИТАЙ» (РИК)

Общая характеристика форм и целей. В концепции трехстороннего взаимодействия России, Индии и Китая отчетливо выделяются две целевые составляющие. Во-первых, это тройственное объединение усилий для укрепления международных позиций каждой из стран, во-вторых, использование возможностей кооперации в интересах их социально-экономического развития. В расширительном смысле речь идет, с одной стороны, о продвижении идей многополюсного мира с

подобающим местом в нем для каждого из этих трех государств, с другой – о стремлении подкрепить этот процесс реальным практическим, в том числе экономическим, взаимодействием, которое могло бы иметь и самоценный характер. Важнейшей концептуальной особенностью взаимодействия стал при этом принцип «не»: «тройка» – это не союз, это принципы не-конфронтации и не-направленности против третьих стран.

К предпосылкам формата РИК относятся совпадающие и близкие взгляды на узловые глобальные и большинство региональных проблем – от принципов справедливого и рационального миропорядка и центральной роли ООН до многосторонней дипломатии. В каждой из трех стран идут сходные по своему целевому вектору процессы социально-экономических реформ. Внутри «тройки» в целом устойчиво развиваются двусторонние отношения. Добавим, что стремление тройки играть весомую роль в мировых делах опирается на осознание своих растущих возможностей. РИК сегодня – это не только 1/5 часть суши и 40% мирового населения, но и непрерывно увеличивающаяся доля в мировой экономике, которая за последние 5 лет выросла с 7 до 12%.

В практическом смысле развитие формата РИК – это становление и постепенная диверсификация переговорных площадок. Сформирована структура регулярного диалога по линии МИД: начиная с 2002 г. проведено 8 встреч 3 министров, в 2008 г. запущен механизм встреч руководителей региональных департаментов. На уровне глав департаментов в 2008 г. заработали отраслевые диалоги по сельскому хозяйству, здравоохранению и чрезвычайным ситуациям. В 2007 г. в Индии прошел форум деловых кругов трех стран. Готовится встреча между торговыми палатами. Продолжают трехсторонний диалог, начатый еще в 2001 г., ученые-политологи трех стран. А переговорной вершиной стал саммит «тройки» на полях «большой восьмерки» в 2006 г.

Начиная с российско-индийской Декларации от декабря 2004 г. положения, отражающие принципы, направления и формы взаимодействия, фиксируются в целом ряде двусторонних документов и официальных заявлений руководителей каждой трех стран. По итогам встреч глав МИД подписано 4 трехсторонних коммюнике. В этом смысле уместно говорить об определенной документальной базе сотрудничества.

Перспективы и вызовы. Разумеется, следует отдавать отчет, что в накопленной практике взаимодействия число деклараций и намере-

ний пока явно преобладает над конкретными делами. И это обстоятельство, несомненно, играет существенную роль в прогнозировании перспектив.

Факторами, которые благоприятствуют таким перспективам, являются, во-первых, объективная заинтересованность в продолжении прагматичного внешнеполитического сотрудничества, которое «повышает вес» каждой из стран в их многовекторном международном диалоге, включая диалог с Западом. Представляется, к слову, что эффективность участия в формате РИК демонстрирует пример Индии, которая не в последнюю очередь за счет этого стимулировала интерес к себе со стороны США и благодаря известному ядерному соглашению достигла продвижения по вопросу укрепления своего де-факто ядерного статуса. Во-вторых, стимулы к сотрудничеству, не гарантированные, разумеется, автоматически, сохраняются в потенциале экономической взаимодополняемости, прежде всего в энергетической сфере, где интересы России как поставщика углеводородов и мирных ядерных технологий совпадают с встречными потребностями партнеров.

К факторам вызовов и проблем трехстороннего формата, помимо задержек с экономическими и иными проектами, что способно девальвировать сотрудничество в целом, можно отнести следующие:

- неафишируемое противодействие США. Показательно в этом смысле высказывание Г.Киссинджера: «Американская дипломатия, несмотря ни на какие трудности... должна пресечь любые попытки формирования союза РИК». Одно из направлений реализации такой установки – та же индийская политика США, где налицо попытки вовлечь Индию в орбиту своей политики и подспудно генерировать ее напряженность с КНР. Объективно – это действия на размыв трехстороннего формата.
- ряд проблем двусторонних отношений внутри «тройки», прежде всего в отношениях Пекина и Дели, а также некоторые вопросы российско-китайских и российско-индийских отношений, в частности в экономической сфере.

Кроме этого, в условиях глобального экономического кризиса, оказывающего на три страны, как показывает практика, разную степень влияния, потенциально возникает новый вызов. Разновременный выход из кризиса чреват возрастанием экономических и других диспропорций внутри «тройки». А это подорвало бы одну из предпосылок сотрудничества, которое строится как взаимодействие равнозначно успешно развивающихся субъектов. Не секрет, что, согласно

ряду прогнозов, в наиболее рискованном положении с этой точки зрения находится Россия, и многое здесь будет зависеть от того, насколько успешно будет реализована антикризисная программа РФ, как будет складываться мировая экономическая конъюнктура.

РИК и БРИК. Думается, что с перспективами РИК связана еще одна тема, а именно – тема корреляции с динамично развивающимся форматом БРИК. За два с небольшим года взаимодействие в нем существенно опережало аналогичные темпы трехстороннего формата. Проведено 4 министерские встречи глав МИД, в том числе специальная в 2008 г. в Екатеринбурге, создан межмидовский механизм на уровне заместителей министров, налаживаются регулярные контакты по линии посольств в крупных странах. В связи с проблемами кризиса дважды отдельные встречи проводили министры финансов БРИК, которые еще раз встретятся в октябре 2009 г. в Стамбуле. В июле в Екатеринбурге прошел уже 2-й по счету, причем первый специальный, саммит БРИК.

Очевидно, что с учетом состава участников сравнительно быстрое формирование формата БРИК опирается на организационные и концептуальные наработки формата РИК. Но в связи с этим же, как представляется, уже сейчас возникает вопрос разделения их повесток дня с целью ухода от элементов дублирования. Не секрет, что, по мнению ряда экспертов, эта проблема, порой, сказывается на эффективности работы ЕврАзЭС и ШОС. Будут ли форматы РИК и БРИК развиваться параллельно или, как вариант, возможна некая инкорпорация РИК в БРИК? Тем более что формат БРИК как виртуальная конструкция возник на Западе, и, по меньшей мере, пока не видится там антизападной структурой, а потому не встречает выраженного противодействия.

Тем не менее, суммарно и исходя из названных стимулов, в ближайшие годы формат РИК сохраняет в целом позитивные перспективы, причем его развитие отвечает интересам России. Трехстороннее взаимодействие является инструментом общего укрепления позиций России в рамках ее многовекторной политики, включая западное направление. Кроме того, существенно важно, что при условии проведения взвешенной и сбалансированной линии, оно способно обеспечить стимулирующее влияние как на российско-китайские, так и российско-индийские отношения, и далее продвинуть, таким образом, связи РФ с двумя важнейшими азиатскими партнерами.

Кондрашова Л.И.,
д. э. н., ИДВ РАН

РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ ПАРТНЕРСТВО КАК ЗАЯВКА НА МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НОВОГО ТИПА (ЕВРАЗИЙСКИЕ АСПЕКТЫ)

1. Мировой экономический кризис меняет баланс сил на международной арене и всю архитектуру международных отношений. Многие политические деятели отмечают способность Китая выйти из мирового экономического кризиса с минимальными потерями и тем самым повысить свой рейтинг. Строятся предположения, что именно Китай сможет переформатировать кризис в своего рода «инновационный скачок», перейти из группы «инновационных преследователей» в группу «инновационных лидеров» и повысить свою активность в международном научно-техническом сотрудничестве.

Направляя усилия на повышение уровня своей системной организации и сохранение территориальной целостности, Россия вынуждена считаться с растущим противоборством между США и Китаем и вряд ли сможет сохранить полную беспристрастность в отношении споров между ними. Сейчас самое время исправить перекос в сторону отношений с Западом и максимально использовать все возможности, открываемые партнерством с Китаем.

2. Приоритетная роль Китая для России объясняется как нашим географическим соседством, так и характером взаимных отношений с явным перевесом «плюсов» над «минусами». России крайне важны международная поддержка Китая, расширение взаимовыгодных торговых и научно-технических связей, сотрудничество с Китаем в освоении дальневосточных регионов. Китаю важна Россия как надежный военно-политический тыл, как серьезная сырьевая и научно-техническая опора. Никакие конфликты не уничтожили большой взаимной симпатии между народами наших стран и доверия между нашими лидерами.

3. Отличительной чертой взаимоотношений России и Китая является отсутствие стратегического соперничества и заинтересованность в экономическом развитии друг друга. Расхождение демографических и экономических потенциалов, структурного состава хозяйственных комплексов, отсутствие ярко выраженных гегемонистских устремлений исключают конкурентную борьбу между нашими странами на мировом и региональных рынках. В то же время нахождение в едином территориальном пространстве и взаимодополняемость эконо-

мик дают хорошие шансы перевести имеющиеся проблемы в двусторонних отношениях из разряда конфликтов в категорию соразвития. Новый тип международных отношений создается тогда, когда стремление соблюсти национальные интересы каждой из сторон перерастает в стремление их согласования.

4. Необходимо полностью осознать общность задачи экономического подъема и улучшения благосостояния населения, что сопряжено с рациональным использованием имеющихся природных и человеческих ресурсов, разработкой согласованных подходов к сохранению природной среды, совместными усилиями по развитию инфраструктуры в целях налаживания взаимных связей и использования всех преимуществ трансконтинентального географического положения России. Решение всех поставленных задач требует расширения интеграционных связей, разработки крупных совместных проектов и взаимопомощи при их реализации. Ни Россия, ни Китай не заинтересованы в углублении дисбаланса их «экономических весов», что может привести к разновекторности направлений развития.

5. Важную роль в качественном улучшении российско-китайских отношений призвана сыграть ШОС. Будучи сориентированной на многопрофильное сотрудничество в политической, торгово-экономической, оборонной и других областях, она уже продемонстрировала растущую международную значимость, изначально заложенный в ней замысел универсальной международной организации нового типа, следующий принципу гармоничного взаимодействия и взаимоподдержки стран разных цивилизаций. Деятельность ШОС опровергает ведущиеся на Западе разговоры о полной несовместимости интересов России и Китая, о глубоких различиях внешнеполитических целей Москвы и Пекина. На ближайшую перспективу и Китай, и Россия ориентируются на одну и ту же интеграционную парадигму: Россия – сырье, топливо, продукция обрабатывающей промышленности, новые технологии; Китай – инвестиции, промышленные товары инвестиционного и потребительского назначения, рабочая сила; центральноазиатские страны – энергоносители, сырье, рабочая сила. Реализация этой парадигмы предполагает наращивание потенциала каждой из стран-членов ШОС и превращение их коалиции в новый мощный геополитический центр, где каждому участнику отведена своя «ниша» интеграционного пространства и своя роль в отстаивании общих интересов.

Идея превращения ШОС в «международную организацию нового типа» предполагает не только обновление механизма интеграции,

но и переход на новую модель экономического развития, более радикальную по характеру модернизационных мероприятий и, что еще более важно, отличную от либерализационной модели полного господства рынка. Разработку Доктрины ШОС как главной составной части ее Стратегии следует рассматривать как формирование новой теории цивилизационного синтеза, которая сможет выступить альтернативой теории глобализации, обслуживавшей интересы «золотого миллиарда».

6. Стратегия развития ШОС как выхода на новую траекторию развития включает следующие приоритетные направления экономического сотрудничества.

- Согласование национальных стратегий развития и определение комплекса общих целей с учетом потребностей каждой страны, имеющихся сырьевых возможностей и потребительского спроса, а также с общей ситуацией на мировом рынке.
- Состыковка национальных экономических законодательств и обеспечение взаимных преференций в области тарифов и цен с перспективой создания в рамках ШОС единого экономического пространства.
- Подготовка условий для создания пограничных СЭЗ или районов экономического сотрудничества по образцу «еврорегионов».
- Расширение инфраструктурного строительства, включающего создание единого энергорынка ШОС на основе существующей системы трубопроводов между Россией, странами Центральной Азии и Китаем, а также транспортного коридора Западный Китай-Западная Европа.
- Установление общих правил приема и обустройства мигрантов, регулирование их потоков и норм проживания.
- Совместное обустройство территории, что предполагает проведение научных экспедиций, обследование экологического состояния, создание сети служб природоохранного характера.
- Укрепление сотрудничества ШОС с ЕврАзЭС и рассмотрение возможностей дублирования в рамках ШОС таких институтов ЕврАзЭС, как Евразийский банк развития, Антикризисный фонд, Международный центр высоких технологий.

7. Современная кризисная ситуация толкает на более решительные действия в плане институционализации сотрудничества и разработки Стратегии как концептуальной основы и конкретного плана предстоящей работы. Консолидированный ресурсный потенциал ШОС вполне достаточен для создания мощной региональной эконо-

мической системы, способной стать самостоятельным мировым экономическим центром.

В стратегии развития ШОС можно выделить три основных раздела (экономический, военно-политический и культурно-гуманитарный) и несколько уровней целей Организации.

А. Первоначальные цели, в основном уже решенные: маркировка границ и установление пограничного режима между КНР и бывшими среднеазиатскими советскими республиками.

Б. Среднесрочные цели: создание системы коллективной безопасности между странами-членами Организации, согласование позиций и подготовка условий для оформления регионального интеграционного образования при взаимодействии с государствами Запада.

В. Долгосрочные цели: наращивание политического и экономического потенциала Организации и ее превращение в самостоятельный «полюс» мироустройства при скоординированном политическом и экономическом развитии и со своим комплексом планетарных ресурсов, используемых в интересах населяющих эти страны народов.

Г. Перспективные цели: постепенное продвижение к намеченной цели – создание единого экономического пространства и международной организации нового типа как противовеса западному миру, ориентированной на построение лучшего, более справедливого общества и укрепление межцивилизационной интеграции на евроазиатском пространстве.

Куртов А. К.,
к. ю. н., Российский институт стратегических исследований (РИСИ)

КОРИДОР «СЕВЕР – ЮГ» КАК ЭЛЕМЕНТ РАЗВИТИЯ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА

Хотя с момента образования ШОС прошло уже не так мало времени, среди политиков и экспертов не прекращаются дискуссии о том, в каком направлении и каким образом должно развиваться данное региональное объединение. Одни усматривают будущность ШОС как мощного военного союза, другие предпочитают акцентировать внимание на необходимости усиления экономической составляющей Организации, третьи полагают, что ШОС должна остаться площадкой для преимущественно политического диалога. Наконец, есть и такие, которые видят перспективы ШОС как всеобъемлющей интеграционной структуры наподобие Европейского союза.

В зависимости от занимаемой позиции, их сторонники предлагают различные варианты практических программ, которыми должна, по их мнению, заняться ШОС в ближайшее время. Почти во всех вышеуказанных вариантах Организация не сможет обойтись без развития транспортной составляющей. Ведь транспортные коммуникации в Евразии могут быть использованы и для увеличения торгового оборота, и для укрепления общей системы безопасности, и тем более они будут необходимы в случае продвинутого интеграционного проекта. Применительно к ШОС развитие транспортной составляющей, на наш взгляд, пока излишне схематично рассматривается главным образом в «параллельном» варианте: как коммуникационные связи между Востоком и Западом по цепочке «Китай – государства Центральной Азии – Россия – Европа». Тогда как «меридианный» вариант, т.е. коммуникации по направлению Север–Юг, где возможно обеспечить также и потоки из Азии в Европу, применительно к ШОС пока серьезно не рассматривается. Между тем этот вариант не следует сбрасывать со счетов. Тем более что умножение статусных контактов постоянных членов ШОС с наблюдателями и партнерами по диалогу свидетельствует пока именно (или преимущественно) о меридианном пространственном расширении Организации. Даже присоединение к ШОС Узбекистана 14 июня 2001 г. укладывается в эту схему. Это событие было вполне логичным, поскольку ШОС позиционировала себя как региональная структура. Так, 7 июня 2002 г. на саммите ШОС в Санкт-Петербурге была принята Хартия ШОС, где неоднократно упоминается, что Организация действует в определенном пространстве. Среди ее целей указывается «развитие многопрофильного сотрудничества в целях поддержания и укрепления мира, безопасности и стабильности в регионе».

Однако нигде в статьях Хартии нет четкой расшифровки термина «регион». В каком-то смысле это и порождает различие мнений по поводу перспектив расширения ШОС. В мире есть региональные организации, которые объединяют государства, расположенные только на одном континенте или в одной части света. Но существует множество иных примеров. Поэтому вопрос о том, каковы же должны быть пространственные пределы ШОС, остается дискуссионным и для экспертного сообщества, и для политических лидеров стран-участниц Организации. И ответ на этот вопрос совсем не прост.

Шанхайская организация сотрудничества, с нашей точки зрения, пока не сумела выработать единый отлаженный механизм сотрудничества. Формально ШОС – открытая структура. Часть 1 ст. 13 Хартии

ШОС гласит: «ШОС открыта для приема в ее члены других государств региона, которые обязуются соблюдать цели и принципы настоящей Хартии, а также положения других международных договоров, принятых в рамках ШОС». Отметим, что в этой формуле опять-таки речь идет о региональном критерии членства. Но дело даже не в этом. Уже неоднократно в ШОС возникали ситуации, когда ряд государств изъявляли желание войти в Организацию, причем в качестве полноправных членов. Несколько лет назад немалую активность в этом направлении проявлял Пакистан. В 2006, 2007 и в 2008 гг. такие намерения высказывал и Иран. Министр иностранных дел Исламской Республики Иран (ИРИ) М.Моттаки 24 марта 2008 г. в ходе своего визита в Таджикистан сообщил, что его страна подала в Секретариат ШОС официальную заявку о вступлении в Организацию в качестве полноправного члена. Иран, наравне с Пакистаном, Индией и Монголией, уже несколько лет обладает статусом наблюдателя в ШОС, но в статусе постоянного члена на саммите ШОС в конце 2008 г. ему было отказано.

Согласно упомянутой выше Хартии, помимо статуса постоянного члена и наблюдателя, в Организации также еще существует статус «партнера по диалогу». До 2009 г. этот статус не был предоставлен ни одной стране, но весной 2009 г. стало ясно, что его получат Белоруссия и Шри-Ланка.

Таким образом, очевидно, что, во-первых, пространственное развитие ШОС де-факто происходит преимущественно по вектору Север – Юг. Во-вторых, такое развитие ШОС уже столкнулось с серьезными политическими ограничителями. Например, вполне понятно стремление Ирана получить статус полноправного члена ШОС: в Организацию входят два постоянных члена Совета Безопасности ООН – Россия и Китай, а страна-наблюдатель – Индия имеет все шансы стать новым постоянным членом СБ в случае реформы этого органа, разработка которой активизировалась в последние годы. В итоге ИРИ может получить весьма существенную поддержку на международной арене в условиях конфронтации с ним многих стран Запада.

Что касается критики планов развития иранской ядерной энергетики, расчет Тегерана примерно такой же. Постоянными членами ШОС являются две ядерные державы (Россия и КНР), а наблюдателями – также два ядерных государства (Индия и Пакистан). Причем последние обрели ядерное оружие «явочным порядком», т.е. уже в условиях международных ограничений на распространение ядерных

вооружений. Это обстоятельство тоже дает надежду Тегерану на то, что при получении постоянного членства в ШОС давление на Иран может быть смягчено. Осуждать иранцев за подобные расчеты нельзя, ибо ИРИ пытается реализовывать свои интересы. Но вот совпадают ли эти интересы с устремлениями других государств ШОС? Полагаем, что не всегда и не во всем. Понятно, что в ШОС есть страны, которые готовы в силу разных причин поддержать иранцев. В 2006 г. заявления об этом делало руководство Кыргызстана, сегодня же об этом официально заявляют лидеры Таджикистана. Но ни Таджикистан, ни Кыргызстан не «делают погоду» в ШОС. А положительное решение о приеме в Организацию принимается ее Советом глав государств в случае сугубо консенсусного голосования. Захотят ли Москва, Пекин и Астана получить дополнительную головную боль из-за членства Ирана в ШОС? Пока реалии свидетельствуют скорее о негативной реакции со стороны этих стран на инициативу ИРИ. Ведь нынешнее руководство Ирана не раз делало такие заявления, которые никак не могут быть поддержаны ни Китаем, ни Россией. Разыгрывать же «иранскую карту» в противостоянии с Западом также вряд ли продуктивно: выгода от этого будет малоочевидна, тогда как вероятные потери могут быть значительными. Принятие ИРИ в ШОС приведет к привнесению в Организацию ряда сложных проблем, которые Иран не может решить самостоятельно. И это только затормозит развитие ШОС по многим направлениям.

Интерес России и Китая состоит в том, чтобы сделать ШОС действительно сильной, авторитетной и дееспособной структурой, и отнюдь не в том, чтобы умножить поводы для конфронтации с Западом. Не формальный критерий – количество членов, а успех крупных многосторонних проектов должен быть целью работы ШОС. И здесь в Организации далеко не все обстоит успешно. Проектов много, но они в подавляющем большинстве реализуются не на многосторонней, а на двусторонней основе. Причем, как правило, одной из таких сторон выступает Китай, а не Россия. Поэтому, не решив одной важной задачи, Организация не должна умножать число трудноразрешаемых проблем, стоящих перед ней.

Зато именно развитие транспортного коридора «Север–Юг» может, во-первых, смягчить недовольство Ирана, вызванное отказом в предоставлении ему полноправного членства в ШОС (ведь именно через территорию ИРИ пройдет этот коридор). Во-вторых, в развитии этого коридора велика заинтересованность Пакистана, Индии, России, Казахстана, поскольку наметившийся крен в сторону реали-

зации шосовских транспортных проектов на территориях, граничащих с КНР, будет до некоторой степени скомпенсирован деятельностью Организации в другой части ее пространства – в западном сегменте. Для Москвы это имеет особое значение, в том числе и политическое, поскольку такой вариант позволит РФ повысить ее вес в ШОС в сравнении с весом Китая. В-третьих, коридор «Север–Юг» неизбежно приведет к привлечению к его работе единственной страны Центральной Азии, остающейся вне рамок ШОС, – Туркменистана. В-четвертых, коридор поможет вовлечению в Организацию и Афганистана, разговоры о контактах с которым в ШОС ведутся, но пока малоуспешно.

В любом случае развитие транспортных коридоров – это не только формирование тех или иных маршрутов доставки грузов. Необходимо смотреть на проблему шире. В рамках ШОС нужно создавать собственное конкурентное производство железнодорожных локомотивов, вагонов, морских и речных судов. В этом случае государства-члены Организации смогут претендовать на нечто более весомое, чем просто роль поставщиков сырья на мировые рынки.

Баденков Ю.П.
к. геогр. н., Институт географии РАН

АЛТАЙСКИЙ ТРАНСГРАНИЧНЫЙ УЗЕЛ: ВОПРОСЫ СОТРУДНИЧЕСТВА И РАЗВИТИЯ В РЕГИОНАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ

Политика открытости и приоритетного развития западных провинций Китая, провозглашенная в 1999 г., дала ощутимые результаты в развитии сотрудничества СУАР с соседними странами Центральной Азии – Таджикистаном, Кыргызстаном и Казахстаном. Особенно наглядно это проявилось в развитии транспортных коридоров и развитии автомобильных и железных дорог. Была построена автомобильная дорога на Памире (через перевал Кульма), связавшая Памирский тракт (Мургаб) и Каракорумское шоссе (Ташкурган). На Тяньшане через перевал Туругарт строится железная дорога из Кашгара в Кыргызстан и далее, в Ферганскую долину. В Казахстане развиваются уже существующие транспортные коридоры через Джунгарские ворота для транспортировки контейнеров, следующих через погранпереход Достык— Алашанькоу, и запуска прямых контейнерных поездов из Китая в другие государства – участники Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), а также в страны Европы.

На фоне этих успехов картина на севере СУАР, на границе Китая и России, выглядит не столь впечатляющей. Можно даже сказать, что граница между двумя крупнейшими странами Внутренней Азии – Китаем и Россией – находится «на замке».

Однако следует иметь в виду, что и сама граница является весьма специфичной: она проходит по горам Алтая и имеет протяженность чуть больше 50 км – точка в масштабе региона Внутренней Азии. Тем не менее, ее значение трудно переоценить: она представляет собой уникальный узел, в котором завязаны не только геополитические и экономические интересы четырех соседних стран. Феномен самого Алтая заключается в его природном, культурном и духовном наполнении.

- Алтай является естественным рубежом между жарким и сухим Югом (пустыни Таримской впадины) и холодным и влажным Севером (бореальные леса Сибири); Алтай обладает богатейшими природными ресурсами, прежде всего – водными. Алтай – это водонапорная башня для оазисов Синьцзяна и исток Иртыша и Оби.
- Алтай является историческим перекрестком многих цивилизаций и культур; он характеризуется большим этнокультурным разнообразием. Здесь встречаются основные религии мира – буддизм, ислам, шаманизм и христианство.
- Пространства Внутренней Азии, и Алтая в частности, всегда были ареной столкновения интересов внешних сил и характеризовались периодическими конфликтами и повышенной межэтнической и социальной напряженностью.
- Приграничные горные районы Алтая во всех четырех странах являются периферийными, маргинальными и экономически слаборазвитыми районами, полностью зависящими от дотаций государства и индустриально развитых центров.

Экологическая и культурно-историческая ценность Алтая получила международное признание: ЮНЕСКО включило 5 участков, расположенных на территории Республики Алтай, в список объектов Всемирного природного наследия. В настоящее время готовится номинация на присвоение археологическим памятникам, расположенным на территории всех четырех стран в пределах Алтая, статуса Всемирного культурного наследия. Установление смешанного – природного и культурного – статуса территории является высшей степенью международного признания глобальной ценности Алтая. Такой статус (смешанных) объектов насчитывается всего у 25 объектов (из общего числа 851 в 184 странах).

Вызовы XXI века. Трансграничная территория Алтая сталкивается с реальными проблемами глобального характера:

- климатические изменения,
- глобализация рыночной экономики, в том числе – реализация крупных инфраструктурных проектов (транспортных, коммуникационных);
- ухудшение качества среды обитания и деградация природных ресурсов (водных, биологических, земельных и др.).

Многочисленные исследования показали, что за инструментальный период измерений (1838 г., метеостанция Барнаула), среднегодовая температура в Алтайском регионе за 166 лет повысилась на 2,8°С. Это один из высочайших показателей в мире, и тенденция сохраняется. Оценить последствия этого процесса в контексте реального влияния на экономику и устойчивость развития весьма сложно. Однако этот фактор должен учитываться в долгосрочных стратегиях социально-экономического развития (через конкретные индикаторы и риски). Эта сложная задача является исключительно актуальной не только для науки, но и для реальной экономики. В частности, процесс деградации вечной мерзлоты угрожает безопасности проектируемых транспортных коридоров на Алтае (дороги, газопроводы), повышает риски катастрофических явлений – оползней, селей. Сокращение горного оледенения грозит нарушением водного стока и обострением проблемы управления водными ресурсами международных рек (Иртыш, например).

К сожалению, следует констатировать, что в настоящее время учет фактора глобальных изменений в стратегиях долгосрочного регионального развития практически не учитывается ни на национальном уровне (в масштабах стран), ни в региональном международном контексте. Более того, согласование национальных стратегий долгосрочного развития в пределах Большого Алтая имеет (если имеет) весьма общий декларативный характер. Анализ ключевых положений российской стратегии долгосрочного социально-экономического развития («Россия 2020») и Стратегии территориального развития Республики Казахстан до 2015 г. показал – несмотря на большое сходство методологических подходов – отсутствие согласованности ключевых компонентов развития в пределах трансграничного Алтайского региона. Даже в случае развития конкретных инфраструктурных проектов, каковыми являются российско-китайские проекты строительства дороги и газопровода через Алтай, оценка их влияния на окружающую среду и социально-экономические условия с учетом

глобальных климатических изменений носит отраслевой характер и не дает ответа на ключевые вопросы: как примирить цели развития с задачами сохранения культурного и природного наследия? Через какие механизмы регионального сотрудничества можно добиться этих целей в пределах трансграничного Алтая?

В качестве принципиально важных инструментов регионального сотрудничества и развития территории трансграничного Алтая предлагается:

- Подготовить и заключить межправительственное соглашение «О принципах сотрудничества, устойчивого социально-экономического развития и сохранения природного и культурного наследия в пределах трансграничного Алтая (Алтайская конвенция)».
- С целью проведения согласованных научных исследований и мониторинга глобальных изменений создать трансграничную биосферную территорию «Алтай», в состав которой войдут национальные охраняемые территории, полностью сохраняющие свой национальный статус и действующие в соответствии со своим национальным законодательством. Трансграничная биосферная территория «Алтай» создается на добровольной основе, выполняет информационно-координационные функции и, в случае пожелания сторон, может войти в глобальную сеть биосферных резерватов ЮНЕСКО.

В основе этих предложений лежит многолетний опыт регионального сотрудничества в европейских Альпах (Альпийская конвенция, 1953 г.) и Программы ЮНЕСКО «Человек и биосфера (МАБ)». Эти предложения не являются чем-то новым для Алтайского региона.

Альпийская конвенция, идея которой возникла в 1953 г. как правовой механизм защиты культурных и природных ценностей Альп, была подписана и ратифицирована в 1991 г. как межгосударственный договор между правительствами и парламентами 8 стран Альпийского региона (Австрия, Германия, Италия, Франция, Швейцария, Лихтенштейн, Словения и Монако) и Европейским союзом.

Алтайская конвенция, учитывая ее интеграционный характер и задачи, связанные с обеспечением вопросов безопасности в области социально-экономического развития, экологии, туризма, продовольствия и других, может действовать под эгидой Шанхайской организации сотрудничества. В этом случае, Алтайская конвенция способна стать эффективным механизмом сотрудничества в области устойчивого регионального развития во Внутренней Азии.

Семин А.В.,
к. полит. н., ИДВ РАН

ЯПОНИЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

До начала 1990-х годов экономические и иные связи Японии с Центральной Азией развивались слабо. После обретения странами ЦА суверенитета в период январь – апрель 1992 г. Япония установила дипотношения с Узбекистаном, Казахстаном, Кыргызстаном, Туркменистаном и Таджикистаном. В 1997 г. тогдашний премьер-министр Японии Р. Хасимото выдвинул для региона ЦА внешнеполитическую концепцию «Дипломатия шелкового пути». Это послужило сигналом для начала здесь деятельности Японского агентства международного сотрудничества (JICA), на которое возлагалась задача «способствовать самодостаточному развитию» стран региона. Центры JICA были образованы в Узбекистане, Кыргызстане и Казахстане. На начальном этапе они занимались организацией курсов подготовки кадров, языковых курсов, вели просветительскую работу среди местного населения.

В 2004 г. правительство Японии разработало новую внешнеполитическую программу для ЦА с учетом изменений международной обстановки после событий 11 сентября 2001 г. в США. Организация JICA использовалась в качестве одного из основных инструментов распространения влияния Японии в регионе. Агентство взяло на себя ответственность курировать: проекты технического сотрудничества; подготовку специалистов; исследования проблем развития; предоставление безвозмездной помощи; меры по преодолению последствий стихийных бедствий; привлечение к сотрудничеству местного населения.

В 2006 г. состоялся официальный визит в Казахстан тогдашнего главы японского правительства Дз. Коидзуми. То был первый такого уровня визит в регион за всю историю японской дипломатии. Говоря о целях визита, премьер-министр сделал важное признание: «Нашей стране необходимо искать новых поставщиков нефти и газа, чтобы не полагаться лишь на Ближний Восток».

В марте 2006 г. в Токио состоялась 1-я встреча министров иностранных дел Японии и четырех стран ЦА (без Туркменистана). Целью встречи было подготовить предложения для переговоров на уровне глав правительств. В июне 2006 г. в Токио под девизом «Диалог – Центральная Азия плюс Япония» прошла 2-я встреча глав внешнеполитических ведомств тех же стран (в «гостевом» статусе присутствовал представитель Афганистана). Участники встречи приняли План

действий, в котором декларировался широкий круг направлений сотрудничества между Японией и странами ЦА.

Накануне встречи в Токио с программной речью выступил тогдашний министр иностранных дел (впоследствии премьер-министр) Японии Таро Асо. Он охарактеризовал современный курс японской дипломатии в Центральной Азии, разъяснив, в частности, причины, по которым Япония проявляет активный интерес к региону. *Первой* (и главной) была названая причина геополитическая, связанная с союзническими обязательствами Токио перед Вашингтоном. Япония, как и США, рассматривает Центральную Азию как часть «зоны нестабильности, ...протянувшейся от внутренних районов Евразии и Юго-Западной Азии до Среднего Востока и Африки». Асо назвал Центральную Азию «слабым звеном» цепи, чем «предопределяется непрочность всей цепи». В качестве *второй* причины активного интереса Японии к ЦА было указано наличие здесь богатых залежей полезных ископаемых. *Третья* причина, по убеждению министра, состоит в обоюдном стремлении участников диалога к сотрудничеству, а *четвертая* – в наличии новой благоприятной атмосферы в мировом сообществе для осуществления этого стремления.

Реально в политике Японии в ЦА достигнуты определенные результаты. Так, она стала одним из важных финансовых доноров стран региона – Кыргызстана, Узбекистана, Казахстана. На начало 2005 финансового года суммарная правительственная помощь Японии государствам ЦА составляла 240 млрд иен., или около 30% официальной помощи развитию, предоставленной всеми странами-членами Комитета помощи развитию при ООН. Объем торговли Японии со странами ЦА за 15 лет со времени установления межгосударственных отношений вырос в 7 раз.

Развиваются и другие направления экономического сотрудничества. Так, в Казахстане действует совместное предприятие по разработке урановой руды при участии японских компаний «Мицуи» и «Кансай электрик» и казахской компании «Казатопром». Японский консорциум INPEX участвует в разработке нефтяного месторождения Кашаган в казахском секторе Каспийского моря. В Туркменистане японская сторона изучает возможность прокладки газопровода в Афганистан с выходом к границе с Пакистаном, с перспективой продолжения его в Индию. Компания «Мицубиси» занимается изучением идеи прокладки газопровода из Туркмении в Китай.

Таким образом, Япония активизировала свою дипломатическую деятельность в ЦА в полном соответствии с внешнеполитическим кур-

сом страны, для которого характерны прагматизм, гибкость и стремление диверсифицировать источники поступления сырья, обеспечить себе перспективные рынки товаров и капитала. При этом Токио стремится действовать согласованно с Вашингтоном. Интересам союзников, как представляется, отвечает ослабление влияния в регионе России и Китая, создание помех укреплению Шанхайской организации сотрудничества. Однако у специалистов, в частности КНР, существуют сомнения относительно результативности попыток Японии укрепить свое влияние в ЦА, поскольку на данном этапе она отстала в этом от России и Китая.

Балакин В.И.,
к. ю. н., ИДВ РАН

ИНВЕСТИЦИОННАЯ СТРАТЕГИЯ КНР В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Китайская инвестиционная стратегия в Центральной Азии фор-ется под воздействием главных внешнеполитических приори-в правительства КНР. К ним относятся: обеспечение благопри-ий международной обстановки для стимулирования роста и про-ения модернизации страны; предотвращение попыток сдержи-я совокупной мощи китайского государства; диверсификация -па Китая к ближайшим источникам энергетических ресурсов. -зуя названные приоритеты, правительство КНР постоянно пы-я убедить мировое сообщество в том, что экономический рост и -онизация китайских вооруженных сил не представляют угрозы для -есов других стран. В отношениях Китая с центральноазиатскими -арствами заметную роль играет фактор обеспечения стабильности -ных провинций КНР. По мнению международных экспертов, посредством распространения своего влияния в регионе Центральной Азии китайское правительство стремится обезопасить свои «тылы» и дать дополнительный импульс для экономического и социального развития неспокойного Синьцзян-Уйгурского автономного района[1].

Еще одним фактором, побуждающим КНР искать геополитическое преобладание в Центральной Азии, является необходимость противодействовать глобальной политике США, ориентированной на установление доминирующего американского присутствия в непосредственной близости от китайских границ. Наращивая по восходящей инвестиционное взаимодействие с центральноазиатскими

государствами, правительство КНР использует их ресурсный потенциал для решения собственных задач по модернизации национальной экономики, а также в интересах укрепления своего политического влияния в странах Центральной Азии. Следует подчеркнуть, что центральноазиатские рынки являются для китайских производителей из западных районов КНР довольно перспективным направлением внешней торговли, поскольку удаленность от мировых морских коммуникаций заметно усложняет их непосредственный выход на международные рынки, а значит, снижает общую конкурентоспособность производимой ими продукции. В результате, 80% от общего товарооборота КНР с центральноазиатским рынком в настоящее время приходится на западные районы Китая. Чтобы еще более нарастить китайский торговый потенциал в странах Центральной Азии, правительство КНР постоянно вкладывает значительные финансовые ресурсы в создание на Западе Китая современной транспортной, энергетической и социальной инфраструктуры.

Особую значимость для КНР представляют энергетические ресурсы Центральной Азии. Геополитическое расположение Центрально-Азиатского региона в непосредственной близости от границ Китая предоставляет Пекину уникальную возможность транспортировать углеводороды по наземным трубопроводам. Значимость Центральной Азии для КНР еще более возрастает исходя из перспективы расширения вышеназванных наземных магистралей до Северного Ирана. Транспортный потенциал ЦАР не исчерпывается только трубопроводной поставкой энергоносителей. В перспективе Китай рассчитывает использовать данный регион в качестве эффективного транспортного коридора, обеспечивающего сухопутный выход в те же Иран и Турцию, а также в Россию и далее, к товарным рынкам Евросоюза. Реализуя инвестиционные проекты в транспортной сфере на территории центральноазиатских государств, правительство КНР получает возможность диверсификации сухопутных маршрутов в Европу, а главное, решает задачу сокращения сроков доставки китайской экспортной продукции.

Стратегический подход правительства КНР к инвестиционным проектам в Центральной Азии характерен, прежде всего, тем, что, наращивая свои капиталовложения в соседних странах, Китай дает дополнительный импульс к интенсивному развитию своей собственной экономики. То, что КНР выделяет льготные кредиты центральноазиатским странам, отнюдь не является простой благотворительностью. Инвестиционные ресурсы идут на финансирование крупных проектов, реализация которых непосредственно завязана на произ-

водственные мощности в самой КНР. Освоение природных ресурсов Центральной Азии, сооружение там широкоразветвленной транспортно-коммуникационной инфраструктуры, развитие богатых возможностей местной гидроэнергетики позволяет китайскому правительству загружать долгосрочными заказами свой машиностроительный комплекс, а также на долгие годы, если не навсегда, плотно привязывать центральноазиатские страны – получатели прямых инвестиций к китайской технологической идеологии. Необходимо подчеркнуть, что финансовые ресурсы предоставляются Китаем на исключительно льготных условиях и только под обязательство использовать китайское оборудование и технику с привлечением для их обслуживания и эксплуатации квалифицированных специалистов из КНР.

В качестве наглядных примеров можно привести китайские инвестиционные кредиты Узбекистану, Таджикистану и Казахстану[2].

В первом случае между правительствами КНР и Узбекистана в мае 2007 г. были подписаны два соглашения, касавшиеся поставок китайского оборудования для ГЭС-2 при Андижанском водохранилище и о поставках силового оборудования из Китая для ГЭС при Ангаранском водохранилище. Сторонами в соглашении стали государственный Экспортно-импортный банк Китая и Национальный банк внешнеэкономической деятельности Узбекистана. Общая сумма связанного инвестиционного кредита составила для обоих проектов около 17 млн долл. По условиям кредита, срок которого был обозначен в 15 лет, получателю инвестиционных средств предоставлялся льготный период в 5 лет. Общая процентная ставка была зафиксирована на уровне 3% годовых. Во втором случае долгосрочный льготный инвестиционный кредит правительство КНР выделило в 2008 г. правительству Таджикистана. Размер кредита составил 300 млн долл. со ставкой 2,2% годовых на срок 25 лет, 7 из которых оговаривались как беспроцентные. Названные капиталовложения предусмотрены на возведение высоковольтных линий электропередачи «Юг – Север» и «Лолазар – Хатлон». В качестве генерального подрядчика была согласована крупная китайская компания TBEA. В третьем случае Государственный банк развития Китая выделил Казахстану инвестиционный кредит на сумму 200 млн долл. на строительство Мойнакской гидроэлектростанции. При этом в качестве генерального подрядчика комплекса работ по проектированию и строительству ГЭС «под ключ» китайская сторона определила собственную Международную корпорацию водного хозяйства и энергетики. Таким образом, и в данном случае правительству КНР удалось в полной мере реализовать свой главный

стратегический принцип – предоставлять инвестиционные кредит исключительно на связанной основе.

Развивая национальную инвестиционную стратегию, китайское руководство опирается на так называемый фактор «мягкой силы» (soft power, кит. *ruan shili*). Позаимствовав термин из американской политологии, правительство КНР применительно к своей инвестиционной стратегии наполнило его несколько иным, более конкретным содержанием. В частности, совершенно очевидно, что международно-правовые рамки Шанхайской организации сотрудничества не позволяют Китаю использовать в той же Центральной Азии свой военно-политический потенциал. Однако ничто не мешает КНР проводить собственное экономическое влияние в Центрально-Азиатском регионе, преподнося его в виде открывающихся для государств Центральной Азии существенных финансовых преимуществ и привлекательных инвестиционных возможностей при их более тесном взаимодействии с Китаем. Именно таким образом китайское руководство формирует весьма эффективный инструментарий своей региональной дипломатии, своевременное введение которого вполне способно в перспективе осуществить выдавливание США из Центрально-Азиатского региона, а также постепенно достигнуть паритета, а, возможно, и превзойти Россию в реальной способности решать ключевые геополитические проблемы Центральной Азии[3].

---

[1] *Erica StreckerDownes*. China's Quest for Energy Security // Santa Monica. California: RAND Project Air Force, 2008. P. 49.

[2] Foreign Market Access Report // Chinese Ministry of Commerce. August 2008.

[3] *Kawaguchi, Yoriko*. Adding a New Demension to Central Asia // Suppansha. Tokyo, 2004. P. 21.

Болятко А.В.,
д. воен. н., ИДВ РАН

НОВЫЙ ЭТАП В РАЗВИТИИ АМЕРИКАНО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ: ВЗГЛЯД ПЕКИНА И ВАШИНГТОНА НА ЕВРАЗИЮ

К началу 2009 г. в отношениях США–Китай, как и по многим другим международно-политическим направлениям, создалась обстановка, чреватая переменами. В американо-китайских отношениях изменения назревали вследствие того, что появились признаки пересмотра практики «огораживания» Китая, принятой на вооружение при администрации Дж. Буша. Кроме того, нарастающая волна фи-

нансово-экономического кризиса не могла не затронуть крупнейший в мире массив торгово-экономических отношений между двумя великими державами.

Как с американской, так и с китайской стороны ширились теоретические разработки и раздавались практические рекомендации о необходимости нового этапа в развитии китайско-американских отношений. Например, при оценке существующего геостратегического характера американо-китайских отношений в статье, опубликованной в китайском журнале [1], эти отношения определяются как отношения «комплексной взаимозависимости», в рамках которых обе стороны воспринимают друг друга в духе прагматизма и умеренности, что позволяет им конкурировать и консультироваться на основе существующих международных норм.

Подобные идеи высказывает значительное количество китайских ученых и специалистов, изучающих китайско-американские отношения, считая их одними их наиболее значимых не только в сфере двусторонних отношений, но и в плане оказания влияния на весь мир, его безопасность и развитие. При этом подчеркивается, что факторы противостояния между двумя странами по мере их развития сокращаются, в то время как факторы сотрудничества возрастают. В целом китайские специалисты отмечают, что отношения между Китаем и США развиваются в направлении зрелости и устойчивости, что фиксируется в ходе широких контактов стран на высоком уровне [2].

С американской стороны также звучат подобные суждения. Наиболее яркими явились выступления двух патриархов американской внешней политики. Непосредственно перед инаугурацией нового президента США Б. Обамы в январе 2009 г. два наиболее маститых американских политолога – З. Бжезинский, бывший советник президента Д. Картера по национальной безопасности, и Г. Киссинджер, советник по национальной безопасности и государственный секретарь в администрациях президентов Р. Никсона и Д. Форда,– выступили в печати и на различных форумах с рекомендациями по основным направлениям американской внешней политики. Значительное место в этих рекомендациях они уделили развитию отношений с Китаем, причем З. Бжезинский озаглавил свою статью «Двойка»[3], предлагая союз США и Китая как ведущую силу мировой политики. Г. Киссинджер в своей статье «Шанс для нового миропорядка»[4] делает упор на трансформации взаимоотношений государств по обе стороны Тихого океана в проект «общей судьбы» с лидирующей ролью в нем США и КНР. Россия при этом даже не упоминается.

В ходе телефонной беседы с президентом Бараком Обамой, проведенной 30 января 2009 г., председатель Ху Цзиньтао сказал, что Китай готов укрепить диалог и взаимодоверие, а также расширить сотрудничество с США для совместного отражения разных глобальных вызовов и содействия стабильному развитию китайско-американских отношений. Барак Обама в ответ высказал мысль, что американская сторона надеется на более тесное сотрудничество с Китаем для разрешения важных международных и региональных вопросов, американская администрация намерена совместно с Китаем развивать более активные и конструктивные двусторонние отношения.

Непосредственным следствием поворота в американо-китайских отношениях явилось сообщение о восстановлении военных связей двух стран, разорванных в октябре 2008 г. из-за продажи американского оружия Тайваню на сумму 6,5 млрд долл. В Пекине побывала делегация Пентагона во главе с заместителем помощника министра обороны Дэвидом Синди, которая провела переговоры с военными КНР.

1 апреля 2009 г. в Лондоне в ходе антикризисного совещания руководителей 20 стран была проведена двусторонняя встреча председателя КНР Ху Цзиньтао и президента США Барака Обамы. Она прошла на мажорной ноте, ее участники согласились установить в XXI веке «отношения позитивного и всеобъемлющего сотрудничества с целью углубить двустороннее взаимодействие в разных областях»[5].

В ходе беседы с президентом США Ху Цзиньтао заявил: «благоприятные отношения с США не только отвечают интересам народов двух стран, но и содействуют миру, стабильности и процветанию в АТР и в мире в целом». По его словам, после прихода Б.Обамы к власти китайско-американские отношения получили хороший старт, стороны достигли консенсуса по направлениям развития китайско-американских отношений в новую эпоху, а также по созданию механизма китайско-американских стратегического и экономического диалогов. Барак Обама в свою очередь подтвердил приверженность американского правительства политике «одного Китая» и 3 американо-китайским совместным коммюнике, добавив, что эта позиция не изменится. По его словам, США приветствуют и поддерживают усилия для улучшения отношений между двумя берегами Тайваньского пролива, а также надеются на больший прогресс в этих отношениях.

Американский президент указал, что отношения между США и Китаем стали крайне конструктивными, а «наши экономические связи являются очень крепкими». По его мнению, американо-китайские отношения не только имеют важное значение для граждан двух стран, но

и предоставляют миру платформу для противодействия вызовам, для содействия миру и безопасности в обеих странах и на планете в целом [6].

Главы государств КНР и США согласились создать механизм китайско-американских стратегического и экономического диалогов.

Очередной инцидент в развитии китайско-американских отношений произошел в Южно-Китайском море. Там пять китайских кораблей вытеснили из района, расположенного в 120 км южнее острова Хайнань, океанографическое судно «Импекэбл», входящее в состав 7-го флота ВМС США. По заявлениям Пекина, это было сделано в связи с тем, что судно занималось незаконной деятельностью в китайских водах. В США выразили резкий протест по поводу «агрессивных действий» КНР в международных водах и подчеркнули, что американские корабли продолжат выполнять свои задачи в Южно-Китайском море. По существу, Вашингтон, признавая, что «Импекэбл» занимается разведывательной деятельностью, тем не менее, требует от Пекина не препятствовать ему находиться вблизи китайских берегов. Более того, США направили для его сопровождения еще и ракетный эсминец [7].

С учетом этих и других факторов нетрудно предположить, что глобальное противостояние между США и КНР будет нарастать и принимать все более острые формы. Вместе с тем не исключено, что во имя неких тактических схем Пекин и Вашингтон могут пойти на более тесное взаимодействие. В связи с этим России следует озаботиться тем, чтобы возможное американо-китайское партнерство не затронуло российских интересов. Необходимо активизировать сотрудничество с Пекином на двусторонней основе и в рамках ШОС, БРИК, АТЭС, а также других организаций и групп и независимо от этого выходить на интенсивный и взаимовыгодный диалог с Вашингтоном.

В то же время приходится констатировать, что произошло заметное ослабление позиций России на мировой арене, и в том числе в АТР. В условиях мирового кризиса, наращивания взаимодействия КНР и США и игнорирования интересов России в регионе это может отодвинуть ее от процесса формирования нового механизма евроазиатского сотрудничества. Более того, может быть поставлено под вопрос само ее стратегическое присутствие в Азиатско-Тихоокеанском регионе. При этом особую тревогу вызывают наметившийся в последнее время экономический и инфраструктурный отрыв Дальнего Востока и Восточной Сибири от европейской части страны, отток оттуда русского населения, а также экономическая переориентация этих регионов на соседние государства.

[1] Liaowang Magazine. July 14, 2008.
[2] Китайские исследователи-американисты об особенностях современной фазы развития отношений между Китаем и США// Экспресс-информация № 8. ИДВ РАН. М., 2008.
[3] Financial Times. January 14,2009.
[4] International Herald Tribune. January 13, 2009.
[5] Ibid.
[6] URL:http://russian.people.com.cn/31520/6627686.html
[7] Красная звезда. 17.03.2009.

Грозин А. В.,
Институт стран СНГ (Москва)

ПОЛИТИКА КИТАЯ В ПОСТСОВЕТСКОЙ АЗИИ: СОДЕРЖАНИЕ, ИСТОРИЯ И «ФАКТОР ШОС»

Оценка места Центральной Азии (ЦА) в политике Китая не так проста, как может показаться. Во-первых, в КНР пока нет официальной стратегии по Центральной Азии, хотя существуют ряд концепций, принципов и тактика действий на данном направлении. Во-вторых, доступные исследователям источники, материалы и информация неполны. В результате исследование политики Китая в Центральной Азии затруднительно даже для самих китайских экспертов. В-третьих, ситуация в регионе постоянно меняется и политические курсы КНР на центральноазиатском направлении также эволюционируют.

Основные направления политики Китая в соседних государствах. Цели и задачи внешнеполитической стратегии КНР ясны, а именно:

- модернизация Китая в течение будущих 50 лет;
- осуществление мирного объединения страны с помощью долгосрочных и настойчивых усилий;
- обеспечение суверенной и территориальной целостности;
- содействие миру, развитию и сотрудничеству во всем мире;
- борьба за создание более гармоничной Азии и более гармоничного мира (это является еще и долгосрочной задачей Пекина).

В целях осуществления указанных задач Китай координирует внутреннее развитие с внешней политикой (политикой открытости).

Что касается основных направлений политики Китая в соседних странах, надо обратить внимание на тот факт, что среди таких стран имеются государства с разными условиями социально-экономического развития и разными политическими режимами. В целях создания стабильных приграничных регионов Китай проводит ряд меро-

приятий для улучшения и углубления отношений с соседними странами. Эти меры включают:

- активное участие в разрешении пограничной проблемы (с Россией, Казахстаном, Таджикистаном, Кыргызстаном, Вьетнамом, Индией и др.);
- улучшение двусторонних отношений с соседними странами в различных сферах;
- активное участие и стимулирование регионального сотрудничества (типичный пример – Шанхайская организация сотрудничества).

За прошедшие 30 лет можно отметить появление во внешней политике Пекина некоего нового мышления и изменения в подходах. С одной стороны, КНР высказала свои идеи и предложения по международным и региональным делам в различных сферах в целях создания благоприятного и выгодного регионального порядка. С другой стороны, Китай активно заявляет о поддержке большинства региональных режимов. Причем, если раньше Китай часто резко критиковал окружающих за несоответствие принятым в КНР идеологическим концепциям, то в годы реформ и открытости Китай кардинально изменил эту позицию. Более того, страна с каждым годом все более активно участвует в многосторонних международных организациях и проектах (данной практики руководство страны ранее избегало). И на официальном, и на экспертном уровнях в КНР резко отрицается мнение о том, что Китай стремится создать свою сферу влияния. При этом многие китайские ученые утверждают, что государство не способно создать такого рода режим из-за ряда внутренних и внешних факторов.

Эволюция политики Китая в Центральной Азии. Сам термин «Центральная Азия» в Китае имеет различное понимание. В общественных кругах все 5 стран Центральной Азии относятся к группе стран Азии, а в научных кругах рамки ЦА до сих пор не определены. Китайские исследователи, которые занимаются проблемами западного направления (Европа, Америка и т.д.), включают ЦА в группу стран Азии и в большинстве случаев обозначают государства региона, относящиеся к постсоветскому пространству. Исследователи же, которые традиционно занимаются проблемами региона, как правило, используют термин «Россия, Центральная Азия и Восточная Европа».

С 1990-х годов до сегодняшнего дня ситуация в Центральной Азии продолжает меняться, а вместе с ней эволюционирует и политика Китая в регионе, отвечая также изменениям ранжира своих национальных интересов.

Региональный режим ШОС и ее коллективные интересы. Проводя политику относительно Центральной Азии, Китай использует не только двусторонние связи, но и многосторонний формат. ШОС является основной платформой проведения многосторонней политики Китая в ЦА.

ШОС – новый тип региональной организации, на который Китай с самого момента образования организации обращает особое внимание. В процессе своей деятельности ШОС активно выступает за новую концепцию безопасности, содержащую взаимодоверие и сокращение вооруженных сил, достижение безопасности путем сотрудничества, за межгосударственные отношения нового типа, стержнем которых является партнерство, а не союзничество, за новую модель регионального сотрудничества, характеризующуюся совместными усилиями больших и малых стран, взаимовыгодным сотрудничеством. В процессе становления ШОС постепенно выработан так называемый шанхайский дух, характеризующийся взаимным доверием, равенством, взаимодействием, уважением к многообразию культур, взаимной выгодой, стремлением к совместному развитию.

В КНР придерживаются той точки зрения, что НАТО меняет отношение к ШОС. Первоначально Североатлантический блок рассматривал «Шанхайскую пятерку» как структуру, деятельность которой не несет угрозы интересам Запада, но, напротив, свидетельствует о снижении роли Москвы в ЦА в связи с появлением нового игрока – Пекина. Впоследствии, с постепенным расширением параметров сотрудничества Китая со странами региона, в первую очередь с Казахстаном, в нефтяном секторе, Запад во главе со США изменил свое мнение на противоположное.

Преобразование «Шанхайской пятерки» в Шанхайскую организацию сотрудничества получило негативную оценку НАТО, что, согласно китайским оценкам, объяснялось следующим: во–первых, в ШОС ведущее положение заняли Россия, желающая развивать и укреплять многополюсный мир, и Китай, настроенный на противодействие гегемонии США в мире. Во-вторых, забывая цели ШОС в вопросах обеспечения безопасности в регионе, НАТО рассматривает антитеррористические военные учения ШОС как антизападные военные учения. Ведущие китайские аналитики утверждают, что такие подходы не отвечают реальности.

Сегодня безопасность ЦА прямо зависит от стабильности в Афганистане. Существующая военно-политическая обстановка в этом государстве говорит о том, что конфликт в этой стране далек от разре-

шения и продолжает вызывать напряженность в регионе, представляя реальную угрозу стабильности и безопасности для Центральной Азии и всего мирового сообщества. Время показало, что силы антитеррористической коалиции не справляются с источниками терроризма, экстремизма и наркотрафика на афганской территории. В этой ситуации эффективным решением проблемы китайскому руководству и экспертному сообществу видится объединение усилий государств и таких крупных международных организаций, как НАТО и ЕС. Возможно, это подразумевает начало формирования новой модели межгосударственного сотрудничества в регионе, которая предполагает схожесть стратегических интересов как самих центральноазиатских стран, так и ряда других государств, в том числе России, США, Китая. В Пекине, долгое время скептически оценивавшем возможности координации китайской, российской и западной точек зрения на ситуацию в ЦА, в последнее время начали задаваться вопросом: не настало ли время перехода к более высоким формам коллективной безопасности и взаимоотношений всех заинтересованных государств?

Парамонов В.В.,
к. полит. н., Республика Узбекистан

ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКАЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ: ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ

На протяжении более 100 лет Центральная Азия, являвшаяся составной частью сначала Российской империи, а затем Советского Союза, рассматривалась Китаем лишь в контексте общего комплекса китайско-советских и китайско-российских отношений. Резкое изменение геополитической конфигурации в Центральной Азии в начале 1990-х годов, вызванное распадом СССР, в значительной степени стало неожиданностью для Китая и достаточно неоднозначно было воспринято в Пекине.

Следует условно выделить три ключевых фактора, которые в основном определяли и продолжают определять формирование политики Китая в Центральной Азии в сфере безопасности:

- фактор сохранения последствий распада СССР;
- фактор продолжающейся нестабильности в Афганистане;
- фактор усиления присутствия США в регионе.

Для Китая в начале 1990-х годов было важно, прежде всего, не допустить возникновения на своих западных границах очагов напряженности и обострения ситуации в СУАР. Поэтому в первой половине

1992 г. Китай инициировал двусторонние консультации с Казахстаном и Кыргызстаном (Таджикистан в силу начавшегося внутреннего вооруженного противостояния практически выпал из переговорного процесса) по вопросам прохождения границы и спорных территорий. В последующем Китай зафиксировал с каждой из стран достигнутые договоренности в двусторонних соглашениях.

Параллельно Пекин согласился с предложением Москвы о ведении переговоров по пограничной тематике в многостороннем формате. С этой целью в сентябре 1992 г. в Минске была сформирована рабочая группа в составе объединенной делегации России, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и делегации Китая (так называемая формула «4 + 1»). В ходе переговоров были подтверждены ранее достигнутые договоренности между СССР и КНР по вопросам границы. Параллельно с погранично-территориальными проблемами в рамках данной рабочей группы решался и вопрос снижения уровня военного присутствия в приграничных районах. Переговорный процесс по делимитации границ, а также снижению уровня военного присутствия в приграничных районах завершился подписанием в 1996 г. в Шанхае и в 1997 г. в Москве соответствующих соглашений.

Во второй половине 1990-х годов сохраняющаяся в Афганистане нестабильность привела к концентрации на афганской территории различных экстремистских группировок, пользующихся всесторонней поддержкой «Аль-Каиды». Это превратило страну в плацдарм международного терроризма. Отмечается появление в Афганистане и членов уйгурских группировок из СУАР, которые стали приобретать военный опыт, участвуя в боевых действиях на стороне талибов, а также проходя подготовку в лагерях «Аль-Каиды». Возвращаясь в Синьцзян, они принимали самое активное участие в вооруженных акциях против представителей китайских властей, а также выступали в качестве инструкторов учебно-тренировочных баз, созданных в труднодоступных районах КНР. Руководство уйгурских сепаратистов не без оснований считало, что движения «Талибан» и «Аль-Каида» представляют реальную силу, способную оказать действенную помощь в создании объединенного независимого исламского государства.

«Талибанизация» Афганистана стала основной причиной еще более активного появления и распространения как в ЦА, так и непосредственно в Синьцзяне различного рода радикальных исламистских организаций, в первую очередь, партии «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» и «Исламского движения Узбекистана (ИДУ)». С конца 1990-х годов территория китайского Синьцзяна все активнее стала использоваться

для международного наркотрафика – афганский героин стал поступать как непосредственно в КНР, так и транзитом через СУАР в российские регионы.

Сотрудничество КНР со странами ЦА в сфере безопасности приобрело партнерский характер. Пекин наравне с Москвой сумел стать своего рода внешним гарантом формирующейся в Центральной Азии системы региональной безопасности. При этом наиболее важным достижением китайско-российского тандема явилось создание в июне 2001 г. на базе «Шанхайской пятерки» новой многопрофильной международной организации – Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Уже 15 июня того же года в рамках ШОС была подписана Конвенция «О борьбе с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом».

После 11 сентября 2001 г. произошел пересмотр Китаем системы приоритетов в оценке угроз интересам собственной безопасности. На первый план для Пекина вышли угрозы, так или иначе обусловленные масштабным присутствием США в регионе:

- появление в нем крупного американо-натовского воинского контингента;
- завуалированное политическое вмешательство Вашингтона в дела его стран;
- нарастание экономической экспансии США.

Военное присутствие в регионе обеспечивало расширение политического влияния США на центральноазиатские государства. А для осуществления всестороннего контроля обстановки в Центральной Азии Вашингтон, используя финансовые и политические рычаги, стал расширять там и свое экономическое присутствие. При этом, как представляется, особое опасение в Пекине вызывали попытки США взять под контроль стратегические отрасли промышленности стран региона.

Несмотря на всю неоднозначность ситуации, обусловленной расширением американского присутствия в ЦА, Китай сохранил взятый ранее курс на расширение взаимодействия с государствами региона в сфере безопасности как в рамках ШОС, так и в двустороннем формате. При этом он продемонстрировал готовность использовать всю полноту имеющегося у него потенциала для обеспечения своих интересов в регионе. Основной акцент в реализации своей стратегии Пекин сделал на усилении ШОС как своеобразного противовеса американскому присутствию в Центральной Азии и, в целом, механизма реализации здесь интересов Китая. В первую очередь потребовалось расширить и сделать более эффективной договорно-правовую базу регионального сотрудничества в рамках ШОС.

В период «цветных революций» на постсоветском пространстве четко обозначилась устойчивая тенденция по дальнейшему сближению Пекина и Москвы, что было основано на близости оценок ситуации в ЦА и в мире в целом. Именно Китай и Россия выступили за расширение состава участников ШОС для усиления потенциала Организации и придания ей большего международного веса.

В конце 1990-х годов стало нарастать негативное воздействие новых угроз, связанных с военно-политической нестабильностью в Афганистане. В этой ситуации Пекин выступил за развитие еще более активного сотрудничества с государствами ЦА. При этом Китай попытался взять на себя роль некоего внешнего гаранта формирования системы региональной безопасности, сделал ставку на стратегический тандем с РФ, которая, в отличие от КНР, имела уникальный исторический опыт присутствия в регионе.

События 11 сентября 2001 г. и последовавшее масштабное появление присутствия США в регионе вновь изменили расстановку сил в ЦА и вокруг нее в не выгодном для Китая плане. После выработки соответствующих концептуальных решений Пекин значительно активизировал попытки укрепить стабильность и усилить свое влияние в регионе. При этом основной акцент был сделан во многом именно на экономическую составляющую отношений.

В настоящее время базовые элементы центральноазиатской стратегии Пекина в сфере безопасности в целом концептуально определились. Сама же стратегия заключается в том, чтобы, опираясь на ШОС, и в тесном партнерстве с Россией участвовать в решении комплекса проблем безопасности, стремиться к развитию тесных отношений со странами ЦА, обеспечить реализацию своих стратегических целей, которые прежде всего касаются: 1) недопущения дальнейшего усиления присутствия США и их союзников, 2) стабилизации ситуации в Афганистане, и 3) освоения богатых природных ресурсов ЦА и закрепления на рынках стран региона для экономического подъема СУАР.

Шершнев И. Л.
к. полит. н., ИМО и СПН МГЛУ

ОБЩЕСТВЕННАЯ ДИПЛОМАТИЯ ШОС КАК ДЕЙСТВЕННЫЙ МЕХАНИЗМ ИНТЕГРАЦИИ ПРОСТРАНСТВА ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА

В мировой практике пока еще нет общепринятого определения понятия «общественная дипломатия». В каждой стране или между-

народной организации понимание этой сферы внешнеполитической деятельности несколько отличается. Но вместе с тем есть и общее. Предполагается, что общественная дипломатия – это общественная деятельность граждан и организаций в международной сфере, которая направлена на реализацию личных, общественных и государственных интересов. Общественная дипломатия способствует развитию гармоничных отношений между людьми, расширению взаимодействия между странами в различных областях жизни.

Представляется, что для Шанхайской организации сотрудничества можно было бы предложить следующее определение понятия общественная дипломатия. Общественная дипломатия ШОС – один из видов многосторонней дипломатии, неофициальная деятельность которой направлена на достижение взаимопонимания между народами и цивилизациями ШОС, на отстаивание и продвижение национальных интересов стран-участниц Организации на международной арене, на укрепление мира в Центрально-Азиатском регионе, на распространение русского, китайского, казахского, киргизского, таджикского и узбекского языков и культур, используя присущие ей методы, формы и средства.

Общественная дипломатия ШОС реализуется прежде всего журналистами, экспертами, учеными, преподавателями, туристами, духовными лицами и неправительственными организациями. Студенты и представители творческих профессий, которые участвуют в программах обмена и получают международные гранты и стипендии, тоже являются участниками этого процесса. Кроме налаживания контактов и информационной работы общественная дипломатия ШОС должна формировать позитивный образ Центрально-Азиатского региона через фильмы, теле- и радиопрограммы, программы стажировок и студенческие обмены, конференции и «круглые столы» и т.д.

Развитие общественной дипломатии должно быть сопряжено с основными направлениями Хартии Шанхайской организации сотрудничества. Это поддержание мира, укрепление безопасности и доверия в регионе; поиск общих точек зрения по внешнеполитическим вопросам, представляющим общий интерес. Особую роль общественная дипломатия может сыграть в решении таких острых проблем, как сбережение воды, миграция, наркотрафик, взаимное недоверие и низкое качество инвестиционной среды.

Общественная дипломатия должна помочь в гармонизации отношений между общественными, властными и экономическими элитами внутри Шанхайской организации сотрудничества. Она должна

стать неформальной площадкой формирования политической воли Организации. Для этого необходимо развивать между странами ШОС совместные общественно-дипломатические программы, особенно с Китаем. Известно, что на уровне массового сознания присутствует настороженное отношение к любым формам сотрудничества с Китаем, будь то экономическое или военно-политическое сотрудничество. Необходимо снять эту настороженность средствами общественной дипломатии, вынести вопросы сотрудничества в ШОС на уровень общественной дискуссии. Для многих стран региона ШОС развитие общественно-дипломатических отношений позволит многие проблемы решать на новом качественном уровне и делать отношения более доверительными.

Представляется важным применение общественной дипломатии в экономической сфере ШОС, которая отвечает коренным интересам всех государств региона и может сыграть роль локомотива самого процесса взаимодействия в рамках ШОС. Представители экономических неправительственных организаций совместно с экспертами и официальными лицами могли бы обсудить и предложить свои решения проблем в таких важных направлениях экономики, как энергетика, региональная торговля, транспортные коммуникации и транснациональные «коридоры», телекоммуникации, туризм и т.д.

Для более эффективного противодействия современным угрозам безопасности и стабильности в рамках ШОС целесообразно использовать средства общественной дипломатии в достижении единого понимания этих угроз всеми государствами, в упреждении международного терроризма и экстремизма путем предложения мер по борьбе с ними, в осуществлении духовно-просветительских, образовательных, пропагандистских программ среди населения в области обеспечения безопасности Центрально-Азиатского региона.

Важным направлением взаимодействия в укреплении региональной стабильности представляется активизация контактов на всех уровнях Шанхайской организации сотрудничества с целью определения общей позиции относительно новых угроз, сближения оценок ситуации в регионе, согласования мнений и разработки возможных совместных мер в отношении деструктивных сил. Анализ потенциальных возможностей общественной дипломатии ШОС позволяет говорить об этом виде дипломатии как о действенном механизме интеграции пространства Шанхайской организации сотрудничества.

Гусев Л.Ю.,
к. и. н., МГИМО (У) МИД России

СОТРУДНИЧЕСТВО КИТАЯ И СТРАН-УЧАСТНИЦ ШОС В СФЕРЕ ЭНЕРГЕТИКИ

За последние 15 лет экономика Китая развивается самыми быстрыми темпами в мире. Сейчас эту страну называют даже «мастерской мира». Но для такого развития необходимы ресурсы, прежде всего углеводородные. Основными поставщиками углеводородного сырья в Китай в 1990-е и в начале 2000-х годов являлись страны Африки, прежде всего Ангола, а также страны Персидского залива – Саудовская Аравия, Оман. Однако в последние лет 9 Китай стал обращать внимание на другие источники получения нефти и газа и среди них на соседние с ним страны, которые к тому же в той или иной форме входят в Шанхайскую организацию сотрудничества.

В последние годы Китай осуществляет активное сотрудничество в сфере энергетики с *Ираном*. Сейчас по поставкам нефти в КНР он вышел на 3-е место (10,8% всего китайского импорта нефти) после Саудовской Аравии (14%) и Омана (13,3%)[1]. Крупнейшая инвестиционная сделка Китая в области нефти и газа была подписана с Ираном в октябре 2004 г. Предметом сделки стало одно из крупнейших нефтегазовых месторождений Ирана — Ядаваран; сумма контракта составила порядка 70 млрд долл.[2] 14 января 2009 г. Иранская национальная нефтяная компания и Китайская национальная нефтегазовая корпорация подписали двустороннее соглашение о сотрудничестве в области освоения нефтяных месторождений на общую сумму 1,76 млрд. долл., согласно которому китайская сторона будет осваивать нефтяное месторождение Азадеган, обнаруженное в 1999 г. в иранской провинции Хузестан. Оно является одним из крупнейших мировых нефтяных месторождений[3].

Осуществляют китайские компании активное сотрудничество с *Узбекистаном*. Почти на 60% территории этой страны располагаются перспективные месторождения углеводородного сырья, объемы разведанных запасов нефти и газа на открытых месторождениях составляют более 2 трлн т условного топлива[4]. В 2005 г. с Китайской национальной корпорацией по разведке и разработке нефти и газа (CNODC) было подписано соглашение о создании СП по разработке месторождений с трудноизвлекаемыми нефтяными запасами в Бухаро-Хивинском регионе и проведению геологоразведочных работ в Устюртском, Ферганском и Бухаро-Хивинском нефтегазоносных регионах[5].

Довольно бурно развивается энергетическое сотрудничество между Китаем и *Казахстаном*. Еще 25 мая 2006 г. Казахстан завершил заполнение участка казахско-китайского нефтепровода Атасу–Алашанькоу, расположенного на территории Китая. Строительство этого участка велось в соответствии с соглашением об основных принципах строительства нефтепровода Атасу–Алашанькоу между «КазМунайГазом» и Китайской национальной нефтегазовой корпорацией (КННК) от 17 мая 2004 г. Общий объем технологической нефти, потребовавшейся для заполнения, составил чуть более 400 тыс. т. Официальный ввод нефтепровода в эксплуатацию состоялся 15 декабря 2005 г.

19 апреля 2009 г. во время визита в Китай президента Казахстана Н. Назарбаева и его переговоров с председателем КНР Ху Цзиньтао было подписано рамочное соглашение о расширении сотрудничества в нефтегазовой отрасли и содействии в получении кредитных заимствований на сумму в 5 млрд долл. между АО НК «КазМунайГаз» и Китайской национальной нефтегазовой корпорацией CNPC, а также Договор купли-продажи акций АО «МангыстауМунайГаз» между Central Asia Petroleum Ltd. и Mangistau Investments BV[6].

Что касается сотрудничества между *Россией* и Китаем, то еще в марте 2006 г., во время визита В.В.Путина в Китай, были подписаны соглашения об энергетическом сотрудничестве. Так, между российской компанией РАО ЕЭС и китайской энергетической компанией были заключены соглашения о поставках электроэнергии из России в Китай. Однако особое внимание было уделено сотрудничеству в нефтегазовой сфере. Были подписаны документы между компанией «Газпром» и представителями китайской газовой компании о строительстве газопроводов в Китай. В настоящее время эти соглашения прорабатываются.

Осенью 2008 г. Россию посетил китайский премьер Вэнь Цзябао. В ходе переговоров стороны еще раз обсудили возможности сотрудничества в энергетической сфере. На встрече с В. Путиным было договорено, что Китай выделит кампании «Роснефть» кредит в размере 12–15 млрд долл., кредит в 8–10 млрд должна получить и кампания «Транснефть». «Роснефть» по договоренности берет на себя обязательства поставок нефти в Китай на 20 лет, по 15 млн т каждый год, а «Транснефть» совместно с китайской госкомпанией намерены построить ответвления на Китай от нефтепровода Восточная Сибирь–Тихий Океан. Окончательно пакет соглашений и договоров по строительству нефтепровода, купле-продаже сырой нефти и предоставле-

нию кредитов между компаниями двух стран был подписан в феврале 2009 г.

Необходимо отметить, что в 2007 г. в Китае было произведено 189,8 млн т нефти, потребление составило 368 млн т. В 2008 г. добыто столько же – 189 млн т. Россия на данный момент занимает 5-е место в числе стран – главных экспортеров нефти в Китай после Анголы, Саудовской Аравии, Ирана и Омана. В 2007 г. российский экспорт составил порядка 12 млн т. «Газпромнефть» поставляет в Китай порядка 5 млн т (ориентировочно 40% всего российского экспорта в Китай).

Таким образом, можно констатировать, что Китай за последнее время все больше и больше внимания уделяет энергетическому сотрудничеству с энергопроизводящими странами ШОС. Это связано с тем, что, во-первых, ускоренное развитие страны требует значительных объемов углеводородного сырья, поэтому делается упор на сотрудничество не только с традиционными поставщиками. Во-вторых, доставка нефти и газа по суше из соседних стран намного дешевле и выгодней, чем перевозка танкерами по морю. Кроме того, Китай в экономической сфере все в большей степени «привязывает» к своему рынку эти государства.

---

[1] URL:http://www.iimes.ru/rus/stat/2006/16-01-06b.htm
[2] Там же.
[3] URL:http://www.russian.xinhuanet.com/russian/2009-01/15/content_799447.htm/
[4] URL:http://www.yilnoma.uz/rus/publik6.html
[5] URL:http://www.specserver.com/expo/detail.asp?id=487
[6] URL:http://infoshos.ru/ru/?idn=4066

Сафронова Е.И.,
к.э.н., ИДВ РАН

СПЕЦИФИКА ВОСПРИЯТИЯ ОБРАЗОВ КНР И РОССИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Автор исходит из следующих базовых установок: международный имидж (образ) страны может быть: а) целенаправленно создаваемым – с помощью пропаганды, инструментов народной дипломатии, гуманитарных контактов, связей по оказанию содействия в социально значимых сферах и т.д.); б) реально существующим в восприятии правящих элит, научных и иных общественных и неформальных сообществ, а также в глазах широких масс населения.

Наиболее эффективно на восприятие образа страны влияет ее *практическая деятельность* как международного партнера. Очевидно,

что между созидаемым имиджем государства и его реальным восприятием могут быть (а чаще всего и существуют) различия, порой, достаточно существенные. Восприятие образа страны формируется не столько под воздействием ее целенаправленных агитаторских усилий (хотя и они способны играть существенную роль), сколько под влиянием фактически проводимого в отношении государства-реципиента практического курса. То есть, такое восприятие – явление, весьма чувствительное к несоответствию «слова и дела». Какой бы массированной ни была пропаганда образа государства, но если «страна-мишень» этой пропаганды сталкивается с реалиями, противоречащими ее интересам, то рано или поздно это даст о себе знать и на уровне правящих элит, формирующих внешнюю политику и международные связи, и на уровне населения.

Парадоксальным образом легче всего создавать позитивный образ в глазах той страны, с которой меньше всего практических контактов, поскольку виртуальные ожидания зачастую не оправдываются при переходе к материально ощутимой стадии взаимодействия. В определенной степени нечто подобное, видимо, происходит с восприятием имиджа Китая в странах Центральной Азии (ЦА).

Вскоре после установления в 1992 г. официальных отношений КНР с молодыми государствами Центрально-Азиатского региона (ЦАР) Пекин по дипломатической линии и по каналам внешнеполитической пропаганды предпринял энергичные шаги с целью сформировать в ЦА образ Китая как страны, имеющей много общего с государствами ЦАР и настроенной на конструктивное сотрудничество с ними. Этому служили и визиты в Центральную Азию Ли Пэна, сформулировавшего «шесть принципов» экономических отношений Китая с государствами ЦАР (1994 г.), и речь председателя КНР Цзян Цзэминя «Совместно создавать прекрасное будущее сотрудничества Китая со странами Центральной Азии» (1996 г.), и многие другие меры, реализованные с середины 1990-х годов. При этом КНР пыталась развеять опасения ее более слабых соседей по поводу «китайской угрозы», всячески подчеркивая свои миролюбивые намерения. Основным средством продвижения образа КНР как страны, лишенной агрессивных устремлений, всегда служил широкий делегационный обмен различного формата и направлений, призванный на политическом, дипломатическом, межведомственном и общественном уровнях, выражаясь терминологией XVII съезда КПК, «повышать культурную мягкую силу государства».

В практическом плане мощным фактором позитивизации и имиджа, и восприятия страны является «сила личного примера».

Пекин, активизируя коммерческие связи с государствами ЦА, естественным путем способствовал восприятию Китая как государства обширных инвестиционных и торгово-экономических возможностей. КНР и сейчас играет значительную роль в жизнеобеспечении простого населения региона (потребителей и торговцев), которое зависит от поставок китайского ширпотреба. Если Китай по какой-либо причине ненадолго закрывает для торгового трафика свои границы, то изменяются курсы валют многих стран ЦА. Китайская продукция представлена чрезвычайно широко и, что важно с социальной точки зрения, – доступна большинству жителей региона по цене [1].

На позитивное восприятие и имидж Китая в ЦА работает и сырьевой характер экспорта стран региона, который стимулирует их заинтересованность в отношениях с КНР как крупным и стабильным импортером-«оптовиком». Транспортное сотрудничество Китая и государств ЦАР, облегчающее их жесткую транзитную привязку к России и друг к другу, тоже успешно выполняет имиджмейкерскую функцию. Так, высокогорная автомагистраль Кашгар–Хорог впервые дала Таджикистану прямой выход на международные рынки и позволила преодолеть 90%-ную зависимость от транзита его грузов через Узбекистан [2].

Мощным инструментом позитивизации и самого имиджа, и его восприятия является предоставление безвозмездной помощи экономически менее успешным странам, и это достаточно широко практикуется Китаем в Центральной Азии. Данная мера не только работает на образ КНР как бескорыстного партнера, но и усиливает ее восприятие в качестве хозяйственно мощной державы глобального значения.

Тем не менее, по мере увеличения точек политико-экономического соприкосновения Китая и ЦА, растет и число поводов для взаимного недовольства. Для восприятия КНР процесс развития коммерческих связей с ЦАР имеет ту негативную сторону, что в результате конкуренции с китайскими фирмами с рынков региона вытесняются товары национального производства. Вызывают нарекания и управленческие обычаи китайцев, владеющих различными предприятиями в ЦА. Активно расширяющееся присутствие инвестиционного капитала КНР в энергетике Казахстана, по мнению ряда депутатов казахстанского парламента, несет в себе угрозу экономической безопасности страны. (По темпам приобретения активов и скорости реализации проектов в сфере энергетической инфраструктуры китайские фирмы опережают все другие иностранные компании в Казахстане [3].)

В политическом плане в ЦА воспринимают Китай как некий «равновес» между Западом и Россией или своего рода «третий полюс».

Объективная реальность такова, что Центральная Азия расположена между «российским медведем» и «китайским драконом»[4] и, видимо, обречена на маневрирование между двумя этими силами. КНР охотно поддерживает имидж независимой силы в полном соответствии со своим тезисом о «самостоятельности внешней политики Китая». Однако уязвимость позиций государств ЦА в диалоге с Поднебесной, вызванная их растущей социально-экономической зависимостью от отношений с Китаем, не способствует позитивизации образа КНР в глазах центральноазиатских правящих элит.

В цивилизационном отношении, по образному свидетельству центральноазиатских экспертов, регион зачастую можно сравнить с юношей, который находится в растерянности, ибо не знает, как относиться к дракону после прочитанных сказок о нем. В русском (европейском) варианте дракон – разрушительная, извергающая огонь сила, а в китайском – странное, но позитивное существо, символизирующее власть и процветание. Для жителя ЦА образ дракона в русской интерпретации привычнее, а в китайской – загадочнее, и посему вызывающий опасения своей непонятностью. Ни культурно, ни даже мировоззренчески КНР пока не составляет России конкуренции в ЦАР, хотя по темпам прироста экономических связей РФ и уступает Китаю. Вопрос заключается в том, насколько Россия сумеет сохранить и приумножить свои позиции в регионе.

В настоящее время на имидж и восприятие РФ работает сама парадигма ее отношений с Центральной Азией. Так, если Запад фактически предлагает ЦАР путь «периферийной интеграции» в качестве сырьевого придатка, а Китай, ввиду своей близости, масштабов и амбиций, способен экономически «задавить» регион, то при опоре на Россию Центральная Азия может попытаться стать самостоятельным центром влияния в самом сердце евразийского материка. Пока только РФ дает странам ЦА уникальную возможность создать пространство совместного равноправного культурного и экономического развития[5].

---

[1] *Фроленков В.С.* Современные торгово-экономические отношения КНР с центральноазиатскими странами-членами ШОС и Туркменистаном. М., 2009. С.143, 83.

[2] Там же. С. 96.

[3] URL:http://www.iwpr.net/?p=bkz&s=b&o=328336&apc_state=henbbkzdate2007

[4] URL:www.svoboda.org/programs/rtl/2003/rtl.040103.asp

[5] См.: URL: //http://neonomad.kz/neonomadika/politika/index.php?ELEMENT_ID=4466

Морозов Ю.В.,
к. воен. н., ИДВ РАН

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РФ И КНР В РАМКАХ ШОС В ГУМАНИТАРНОЙ ОБЛАСТИ

В шкале обеспечения национальных интересов на международной арене гуманитарную составляющую по значимости можно поставить на один уровень с экономической и политической деятельностью государства. При этом понятие «международное гуманитарное сотрудничество» включает в себя межгосударственную кооперацию по вопросам культуры, науки, образования, информации, спорта, туризма и т.п.[1] Такое сотрудничество осуществляется во имя человека и ради человечества, так как цивилизация не может успешно развиваться в условиях плохой экологии, без возможности получить индивидом/обществом квалифицированную медицинскую помощь и должное образование, обеспечивающих их достойное будущее.

Гуманитарное сотрудничество в рамках ШОС развивается по всем направлениям с меньшим или с большим успехом. Оно стало «одним из важнейших факторов, гарантирующих жизнеспособность Организации. ШОС вполне может сыграть роль катализатора и примера для межцивилизационного общения во имя поиска решений проблем, которые препятствуют гармонизации отношений в мире»[2].

Образовательная и культурная составляющая сотрудничества ШОС развивается по нарастающей. В Договоре о дружбе и сотрудничестве государств-членов Организации, подписанном на саммите ШОС в Бишкеке в 2007 г., стороны отметили намерение поощрять и поддерживать установление прямых связей между учреждениями культуры, образовательными, научными и исследовательскими учреждениями, осуществлять совместные научно-исследовательские программы в области подготовки кадров, обмена студентами, учеными и специалистами[3].

Перед ШОС стоит и задача выработки единых стандартов образования, свободного перемещения знаний и специалистов. По мнению российских экспертов, «решение этих проблем расширит возможности предоставления образовательных услуг российскими вузами гражданам государств ШОС и будет способствовать повышению конкурентоспособности российского образования, увеличению экспорта российских образовательных услуг...»[4]. Этим целям будет служить и реализация идеи о создании Университета ШОС, предложенная В.В.Путиным в 2007 г.

Основным «реципиентом» благ культурного сотрудничества, осуществляемого в рамках ШОС, является Китай. Именно китайской стороной с 2005 г. выделяются целевые бюджетные средства на подготовку 1500 специалистов в различных сферах культурного сотрудничества для других членов Организации. Китай уже обучил более 200 экспертов для стран ШОС[5]. Китай стал основной «концертной и выставочной площадкой» Организации. Россия же пока в сфере культурно-гуманитарного обмена больше ориентируется на СНГ и ЕврАзЭС, так как там ее возможности наиболее заметны. Именно в этих структурах Россия без особой конкуренции пропагандирует русскую культуру и язык. Однако развитие ШОС и повышение ее авторитета в мире ставит вопрос о необходимости усиления российского влияния на образовательную и культурную сферу на всем пространстве этой Организации.

РФ старается проводить в ШОС политику, направленную на те сферы сотрудничества, которые в рамках СНГ не получают необходимого развития. При этом страны ЦА считают русский язык и русскую культуру частью национальной истории, возможностью культурного развития и выхода в мир. Кроме того, в большинстве стран осталось и достаточное количество русских, которые составляют порядка 20% населения. Развитие гуманитарного сотрудничества РФ со странами Центральной Азии сравнительно гармонично. При этом Россия поддерживает свое влияние, сохраняя «русский мир». Немаловажно и то, что в регионе отмечается последовательное уважение к России, к ее действиям на международной арене. Сохранение русского мира в ЦА, с учетом миграционной действительности и положения русских должно оставаться стратегией русского позиционирования в ЦА.

Грузино-осетинский конфликт в августе 2008 г. выявил проблемы в информационном освещении событий, в том числе и на пространстве ШОС. На саммите в Душанбе президент РФ Д. А. Медведев был вынужден разъяснять лидерам государств - членов ШОС и наблюдателей при ней суть происходивших на Кавказе событий. Это говорит о том, что, во-первых, даже не все лидеры государств понимали, что же происходило на самом деле, а, во-вторых, о том, что российская информационная политика в странах ШОС оставляет желать лучшего.

В связи с этим следует отметить, что в рамках ШОС до сих не создано единого информационного канала Организации ни на телевидении, ни в прессе, ни на радио. И если приходится прибегать к разъяснениям даже для глав государств, то можно представить качество доведения информации до рядовых жителей этих стран. Причем

данная проблема характерна не только для России. Можно вспомнить, как освещались события в Андижане и на Тибете, ситуация вокруг иранской ядерной программы, положение в Афганистане или Пакистане. К сожалению, на постсоветском пространстве все еще продолжается ретранслирование западных интерпретаций событий, и эту ситуацию надо менять.

Для выправления создавшегося положения в медийной сфере, очевидно, первоочередной задачей является создание единого «информационного поля» ШОС: на телевидении, в прессе, на радио. Реальным воплощением этого могло бы быть открытие информационного телевизионного канала «Евразия сегодня» (по типу Euronews) или обеспечение доступности телеканала «Мир» для населения центральноазиатских стран и Китая. Также представляется целесообразным создать специальный радиоканал ШОС или хотя бы расшить трансляцию радио «Голос России» на страны всего пространства ШОС.

Важным является и практическое взаимодействие в области реализации совместных проектов, как и их международно-договорное оформление в области здравоохранения. Необходимо стремиться создавать единую систему медицинской помощи и страхования, при которой граждане стран ШОС, независимо от местонахождения, могут получить качественную медицинскую помощь. Особо следует выделить профилактику и лечение заболеваний пандемического характера. Важным направлением такой кооперации могли бы стать проведение совместных исследований и создание эффективной сети под патронатом ШОС, ответственной за мониторинг, и наработки по новым и вновь возвращающимся инфекционным болезням, обобщение и своевременное доведение информации, а также распространение опыта борьбы с ними.

Несмотря на желание ШОС решать многочисленные экологические проблемы, справиться с ними сама она не может. Генсек ШОС Б.Нургалиев неоднократно отмечал, что «только если к усилиям государств ЦА, а также ШОС и ЕврАзЭС присоединятся институты ООН – ВОЗ, ЮНИСЕФ, ЮПФПА, Всемирный банк, Азиатский банк и другие международные институты, можно добиться прогресса в решении наиболее острых социально-экологических проблем, реализации проектов по восстановлению благоприятных условий для жизнедеятельности населения Приаралья, в области охраны здоровья населения и окружающей среды...»[6]. В этой области ШОС стремиться наладить регулярное взаимодействие с международными структурами, в частности с Центром ООН по превентивной дипломатии.

Учитывая возрастающий авторитет ШОС, возможно, в скором будущем при развитии сотрудничества с другими организациями и странами Организация сможет реализовывать международные проекты по улучшению и сохранению окружающей среды в ЦА.

Таким образом, Организация, которой недавно исполнилось 8 лет, изначально позиционировала себя как структура, стремящаяся развивать сотрудничество в гуманитарной сфере. В ее основополагающем документе – Хартии ШОС зафиксировано, что сотрудничество в данной области является одной из приоритетных задач. Здесь сохраняется еще немало проблем, которые следует решать совместными усилиями России и Китая. Среди них – работа с местным населением Центрально-Азиатского региона в направлении сохранения и развития его интереса к ШОС. Это, кроме практической пользы, позволит России и Китаю усилить свой авторитет в мире.

---

[1] Толковый энциклопедический словарь. СПб., 2006. С. 485.

[2] Декларация пятилетия Шанхайской организации сотрудничества. Шанхай, 15.06.2006.

[3] См.: ст. 19 Договора о дружбе и сотрудничестве государств-членов ШОС. Бишкек. 16.08.2007 .

[4] Власов А., Потеева Е. Образовательные реформы в странах ШОС//URL: www.ia-centr.ru,

[5] URL: http://www.russian.xinhuanet.com/russian/2006-06/14/content_265844.htm.

[6] Речь Б.Нургалиева на конференции по проблемам Арала. Ташкент, 12 марта 2008 г. URL:http://www.sectsco.org/

Серебрякова Н. В.,
к. полит. н, ИДВ РАН

ШОС: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В современных условиях, под воздействием взаимозависимых тенденций к регионализации и глобализации, некоторые географические регионы приобретают иное геостратегическое значение и становятся полем соперничества ведущих мировых держав. К ним с полным основанием можно отнести и Центрально-Азиатский регион. Данный регион образует политико-географическое пространство, включающее территорию 5 постсоветских республик – Кыргызстана, Казахстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана, которые объединяет наличие общих черт исторического, геополитического и культурно-цивилизационного порядка. Долгое время он оставался в тени мировой по-

литики, являясь «стратегическим подбрюшьем Советского Союза», как говорили раньше. Однако в начале XXI века его страны стали объектом приложения международных усилий и местом апробации разновекторных стратегий интеграции и регионального сотрудничества.

Под «интеграцией» мы понимаем систематическую и целенаправленную деятельность геополитических субъектов по повышению уровня взаимодействия и совместному конструированию политического, экономического и социо-культурного пространства, что должно способствовать более эффективной и гарантированной реализации национальных интересов каждого из участников этого процесса и созданию «чувства сообщества» в пределах охватываемых им территорий.

Исходя из этого определения, Шанхайская организация сотрудничества может быть рассмотрена как интеграционное образование в Центральной Азии. Эволюционировавшая из неформального объединения глав государств «Шанхайской пятерки», чья деятельность была посвящена решению пограничных проблем, доставшихся в наследство от Советского Союза, ШОС призвана поддерживать и обеспечивать безопасность и стабильность в регионе, содействовать формированию благоприятного политического климата, способствовать росту экономик стран-членов Организации и их взаимодополняемости, а также становлению независимой геополитической статусности евразийского континентального блока стран в рамках многополярного мира.

Созданная по российско-китайской инициативе Шанхайская организация сотрудничества представляет собой пример межправительственной организации, позиционирующей себя как организация «нового типа». К специфическим характеристикам ШОС следует отнести: приверженность «новой концепции безопасности» и участие в формировании многополюсного миропорядка во главе с ООН в целях построения «гармоничного мира», основанного на том, что деятельность Организации не направлена против третьих стран, а также культивирование «шанхайского духа». Конкретная функциональная нагрузка Организации основана на расширении трех стержнеобразующих направлений – сотрудничества в области безопасности, экономики и в культурно-гуманитарной сфере. При этом данные направления будут развиваться параллельно, но не обязательно с одинаковой скоростью.

С учетом ситуации, сложившейся в Центрально-Азиатском регионе, где сосуществует целый ряд региональных объединений, с участием России или без нее, и где отмечается активное продвижение проамериканских и проевропейских проектов, развитие ШОС приобретает важное значение для всех участников этой Организации.

Для России участие в ШОС позволяет создать дополнительный «контур безопасности» на юго-восточных границах РФ и усилить коллективное противодействие традиционным и нетрадиционным угрозам. Кроме того, оно расширяет возможности для укрепления гуманитарных контактов, задает более широкий формат для согласования мнений участников и выступления их «единым голосом» на международной арене.

Сотрудничество же с Китаем в рамках этого объединения придает Организации экономическую мобильность и общий динамизм.

Исходя из существующих предпосылок, можно предположить, что китайское влияние в регионе будет усиливаться. При этом в условиях современного финансово-экономического кризиса восприятие центральноазиатскими элитами модели «пекинского консенсуса», которую отличает ведущая роль государства в экономике, опережающий рост промышленности, приоритет мер по сокращению бедности, повышенное внимание к развитию науки и образования, является одним из вероятных вариантов. В данном контексте для сохранения позиций России и нейтрализации геополитических устремлений США в Центрально-Азиатском регионе российско-китайский тандем в формате ШОС является наиболее приемлемым компромиссом.

Несмотря на то, что в последнее время российское руководство уделяет все больше внимания участию в деятельности Шанхайской организации, тем не менее, «российская составляющая в ШОС» нуждается в укреплении за счет продвижения своих проектов, энергетического, образовательного и военно-технического содержания. По нашему мнению, одним из вариантов реализации данной задачи является расширение географической сферы ответственности Шанхайской организации сотрудничества за счет усиления в проектном измерении ни столько южноазиатского вектора развития, сколько дальневосточного.

Васильев Л.Е.,
ИДВ РАН

ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ БОРЬБЫ С СИЛАМИ «ТРЕХ ЗОЛ» В РАМКАХ ШОС

Экстремизм и сепаратизм в Центральной Азии, а также сопутствующий им терроризм представляют собой сложные и многоаспектные явления, содержащие политический, экономический, социальный, криминальный и военный компоненты. Здесь оперируют междуна-

родные террористические организации или их подразделения, радикально настроенные исламские фундаменталисты, экстремистские группировки, что вызывает обеспокоенность как государств-членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), так и всего мирового сообщества. Важно учитывать и тот факт, что все они взросли на местной почве и имеют собственные внутренние причины. В то же время их деятельность прочно связана с идейными течениями за пределами региона, а террористические организации Центральной Азии тесно сообщаются с международным криминальным сообществом, контролирующим торговлю оружием, наркотиками, людьми.

Анализируя обстановку в регионе, можно выделить две основные группы внутриполитических причин возникновения и активизации терроризма, экстремизма и сепаратизма в регионе. Это – социально-экономические и идеологические причины.

Социально-экономические причины:

- экономический и социальный кризис, безработица и обнищание значительной части населения;
- обостренное чувство социальной неустроенности и незащищенности у значительной части населения;
- падение авторитета власти, вследствие неэффективности экономических реформ;
- существенный рост социального расслоения общества;
- деиндустриализация экономики и связанная с ней маргинализация значительной части населения, которая в условиях высокой рождаемости ударила, прежде всего, по молодежи;
- проблемы с выплатой пенсий и пособий, с поддержанием системы образования и здравоохранения.

Идеологические причины:

- отчуждение людей от государства и общества, устранение людей от участия в управлении собственной жизнью;
- утрата многими людьми идеологических и духовных жизненных ориентиров, разрушение моральных ценностей, искажение положений традиционного ислама и рост значимости его радикальных ветвей;
- распад региона на отдельные страны, вызвавший возведение пограничных, визовых, иных барьеров внутри ранее единого пространства, что способствовало национальному обособлению народов этих стран;
- этнические и религиозные конфликты, резкие изменения мировоззрения, вызванные крупными социальными потрясениями;

- противоречия между секуляризмом светских режимов государств Центральной Азии и политическим исламом;
- репрессивная реакция правительств на оппозиционную деятельность политического исламского движения в регионе.

Рассматривая идеологические причины возникновения и активизации терроризма, экстремизма и сепаратизма в Центральной Азии, особо следует отметить то существенное влияние, которое оказывает на них тенденция политизации ислама в центральноазиатских государствах. За последние годы ислам превратился в серьезный фактор, влияющий на рост социально-политической напряженности в регионе. Это явление обусловлено следующими причинами:

- после крушения коммунистической идеологии образовался идеологический вакуум, который практически сразу стал заполняться идеологией ислама;
- произошел резкий рост национального самосознания у народов, обретших собственную государственность с одновременной поддержкой властями процесса возрождения исламских традиций;
- трудности социально-экономического плана способствовали росту протестных движений, которые использовали те из лозунгов ислама, которые определяют его как общество социальной справедливости;
- разрушение правовых норм и социальных гарантий, существовавших в советский период, способствовало установлению в массовом сознании мусульманского населения позитивной расположенности к исламу как альтернативному праву;
- многонациональная структура населения в этих странах, в рамках которой ислам выступает объединительной и консолидирующей силой, а также инструментом регулирования отношений между этносами.

Оценивая деятельность террористических, экстремистских и сепаратистских организаций в Центральной Азии в настоящее время и сложившиеся в регионе условия в целом, можно сделать несколько общих выводов.

1. Сегодня наиболее крупные террористические организации в регионе имеют схожие стратегические цели, а также разработанную многовариантную тактику их достижения. При этом автономность их вооруженной составляющей, прочность сетей и устойчивость ячеек, а также техническая оснащенность постоянно возрастают с одновременным расширением географии действий и круга лиц, принимающих решения на их осуществление.

2. В текущих условиях среди населения центральноазиатских государств все большую привлекательность находит если не поддержка, то, по крайней мере, оправдание терроризма как метода борьбы за достойную жизнь. Это вызвано разочарованием существующим положением дел и отсутствием ощутимых перемен к лучшему, а также безуспешным поиском справедливости.

3. Особенностью современного терроризма в Центральной Азии, как и во всем мире, является тесное переплетение как террористических сетей, так и криминальных структур. Если раньше они лишь соприкасались, взаимовыгодно решая отдельные локальные вопросы, а затем расходились, то сегодня наблюдается растущий симбиоз этих двух опасных течений. Между тем их совместная деятельность многократно увеличивает возможности каждого из них, так как позволяет террористам маскировать свою деятельность под обычный криминал, а взаимные услуги повышают результативность действий тех и других.

4. Терроризм в регионе, как и весь современный международный терроризм — это, во многом, образ жизни немалого слоя населения целого ряда стран. Ему уже не важен конечный результат, так как за достижением ближайшей цели последуют новые. Поэтому преодоление условий, порождающих и подпитывающих терроризм, — задача длительная и по плечу она только объединенным усилиям всего мирового сообщества, в которых силовые методы — важная, но не решающая составляющая успеха на этом направлении.

К тому же вопрос безопасности, включая проблемы терроризма, сепаратизма и экстремизма, для всех без исключения членов ШОС является одним из приоритетов. Именно ШОС стала первой из международных организаций, которая недвусмысленно поставила вопрос о всемирном развертывании борьбы с вышеназванным злом еще до известных событий в США 11 сентября 2001 г. В начале лета того года, в день образования ШОС, была подписана «Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом», в которой давалось определение этим явлениям, намечались направления и возможные формы борьбы с ними. Этот документ закладывал прочные, в том числе и правовые, основы для взаимодействия в области безопасности в рамках Организации.

В развитие этого документа в следующем году на саммите глав государств в Санкт-Петербурге было подписано «Соглашение между государствами-членами Шанхайской организации сотрудничества о Региональной антитеррористической структуре» (РАТС), представляющей собой межгосударственный институт Организации, который

призван вырабатывать стратегические направления деятельности в этой области, рекомендовать порядок взаимодействия силовых структур и конкретные мероприятия для их совместного осуществления.

Кроме того, на РАТС возложено оказание содействия национальным органам сторон (по их просьбе) в борьбе с проявлениями так называемых новых угроз. Для этого РАТС, в частности, накапливает и анализирует информацию, формирует банк данных по международным террористическим и экстремистским организациям, их лидерам, структурам и лицам, причастным к этим организациям. В сфере деятельности РАТС находится также анализ состояния и тенденций распространения терроризма и экстремизма, с одновременным сбором информации о неправительственных организациях и лицах, оказывающих поддержку террористам.

Овчинникова К. М.,
аспирантка ИДВ РАН

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТАЙВАНЬСКОГО ОПЫТА УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКОЙ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В последнее время правительства государств Центральной Азии стали обращать внимание на модель управления экономикой, разработанную на Тайване. Высокую репутацию этой модели в развивающемся мире предопределила ее устремленность на проведение индустриализации с опорой на широкое внедрение высоких технологий. Тайваньцы накопили ценный опыт в области управления деятельностью малых и средних предприятий. Но особенно важным является то, что их модель универсальна и может применяться практически в любой отрасли национальной экономики.

Тайваньские фирмы уделяют повышенное внимание социальным вопросам, сопровождающим их бизнес, в том числе в Центральной Азии. Так, подписывая двусторонние соглашения о торгово-экономическом и инвестиционном взаимодействии с уполномоченными правительственными организациями центральноазиатских государств, тайваньцы практически всегда оговаривают условия, суть которых сводится к определению гарантированного минимума рабочих мест для местных граждан, включая управленческие должности[1].

Такой подход, несомненно, привлекает государства Центральной Азии к взаимовыгодному экономическому сотрудничеству с Тайванем, тем более что подобное его осуществление не несет в себе видимой геополитической подоплеки, как зачастую случается при взаимо-

действии с государственными корпорациями КНР. Совершенно очевидно, что власти центральноазиатских государств не в силах устоять перед перспективными предложениями тайваньских фирм, которые включают не только сделки купли-продажи, но и предусматривают серьезное финансирование в интересах их быстрой и эффективной реализации, иногда полностью с нуля. Практика последних лет показывает, что тайваньцев в Центральной Азии мало интересуют инвестиционные проекты, связанные с тяжелой промышленностью, и, наоборот, весьма привлекают сферы малого и среднего бизнеса, ориентированные на удовлетворение повседневных потребностей населения. Тайваньские предприниматели, как правило, исповедуют устоявшийся принцип: *«начинать с начала» (begin at the beginning),* что подразумевает модель экономического развития «от простого к сложному», когда на предварительной стадии взаимодействия ставится цель определить наиболее перспективные традиционные отрасли местного хозяйства. Поэтому в центральноазиатских государствах тайваньские фирмы выстраивают свой бизнес, прежде всего, в области сельского хозяйства, ориентируясь при этом на последующие товарные поставки не только для местных рынков, но и в значительной мере на экспорт, преимущественно в близлежащие сибирские регионы Российской Федерации[2].

Валютные резервы Тайваня ощутимо возросли в докризисный период и позволили даже внести достойную лепту в поддержку стабилизации курса юаня в КНР. По мнению некоторых тайваньских экспертов, геополитическое продвижение «Большого Китая» в Центральную Азию должно происходить последовательно и неуклонно, и в данном вопросе не может быть никаких противоречий между Тайванем и КНР. Дистанцируясь от тех сфер экономики центральноазиатских государств, в которых уже работают китайские государственные корпорации, тайваньские фирмы делают ставку на те области производства, где обоснованность деятельности малого и среднего бизнеса не вызывает сомнения и уверенно подтверждается опытом самого Тайваня, 98% производственных предприятий которого функционируют в правовом режиме, определенном для малого и среднего предпринимательства[3].

Оригинальными выглядят программы некоторых тайваньских фирм-производителей, пытающихся перенести отдельные, наиболее успешные производства в сфере легкой промышленности из Вьетнама на территорию ряда охваченных депрессией штатов США. Тайваньские экономисты считают, что, приближая малоприбыльные производства легкой промышленности к основным рынкам сбыта, можно получить

достаточно высокий синергетический эффект, а это сегодня для тех же стран Центральной Азии представляет собой хороший шанс закрепиться с тайваньской поддержкой на емком российском рынке[4].

Правительства стран Центральной Азии сегодня весьма озабочены тем, чтобы сделать национальное экономическое развитие устойчивым и динамичным. Изучая тайваньскую модель управления экономикой, руководители центральноазиатских государств находят в ней значительное количество убедительных доказательств ее эффективности, а главное, реальной доступности с точки зрения возможности претворения в жизнь. Фактически, тайваньские фирмы не только оказывают своим центральноазиатским партнерам технологическую и инвестиционную поддержку при создании малого и среднего бизнеса, но и волей-неволей формируют в странах Центральной Азии национальный производительный средний класс, способный при благоприятных условиях создавать более крупные предприятия.

Тайваньская экономическая модель «заточена» именно на учреждение малых и средних предприятий, а это значит, что появляется значительное количество новых рабочих мест, предназначенных для многочисленных низкопрофессиональных социальных групп населения, которых в ЦАР абсолютное большинство. Для преимущественно безработной сегодня центральноазиатской молодежи создаваемые при тайваньской помощи малые и средние предприятия представляют реальную перспективу получить более высокую квалификацию и со временем поднять собственный социальный статус, во многом зависящий от непрерывного повышения уровня специального технического образования[5].

Тайваньский опыт управления экономикой включает в себя и такую специфическую форму организации, как создание индустриальных парков. Разрабатывая многопрофильные образовательные программы для центральноазиатских государств, правительство Тайваня предусматривает возможность организовать в будущем в Центральной Азии технопарки на базе существующих технологических университетов, опираясь при этом на местных выпускников, прошедших переподготовку в тайваньских высших учебных заведениях.

Тайваньская модель управления экономикой в ее варианте для центральноазиатских стран включает несколько стадий подготовки генерального соглашения об оказании им технологической и инвестиционной поддержки. В частности, предусматривается учреждение местной консалтинговой компании для проведения комплексного исследования рынка, определение ключевых объектов для инвес-

тирования, формирование финансовых ресурсов для наполнения общих кредитных схем и целевых грантов. Большое значение имеет правильная работа с имеющимся человеческим капиталом в плане реализации специальных образовательных программ и тренинга специалистов под конкретные производственные проекты.

Основным принципом эффективного внедрения тайваньской модели управления экономикой является, по мнению международных экспертов, самое тесное сотрудничество с центральными и местными органами власти страны-реципиента тайваньской помощи, а также со специализированными международными организациями системы ООН, через которые осуществляется координация соответствующих региональных программ. Тайваньское правительство предпочитает направлять своих специалистов в такие сложные регионы, как Центральная Азия, исключительно «под ооновским флагом», что предоставляет возможность обойти не решенный пока вопрос с тайваньской государственностью и, кроме того, обеспечить некие международные гарантии безопасности командируемым специалистам. Сложившаяся на сегодня практика свидетельствует, что квазимеждународный статус тайваньских специалистов в Центральной Азии пока не вызывает резких возражений со стороны властей КНР.

---

[1] International Cooperation and Development // SME Development Press. Taibei. June 2008. P. 22–28.

[2] *Uchida, Mitsuo.* ChuoAzia-nitaisuru Chugoku to Rosia no senryaku (Стратегия Китая и России в отношении Центральной Азии) // Nihonsogokenkyujo. Tokyo, 2008. P.17.

[3] *Otsuya, Ichiro.* Taiwan no keiken-o ChuoAzia-ni…(Опыт Тайваня для Центральной Азии) // FASID News. No. 77. Winter 2006. P.5.

[4] Taiwan – Central Asia Economic Partnership // RIS Policy Briefs. No.25. June 2006. P. 3.

[5] International Human Resources Management of Japanese and Taiwanese Firms in Central Asia // JCER Discussion Paper. No. 98. June 1, 2006. P. 9.

Душеина К.В.,
аспирантка ИДВ РАН

ПОЛИТИКА КИТАЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: АНАЛИЗ ЦЕЛЕЙ И ИНТЕРЕСОВ

Внешняя политика Китая, как и любого государства, направлена на реализацию внешнеполитических интересов и обеспечение потребностей страны.

Потребности государства – это объективно необходимые условия его существования и развития. В настоящее время к числу основных

потребностей Китая можно отнести обеспечение высоких темпов экономического развития и безопасности государства, включая вопросы его территориальной целостности. Внешнеполитические интересы представляют собой осознанные потребности страны. Так, наиболее важными интересами КНР являются создание благоприятного внешнего окружения, привлечение внешних ресурсов, необходимых для ее развития, и реформирование существующей государственной системы. Именно они определяют цели внешней политики Китая как в мире в целом, так и в Центрально-Азиатском регионе.

Говоря о Центральной Азии, нужно отметить, что в ходе выстраивания отношений с появившимися там независимыми государствами внешнеполитические цели деятельности Пекина на этом пространстве претерпевали изменения. Так, в первой половине 1990-х годов его первоочередной целью на этом направлении было решение пограничных вопросов, усилия в достижении которой привела в 1996 г. к подписанию Соглашения между Китаем, Россией, Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном об укреплении доверия в военной области в районе границы. Этот документ лег в основу заключенного в следующем году Соглашения о сокращении вооруженных сил в приграничных зонах. Таким образом, были получены институциональные гарантии безопасности границ КНР. И хотя пограничные проблемы были окончательно решены только в начале 2000-х годов путем подписания ряда двусторонних договоров по этим вопросам, соглашения 1996–1997 гг. позволили Китаю наметить новые задачи внешней политики в регионе. В частности, формирование благоприятного окружения страны на западе стало рассматриваться не только через призму пограничного вопроса, но и посредством развития сотрудничества с расположенными там государствами в борьбе с терроризмом. Для Пекина все большее значение приобретает поддержка с их стороны его усилий по борьбе с движением «Восточный Туркестан», которое стремится создать независимое государство, включающее ряд территорий Центральной Азии и Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР, что содержит угрозу целостности Китая.

Следует заметить, что СУАР является самой большой и слаборазвитой, но важной в стратегическом отношении провинцией КНР. Причем на стабильность в этой части страны в значительной степени влияет внутриполитическая ситуация в центральноазиатских республиках, так как в них проживают многочисленные общины этнических уйгуров, которые оказывают поддержку синьцзянским сепаратистам. Это обусловливает стремление КНР сотрудничать с го-

сударствами Центральной Азии в борьбе с сепаратизмом и терроризмом, чтобы препятствовать дестабилизации обстановки и в СУАР, и в Центральной Азии в целом. В ходе межправительственных переговоров Пекину удалось добиться не только официального согласия руководства центральноазиатских республик не допускать существования на своих территориях организаций, наносящих вред территориальной целостности Китая, но и выдачи ими уйгуров, претендующих на статус политических беженцев.

Целям борьбы с терроризмом отвечало создание в 2001 г. Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и подписание Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Для обеспечения же реализации данной цели по инициативе России и Китая была создана Региональная антитеррористическая структура ШОС, в рамках которой стали проводиться совместные антитеррористические учения.

Временное размещение военных баз США и НАТО на территории некоторых стран Центральной Азии под предлогом поддержки антитеррористической операции в Афганистане, а главное – стремление альянса закрепить свое пребывание там на длительный срок вызвали серьезную обеспокоенность Китая в области военной безопасности. Нужно сказать, что Пекин традиционно рассматривал Центральную Азию в качестве своего надежного тыла, а появление там военных баз США радикально меняло это представление. Поэтому китайцы постоянно инициировали вопрос о сроках вывода иностранных сил из региона.

Другим стимулом повышения интереса КНР к странам Центральной Азии стала возможность получения от них энергоресурсов и минерального сырья для обеспечения потребностей своей растущей экономики, а также использования рынка центральноазиатских стран для сбыта китайских товаров. Это дало толчок развитию экономических связей Китая с регионом. И хотя торговля Китая с государствами Центральной Азии не занимает существенных позиций во внешнеторговом обороте КНР, но она способствует развитию экономически отсталых северо-западных китайских провинций.

Кроме того, сотрудничество с центральноазиатскими республиками в сфере энергетики позволяет Китаю как повысить стабильность поставок сырья в свою страну, так и диверсифицировать их источники. Причем, в первую очередь это касается углеводородных ресурсов.

Так, в 1997 г. Китай подписал соглашение с Казахстаном, предусматривающее освоение Актюбинского месторождения и строитель-

ство нефтепровода из Западного Казахстана в Китай. Правда, в течение нескольких последующих лет договоренности о строительстве нефтепровода не подкреплялись реальными действиями, а разработка месторождений китайскими компаниями в основном ориентировалась не на поставки в Китай углеводородов, а на получение экономической прибыли.

Ситуация стала меняться только в 2000-е годы. Увеличение потребления нефти в КНР, рост цен на нее на мировом рынке и политическая нестабильность на Ближнем Востоке способствовали активизации работы на центральноазиатском направлении. К тому же в принятом в КНР 10-м пятилетнем плане (2001–2005 гг.) был сделан акцент на желательность приобретения и разработки китайскими компаниями месторождений углеводородного сырья за рубежом в целях диверсификации источников его поставок. При этом в документе отмечается, что Центральная Азия является одним из приоритетных направлений развития внешней энергетической политики Китая. В связи с этим Китай и Казахстан вернулись к вопросу строительства нефтепровода. Его сооружение предусматривает несколько этапов: к 2003 г. постройкой нефтепровода Кенкияк–Атырау завершен первый этап; в 2006 г. введена в эксплуатацию первая очередь нефтепровода Атасу–Алашанькоу; работы на второй очереди продолжаются.

В 2000-е годы китайские компании стали расширять аналогичную деятельность и в других районах Центральной Азии. В 2003 г. CNPC (China National Petroleum Corporation) получила права на освоение ряда казахстанских месторождений в Прикаспии. В 2007 г. между CNPC и «Туркменгазом» было подписано соглашение о закупках туркменского газа.

Таким образом, общемировые тенденции глобализации и решение пограничных вопросов обусловили для Китая потребность и возможность уделять больше внимания развитию экономического сотрудничества со странами Центральной Азии. При этом китайское правительство рассматривает взаимодействие с ними в качестве приоритетного направления деятельности, в том числе в рамках ШОС. С этой целью еще в 2003 г. премьер Госсовета КНР внес предложение о создании на долгосрочной основе зоны свободной торговли ШОС. Правда, члены этой Организации считают, что форсирование усилий в этом направлении пока преждевременно.

Тем не менее, в китайском проекте программы развития экономического сотрудничества стран-членов ШОС в качестве среднесрочной задачи предполагается движение по пути упрощения

условий торговли, устранения тарифных и нетарифных барьеров, унификации стандартов, а в качестве долгосрочной задачи – начало переговоров по созданию зоны свободной торговли ШОС. Заметим, что именно Китай выступил инициатором создания Делового совета ШОС, Фонда развития Организации и запуска интернет-сайта, посвященного региональному сотрудничеству ШОС.

Все это говорит о том, что внешнеполитические цели Китая в Центральной Азии отвечают его потребностям в обеспечении территориальной целостности и безопасности, а также направлены на создание возможностей для экономического развития страны. Эти цели созвучны интересам его партнеров по ШОС, а потому, при соблюдении баланса таких интересов, могут дать хорошие перспективы их взаимодействию.

Семенова Н.К.,
соискатель ИДВ РАН

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА НА ПРОСТРАНСТВЕ ШОС

По частоте упоминаний и интенсивности обсуждения тема энергетической безопасности на евразийском пространстве занимает лидирующее положение не первый год. Топливно-энергетическая проблематика становится частью международных отношений и вопросов национальной безопасности как государств-производителей, стран-транзитеров, так и потребителей углеводородов. Конфликтная ситуация по поставкам российского газа в Европу еще раз показала роль и значение политических факторов в ходе реализации энергетической дипломатии России. В условиях правовой и политической неопределенности энергетического (газового) диалога России и ЕС возрастают роль и значение региона Центральной Азии как поставщика и транзитера углеводородов, а также регионов Северо-Восточной (Китай, Япония, КНДР и РК) и Южной Азии (Пакистан, Индия), являющихся крупными потребителями энергоресурсов.

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) объективно выступает здесь наиболее адекватным механизмом сглаживания противоречий и выработки взаимно согласованных решений. ШОС включает все, за исключением Туркменистана, государства региона, а также их непосредственных соседей и основных торгово-экономических партнеров – Россию и Китай. Наблюдателями в ШОС являются основные региональные игроки – Индия и Иран. Любое негативное

воздействие на регион способно вызвать соответствующую реакцию сопредельных стран (скажем, Ирана или Китая), рассматривающих Центральную Азию как сферу своих жизненных интересов.

Важным представляется необходимость создания такой системы коллективной региональной безопасности, в которой бы кроме нейтрализации «классических» вызовов и угроз (терроризм, наркотрафик, религиозный экстремизм и др.) предусматривалось создание соответствующей инфраструктуры для решения проблем энергетической безопасности.

Своевременной и стратегически важной стала идея, прозвучавшая в ходе прошедшей в конце 2005 г. Международной конференции «Энергетический рынок Центральной Азии: тенденции и перспективы», а именно создание «энергетического клуба» в рамках ШОС, который позволит не только выстроить самодостаточную энергетическую структуру «производитель – транзитер – потребитель» на евразийском пространстве, но и существенно обогатить общую стратегию развития ШОС, внести новые ресурсы влияния в традиционные сферы безопасности, экономического и гуманитарного сотрудничества.

В июне 2006 г. на заседании Совета глав государств-членов ШОС в Шанхае с инициативой официального создания Энергетического клуба (ЭК) в рамках ШОС выступил тогдашний президент России В.В.Путин. Это предложение было поддержано другими руководителями государств, входящих в ШОС. По итогам состоявшейся в Москве в июне 2007 г. первой встречи министров ТЭК в рамках ШОС было принято Положение «Об Энергетическом клубе государств-членов Шанхайской организации сотрудничества (Энергоклуб ШОС)», в котором зафиксированы задачи и направление деятельности Энергетического клуба ШОС, его структура, порядок функционирования, финансирование деятельности и др. Были выдвинуты инициативы по формированию Азиатской энергетической стратегии, проделана большая экспертная работа.

Существуют объективные трудности на пути реализации проекта ЭК: а) невозможность полного совпадения интересов производителей и потребителей энергоресурсов, особенно по вопросам цен; б) определенная конкуренция за рынки сбыта нефти и газа, за источники, маршруты и объемы поступления энергоносителей; в) разномасштабность экономик стран ШОС. Но в рамках ЭК данные противоречия могут быть ослаблены либо полностью разрешены.

Мировой экономический кризис разрушил многие проекты. Экстремальные условия развития экономики, пересмотр инвести-

ционных программ и стратегий компаний, дефицит финансовых ресурсов вносят коррективы в правила игры для участников рынка. Не является исключением и энергетический рынок пространства ШОС. Для Шанхайской организации сотрудничества как крупной региональной структуры именно сейчас экономически и политически рационально закладывать долгосрочные решения, связанные с разработкой документов стратегического планирования стран-членов ШОС на основе согласования национальных долгосрочных концепций социально-экономического развития, включая новые подходы в энергетической стратегии.

Последствия мирового кризиса сказываются на рынке углеводородов. Сегодня, в условиях нестабильного курса цен на нефть и другие виды сырья, падения спроса на энергоносители, разбалансировки интересов производителей и потребителей энергоресурсов, особое значение приобретает согласование и выработка единой энергетической политики стран ШОС. «Энергетическая повестка» Организации может быть расширена и водно-энергетическими вопросами, необходимость рассмотрения которых усиливается в Центральной Азии с каждым днем. Только в рамках коллективного формата ШОС можно найти приемлемое для всех республик решение.

На состоявшемся в Астане (октябрь 2008 г.) заседании Совета глав правительств (СГП) ШОС была поставлена задача выйти на новый уровень развития в условиях финансового кризиса. Однако на фоне общего умеренного оптимизма высказывались мнения о возможной приостановке долгосрочных проектов, в том числе – темы ЭК ШОС. Но неизбежный выход из кризиса и неизбежный затем рост спроса и цен на углеводороды меняет ситуацию. Кризис дает возможность и даже диктует необходимость в условиях развивающейся мировой энергетической нестабильности и возрастания энергосырьевых рисков актуализировать энергетическое взаимодействие стран ШОС. Именно в рамках Энергетического клуба видится координация энергетической политики стран, входящих в Организацию. С началом работы координирующего органа потребителям газа придется иметь дело с союзом газодобывающих стран, в котором Россия получает возможность приступить к формированию, для начала, регионального рынка, а в перспективе поможет восстановить лидерство и на евразийском пространстве.

Формирование ЭК на пространстве ШОС (или как минимум России и Центрально-Азиатского региона) становится одним из определяющих условий сохранения конкурентоспособности экономик

газодобывающих стран Центральной Азии. Ситуация на рынке углеводородов стремительно развивается, требуя от всех основных игроков быстрой и адекватной реакции.

Горяина Ю.П.,
аспирантка ИДВ РАН

ВЗГЛЯД КНР НА ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА ГОСУДАРСТВА ЗА РУБЕЖОМ В НАЧАЛЕ XXI в.

Проблема формирования образа государства в настоящее время привлекает большое внимание исследователей и политиков КНР. Китайское руководство понимает всю ее значимость, а потому улучшение образа страны за рубежом является одним из приоритетных направлений государственной деятельности. Некоторые китайские эксперты считают, что Пекин очень озабочен имиджем страны за рубежом и часто бывает обеспокоен по поводу того, как образ Китая формируется ведущими западными медийными компаниями. Отчет, опубликованный в январе 2009 г. руководителем китайской пропаганды Лю Юньшаном, проливает свет на причину такой озабоченности: «В современном мире тот, кто имеет продвинутые коммуникационные навыки, сильную коммуникационную способность, чья культура и ценности более широко распространены, может более эффективно влиять на мир»[1].

Задача специалистов по улучшению образа государства состоит в том, чтобы подчеркнуть позитивные и нейтрализовать негативные его стереотипы. В то же время продвижение имиджа Китая за рубеж требует учета специфики иностранных культур. Если подходы или язык, используемые китайским правительством, чужды целевой аудитории (что наблюдалось довольно часто), то формирование положительного образа чревато провалом. В связи с этим группа крупнейших китайских медиакомпаний[2], работающих под руководством правительства и выполняющих задачи государственной пропаганды, планирует затратить миллиарды долларов на развитие своего зарубежного представительства в рамках мероприятий Пекина по улучшению имиджа страны в мире. В их намерения входят: приобретение международных медиаактивов для открытия новостных бюро за рубежом, 24-часовое транслирование на английском и других языках, создание более уважаемых и авторитетных международных информационных агентств.

Следует признать, что за рубежом по отношению к Китаю и его международной политике сохраняются недоверие и подозрительность. В глазах подавляющего большинства иностранцев Поднебесная представляет собой некую сомнительную смесь устаревших идей, фантастических надежд, неискоренимых предрассудков и необоснованных страхов[3]. Естественно, что все это мешает Китаю накапливать потенциал внешнего доверия.

По мнению Джошуа Рамо, автора книги «Бренд Китая», именно с национальным имиджем Китая *(гоцзя синсян)* изначально связаны важнейшие стратегические вопросы (стабильный экономический рост, проблема Тайваня и др.) и решение тактических задач (повышение качества прямых иностранных инвестиций, сотрудничество с другими государствами в сфере технологий и образования, проникновение китайских компаний на мировой рынок и т.д.)[4].

КНР пока не готова брать на себя «излишнюю» ответственность и лишаться торговых преимуществ развивающегося государства во имя того, чтобы играть лидирующую роль в мировой экономике и политике. Подобная инерция понятна, особенно в свете авторитетного призыва Дэн Сяопина к сдержанности в международной политике, уклонению от взятия на себя ведущей роли в мире во избежание затруднительных ситуаций, которые могли бы нанести ущерб способности страны сосредоточиваться на внутренних задачах.

Распространено мнение, что двойственность восприятия Китая Западом выражается в том, что, с точки зрения экономики, он видится мировым рыночно-демократическим сообществом как «свой» (т.е. рыночный), а с точки зрения политики – как недемократический, «чужой», живущий при сохранении монополии Компартии Китая на политическую власть. В этом состоит глобальный вызов мировому позиционированию Китая[5].

За меняющимся сегодня глобальным восприятием КНР стоит ряд причин: продолжение его стремительного роста; признание того, что он является ключевым фактором для роста цен на нефть, что китайские компании становятся активными глобальными игроками; осознание странами ЕС, что динамизм китайских поставок может дестабилизировать соседние страны с хрупкими экономиками. К «болевым» точкам, влияющим на восприятие Китая в странах Запада, относятся Тибет, Тайвань, права человека, деятельность общественных организаций, спонсируемых извне, экологические проблемы и др.

По мере усиления глобальных и региональных позиций Китая на основе экономического роста, укрепления внутренних правовых и

финансовых основ для развития частного капитала, взаимодействия Китая с глобальными структурами (ВТО, G-7/8, АТЭС, АСЕАН и др.), углубления китайско-американского экономического партнерства и сотрудничества по борьбе с терроризмом и распространением ядерного оружия новообретаемый имидж Китая будет ослаблять (но не полностью преодолевать) восприятие Китая Западом как «политически чужого», нивелировать антикитайские настроения.

За последние несколько лет в восприятии КНР в мире произошел некий перелом. На Китай начали смотреть по-новому, отмечая его экономическую трансформацию и понимая, что в силу своих огромных размеров и сплоченности он способен оказать решающее влияние на весь остальной мир.

КНР воспринимается в мире как держава, стремящаяся к мировому лидерству. Это – государство с немалой комплексной мощью, крупнейший рынок в мире, один из 5 членов СБ ООН. По мере того как Китай становится богаче и сильнее, в мировом сообществе крепнет понимание: Поднебесная заслуживает того, чтобы ее признали великой державой и выказывали ей должное почтение.

После 8 августа 2008 г. у официального Пекина появилась новая точка отсчета – Олимпиада. Сам факт ее проведения символизирует международное признание успехов Китая. Олимпийские игры имели геополитическое значение – это и повышение престижа государства, и возможность в течение длительного времени находиться в центре всеобщего внимания, рекламируя себя и демонстрируя свои достижения. Китай желал представить миру образ нового Китая, который бы разрушал старые стереотипы. И это ему удалось.

Как сообщает Китайский информационный интернет-центр, Олимпийские игры-2008 изменили имидж государства, люди из разных стран не только углубили знания о КНР, но и обрели уверенность в его благополучном будущем. Опрос «Китай в глазах мира» был рассчитан на иностранцев, побывавших в КНР во время Олимпийских игр. Глазам большинства из них предстало «современное, развитое, открытое» государство.

Образ страны формируют не только СМИ, но и все сферы деятельности общества – взаимоотношения в культуре, бизнесе, науке и т.д. Китай – многолик, в нем процесс модернизации сочетается с сохранением многих традиционных норм и ценностей. Уникальность этноса, проживающего в стране, его разнообразие, многовековые культурные традиции, китайская культура, китайский язык – основа для построения привлекательного образа Поднебесной и ее народа.

Немалую часть маркетинговых денег Китай тратит на продвижение своей культуры и языка за рубежом и на благотворительность в странах, где работают китайские компании, особенно в Африке.

Шаги, сделанные КНР по многим направлениям международной политики, показали умение обдуманно и осторожно продвигаться к намеченной ранее цели без особых реверансов в сторону мирового гегемона. В Пекине прекрасно понимают, что положительный образ страны влечет за собой формирование выгодных общественных мнений, обеспечивающих достижение политических целей. И Китай уже вышел на новый этап взаимодействия с внешним миром, ставя во главу угла помимо успехов в экономике современные достижения во внешней политике, науке, спорте и культуре для создания своего благоприятного образа.

---

[1] *Barboza David.* China looks to improve its image abroad // International Herald Tribune. January 15, 2009 //URL: http://www.iht.com/articles/2009/01/14/business/cctv.php

[2] К ним относятся: Центральное китайское телевидение (CCTV); Синьхуа (официальное государственное агентство), People's Daily (официальный новостной орган Коммунистической партии Китая), и Шанхай Медиа Групп // URL:http://www.iht.com/articles/2009/01/14/business/cctv.php

[3] *Ramo Joshua Cooper.* Brand China. London: The Foreign Policy Centre, 2007. P. 13. // URL: http://www.joshuaramo.com/_files/pdf/Brand-China.pdf

[4] Op. cit. P. 12.

[5] *Михеев В.* Позиционирование Китая и России в глобальной и региональной экономике и политике // URL:http://www.gorby.ru/rubrs.asp?rubr_id=387&art_id=23519

Шатохин Д. С.,
Университет Тюбинген, Германия

ВОСПРИЯТИЕ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА В ГЕРМАНИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ

В России и Китае Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) расценивается как действующая региональная структура, в рамках которой государства-члены сотрудничают в различных сферах, совместно решая региональные проблемы. По мере того, как на уровне ШОС страны Центральной Азии, Россия и Китай все больше интенсифицируют взаимное сотрудничество, на Западе нарастает скептицизм в отношении возможностей этой кооперации. Такой вывод можно сделать, исходя из анализа публикаций некоторых авторитетных газет, таких, как, например, английская The Guardian, называющая ШОС «клубом автократов и диктаторов». Но каково более широкое восприятие ШОС в прессе

Великобритании и Германии, и насколько оно отличается от соответствующей официальной точки зрения в этих странах?

И в Великобритании, и в Германии мнение журналистов не совпадает с позицией правительственных кругов и организаций. В Германии 13 февраля 2008 г. Свободная демократическая партия (Freie Demokratische Partei – FDP) выступила в Бундестаге с запросом к правительству страны, потребовав разъяснить его позицию в отношении Шанхайской организации сотрудничества, а также взгляды по поводу важности контактов между ФРГ и ШОС на двух- и многостороннем уровне. На этот запрос было отвечено, что хотя правительство ФРГ и наблюдает за развитием ШОС, причем внимательно, однако оно не придает этой Организации большого значения. ШОС из-за несовпадения интересов входящих в нее стран расценивается немецким кабинетом министров сугубо как «форум доверия между государствами-членами» и не воспринимается в качестве конкурента «стратегии нового партнерства ЕС с Центральной Азией». Другими словами, правительство ФРГ не считает, что Шанхайская организация имеет «сравнимый потенциал регионального сотрудничества» или же по своему значению превосходит подобные ей региональные структуры. Тем не менее, Европейский союз официально готов вступить в открытый и конструктивный диалог с региональными организациями в Центральной Азии, в том числе и с ШОС[1].

Самые влиятельные представители немецкой прессы, такие, как «Шпигель» (der Spiegel), «Зюддойче Цайтунг» (Sueddeutsche Zeitung) или «Ди Цайт» (die Zeit), очень редко упоминают ШОС. СМИ ФРГ почти не предоставляют информации о структуре организации, ее функциях и задачах. Гораздо чаще такие данные можно встретить в российских или китайских германоязычных изданиях – в публикациях РИА или Beijing Rundschau.

Однако немецкие СМИ все-таки весьма подробно проанализировали значение ШОС в свете двух особых обстоятельств. Первое из них – принятие Ирана в Шанхайскую организацию сотрудничества в качестве наблюдателя и состоявшаяся в связи с этим встреча президента ИРИ М.Ахмадинежада с главами государств ШОС. Второе – неоднозначность позиций государств-членов ШОС в отношении действий России против Грузии в августе 2008 г. Немецкие СМИ подчеркивали, что хотя страны-участницы Шанхайской организации сотрудничества и являются близкими союзниками РФ, однако даже они не поддержали применения силы против Грузии. При этом приводились и разъяснения по поводу особой позиции КНР.

По сравнению с немецкими СМИ, британская пресса занимает более радикальную позицию по отношению к ШОС. И в новостях агентства ВВС, и в газетах высказываются мнения, что смысл существования ШОС состоит в вытеснении США из Центральной Азии. Часто игнорируются официальные заявления Китая о том, что он не является и не станет членом какого-либо военно-политического блока, и выдвигаются предположения, что ШОС все-таки будет играть роль некоего «антиНАТО». Крайне редко описываются позитивные моменты деятельности ШОС, и в итоге на основании анализа английской прессы создается впечатление, что деятельность Шанхайской организации направлена сугубо против активности Запада в Центральной Азии, т.е. против США и ЕС.

С другой стороны, в британском парламенте внимательно следят за развитием Шанхайской организации. Однако по результатам анализа запросов и отчетов Комитета по внешней политике британского парламента можно сделать вывод, что парламентариям роль ШОС до сих пор не ясна. Члены парламента высказывают адресованные британскому МИД опасения, что значение развития Шанхайской организации сотрудничества министерством полностью не понято и не учитывается. Одновременно члены парламента запрашивают у правительства информацию о расширении ШОС (в особенности о вовлечении в его деятельность Ирана) и о том, какое влияние Шанхайская организация может оказывать в таких областях, как торговля, экономика и безопасность. В первую очередь британские депутаты связывают развитие ШОС с военным строительством в РФ, поскольку проблемы этой Организации в основном обсуждаются на тех слушаниях и рассматриваются в тех документах и отчетах, где анализируются российская политика в сфере безопасности и позиционирование РФ в военной сфере. В Комитет по внешней политике британского парламента приглашались эксперты (в основном профессора ведущих британских университетов), мнения которых внимательно выслушивались. Отвечая на вопросы депутатов о том, какую роль играет Россия в Шанхайской организации, эксперты подчеркивали, что «главной целью России в рамках ШОС является ограничение китайского влияния в Центральной Азии»[2]. Также отмечалось, что с помощью ШОС Россия улучшает свои отношения с государствами Центральной Азии и Китаем. Но хотя, по их мнению, ШОС и является противовесом США и ЕС в Центральной Азии, однако она не представляет угрозы европейской безопасности. Эксперты делают вывод о том, что Китай довольно сильно ограничивает маневренность России в ШОС,

успешно продвигая собственные интересы, в первую очередь – экономические. В целом они приходят к заключению о малой вероятности превращения ШОС в военно-политический блок для противодействия НАТО. Кроме того, по причине несовпадения интересов и различий в позициях государств-участников ШОС, эта Организация представляется британским экспертам не более эффективной структурой, чем СНГ или ОДКБ [3].

Удивительно то, что в публикациях западноевропейских СМИ государства Центральной Азии практически не упоминаются, их интересы и активность в ШОС не анализируются. И в Великобритании, и в Германии деятельность Шанхайской организации в первую очередь ассоциируется с позицией России и ее влиянием в регионе. Китаю отводится второстепенная роль. В СМИ наблюдается совпадение взглядов на перспективы развития Шанхайской организации. На фоне констатации больших различий в интересах ее государств-участников отмечается единогласие их позиций по вопросу об ограничении влияния Запада в регионе. А в британской прессе прослеживается и мысль о потенциальной угрозе ШОС для западного сообщества в будущем.

---

[1] Deutscher Bundestag / Drucksache 16/8331 // URL:http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/16/083/1608331.pdf

[2] Foreign Affairs – Second Report. House of Commons //URL:http://www.publications.parliament.uk/pa/cm200708/cmselect/cmfaff/51/5105.htm#n54

[3] Russia's Military Posture / House of Commons Library Research Paper 09/35 //URL:http://www.parliament.uk/commons/lib/research/rp2009/rp09-035.pdf . P. 45–47.

Беляев С.О.,
аспирант ИДВ РАН

РОССИЯ И КИТАЙСКО-ЯПОНСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Азиатский финансовый кризис 1997–1998 гг. заметно обострил соперничество Китая и Японии за влияние в Центрально-Азиатском регионе. Обе страны рассматривают Центральную Азию прежде всего с точки зрения наличия там важнейших источников энергетических ресурсов. И Пекин, и Токио на протяжении всего последнего десятилетия предпринимают настойчивые усилия с тем, чтобы максимально укрепить собственные позиции в регионе и по возможности ослабить совокупный потенциал конкурента в таких важнейших сферах, как торговля, программы оказания помощи зарубежным странам, международное политическое сотрудничество, проблемы региональной безопасности.

Необходимо отметить, что Китай и Япония используют в отношениях со странами Центральной Азии сложные упреждающие стратегии, стараясь предпринимать выверенные шаги, побуждающие центральноазиатские государства выстраивать взаимодействие с китайским и японским правительствами в строгих рамках параллельных внешнеполитических курсов. По оценкам международных экспертов, к 2008 г. стало совершенно очевидно, что Япония начинает проигрывать Китаю «большую центральноазиатскую игру», что растущее китайское региональное влияние в таких областях, как экономика, политика и военное сотрудничество, заставляет говорить о все более неоспоримых шансах Пекина взять под свой убедительный контроль энергетические ресурсы Центральной Азии[1].

Следует подчеркнуть, что региональное китайско-японское соперничество за влияние в Центральной Азии имеет серьезное воздействие не только на общую международную ситуацию, но и на конкретные внешнеполитические инициативы таких крупных глобальных игроков, как Россия, США и Евросоюз. Вряд ли стоит сомневаться в неизбежности осложнения отношений между Китаем и Японией в долгосрочной перспективе по мере того, как совокупная китайская государственная мощь будет наполняться все более реальным содержанием. У Китая и Японии возрастает стремление «мыслить глобально», когда речь идет о борьбе за такие стратегические ресурсы Центральной Азии, как нефть, газ, а главное, крупные запасы урана. Увлекаясь ощутимым «призовым фондом», ожидающим победителя центральноазиатской гонки, ни Пекин, ни Токио стараются даже не вспоминать о вполне реальной опасности утратить чувство меры и невольно зайти за красную черту, отделяющую приемлемое международное сотрудничество от глубокого преднамеренного вторжения в зону традиционных геополитических интересов возрождающейся России[2].

В Японии признают, что Китай обладает значительно большим влиянием на центральноазиатские страны, особенно в использовании совместных программ комплексного развития местных рынков, формировании нового облика местных институтов власти и создании таким образом для своих корпораций благоприятного инвестиционного климата. Обращает на себя внимание подход китайского правительства к оказанию экономической помощи центральноазиатским государствам. Названная помощь предоставляется не путем финансовых вливаний в виде общих нецелевых централизованных займов, а преимущественно наращиванием капиталовложений в конкретные производственные предприятия, представляющие интерес для

китайской страны с точки зрения их сопрягаемости с конкретными потребностями экономики КНР. В то же время отношения Японии с центральноазиатскими республиками выглядят значительно более тесными на правительственном уровне в силу достаточно настороженного восприятия элитами центральноазиатских государств китайских геополитических устремлений в регионе. Попытки корпораций КНР закрепиться на местных рынках именно в производственной сфере вызывают у руководства государств Центральной Азии некий синдром собственной слабости и недееспособности[3].

Чем больше Япония связывает свои экономические интересы с конкретными политическими фигурами в правительствах центральноазиатских государств, тем интенсивнее Китай наращивает свое присутствие в реальной экономике всего региона. Правительство КНР принципиально привержено стратегии оказания непосредственного влияния на экономическую ситуацию в Центральной Азии, ставя во главу угла проблему закрепления за собой наиболее перспективных месторождений сырьевых ресурсов в регионе, включая основные энергоносители. По некоторым оценкам международных экспертов, складывающаяся ситуация с китайско-японским соперничеством в ЦАР во многом зависит от традиционного российского влияния на властные структуры государств Центральной Азии. Чтобы преодолеть оставшееся советское наследие в виде инфраструктурной зависимости центральноазиатских стран от России в поставках энергоносителей на внешние рынки, Китаю и Японии неизбежно предстоит решать проблему многомиллиардных инвестиций в строительство адекватной трубопроводной системы, и здесь у Китая имеется неоспоримое преимущество в виде наличия общей границы с ЦАР[4].

С учетом названного фактора, Япония предпочитает соперничать с КНР, не противопоставляя себя российским интересам в регионе, а, наоборот, стараясь их учитывать, и даже предлагая российской стороне самые разнообразные схемы стратегического партнерства, зачастую прямо противоречащие уже имеющимся договоренностям между Россией и Китаем в формате ШОС. Здесь нужно принимать во внимание такой реальный факт, что в самой Японии проблема японо-китайского соперничества в Центральной Азии и влияние на это соперничество «российского фактора» рассматривается далеко неоднозначно. В японских деловых кругах дилемма отношений с КНР и РФ не имеет четко выраженного измерения, поскольку в полной мере не ясны перспективы китайского и российского влияния на будущее экономическое развитие Азии в целом. Японии объективно трудно

соперничать с Россией и Китаем в Центральной Азии, а главное, это соперничество может иметь лишь экономический контекст, не приближая японские правящие круги к решению основной политической задачи первой половины XXI века – воссозданию в Японии так называемого нормального государства со всеми атрибутами великой державы.

У многих международных экспертов складывается впечатление, что для Токио присутствие в Центральной Азии имеет значение и смысл исключительно с точки зрения внесения диссонанса в российско-китайские отношения, нормальное развитие которых со всей очевидностью будет препятствовать японским политическим устремлениям на азиатском континенте. Вряд ли нынешнее поколение китайских и японских политиков окажется способным проигнорировать последовательный рост национализма как в Китае, так и в Японии, но главное – незаживающие исторические раны в памяти двух народов об ужасах периода Второй мировой войны сохраняют объективные перспективы для возникновения серьезных конфликтов. Особенно откровенно об этом свидетельствуют последние документы японского военного ведомства, в которых Китай определяется в качестве основной потенциальной угрозы не только для Японии, но и для всей региональной безопасности[5].

Международные эксперты выражают серьезные опасения относительно возможности возникновения китайско-японской «урановой гонки» в Узбекистане. Если главные урановые месторождения Казахстана сегодня в основном осваиваются Россией, то узбекские запасы урана, являющиеся седьмыми в мире, представляют значительный интерес для Пекина и Токио. Правда, в последние время на узбекском урановом рынке появился еще один активный игрок в лице Республики Корея, которая уже заключила соглашения с правительством Узбекистана о праве на разработку некоторых месторождений урана. Китаю и Японии теперь предстоит иметь дело на узбекском рынке не только с российской конкуренцией, но и с не совсем дружественным соперничеством со стороны Сеула. Таким образом, урановый импорт из Узбекистана может стать в обозримой перспективе серьезным поводом для острого китайско-японского соперничества в Центральной Азии, подогреваемого к тому же явным противодействием российских и южнокорейских заинтересованных структур.

---

[1] China and Eurasia Quarterly. Vol. 5. No. 4. 2007. P. 23–45.

[2] *Blagov, Sergei.* Russia Eyes Control Asia Uranium Deposits // Eurasia Daily Monitor. June 6, 2006. P. 19.

[3] DennyRoy. Hegemon on the horizon ? China's threat to Asian Security // International Security. No. 19 (1). 1998. P. 150.

[4] Sino-Kazakhstan Pipeline Delivered 3.67 mln tons of Crude Oil // China Oil Knowledge Press. June 15, 2007.

[5] Nihon Boei Hakusyo (Белая книга по обороне Японии) // Nihon Boeisho. Tokyo, 2008.

Буравлева О. В.,
магистр Тюменского государственного университета

РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ И ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЙ ФАКТОР

На сегодняшний день темпы развития китайской экономики являются самыми высокими в мире. Это во многом обусловливает и растущие потребности Китая в энергоресурсах. Несмотря на то, что большая часть экономики Китая обеспечивается собственными ресурсами (что соответствует линии правительства КНР, направленной на минимизацию энергозависимости страны, а также взятому курсу на снижение энергопотребления, что определено 11-м пятилетним планом), все же экспорт нефти и газа занимает значительное место в обеспечении нужд китайской экономики. Уже сейчас КНР находится на 2-м месте по объемам потребления нефти, причем, по прогнозам, оно будет лишь увеличиваться, следовательно, расти будет и экспорт.

На данный момент главными поставщиками энергоресурсов для Китая являются страны Ближнего Востока, которые обеспечивают больше половины китайского импорта нефти. Однако энергетическое сотрудничество с ними сопряжено с большими рисками и сложностями. Во-первых, речь идет о нестабильной политической ситуации в регионе Ближнего Востока. Во-вторых, пути транспортировки оттуда энергоресурсов не являются безопасными. В-третьих, для перевозки нефти Китаю необходимы танкеры, которых у него в необходимом количестве нет, а развитие соответствующего флота потребует много времени и средств. Экспортерами нефти и газа в Китай также являются страны Африки, АТР и Латинской Америки. Однако сотрудничество с ними также сопряжено с трудностями, связанными с транспортировкой энергоресурсов.

Принимая во внимание указанные проблемы Китая, представляется очевидным, что наиболее перспективными партнерами сотрудничества для Китая в энергетической сфере являются Россия и страны Центральной Азии. Они находятся в непосредственной географической близости, и, следовательно, экспортные поставки не будут

осложнены проблемами отношений с транзитными странами и поиском безопасных транспортных путей. Кроме того, в рамках общего с ними межгосударственного объединения проще наладить систему гарантированной непрерывной поставки энергоресурсов.

Для России Китай, несомненно, также является важным партнером в энергетическом сотрудничестве. Китай, прежде всего, предоставляет возможности сбыта российских энергоресурсов и получение дополнительных поступлений в бюджет за счет увеличения экспорта. Это является особенно важным в условиях осложнения отношений с европейскими странами после «газовых кризисов» с Украиной 2006 и 2008 гг. и последовавшими заявлениями европейских стран о поиске новых поставщиков и экспортных путей, а также сокращении экспорта российских энергоресурсов. Сотрудничество с Китаем во многом позволяет говорить о восточном векторе энергетической политики и ее диверсификации. Кроме того, это дополняет благожелательное политическое сотрудничество государств как на двустороннем уровне, так и в рамках ШОС и АТЭС.

В рамках сотрудничества с Китаем предполагается реализовать два крупных проекта транспортировки энергоресурсов – нефтепровод «Восточная Сибирь – Тихий океан», от которого предполагается построить ветку в Восточный Китай (Сковородино – граница с КНР), и газопровод «Алтай», предполагающий транспортировку от месторождений Западной Сибири до потребителей Восточного Китая, где он вольется в китайский трубопровод «Запад – Восток» и дойдет до Шанхая. Решение о строительстве трубопроводов принимается на государственном уровне, что объясняется преимущественной долей государственного сектора в нефтегазовой промышленности обоих государств.

Необходимо отметить, что в строительстве газопровода ВСТО Китай проявил явную заинтересованность, полностью профинансировав строительство ветки до Китая. В то же время Россия и Китай не могут согласовать цену на газ для газопровода «Алтай», поскольку при предложенной «Газпромом» формуле цены газ для Китая будет стоить дороже, чем для Европы. Причиной этому является то, что транспортное плечо от месторождений Западной Сибири, откуда будет поставляться газ, до Китая больше, чем до Европы. Однако, по мнению некоторых экспертов, такое затягивание переговоров также объясняется уже существующими договоренностями Китая с государствами Центральной Азии, в частности Казахстаном и Туркменистаном, по поставкам энергоресурсов – для транспортировки туркменского

газа в западные районы Китая строится газопровод через территорию Казахстана. Необходимо отметить, что данный трубопровод усиливает не только позицию Китая по вопросу цены на газ и удовлетворяет значительную часть потребностей Китая в энергоресурсах, но также усиливает позицию Туркменистана, который диверсифицирует свои газовые экспортные поставки и получает возможность вести переговоры о повышении цены на газ для России.

Следует также отметить, что Россия избегает вовлеченности третьих государств в реализацию проекта «Алтай»: в процессе утверждения маршрута газопровода был предложен альтернативный вариант его прохождения – через территорию Монголии, в обход уникального алтайского плато Укок, внесенного ЮНЕСКО в список всемирного наследия, что исключило бы протесты экологических организаций. Однако как федеральные, так и региональные власти настояли на варианте без участия Монголии, объяснив это тем, что плато Укок, в соответствии с региональным законодательством, разделено на зоны А, Б и В, и газопровод пройдет через зону В, где хозяйственная деятельность разрешена. Кроме того, вовлеченность Монголии противоречит стремлению России избегать участия транзитных государств в транспортировке энергоресурсов.

И все же у двустороннего российско-китайского энергетического сотрудничества есть неплохие перспективы для развития, что обусловливается потребностью обеих сторон диверсифицировать как поставки, так и получение энергоресурсов. Однако у Китая есть ряд определенных преимуществ, а именно договоренности со странами Центральной Азии – Казахстаном и Туркменистаном. Эти государства в свою очередь также стремятся диверсифицировать энергоэкспорт и сократить зависимость от России. К тому же они, по сравнению с Россией, которая не хочет продавать нефть и газ в Китай дешевле, чем в Европу, более уступчивы в вопросе цены на энергоресурсы.

Однако это не противоречит задачам Китая найти новых поставщиков и задачам России диверсифицировать экспорт. Кроме того, учитывая, что Россия и Китай видят в двустороннем сотрудничестве стратегическое партнерство, представляется, что взаимодействие в энергетической области, в котором заинтересованы обе стороны, будет носить долгосрочный и постоянный характер.

ШЕСТЬ ДЕСЯТИЛЕТИЙ ИСТОРИИ НОВОГО КИТАЯ. ДОСТИЖЕНИЯ И ОПЫТ

Доронин Б.Г.,
д .и. н., СПбГУ

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МОДЕРНИЗАЦИИ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

30 лет назад Китай приступил к модернизации страны и к настоящему времени сумел достичь на этом пути впечатляющих результатов. Модернизацию принято рассматривать как мероприятие преимущественно экономическое, имеющее целью весьма радикальную переналадку всего хозяйственного механизма. Между тем хорошо известно, что она задумывалась как реформирование комплексное, охватывающее все стороны жизни общества и государства, а ее конечной целью было заявлено возрождение Китая, формирование нового общества и воспитание нового человека. Поэтому далеко не случайно модернизация имеет мощную гуманитарную составляющую: в центре внимания китайских реформаторов оказался широкий спектр социальных и культурных проблем.

Уже на заре модернизации принимается решение о построении в Китае социалистической духовной цивилизации как одной из приоритетных задач, стоящих перед страной, эта проблематика неизменно занимает одно из центральных мест в повестке дня руководства КНР. Как и экономика, духовная культура рассматривается как неотъемлемая часть совокупной мощи государства. Ей отведено второе место в имеющей программный характер концепции трех представительств, в важнейших государственных и партийных документах последнего времени ставится задача создания в процессе модернизации гармоничной культуры *(хэсе вэньхуа),* воспитания культурного самосознания среднезажиточного общества *(сяокан шэхуэйди вэньхуа цзыцзюэ).* При этом особое место в реализации всех этих планов отводится древнейшей в современном мире культуре классической, цивилизационным ценностям. Их сохранению и адаптации к условиям стремительно меняющегося Китая придается огромное значение, на решение этой задачи мобилизованы крупные силы обществоведения

КНР. Важным и весьма значимым шагом на этом пути стало обращение к «национальной науке» *(госюэ)*. К ней в Китае относят прежде всего конфуцианство и историю, составлявшие ядро официальной культуры императорского Китая[1]. Внимание к «национальной науке» в последние годы стремительно растет. Одна из центральных газет КНР, «Гуанмин жибао», регулярно публикует посвященную ей специальную страницу[2], а в 2005 г. в Народном университете Китая был открыт специальный факультет, который будет готовить специалистов по этой проблематике.

При решении сложных социальных и политических проблем реформаторы КНР постоянно апеллируют к цивилизационным ценностям, в современном Китае это стало нормой. На это нацелен и провозглашенный ими курс «поставить древность на службу современности» *(гу вэй цзинь юн)*, ему отводится очень важная роль в идущих в стране преобразованиях. С 1980-х годов в Китае развертывается беспрецедентная по своим масштабам и интенсивности пропаганда национальной истории и классической культуры. Кампания эта щедро финансируется, к участию в ней привлечены многие видные ученые-обществоведы[3]. Видимо, никогда еще в XX веке цивилизационные ценности, официальная культура императорского Китая не занимали такого места в жизни общества и государства, как в наши дни.

Настойчивое обращение реформаторов КНР к цивилизационным ценностям нередко принято относить к якобы безоглядной приверженности китайцев своему прошлому, избыточной традиционности китайского общества, которая стала его своеобразным брендом. Особое отношение к своему прошлому, действительно, свойственно менталитету китайцев, они демонстрируют его уже на заре цивилизации и пронесли через всю свою долгую историю до наших дней. Но за этой особенностью менталитета стояло свойственное китайцам весьма трезвое понимание значения прошлого для нормального функционирования общества, которое позже было закреплено Конфуцием и его последователями и оформлено в государственной доктрине императорского Китая. Прошлое рассматривалось в Китае как источник апробированного предыдущими поколениями социального и политического опыта, там находились константы, с которыми общество должно было сверять свои поступки. Не случайно то, что относилось к цивилизационным ценностям, обозначалось в старом Китае термином *«вэнь хуа»*, который трактовался как «приводить в порядок (управлять) посредством знаний, воспитывать (преобразовывать) посредством обучения» *(вэнь чжи цзяо хуа)*[4].

Такое отношение к прошлому требовало его бережного сохранения и обобщения, и это стало важным стимулом весьма раннего появления в Китае историописания, которое с первых своих шагов рассматривалось как дело особой государственной важности, в нем всегда были заняты лучшие представители политической и интеллектуальной элиты. Со становлением «конфуцианской монархии» в Китае появляются специализированные историографические службы, которые стали неотъемлемой частью государственного аппарата империи, а их деятельность курировалась лично императором. Именно государственное историописание стало в императорском Китае главным (по сути единственным) хранителем прошлого – не только исторического, но и культурного.

Официальный статус историописания в императорском Китае сообщил ему качества, неведомые ни одной другой национальной историографической традиции. Здесь действовал принцип: «может погибнуть государство (династия), но не его история», и какие бы катаклизмы ни обрушивались на страну, власти императорского Китая сумели обеспечить непрерывность историописания на протяжении 20 с лишним веков. Его концептуальной базой все это время оставалась основанная на конфуцианстве государственная доктрина; ни одна из существовавших в Китае религий сколько-нибудь заметного влияния на историописание не оказала. Неизменным оставалось и понимание предназначения истории – она должна была служить делам правления *(цзин ши чжи юн)*, причем не только царствующей династии, но и всем ее преемницам на китайском престоле. А это предполагало особое внимание тому, что не зависело от политической конъюнктуры, было апробировано политической и социальной практикой предыдущих поколений и могло выдержать испытание временем.

Трудами придворных историков была создана унифицированная версия национальной истории, которая весьма убедительно свидетельствовала об абсолютной ценности китайской культуры и неизменном торжестве принципов организации общества и государства, воплотившего эти ценности конфуцианства. Прошлое, увиденное сквозь призму этого учения, не оставалось достоянием элиты, власти императорского Китая стремились приобщить к официальной версии истории всех подданных Сына Неба, там сложилась весьма совершенная система воспитания исторического сознания общества и формирования стереотипов социального поведения. Все это сообщало официальной версии истории мощный созидательный потенциал, превращало ее в весьма важный и эффективный инструмент власти.

Наиболее полно и последовательно все эти качества были реализованы в династийных историях. В современном мире ни один другой народ не имеет в своем арсенале чего-либо подобного.

Именно официальная версия прошлого Китая, зафиксированная на страницах трудов придворных историков, и была востребована китайскими реформаторами, в их политической практике ей отводится очень важная роль. Опора на цивилизационные ценности придает модернизации и идущим в КНР преобразованиям национальный колорит, что, несомненно, облегчает решение многих стоящих на этом пути проблем. Данная особенность модернизации ставит под сомнение сложившееся представление о роли традиций в жизни китайского общества, оно явно нуждается в серьезной корректировке.

---

[1] В этом своем значении термин появился в конце XIX – начале XX в., когда часть китайской интеллигенции видела в опоре на цивилизационные ценности важное условие преодоления национального кризиса, поразившего в то время Китай.

[2] Один из помещенных на этой странице материалов был посвящен возрождению в современном Китае «книжных палат» *(шу юань)*, которые прежде выступали как региональные объединения ученых, занимавшихся классическими науками и подготовкой земляков к участию в государственных экзаменах.

[3] В последние годы героями многих научно-популярных изданий стали китайские императоры, а в китайской исторической науке сложилось особое направление – «императороведение» *(диван сюэ)*.

[4] Свое современное значение «культура» термин *«вэньхуа»* обрел лишь к началу XX в.

Мазур Т.Г.,
к. филос. н., Томский ГУ

ЛИЧНОСТЬ УПРАВЛЕНЦА В ИДЕОЛОГИИ ТРАДИЦИОННОГО И СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ

Искусство управления государством оттачивалось в Китае с древнейших времен. Уже тогда подвергся детальной разработке вопрос о личности правителя/чиновника и о качествах, ее составляющих, что особенно ярко демонстрирует нам идеология конфуцианства. В идеологии современного Китая, включающей в себя идеи марксизма-ленинизма, Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина и обобщающую их теорию «тройного представительства» *(«саньгэ дайбяо»)*, этому вопросу также уделено немало внимания, что делает актуальным сравнительный анализ двух вариантов личности управленца – традиционного и современного.

В конфуцианской идеологии вопрос об идеальном правителе раскрывается в учении о «благородном муже» *(«цзюньцзы»)*. Теоретики-

конфуцианцы четко оговаривают те качества, которые должны быть присущи «благородному мужу»: *жэнь* (гуманность, человеколюбие), *и* (долг, справедливость), *ли* (благопристойность, ритуал), *чжи* (мудрость), *синь* (верность), *вэнь* (культура, образованность), *сяо* (сыновняя почтительность).

В «Руководстве по развитию природных качеств молодых *ганьбу* Китая» *(«Чжун циннянь линдао ганьбу сучжи цзяоюй дубэнь»)* также приводится перечень качеств, которыми должны обладать молодые руководящие кадры Китая в современную эпоху: 1) прочная системная теоретическая подготовка; 2) широкое мировоззрение; 3) стратегическое мышление, охватывающее общую обстановку; 4) прочнейшее партийное воспитание; 5) представление о необходимости соблюдения закона и дисциплины; 6) благородство и честность; 7) стремление вперед, открытость для всего нового; 8) практическая способность управлять преобразованиями[1].

Выдвинув идеал личности управленца, конфуцианские идеологи поставили вопрос о том, являются ли «благие качества» врожденными и если нет, то возможно ли их приобретение в течение жизни. В результате глубокому анализу подвергается в конфуцианстве категория природы человека *(син)*, под которой теоретики конфуцианства понимали природные качества человека, связанные с его психосоматической структурой, т.е. его природную основу.

Довольно подробный анализ схожей категории – категории «природные качества» *(сучжи)* – предпринимается и современными идеологами Китая. Отмечая, что хотя природные качества не в полной мере являются врожденными, в их основе лежит природно-физиологическое [начало], они определяют природные качества как внутренний характер и потенциальную энергию человека в состоянии относительного спокойствия[2]. Анализируя содержание природных качеств человека, они сводят его к совокупности семи видов качеств: 1) политическим качествам; 2) идеологическим качествам; 3) способностям; 4) коммуникационным качествам; 5) моральным качествам; 6) психическим качествам; 7) качествам мышления[3].

Проблема природы человека, как известно, заинтересовала конфуцианских мыслителей не сама по себе: им было необходимо знать качество исходного материала, из которого они собирались создавать идеальную личность. Поэтому в вопросе о человеческой природе их интересовал не внутренний духовный мир человека вообще, а то, насколько определяют данные человеку от рождения природные качества его поведение в обществе и поддаются ли они исправлению и

усовершенствованию. Этот вопрос принял в истории китайской философии форму проблемы соотношения природного начала человека с такими категориями, как добро *(шань)* и зло *(э)*, причем на протяжении всей древней и средневековой истории Китая высказывались различные, зачастую противоположные, варианты решения данной проблемы.

Подобная мотивация в постановке вопроса о природных качествах человека прослеживается и у современных теоретиков Китая, о чем, в частности, свидетельствует тот факт, что анализ этой категории представлен не в психологической или философской литературе, а именно в литературе идеологической. Задача, которую ставят современные теоретики-идеологи, – воспитание достойных руководящих кадров. Изучение же вопроса о природных качествах человека носит при этом, как и в конфуцианстве, прикладной характер.

Несмотря на существующие разногласия в вопросе о том, добра или зла человеческая природа, все конфуцианцы сходились во мнении о возможности искусственного воспитания в человеке добра и нейтрализации зла. Важнейшим фактором в деле формирования личности считалось в конфуцианстве воздействие на человека окружающей его социальной среды, в первую очередь семьи и непосредственно родителей, т.е. воспитание. Помимо воспитания, немаловажная роль в процессе формирования личности возлагалась и на такой фактор, как образование, под которым понималось прежде всего знакомство с классическими конфуцианскими канонами и последующая проверка качества усвоения материала на экзаменационных испытаниях.

В современной идеологии Китая вопросу воспитания молодых руководящих кадров также уделяется немало внимания. Особо подчеркивается, что, «хотя в основе природных качеств человека лежит природно-физиологическое начало, их содержание по большей части начинает формироваться и развиваться в процессе благоприобретаемой практики и воспитания»[4]. Поэтому в «Руководстве...» отдельная глава посвящается анализу способов и мер по взращиванию и отбору молодых руководящих кадров с высокими природными качествами. Предворяя свой анализ, идеологи современного Китая пытаются определить факторы, которые сегодня оказывают влияние на состояние природных качеств молодых *ганьбу*. Среди них выделяют влияние традиционного крестьянского общества, влияние периода «культурной революции» и влияние традиционного образования, отмечая, что это влияние имеет как положительные, так и отрицательные моменты. Молодые *ганьбу,* с одной стороны, с малолетства впитывают в

себя такие добродетели, как верность, сыновняя почтительность, трудолюбие и бережливость, склонность к учебе, забота о государстве и народе, с другой – проникаются консерватизмом, чувством кровного родства и т.п. Анализируя сам процесс воспитания кадров, теоретики выделяют его основные способы, среди которых: практика, обучение, тренинг и применение/внедрение. Особо отмечается тот момент, что молодые руководящие кадры должны подвергаться сегодня экзаменационным испытаниям. Говоря об отборе и использовании кадров, современные идеологи указывают на то, что здесь важна не столько форма, сколько содержание. Так, они призывают искать кадры во всех уголках страны, при непосредственном отборе придерживаться критериев, однако не подходить к нему формально, стараться использовать кадры более в стратегическом, чем в тактическом плане. Современные идеологи призывают создать такую кадровую систему, в которой был бы отточен механизм раскрытия таланта у людей. В конечном счете в качестве основных мер развития природных способностей *ганьбу* они предлагают создание оздоровляющей культурной атмосферы и культурное строительство[5].

Таким образом, все вышесказанное свидетельствует о том, что в современной идеологии КНР, как и в традиционном конфуцианстве, вопрос о личности управленца получает детальную разработку: анализу подвергаются качества, составляющие личность управленца, ее природная основа, процесс ее воспитания и формирования. При этом, несмотря на некоторые различия в трактовке содержания личности управленца, традиционную и современную идеологию Китая сближает сам факт постановки подобного вопроса, подход и мотивация интереса к нему, что позволяет сделать вывод о наличии неких исторически выработанных констант в сознании китайского общества и его единой цели, независимой от исторического времени.

---

[1] Чжун циннянь линдао ганьбу сучжи цзяоюй дубэнь (Руководство по воспитанию природных качеств молодых ганьбу Китая) / Под ред. Ли Цзюньжу. Пекин, 2001.

[2] Там же. С.85–86.

[3] Там же. С.87–92.

[4] Там же. С. 85.

[5] Там же. С. 178–303.

Переломов Л.С.,
д. и. н., ИДВ РАН

КОНФУЦИАНСТВО В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ КПК

Конфуцианство всегда играло значительную роль в политической культуре Коммунистической партии Китая. С самого зарождения в партии сложилась традиция уважительного отношения к Конфуцию и гуманистическому ядру его учения. Лю Шаоци, один из лидеров КПК, бывший некоторое время председателем КНР, свои лекции «О самовоспитании коммуниста», прочитанные впервые в июле 1939 г. в Яньаньском институте марксизма-ленинизма, в основном строил на конфуцианской концепции личности, где главным было суждение *«кэ цзи фу ли»*, «сумей преодолеть себя, дабы вернуться к Правилам». Естественно, что под Правилами имелся в виду Устав КПК. Учебником было «Четверокнижие», из которого он обильно цитировал суждения Конфуция и Мэн-цзы, запечатленные в «Лунь юе» и «Мэн-цзы». Десятки, сотни тысяч китайских коммунистов воспитывались на образе *«цзюнь цзы»* («благородного мужа») и концепции «гуманного правления»» Мэн-цзы.

Однако в конце «культурной революции» в период широкомасштабной политической кампании «критики Линь Бяо и Конфуция» (1972–1974 гг.) эта славная традиция была прервана. Средства массовой информации призывали народ «бить Конфуция, как крысу, перебегающую улицу». Чжоу Эньлай и Дэн Сяопин были зачислены в последователи Конфуция.

Свержение «четверки» и публичный суд над ней ознаменовались началом новой массовой кампании переоценки культурного и исторического наследия, особенно той его части, которая активно использовалась в политической борьбе предшествовавших 10–15 лет, т.е. конфуцианства и легизма. Значительную роль в борьбе против искажения роли конфуцианства в период кампании «критики Линь Бяо и Конфуция» сыграла установочная статья директора Института истории АН Китая профессор Линь Ганьцюаня – «Комментарий к иносказательной историографии, ставившей древнее на службу банде» (Хунци. 1978. № 11). «Иносказательная историография банды четырех,– писал проф. Линь Ганьцюань, – потрясающе перекраивая историю, никогда не нуждалась в "поиске доказательств", не обращая внимания даже на то, что одни формулировки у них противоречат другим и что все их концепции буквально трещат по швам».

Связав свои реформы с первой социальной утопией Конфуция – *«сяокан»*, Дэн Сяопин, совершил в тех исторических условиях, на-

стоящий подвиг: он фактически вернул КНР в лоно конфуцианского культурного региона, где в ряде стран (Япония, Сингапур, Республика Корея и др.) уже был построен, на основании конфуцианских ценностей, свой, отличный от протестантского, конфуцианский капитализм. Можно предположить, что определенное влияние на выбор Дэн Сяопина оказал Тайвань, где лидеры Гоминьдана, оказавшись в изгнании, были вынуждены приступить к реализации *«сяокан»*. Однако гораздо большее влияние на Дэн Сяопина и его советников мог оказать пример Сингапура, где Ли Куан Ю неоднократно подчеркивал, что своими успехами страна обязана умелому использованию конфуцианских ценностей. Объясняя механизм возрождения Сингапура и превращения его в одну из состоятельных держав мира, Ли Куан Ю обратил внимание на следующую закономерность, проистекающую из основ конфуцианства: «До тех пор пока руководители заботятся о благе народа, народ будет подчиняться им. Такой тип взаимоотношений является базисным. Именно уважение к руководителям со стороны народа обеспечило благосклонное отношение к политике сингапурского правительства. Сингапурцы упорно трудились, делали сбережения, отказывая себе во многом ради будущего своих детей. Они страстно верили в образование и ученость, верили в идеалы *цзюнь цзы* и мечтали, чтобы их дети были честными, высокоморальными и образованными».

Решение 6-го пленума XVI съезда КПК в 2006 г. наглядно демонстрирует, насколько влиятельна в памяти народа первая социальная утопия Конфуция, в ходе модернизации которой лидеры страны вынуждены были корректировать направление и суть реформ. В процессе этой корректировки лидеры КПК, прежде всего Ху Цзиньтао, цитируют именно те суждения Конфуция и Мэн-цзы, которые были выработаны основоположниками конфуцианства для построения гармоничного общества. Наиболее часто используют суждение Конфуция: «стремление к единству через разномыслие – является самым ценным в правилах». По сути, со временем данное суждение превратилось в код политической культуры Китая. Именно на это суждение обратил внимание Ху Цзиньтао в своем выступлении перед руководящими кадрами всех провинций Китая, разъясняя им идеологическую основу новой партийной программы построения «социалистического гармоничного общества»[1].

Документы и материалы прошедшего в ноябре 2007 г. XVII съезда КПК свидетельствуют о еще более активном включении конфуцианства в идеологическую доктрину КНР. Речь, прежде всего, о повышенном внимании к развитию китайской культуры.

«В современную эпоху, – сказал в отчетном докладе Ху Цзиньтао, – культура становится все более важным источником цементирующих и творческих сил нации и одновременно все более важным фактором конкуренции в совокупной государственной мощи».

Действуя в рамках традиционной политической культуры, руководство страны уделяет пристальное внимание воспитанию общественных нравов. Конкретным воплощением этого явления служит выдвижение Ху Цзиньтао морального кодекса из «Восьми славных и восьми позорных дел», которому должны следовать все граждане КНР. Большинство статей этого нового морального кодекса КНР базируется на конфуцианских принципах. Достаточно сравнить их с 17 принципами основателя минской династии Чжу Юаньчжана и 16 основными нормами поведения императора маньчжурской династии Цин.

Стратегия наращивания «мягкой силы» культуры, основанная на конфуцианских ценностях, принятая на XVII съезде КПК, становится важным компонентом государственной политики, определяющей стратегический курс Китая в XXI в.

Трактуя *«сяокан»* как среднезажиточное общество, Дэн Сяопин дал ему собственное видение, усилив экономическую составляющую, необходимую для начала реформ. Аналогично поступили Чан Кайши и Чэнь Лифу, придав *«сяокан»* символ «борьбы с бедностью». Но сам факт обращения к первой социальной утопии Конфуция открывает перед его современными толкователями весьма широкие теоретические возможности, достаточно лишь вчитаться в канонические тексты основателей конфуцианства, мечтавших о воспитании идеальной личности и построении гармонического общества.

Отстаивая принципы социализма, руководство КНР сочло более уместным использовать понятие «социализм с китайской спецификой». Не сковывая себя рамками европейской теории социализма, руководство Китая, доказывая на практике жизнеспособность *«сяокан»*, получило возможность внести свою лепту в общемировую теорию социализма, используя арсенал интеллектуальных ценностей традиционной культуры.

В КНР официально ставится цель строительства трех цивилизаций: политической, материальной и духовной. В этом как раз и кроется специфика начальной стадии китайского социализма. Из трех «цивилизаций» ведущая роль принадлежит духовной, основу которой составляет именно конфуцианство, оказывающее воздействие на построение политической цивилизации. Достаточно лишь напомнить

о концепции идеальной личности и социальной гармонии *(шэхуэй хэсе)*. Поэтому, когда мы стремимся постичь специфику «китайского социализма», необходимо учитывать его конфуцианскую составляющую, в основу которой начиная с ханьского периода (III в до н.э.– III в.н.э.) были вмонтированы легистские концепции верховенства закона, а также права и обязанности государства прочно удерживать в руках рычаги управления хозяйственной жизнью страны как залог стабильного развития Китая в будущем.

---

[1] Жэньминь жибао. 27.06.2006.

Пожилов И.Е.,
к. и. н., Тамбовский ГУ

ЧЖУ ДЭ: ЧЕМ ЗАКОНЧИЛАСЬ ДЛЯ ГЛАВКОМА ПЕРЕСТРОЙКА СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ КПК (1949–1954 гг.)

1. Военно-политические заслуги Чжу Дэ перед китайской революцией (не в пример большинству его соратников) приобрели официальное признание в партии задолго до победы, а помпезное празднование его 60-летнего юбилея в 1946 г. напоминало едва ли не проводы на почетную пенсию. По выражению Мао Цзэдуна, «для настоящей работы» он уже якобы не годился. В последующие 4 года Мао Цзэдун, и без того обладавший фактически всеми рычагами военной власти, произвел ряд преобразований в структуре управления вооруженными силами, которые в конечном итоге привели к «демобилизации» полководца в 1954 г. В частности, в мае 1950 г. завершился переходный период от избыточности и параллельности штабных структур, специально нагромождавшихся Мао Цзэдуном для размывания командной вертикали (в течение предшествующих трех лет в НОАК имелось даже 2 Генштаба и соответственно 2 их начальника), к образованию единого оперативного органа, правда, во главе опять же с двумя руководителями – Сюй Сянцянем и Не Жунчжэнем[1], ни один из которых при отсутствии подобающих личностных качеств так и не смог наладить эффективную работу важнейшего армейского института. Главное командование НОАК постепенно приобретало статус личного секретариата Чжу Дэ, не влиявшего даже на боевую подготовку личного состава, не говоря уже о более существенных вопросах. Казалось, с образованием Министерства обороны КНР Пэн Дэхуай наконец-то

перестал быть вечно «вторым». К сожалению, и его полномочия далее учебно-тренировочного процесса в войсках на деле не распространялись. Таким образом (ряд немаловажных деталей оставим в стороне), самая влиятельная и почитаемая фигура в вооруженных силах КПК, каковой неизменно являлся Чжу Дэ на протяжении десятилетий, осталась за бортом военной политики партии (окончательно – после отстранения в 1959 г. от должности заместителя председателя Военного совета ЦК КПК).

2. С августа 1945 г. Чжу Дэ начинает осваивать новую, административно-хозяйственную сферу деятельности, которой активно занимался вплоть до последних дней жизни (сюжет недостаточно изучен, в связи с чем в отечественной и западной историографии имеют место неточные оценки ряда событий и роли в них отдельных руководителей). В начале войны Освобождения главком, как секретарь ЦК КПК, был назначен партийным куратором Народного правительства Северного Китая и ответственным за производство вооружений и боеприпасов, а также транспортную инфраструктуру. После провозглашения КНР Чжу Дэ – последовательно на постах заместителя председателя Центрального правительства страны, заместителя председателя КНР и главы государства – продолжил плодотворно участвовать в руководстве социалистическим строительством, неуклонно занимая позицию здравого смысла и прагматизма по всем проблемам экономики и социальной сферы. Наиболее значимым в его начинаниях всегда оставался принцип приоритета народного благосостояния над прочими общественными задачами. В условиях неуклонной централизации и огосударствления хозяйства маршал взял под свою опеку кооперативный сектор кустарной промышленности в городе и на селе, выступая в целом твердым поборником коллективной собственности и организации мелкого производства как сопутствующей альтернативы индустриальному сегменту общенационального значения. Первая половина 1960-х годов стала переломным временем в его восприятии советской экономической модели развития, в движении к осознанию неизбежности возврата к индивидуальному хозяйству в различных формах и вариациях наряду со свободой иных предпочтений труженика. По большинству проблем, тесно смыкаясь с вождем КПК в начале 1950-х, маршал отныне предстает одним из самых последовательных в партийной элите оппонентов его левацких экспериментов.

3. К периоду Освободительной войны относятся первые попытки Чжу Дэ теоретически осмыслить методы преобразования национальной экономики; в дальнейшем интерес к научному обоснованию

практических действий на хозяйственном фронте у него станет потребностью. В 1948 г. в оставшихся не опубликованными набросках статьи «Мнение об экономическом строительстве и развитии производства в освобожденных районах» главком дал, пожалуй, самую точную и востребованную на то время характеристику процессу преобразований на переходном к социализму этапе экономической работы партии[2]. Подготовленные позднее публикации в периодике и записки в ЦК продолжат исследования автора по срокам и содержанию мероприятий на отдельных направлениях хозяйственной деятельности КПК, ее генеральным задачам на пути продвижения к социализму. Ряд инициатив и предложений маршала с успехом реализовывались на практике правительством и местными органами, в частности, создание четырехуровневой финансово-кредитной системы, учреждение Сельскохозяйственного банка Китая, оптимизация предприятий и конверсионные программы военно-промышленного комплекса, формирование военно-строительных войск для использования на народно-хозяйственных объектах, расчеты по совершенствованию экспортно-импортных операций и структуры внешней торговли, проекты снижения затратности промышленного производства, прямое участие в инициировании семейного подряда и рыночной торговли в деревне и многое другое.

Интеллектуальные усилия и, главное, нацеленность маршала на решение проблемы повышения жизненного уровня населения как «коренной цели социалистического строительства» по праву ставят его в число идейных вдохновителей социально-экономических реформ в современном Китае.

---

[1] Чжунго жэньминь цзефанцзюнь цзучжи яньгэ хэ гэцзи линдао чэнъюань минлу (Изменения в организации и списки комсостава НОАК). Пекин, 1987. С. 567–574; *Цзян Тецзюнь*. Шилунь Чжу Дэ цзай цзефан чжаньчжэн чжундэ лиши дивэй хэ цзоюн (Исследование исторической роли и места Чжу Дэ в войне Освобождения) // Цзюньши лиши. 2007. № 1. С.3–9.

[2] Чжу Дэ няньпу (Биографическая хроника Чжу Дэ). Пекин, 1986. С. 316–317.

Сотникова И.Н.,
к. и .н., ИДВ РАН

СССР И АТОМНЫЙ ПРОЕКТ КНР

В китайской, а также и в западной литературе часто преуменьшается роль СССР в создании ядерного оружия КНР. Документы и материалы, относящиеся к оказанию помощи Китаю в атомной области, еще ожидают рассекречивания, но по многочисленным открытым источникам можно составить определенное представление о ее объеме, характере и направлениях.

Мнения исследователей о времени, когда руководство КНР заинтересовалось созданием собственного ядерного оружия, расходятся. Еще недавно было принято считать, что это случилось после приглашения 14 сентября 1954 г. заместителя председателя КНР Чжу Дэ и министра обороны Пэн Дэхуая на демонстрацию взрыва атомной бомбы на Тоцком полигоне. Судя по материалам, опубликованным за последнее время, подготовка к атомной программе в Китае велась давно. Думается, что применение США атомной бомбы в 1945 г., ускорившее капитуляцию Японии, произвело впечатление на китайское руководство, противостоявшее японской агрессии на протяжении многих лет.

Еще до образования КНР Китай предпринял ряд мер для организации работ в области атомной энергии. Весной 1949 г. в Европу был направлен физик Цянь Саньцянь для приобретения с помощью Ф. Жолио-Кюри необходимых материалов и оборудования для института современной физики. После образования КНР была выделена валюта для приобретения за рубежом оборудования, приборов, научно-технической литературы, имеющих отношение к проблемам атома, а в первой половине 1950 г. в составе Китайской академии наук появился Институт современной физики, заместителем директора которого был назначен Цянь Саньцянь.

Руководство КНР приложило значительные усилия для возвращения на работу в Китай китайских ученых из-за границы. Общее число ученых-атомщиков и ракетостроителей, возвратившихся на родину после учебы и работы в Европе, США и СССР, составило свыше 5000 человек. В 1953 г. в КНР был образован Комитет по атомной энергетике при АН Китая. Сразу началась геологоразведка, и в 1954 г. в Гуанси-Чжуанском автономном районе китайские геологи обнаружили богатые залежи урановой руды.

Однако для реализации собственного атомного проекта этих мер было недостаточно, необходимо было выстроить всю цепочку про-

цесса — от изыскания урановых месторождений до создания высокотехнологичного производства. Проект был дорогостоящим. США в свое время он обошелся в 2,5 млрд долл. Для решения стоящих задач правительство КНР рассчитывало обратиться за помощью к СССР.

Первоначально СССР не собирался посвящать Китай в разработки секретных областей науки. Судя по докладной записке президента АН СССР академика А.Н.Несмеянова, предполагалось знакомить китайских ученых «лишь с некоторыми научными работами общего характера». Во время встречи на высшем уровне в конце сентября — начале октября 1954 г. Н.С.Хрущев отклонил просьбы Мао Цзэдуна раскрыть Китаю секрет атомной бомбы, наладить в КНР ее производство и построить Китаю подводный флот.

Тем не менее, 15 января 1955 г. Секретариат ЦК КПК принял «стратегическое решение» о создании китайской атомной бомбы (проект № 596) «с помощью СССР или без его участия», положившее начало развитию китайской атомной промышленности. В первой половине того же года была образована руководящая группа, в состав которой вошли Чжоу Эньлай, Ли Фучунь и Не Жунчжэнь.

Сотрудничество СССР и КНР в области мирного атома началось после постановления Совета Министров СССР от 17 января 1955 г. об оказании помощи социалистическим странам в проведении исследований в области мирного использования атомной энергии. В течение 1955—1956 гг. между СССР и КНР был подписан целый ряд соглашений: о ведении совместных геологоразведочных работ в Китае по поиску урановых руд; о помощи СССР Китаю в исследованиях в области ядерной физики и использования атомной энергии в мирных целях, включая поставку документации и оборудования для экспериментального ядерного реактора мощностью 10 МВт и циклотрона; по оказанию помощи КНР в создании атомной промышленности; о передаче совместных геологоразведочных работ под китайское управление. Соглашения предполагали также помощь КНР в подготовке специалистов-атомщиков. Китайские специалисты побывали в атомном центре Советского Союза — Арзамасе-16, на Семипалатинском атомном полигоне, их ознакомили со всеми объектами атомной промышленности СССР, но ни один из них не был допущен в ракетные КБ, на заводы и на испытательные полигоны. Кремль считал ракетные секреты гораздо выше атомных.

Не полагаясь полностью на СССР, руководство КНР параллельно продолжало работу по реализации собственной оружейной программы. После обсуждения этого вопроса 15 мая 1955 г. под предсе-

дательством Мао Цзэдуна ЦК КПК в октябре 1955 г. утвердил план создания в окрестностях Пекина научно-исследовательской базы по ядерным исследованиям (завод № 601). 25 апреля 1956 г. в докладе «О десяти великих взаимоотношениях» Мао Цзэдун заявил, что «в течение непродолжительного периода мы сможем иметь собственную атомную бомбу». В 1956 г. на совещании Военного совета КНР по инициативе Чжоу Эньлая и Цянь Сюэсэня было принято решение об организации Комитета по авиационной промышленности и атомного Министерства КНР, а затем НИИ по ракетостроению. Приоритетными направлениями, обозначенными ЦК КПК, стали разработка атомной бомбы и производство стратегических ракет, строительство заводов по производству атомного сырья. Было привлечено более 600 ученых Китая, программе уделялось самое пристальное внимание со стороны ЦК КПК, Госсовета КНР, Военного совета. Началась работа над ракетой «Ветер с Востока».

Прорыв в сотрудничестве СССР с Китаем произошел после 1956 г., когда в 1957 г. СССР решил предоставить КНР новые технологии по производству атомного и ракетного оружия, а также поставить Китаю макеты атомной бомбы и ракеты, сырье и соответствующую техническую документацию. Исследователи связывают это решение с событиями в Польше и Венгрии 1956 г., продемонстрировавшими, что СССР готов военной силой поддерживать нерушимость Варшавского договора. Представляется, что не последнюю роль в решении советского правительства сыграл Суэцкий кризис 1956 г. и решения совета НАТО декабря 1956 г. – марта 1957 г. о необходимости создания в Европе крупных сухопутных формирований и возможности размещения там американского ядерного оружия, способного сдерживать СССР. В Москве это было воспринято как шаг к «ядерному вооружению» Западной Германии, угрожающий СССР. Кроме того, началось «расползание» ядерного оружия: США передали соответствующие технологии Великобритании и Франции.

В октябре 1957 г. и в сентябре 1958 г. СССР и КНР подписали еще два «атомных соглашения» о передаче военных технологий для производства атомного и ракетного оружия и о графике поставок и объеме советской помощи в ядерной области. СССР согласился предоставить учебный макет, а также чертежи и документацию атомной бомбы, однако отказался дать материалы по авиационным атомным бомбам и постройке атомных подводных лодок.

В первой половине 1958 г. в Китай стали прибывать опытные советские специалисты из закрытого Министерства среднего ма-

шиностроения, чтобы помочь Китаю создать собственное сверхоружие – Е. Негин, Е.Воробьев, А.И. Алиханов, А.П. Виноградов, Д.И. Блохинцев и другие 111 специалистов и 43 геолога, которые специализировались на поиске атомных сырьевых материалов. Всего к работе по атомному проекту были привлечены 640 советских ученых-атомщиков, в том числе и несколько конструкторов ядерных устройств. Военные специалисты МО СССР разработали программу противоатомной защиты НОАК. Одновременно исследователи КНР учились или проходили практику в СССР, в том числе в Объединенном институте ядерных исследований в Дубне.

С помощью советских специалистов было выбрано место для ядерного полигона на северо-западе Китая (полигон Лобнор в Синьцзян-Уйгурском автономном районе), утверждены места для создания завода по производству ядерного топлива в Баотоу, комбината по обогащению урана в Ланьчжоу, объединенного ядерного производства в Чжуване, успешно введен в строй экспериментальный реактор на тяжелой воде, начал работать урановый горный комбинат в Чэнсиане (Хэньяне) и т.д. Одновременно с сооружением исследовательского реактора с помощью СССР строились военные реакторы для производства плутония и химические цеха для его выделения. КНР были предоставлены самые современные проекты, которые в СССР только реализовывались. Так, были получены документация на промышленный реактор и часть оборудования для него. Подобный реактор был запущен на советском предприятии по производству плутония всего лишь двумя годами раньше.

Москва предоставила также средства доставки ядерных зарядов. Сначала это были ракеты ближнего радиуса действия типа «земля – земля». В 1957 г. в Китай прибыли 2 состава с ракетами Р-2 и наземным оборудованием для их запуска, а также 102 специалиста для подготовки китайских кадров. Среди них «ракетчики» П.И. Мелешин, Н.С.Шнякин, А. Зарубин, И.Ларионов, И.Лыска, Е.Семенов, И.Козлов, В.Бородин, Д. Анваров и др. Однако китайская сторона была недовольна тем, что Р-2 – не самая передовая техника, поскольку в СССР уже была испытана термоядерная бомба и шла адаптация стратегического ядерного оружия к новым средствам доставки.

Поэтому 21 июня 1958 г. Мао Цзэдун поставил задачу: за 10 лет КНР должна создать атомную бомбу, термоядерное оружие и межконтинентальные ракеты.

В ноябре 1958 г. в КНР были доставлены 4 ракетные установки класса «земля – воздух», одновременно прибыли 95 специалистов для

помощи в освоении ракет. В Китай ушли образцы самонаводящихся крылатых ракет катерной и береговой обороны. КНР было обещано передать ракету Р-12, способную доставлять ядерные боеголовки, причем предполагалось, что производство ракет в обеих странах начнется практически одновременно.

К началу 1960 г. военный атомный проект КНР был готов, по оценкам советников, процентов на 80. Однако вследствие межправительственных разногласий 20 июня 1959 г. в СССР было принято решение не предоставлять КНР данных о технических особенностях атомной бомбы. 18 июля 1960 г. посольство СССР в Пекине сообщило об отзыве всех советских специалистов и прекращении поставок оборудования.

Основа атомной промышленности и вооружения КНР создавалась при мощной поддержке СССР, на основе советских проектов и в основном руками советских технических специалистов. Без этой поддержки Китай не смог бы выполнить свой атомный проект. По оценкам же некоторых российских экспертов, советская помощь в атомной области позволила КНР, по крайней мере, на 10–15 лет ускорить создание ядерного оружия, которое было впервые испытано в октябре 1964 г.

Сухов М.В.,
аспирант, ИДВ РАН

ЦЯНЬ СЮЭСЭНЬ И ЕГО ВКЛАД В НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КНР

24 апреля 1970 г. Китай произвел успешный запуск своего первого космического спутника «Дунфанхун-1» с помощью ракеты-носителя «Чанчжэн-1». В 1992 г. официально началась реализация трехэтапной программы пилотируемой космонавтики (Проект 921). В рамках 1-го этапа этой программы (921-1) 15 октября 2003 г. был осуществлен самостоятельный запуск первого в истории китайской космонавтики пилотируемого космического аппарата. В 2007 г. Китай совершил еще два выдающихся поступка, доказывающих миру, что он является полноправным игроком на международной космической арене: в январе он с помощью баллистической ракеты с противоспутниковой боеголовкой, запущенной с земли, уничтожил собственный метеорологический спутник, срок службы которого истек; в октябре 2002 г. с отправкой научного зонда к Луне было начато осуществление первой планетарной программы КНР. В сентябре 2008 г. китайские космо-

навты (тайкунавты) Чжай Чжиган и Лю Бомин совершили успешный выход в открытый космос.

Человеком, который заложил основу для этих и других достижений в ракетно-ядерной и космической отраслях, является Цянь Сюэсэнь, выдающийся ученый, сыгравший одну из ключевых ролей в становлении научно-технической системы КНР и оказавший серьезное влияние на развитие современной науки и техники не только в Китае, но и за рубежом. Сфера его интересов поистине впечатляет: он внес значительный вклад в развитие таких областей, как прикладная механика, реактивное движение и космические технологии, техническая кибернетика, проектирование систем и системотехника, его интересовали также науки о мышлении, философия и т.д. Кроме того, Цянь Сюэсэнь длительное время активно занимался популяризацией научно-технических знаний, руководил подготовкой целой плеяды специалистов в области науки и техники.

Цянь Сюэсэнь родился 11 декабря 1911 г. в Шанхае. В 1934 г. окончил факультет механической техники университета Цзяотун (Шанхай). За выдающиеся успехи был освобожден от платы за обучение. В период с июля 1934 г. по июль 1935 г. проходил практику на самолетостроительном заводе Цзяньцяо (Ханчжоу), а также в авиаремонтных мастерских Нанкина и Наньчана. В тот же период побывал в Пекине и посетил университет Цинхуа. В августе 1935 г. в рамках программы, направленной на привлечение китайских студентов для учебы в США, Цянь Сюэсэнь на американском судне отплыл из Шанхая. Окончил Массачусетский технологический институт, получив звание магистра. В октябре того же года перевелся в Калифорнийский технологический институт («Калтех»), где продолжил обучение в Авиационной лаборатории Гугенгейма под руководством выдающегося специалиста в области воздухоплавания Т. фон Кармана, совместно с которым впоследствии работал в основанной им компании Aero jet, производившей ракетные двигатели. В 1943 г. Цянь Сюэсэнь стал сотрудником Лаборатории реактивного движения (Jet Propulsion Laboratory), где руководил отделом по созданию первой американской твердотопливной ракеты. В 1945 г., по окончании войны, был направлен в Германию, где участвовал в допросе создателя ракеты V-2 В. фон Брауна. К 1950 г. Цянь Сюэсэнь стал одним из крупнейших американских ракетчиков.

Летом 1950 г., в разгар «маккартизма», Цянь Сюэсэнь был фактически отстранен от ракетных исследований. Тем не менее, из США он был выдворен лишь спустя 5 лет, и уже в марте 1956 г. Госсоветом

КНР был утвержден разработанный Цянем план развития китайского ракетостроения. В октябре 1956 г. была создана Пятая академия при Министерстве обороны КНР, ее руководителем стал Цянь Сэюсэнь. Академия начала осуществление программы по созданию баллистических ракет.

В сентябре 1959 г. в эксплуатацию были сданы ракетные заводы в Нанкине и Шанхае, в сентябре 1960 г. был осуществлен запуск одной из двух поставленных в 1958 г. СССР Китаю ракет Р-2, а уже в ноябре того же года группа Цянь Сюэсэня осуществляет запуск ракеты, полностью построенной в Шанхае по подобию Р-2. В дальнейшем в КНР началась разработка собственных баллистических ракет. К 1958 г. Цянь Сюэсэнь завершил проект создания ракеты «Дунфэн», успешный запуск которой состоялся в 1964 г., незадолго до испытания первого ядерного заряда. Трехступенчатая версия ракеты, «Чанчжэн», вывела на орбиту первый китайский спутник, а после успешного испытания ядерной бомбы в 1964 г. на китайских баллистических ракетах появились ядерные боеголовки.

Всего с 1970 г. по настоящее время Китай вывел на орбиту более 50 спутников, в числе которых метеорологические спутники, спутники связи и спутники-разведчики. С 1985 г. КНР стала осуществлять коммерческие пуски спутников на носителях «Чанчжэн», всего до 2000 г. на орбиту было выведено 27 зарубежных спутников. И хотя после 2000 г. программа коммерческих пусков была практически свернута, дальнейшее освоение космического пространства Китаем расширяется.

Цянь Сюэсэнь внес значительный вклад в развитие системы высшего образования в КНР, он стал первым руководителем отделения механики в Университете науки и техники Китая (Хэфэй, пров. Аньхой) и стремился к тому, чтобы воспитать как можно больше высококлассных специалистов в области науки и техники, необходимых для развития народного хозяйства, укрепления национальной обороны и дальнейшего повышения образовательного уровня работников научно-технической отрасли.

Большинство работ и монографий Цянь Сюэсэня, в частности «Инженерная кибернетика» («Engineering Cybernetics»),«Курс лекций по физической механике», «Реактивное движение» («Jet Propulsion»), «Уравнения газовой динамики» («The Equations of Gas Dynamics»), «Собрание сочинений Цянь Сюэсэня. 1938–1956» («The Collected works of H.S.Tsien. 1938–1956») и др., были переданы ему бывшими коллегами из «Калтеха» в начале 1990-х годов. Эти работы легли в ос-

нову Библиотеки Цянь Сюэсэня в университете Цзяотун. Остальные работы были собраны в Институте механики Академии наук Китая.

С именем Цянь Сюэсэня неразрывно связано зарождение космической и ракетно-ядерной программ КНР и первые шаги в их реализации. Свидетельством значимости вклада Цянь Сюэсэня в развитие этих и других научных направлений может служить вышедшая в 2007 г. в Сычуаньском научно-техническом издательстве объемная (646 стр. формата А4) книга «Цянь Сюэсэнь сюэшу сысян» («Научная мысль Цянь Сюэсэня»), подробно освещающая взгляды ученого по таким вопросам, как наука и техника в Китае и за рубежом, методология современной науки и техники, фундаментальные науки и философия, технические науки, популяризация и распространение научно-технических знаний, взаимодействие естественных и общественных наук, техническая кибернетика, системотехника, военные науки, науковедение и т.д.

Еще одним подтверждением той значительной роли, которую Цянь Сюэсэнь сыграл в научно-техническом развитии КНР, является тот факт, что в его честь был назван астероид 3763 Qianxuesen, открытый 14 октября 1980 г. в нанкинской обсерватории Цзыцзиньшань.

Линь Цяньхань,
докторант,
Оксфордский университет, Великобритания

КТО БЫЛ ВЫСЛАН?

Около 17 млн молодых людей в Китае в период «культурной революции» (1966–1976 гг.) были высланы из городов в сельские районы. Они известны западным ученым так же, как и те, кто несет ответственность за насильственные и разрушительные действия конца 1960-х годов. Их несчастные судьбы после «культурной революции» были признаны только недавно в результате социологических исследований их статуса и жизненных возможностей. Но остаются неисследованными такие вопросы: кем эти люди в действительности были, каковы различия в персональной атрибутике оказавшихся в деревне и оставшихся в городе и, что еще важнее, какова их адаптация к эре экономических реформ.

Результаты, базирующиеся на двух репрезентативных социологических обследованиях 1996 г. и 2003 г., показывают отставание жизненного процесса поколения «культурной революции» по сравнению с соответствующими возрастными группами. Специфический ход

жизни этой когорты приписывался политике государства как в период «культурной революции», так и после нее. Семейно-классовое происхождение, определенное земельной реформой 1950 г., играет решающую роль в судьбе тех, кого высылали в деревню, и тех, кого ожидала более счастливая судьба. Более того, получение среднего образования после «культурной революции» является важнейшим фактором будущих успехов в эру реформ для высылавшихся в деревню.

Перевод В.Н.Барышникова

Алексанян А. Г.,
к. филос. н., ИДВ РАН

ЧЭНЬ ЮАНЬ (1880–1971 гг.) И ЕГО ВКЛАД В СОВРЕМЕННУЮ КИТАЙСКУЮ ИСТОРИЧЕСКУЮ НАУКУ

Среди крупных и известных деятелей науки и культуры нового Китая, таких, как Го Можо, Ван Говэй и др., необходимо упомянуть еще одно имя, имя человека, который много сделал как для развития высшего образования в Китайской Народной Республике, так и собственно для китайской исторической науки, – Чэнь Юань.

Чэнь Юань родился в 1880 г. в Гуандуне в семье аптекаря. С раннего возраста он готовился к карьере чиновника, однако провалился на государственных экзаменах, и интерес к чиновничьей карьере сменился интересом научным. Чэнь Юань испытал на себе влияние идей Сунь Ятсена, некоторое время, начиная с 1905 г., издавал журнал «Шиши хуабао», имевший ярко выраженную антицинскую направленность. После Синьхайской революции недолго принимал участие в политической жизни страны, был избран депутатом, но после переключился на исследовательскую работу.

В 1926 г. Чэнь Юань был выбран ректором Фужэньского университета, занимал этот почетный пост и после того, как в 1952 г. Фужэньский университет был слит с Пекинским педагогическим институтом. До 1950-х годов Чэнь Юань исполнял обязанности директора Столичной библиотеки и библиотеки музея Гугун. Впоследствии он занимал еще ряд руководящих постов в академической и культурной областях. В 1951 г. Мао Цзэдун назвал его «национальным сокровищем», что, впрочем, не помешало домашнему аресту Чэнь Юаня в годы «культурной революции», в результате чего он и умер в 1971 г.

Но за свою полную всевозможных бурных политических и бытовых событий жизнь Чэнь Юань сделал очень много: воспитал не одно

поколение ученых-историков и создал ряд исследований, не потерявших своей научной ценности и по сей день (об этом свидетельствуют, в частности, переводы некоторых его работ на европейские языки).

Область научных интересов Чэнь Юаня простиралась от истории иностранных религий в Китае до специфики табуирования императорских имен в летописях, от археологии до текстологии.

Будучи протестантом по вероисповеданию, Чэнь Юань и начал свою научную карьеру со статьи «Исследование термина еликэвэнь в эпоху династии Юань» *(Юань еликэвэнь као)*, посвященной анализу названия христиан при монголах. С этого времени он начинает исследовать феномен иностранных религий в Китае: зороастризма (*Хосянь цзяо жу Чжунго као,* 1922), манихейства (*Мони цзяо жу Чжунго као,* 1923), ислама (*Хуйхуй цзяо жу Чжунго шилюэ*, 1927), иудаизма (*Кайфэн ицылэе цзяо као,* 1919). Эти четыре статьи, являющиеся, по сути, отдельными исследованиями, в китайской историографии получили название «четыре исследования по древним религиям» (*гуцзяо сыкао*). Кроме исследований, посвященных чужеземным религиям, Чэнь Юань занимался изучением и местных религиозных традиций: даосизма и буддизма (религии также пришлой, но укоренившейся в Китае и ставшей китайской).

Другой областью исторической науки, занимавшей Чэнь Юаня, стало источниковедение, а вернее, его текстологический аспект. Долгое время изучая энциклопедию *«Сыку цюаньшу»*, сверяя различные варианты изданий этого произведения, Чэнь Юань пришел к выводу о наличии немалого числа ошибок, опечаток и просто несовпадений и посвятил этому вопросу ряд работ, указывая, таким образом, на необходимость широкого использования текстологически-критического метода в изучении источников (1959 г.).

Ряд работ «Старца из Кабинета Усердной Прополки», как называли его в академических и студенческих кругах[1], посвящен изучению хронологии и календаря на основе китайских исторических источников. Кроме того, Чэнь Юань написал довольно важную монографию, посвященную табуированию императорских имен в истории Китая (1958 г.)

Наконец, еще одной областью интересов Чэнь Юаня, которой он посвятил часть своей жизни, была история Китая при династии Юань, особенно интересовала ученого сфера контактов китайцев и так называемого Западного Края (Сиюй) (см., например, самую известную работу автора, переведенную, кстати, на английский язык, «Исследование о китаизации народов Западного Края при Юань», последнее издание – 2000 г.; работа была начата в 1920-х годах).

В заключение следует отметить главный вклад Чэнь Юаня в китайскую историческую науку: он всегда подчеркивал важность текстологической работы с различными источниками (а не только с официальными хрониками), ориентировал своих учеников и воспитанников на мировую, в том числе западноевропейскую и японскую, науку, призывал использовать передовые методы, обращал внимание на важность изучения контактов Китая с иноземными народами, в частности в области культуры и религии. Можно сказать, что Чэнь Юань заложил основы источниковедческого изучения контактов Китая и иноземных народов в современной исторической науке КНР.

---

[1] Это название происходит от наименования кабинета Чэнь Юаня «Кабинет Усердной Прополки», подразумевая тщательность работы ученого по отделению зерен истины от плевел заблуждения.

Мамаева Н.Л.,
д. и. н., ИДВ РАН

КНР: 60 ЛЕТ ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ КПК И КПСС – НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

Рассматривая политическую составляющую процесса модернизации, мы обращаем первостепенное внимание на непрерывность политического процесса, его исторические корни и особенности развития в течение 60 лет существования КНР.

Немаловажное значение на функционирование политической системы и государственной структуры периода реформ оказали политические традиции и некоторые направления *этапа партийно-политического строительства 1950–1970-х годов,* испытавшего сильное влияние коррумпированной системы правления КР и военно-политической практики создания КНР «революционным путем». Влияние традиционных институтов, практики КПК в освобожденных районах, как и политико-государственный опыт идеологического союзника КНР – СССР наложили сильный отпечаток на партийно-политическое развитие и государственное строительство, способствуя, но по ряду направлений препятствуя поиску адекватных специфике Китая политических структур. Общая программа НПКСК определяла «систему государственной власти новой демократии» в направлении развития системы советского типа. Тенденция развития по «советскому образцу» сочеталась с государственной и политической практикой,

характеризовавшейся китайской спецификой. На передние рубежи в механизме управления страной в начале 1950-х годов выдвигались военно-политические органы. После принятия в 1954 г. Конституции, построенной по образцу Конституции СССР, военно-административные органы власти постепенно сходили с авансцены, предоставляя место законным органам власти и управления.

Уже в эти годы было ясно, что опыта и помощи СССР недостаточно для построения системы управления страной, адекватной исторической специфике. Реальные условия требовали конкретных подходов и решений в политической сфере.

Слабость партийного строительства и отсутствие ясных представлений о конкретном содержании механизма государственного управления неизбежно проецировались на общее состояние политической системы. В государственном строительстве осуществлялась политика внедрения коммунистов во властные структуры. Одновременно снижалась политическая значимость в управлении демократических партий. Распространялась практика параллельного осуществления функций партийных и государственных органов, совмещения партийных и государственных постов, во многих чертах схожая с принципами управления КПСС. Специфические китайские условия и, прежде всего, постоянное опасение нового возрождения бюрократизма и злоупотреблений «подталкивали» партию в области управления к «подмене партией всего и вся». Очевидно, что способы взаимодействия партии с государственными структурами, практикуемые в СССР, на китайской почве принимали радикальные формы.

Незавершенность политического и государственного строительства до «культурной революции» и глубина деформации политической системы как ее результат демонстрировали тот факт, что Китай оказался на пороге системного кризиса. Его преодоление предполагало осуществление принципиальных преобразований в экономике и политической сфере, учитывающих в большей степени, чем прежде, традиционную специфику.

Содержание периода *партийно-политического строительства конца 1970–1980-х годов* определялось не просто восстановлением разрушенных в годы «культурной революции» субъектов политической системы, но и приданием им нового качества. Отрицая позицию «слепого копирования чужого опыта и чужих моделей», Китай осуществлял «перестройку руководящего аппарата и реформу хозяйственной системы». Новая политика ротации кадров, «коллективности руководства», осуждения «культа личности», развития внутри- и

внепартийной демократии, усиления законности и правопорядка носила характер качественных перемен и положила начало оздоровлению всей политической системы. Она воспрепятствовала ее стагнации, как это случилось в СССР. В КНР начала 1980-х годов проблема «культа личности» и коллективности руководства, в отличие от СССР, решалась взаимосвязано, что обеспечило ей положительный результат. Интенсивно развивался процесс передачи ряда управленческих функций от партии государственным органам. Достаточно наглядно эта тенденция представлена в реформировании структуры аппарата ЦК КПК. Между тем структура аппарата ЦК КПСС даже в конце 1970-х годов дублировала органы исполнительной, законодательной и судебной властей.

Партийно-политический процесс 1980-х годов проложил русло эволюционных изменений в политической сфере и обеспечил возможность перехода Китая с начала 1990-х годов к построению социалистической рыночной экономики.

В результате трагических событий на площади Тяньаньмэнь (1989 г.) партия частично сворачивает курс политических преобразований, но не прерывает процесса. Он концентрируется на развитии законодательного обеспечения экономических реформ, кадровой политики, совершенствовании деятельности государственных органов. Формируется тенденция к управлению страной на легитимной основе, частично включившая в качестве объекта и правящую партию, вносятся поправки в Конституцию, разрабатываются области права. Четко сформулированное на XV съезде КПК (1997 г.) понимание реформы политической системы как совершенствование деятельности ее субъектов в рамках сформировавшихся контуров политической структуры и государственных органов представляется логическим следствием предшествовавшего поступательного развития политического процесса.

Политическое строительство *этапа партийно-политических преобразований с XVI съезда партии (2002 г.) до наших дней* демонстрирует адекватность данного подхода требованиям современного Китая. Новый этап процесса модернизации, суть которого была выражена формулой перехода от «экономической модернизации» к построению гармоничного общества на основе научной концепции развития, поставил в центр политической составляющей задачу совершенствования системы управления – на основе сбалансированного осуществления реформ партии, правительства, ВСНП, судебно-прокурорских органов, совершенствования кадровой политики и «юридизации» общества, оптимизации системы принятия важных решений.

Реформирование работы госорганов осуществляется комплексно и достаточно результативно. Центр тяжести переместился на правительственно-административную реформу (в 2008 г. – 6-я реформа) как наиболее «слабое место» в системе управления.

Успешно внедряется недавно введенная практика государственного контроля над доходами чиновников сверху донизу. «Историческим прорывом» в номенклатурной кадровой системе стал первый открытый набор на конкурсной основе на главные руководящие посты ключевых государственных предприятий (начало 2009 г.).

Отметим, что на рубеже 1970–1980-х годов партийно-политическая элита СССР приобрела замкнутый и корпоративный характер, демонстрировала «самовоспроизводство номенклатуры». Сложность решения кадровых проблем в комплексе – нелегкая задача и для современного Китая. Однако очевидно, что партийно-политическая элита КНР ощущает дыхание времени и готова к переменам.

Сочетание усиления руководящей роли КПК с процессом активизации политического и государственного строительства, осуществляющегося вполне «автономно» на законодательной основе, представляется спецификой момента. Сама жизнь определяет области, где активное участие партии вполне целесообразно: в области контроля над чиновниками и борьбы с коррупцией, в воспитательной сфере.

Можно обозначить как перспективную тенденцию к созданию нормативной базы процесса «смены созывов» и усилению «коллективности руководства» как своего рода «замены» демократических процедур «воспроизводства власти» в многопартийных государствах.

Отслеживая партийно-политические события «извне», хотелось бы подчеркнуть, что осуществляющиеся в XXI веке мероприятия по данным направлениям обнаружили значительные потенции политической системы, вскрыли новые возможности оптимизации деятельности партии, государственных органов, кадровой политики, законодательной деятельности. Политическая система, как бы ее ни характеризовали (либеральной экономики и «мягкого авторитаризма», «совещательного правления», партийной диктатуры и т.д.), за 60 лет показала свою гибкость и возможность к адаптации.

Взгляд «изнутри», что вполне естественно, больше фиксирует недостатки, чем достоинства, поскольку сконцентрирован не на сравнении исторических и политических реалий прошлого и настоящего, но на ситуации сегодняшнего дня. Человек, как правило, не обладает историческим сознанием и склонен думать о сегодняшнем дне. В связи с этим обратим внимание на реально существующие не-

гативы, требующие осмысления и встраивания мероприятий по их устранению в политические планы и перспективы. Это – коррупция, бедность на селе, проблемы мигрантов, неравномерность развития города и деревни, восточных и западных регионов, несовершенство судебно-прокурорской системы.

Суть эволюции политической системы видится в том, что руководящие функции КПК объективно все больше ограничиваются расширяющейся сферой деятельности государственных органов, осуществляющейся все в большей степени на основе законов.

Ершов А.В.,
ИДВ РАН

ЭВОЛЮЦИЯ СТРАТЕГИИ РЕФОРМИРОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ КНР

Процесс активного и целенаправленного реформирования органов государственной власти КНР для адаптации оной к нуждам меняющейся экономической системы был инициирован в 1982 г. Одним из главных вдохновителей и активных борцов за реформу был Дэн Сяопин, при чьем непосредственном участии проходили первые административные реформы. За прошедшие почти три десятилетия реформ было проведено шесть крупных реформ государственных органов, во многом благодаря которым процесс модернизации в Китае прошел относительно безболезненно и сравнительно быстро в конкретно-исторический промежуток времени. В течение жизни одного поколения был совершен переход от государственной плановой экономики к экономике, функционирующей на рыночных принципах. Адекватные поэтапные изменения органов государственной власти (именуемые по китайской политической традиции административными органами), механизмов и принципов их функционирования способствовали значительным экономическим успехам.

За прошедшее с момента начала реформ время произошел ряд существенных изменений в стратегии реформирования административного аппарата. Первая административная реформа 1982–1984 гг. в первую очередь преследовала цели восстановления системы органов государственного управления КНР, разрушенной в ходе «культурной революции», сокращения и оптимизации госаппарата, сформированного в эпоху плановой экономики и являющегося структурным близ-

нецом советской. Острие ее было направлено на наиболее важные отрасли народного хозяйства, с целью максимально адаптировать их к проходящим экономическим реформам. Однако в этот период основы функционирования работы административного аппарата, заложенные в начале 1950-х годов, остаются в целом без принципиальных изменений.

Вторая административная реформа 1988–1989 гг. поставила перед собой более глобальные задачи: пересмотр функций и полномочий правительства, изменение форм управления производственными структурами, создание профессионального аппарата госслужащих, спуск полномочий из центра на места. Создание министерства кадров, начало разработки законодательства, регулирующего деятельность госслужащих, введение экзаменов на должность – все это явственно говорит о желании создать корпус профессиональных управленцев. Процесс спуска части властных и финансовых полномочий на места свидетельствует о начале перехода к большей самостоятельности местного управления. Этот процесс во многом диктовался экономическими реалиями: возникающие рыночные отношения требовали иного подхода и к вопросам управления, многие задачи, как-то: инвестирование объектов, создание новых предприятий, создание экономических зон и другие, было гораздо легче и естественнее решать на месте. Задачи, поставленные в ходе этой реформы, в значительной степени будут определять тематику и насыщенность последующих реформ административно-управленческой сферы в 1990-е годы.

С начала 2000-х годов усиливается законодательная составляющая в процессе административного реформирования, во властных структурах КНР возникает принципиальное понимание, что успешность последующих форм реформирования будет во многом зависеть от их опоры на законодательные нормы; принимается ряд важных законов: об административных структурах, об административных процедурах, об административных разрешениях, о государственных служащих, которые во многом оказали важное влияние на нормы административно-управленческого процесса.

Одновременно с этим произошедшая в 1990 – начале 2000-х годов технологическая революция, создание Интернета, резкое удешевление электронных технологий и их массовое распространение по планете создали принципиально новые возможности взаимодействия людей в социуме. В западных странах, в первую очередь в США, возникла концепция так называемого «электронного правительства».

Эта концепция предполагает, что весь комплекс административных услуг будет оказываться правительством гражданину в электронной форме. Она подразумевает взаимодействие гражданина и правительства посредством интернет-технологий, не исключая, однако, и традиционных медиа. Помимо того, электронное правительство получает возможность взаимодействовать с различными финансово-торговыми кругами; с помощью электронных средств коммуникации осуществляется взаимодействие внутри различных ведомств, внутри самого правительства, повышая, тем самым, внутреннюю коммуникативную связность.

В настоящий момент данная концепция является одной из приоритетных стратегий дальнейшего развития госаппарата КНР. Это совершенно обдуманная, серьезная ставка на развитие принципиально новой, инновационной технологии управления. При всей неоднозначности этой концепции можно сказать, что в случае полной реализации стратегии электронного правительства будет значительно снижена себестоимость административных процедур, увеличится доступность граждан к административному процессу (доступность законов, постановлений, регламентов, бланков для различных процедур), увеличится время работы административных органов (вплоть до 24 часов в сутки). Доводы китайских экспертов, касающиеся того, что электронное правительство поможет развитию «экономики знаний», поддержит социальный прогресс и будет способствовать большей прозрачности бюрократических процедур, представляются не вполне обоснованными; многое в этом вопросе будет зависеть в первую очередь от создания соответствующей законодательной базы. Кроме того, нельзя забывать, что чрезмерно гибкая административная система может установить сильный контроль над своими гражданами, используя как раз новые технологии.

По мнению китайских экспертов, процесс создания и построения электронного правительства проходит четыре этапа: на *первом* происходит возникновение сайтов электронного правительства, публикация на них информации справочного характера, характеризуется отсутствием коммуникации с гражданином; на *втором* этапе гражданин получает возможность скачивать некоторые формы, бланки заявлений, выступать с односторонними предложениями; на *третьем* – между гражданином и правительством начинается обмен информацией с помощью электронных носителей; на последнем, *четвертом* этапе гражданин получает возможность оформлять все процедуры в электронной форме.

К 2010 г. в КНР планируется в целом завершить создание единой сети электронной администрации, покрывающей всю страну, а также создать базовые механизмы по раскрытию информации и предоставлению общего доступа к информационным источникам. На данный момент уже более 50% административных дел может быть решено в сети. Большинство правительственных сайтов находится на третьей-четвертой стадиях развития, что не исключает существование в некоторых (преимущественно отсталых) регионах сайтов второй ступени. Разумеется, процесс идет неравномерно; быстрее он проходит в регионах с развитой экономико-социальной сферой (Шанхай, Гуанчжоу, Сучжоу, Сямэнь), широкой сетью современных коммуникаций и компьютерно грамотным населением. Следует отметить, что по официальной статистике китайской стороны, в течение 2005–2007 гг. посещаемость уездных правительственных сайтов выросла с 77,7 до 83,1%, что говорит об увеличении количества активных пользователей на уездном и волостно-поселковом уровнях. Учитывая, что большая часть населения КНР проживает в сельской местности, а также тот факт, что в течение проведения всех предыдущих 6 административных реформ именно преобразования на местах проходили с наибольшим трудом, это следует считать довольно показательным сдвигом.

За относительно короткий по историческим меркам промежуток времени административная система КНР проделала большой путь развития: от административной системы советского типа до обладающей отрядом профессиональных, квалифицированных госслужащих, управляемой законом бюрократической системы современного типа. В начале XXI в. руководство КНР сделало ставку на внедрение новой технологии управления в административный аппарат. Успешность новой стратегии будет во многом определяться следующими моментами: 1) выработка новых законодательных нормативов, которые бы регулировали и регламентировали работу чиновников в «электронной сфере», а также основы и принципы функционирования сайтов правительства; 2) смена традиционной парадигмы сознания бюрократической элиты, переход от преобладания политики над экономикой к противоположной модели, когда импульсы из экономической сферы будут диктовать политические решения, т.е. переход к административно-управленческой модели западного типа. Вопрос, насколько последнее будет возможно в китайском обществе, с его спецификой *«гуаньси*-связей», этатистскими настроениями и сильными бюрократическими традициями, остается открытым.

Сун Юэхун,
Институт современного Китая
АОН Китая

ПОЛИТИКА ПРОПОРЦИОНАЛЬНОГО СООТНОШЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА И ДЕРЕВНИ НА ВЫБОРАХ СОБРАНИЙ НАРОДНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПОСЛЕ ОБРАЗОВАНИЯ КНР И ЕЕ ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ

Пропорциональное соотношение жителей города и деревни на выборах собраний народных представителей (СНП) указывает, какое количество населения представляет один депутат. Историческое определение и регулирование пропорции затрагивает историческую неизбежность и политические преимущества системы выборов собраний народных представителей и постепенный переход к адекватному пропорциональному соотношению.

На выборах в СНП соблюдается определенная пропорция городских и сельских жителей, это связано с историческими условиями проведения всеобщих выборов, когда в определенный период было необходимо соответствующее пропорциональное отношение. Это отражало ведущую роль рабочего класса в политической жизни страны и означало проведение курса на индустриализацию. Такое соотношение было необходимо для перехода к равным условиям в зависимости от реалий этапа развития политической системы и социально-экономического развития.

Пропорциональное соотношение жителей города и деревни постоянно развивается и состоит из множества факторов, на выборах оно конкретно отражает неравномерность социально-экономического развития. Пропорциональное соотношение способствовало демографическому развитию, формированию и функционированию механизмов собраний народных представителей, рациональному выделению избирательных округов. Целью политики пропорционального соотношения жителей города и деревни является постепенный переход к адекватной пропорции на выборах. По мере развития урбанизации, индустриализации, интеграции города и деревни и слияния городского и сельского населения постепенно созревают условия для соответствующей пропорции.

После провозглашения КНР и особенно с началом политики реформ и открытости постепенно проходит процесс определения, регулирования и осуществления политики пропорционального соотношения представительства жителей города и деревни на выборах СНП.

В этом процессе основными социально-экономическими движущими факторами являются развитие городов и поселков и переориентация сельского населения.

Перевод с китайского
Б.Я. Надточенко

Спичак Д. А.,
ИСАА МГУ

О ПОДГОТОВКЕ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ БУДУЩИХ РУКОВОДЯЩИХ КАДРОВ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

1. В Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) в Москве хранятся личные дела 3327 членов КПК и Гоминьдана, жизненный путь которых связан с деятельностью Коминтерна. Большинство дел принадлежит студентам различных коминтерновских вузов, проходивших подготовку на территории СССР. Примерно 3/4 из них – дела китайских коммунистов, 167 из которых сыграли сравнительно крупную роль в истории КПК. Среди последних – будущие руководители КНР: Лю Шаоци, Чжу Дэ, Дэн Сяопин, Ян Шанкунь, Жэнь Биши, Линь Бяо, Чэнь Бода, Ли Фучунь, Линь Боцюй, У Юйчжан, Дун Биу, Сюй Тели, Чжан Вэньтянь, Ван Цзясян, Лю Бочэн, Е Цзяньин, Не Жунчжэнь, Сяо Цзингуан, Чэнь Чанхао, Уланьфу, Янь Хунъянь, Кун Юань, Чжан Циньцю, У Сюцюань и Ван Гуанлань.

2. Часть этих людей училась в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ) им. И.В. Сталина, первом интернациональном комвузе Страны Советов, созданном по решению ВЦИК 21 апреля 1921 г. Речь идет о Лю Шаоци (будущем втором после Мао Цзэдуна человеке в иерархии КПК и председателе КНР), Дэн Сяопине (фактическом лидере КНР в 1978–1997 гг.), Жэнь Биши (будущем секретаре ЦК КПК в 1945–1950 гг.), Ли Фучуне (будущем председателе Госплана КНР), Не Жунчжэне (одном из будущих маршалов КНР) и Сяо Цзингуане (будущем адмирале ВМФ КНР). Все эти люди сыграли выдающую роль в истории КПК и Китайской Народной Республики. Но способствовало ли их формированию как будущих руководителей КНР время, проведенное ими в Советской России? И если да, то в какой степени?

3. Архивные материалы дают ответы на эти вопросы. Из них становится ясно, что практически все названные руководители КНР, вне

зависимости от времени их учебы в Москве, испытали на себе влияние большевистской идейно-политической пропаганды, направленной прежде всего на то, чтобы воспитать в них веру в утилитарно понимаемый их учителями коммунизм, а также беспрекословную преданность делу партии и Коминтерна. Большевизация сознания будущих активистов КПК, как и других восточных компартий, составляла цель КУТВ с самого начала работы этого «университета социальных наук для работников Востока» (выражение Г. Е. Зиновьева).

4. Что касается китайцев, то они учились в этом университете в 1921–1928 и 1934–1936 гг.: в 1921–1923 гг. их было 35–36 человек, в начале 1924 г. – 51, в середине апреля 1925 г. – 112, а в 1936 г. – 143 человека. Лю Щаоци, Жэнь Биши, Сяо Цзингуан были зачислены одними из первых, 1 августа 1921 г. Сразу после регистрации их определили в специальный китайский сектор (он вначале обозначался буквой «А», затем – «Ц»). После этого в целях конспирации им дали новые имена: Лю Шаоци стал Лю Сяном, Сяо Цзингуан – Глосским, а Жэнь Биши – Белинским, в честь великого критика. Скоро, правда, «Белинский» превратился в «Бринский»: так сотрудникам КУТВ почему-то нравилось больше. (Кстати, именно тогда Жэнь Биши стал впервые использовать и это свое китайское имя; до того он носил другое – Жэнь Пэйго.) Осенью 1924 г. из Франции в Москву прибыл Не Жунчжэнь (в КУТВ получил псевдоним Зорин), а в конце 1924 г. – Ли Фучунь (Григорьев). Дэн Сяопин же, носивший тогда имя Дэн Сисянь, был зачислен в КУТВ 17 января 1926 г., и его псевдонимом стал Крезов.

5. Обучение в КУТВ было весьма напряженным. Студенты ежедневно изучали русский язык, политическую экономию, исторический материализм, историю классовой борьбы, историю рабочего движения, историю ВКП(б) и некоторые естественные науки. Читали «Манифест Коммунистической партии», «Азбуку коммунизма» Н.И. Бухарина и Е.А. Преображенского (на английском языке), а также работы Ленина. Времени на все это было не очень много: в КУТВ первоначально существовал 7-месячный курс, а с 1922/23 учебного года – 3-летний. Уровень марксистской подготовки подавляющего большинства вновь прибывших студентов был невысок. Сяо Цзингун, например, признавал: «В то время мы еще были несмышленышами, не имевшими никакого революционного опыта. Нас пока только обуревали революционные чувства, мы страстно жаждали найти пути спасения родины. Находясь в послеоктябрьской революционной России, мы на все смотрели широко открытыми глазами, нам все нравилось, все было новым».

Революционных чувств, однако, было мало. Нужны были знания, приобретения которых сдерживалось серьезным языковым барьером между студентами и преподавателями. «Для КУТВ и СУН [Университет трудящихся Китая им. Сунь Ятсена] нужны руководы [руководители], знающие русский язык. Не меньше 15 человек. Иначе прямо хоть не открывай лавочек. Нужно, как можно скорее», – писал 2 октября 1925 г. политсекретарь Восточного отдела ИККИ Б.А.Васильев Г.Н. Войтинскому, находившемуся в Китае. Тот обещал помочь, но ситуация не изменилась к лучшему. Подавляющее большинство студентов, говоря словами еще одного студента КУТВ Чжэн Чаолиня, «мало что получали на уроках русского языка». Они легко запоминали первое выражение, которое просил их заучить начинавший курс преподаватель: «КУТВ – это Коммунистический университет трудящихся Востока». Но дальше дело шло с трудом. К сожалению, преподавателей, знавших китайский язык, в КУТВ вплоть до 1927 г. почти не было, поэтому студенты, не понимавшие русский, с трудом уясняли и прочие дисциплины. Ведь во время устных лекций половина часов уходила на перевод, причем не всегда адекватный: переводчики, имевшиеся в КУТВ, не являлись специалистами ни в политической экономии, ни в историческом материализме.

Дело усугублялось и почти полным отсутствием большевистской литературы на китайском языке, особенно в первые годы существования КУТВ, когда, собственно, и учились будущие руководители КНР. Никаких учебников и учебных пособий просто не существовало. Кружководы-переводчики старались изо всех сил, но выполнить перевод всех лекционных материалов не могли.

Преподавательский состав КУТВ в основном комплектовался из выпускников Коммунистического университета им. Я.М. Свердлова и из выпускников Института красной профессуры. Разумеется, все преподаватели были членами партии или комсомола, так как их партийности придавалось особенно большое значение. От того, что и как они преподавали, зависел не только уровень образования их студентов, но и степень преданности последних идеалам большевистского руководства. К сожалению, большая часть преподавателей-коммунистов не знала Востока, но это на первых порах не очень смущало администрацию и партбюро КУТВ. Между «красными» и «специалистами» они не колеблясь выбирали «красных». Удельный вес восточных проблем в курсе всеобщей истории даже в 1935/1936 учебном году составлял всего 35% (в предшествующие годы – 10%).

6. Таким образом, организация обучения китайских революционеров на территории Советской России в первые годы после Октябрьской революции, совершенно естественно, сопровождалась целым рядом трудностей. Советские администраторы и учителя КУТВ, не знавшие китайского языка, невольно упрощали материал, сложный для понимания, что неизбежно сказывалось на качестве преподавания. Так что по существу вместо настоящей теории марксизма китайские студенты в основном получали некоторый набор постулатов, который не мог создавать у них целостную картину нового учения. К тому же советские педагоги в недостаточной степени учили своих студентов творчески и самостоятельно мыслить и применять полученные ими теоретические знания на практике, в китайских условиях революционной борьбы.

Такой характер учебы в целом неизбежно вырабатывал у китайских студентов КУТВ склонность к догматизации марксизма, приводя к упрощенному восприятию ими большевистского опыта. Не являлись в этом смысле исключением и будущие руководители КНР, особенно те их них, кто смог окончить полный университетский курс: Жэнь Биши, Сяо Цзингуан и Ли Фучунь. В меньшей степени недостатки учебы сказались на мировззрении Лю Шаоци, проучившегося в Москве всего 6 месяцев, и Дэн Сяопина (в КУТВ учился меньше месяца, после этого в течение 11 месяцев обучался в Университете трудящихся Китая им. Сунь Ятсена).

Юань Сюэцин,
Фуданьский университет, Шанхай, КНР

РАЗВИТИЕ ДЕЛА ОБРАЗОВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В КИТАЕ

За 60 лет после образования КНР в деле обучения иностранных студентов в Китае произошли грандиозные изменения. Согласно статистическим данным Министерства образования, с 1950 по 1965 г. Китай принял 7200 иностранных студентов всех категорий, а в одном 2008 г. в страну приехали более 200 тыс. студентов. С 1949 по 2008 г. в КНР получили образование 1 млн 322,8 тыс. студентов из 189 стран и территорий. После окончания учебы более 30 человек занимали должности министров или руководителей первого ранга, более 10 являлись послами в Китае, более 120 работают в университетах своих стран, многие стали предпринимателями.

Дело образования иностранных студентов имеет большое зна-

чение для роста международного сотрудничества и обменов, роста «мягкой силы» Китая, а также строительства в стране вузов мирового уровня. За 30 лет реформ и открытости развитие дела образования иностранных студентов было тесно связано с развитием международных связей нашей страны, со степенью экономической глобализации и с развитием высшего образования в Китае.

Нормализация государственно-дипломатических отношений способствовала увеличению притока иностранных студентов. После образования КНР сравнительно долгое время число приезжавших студентов было невелико. В 1971 г. на 26-й сессии ООН было восстановлено законное место КНР в этой организации. С 1972 г. после установления дипломатических отношений между КНР и США и до конца 2007 г. Китай установил дипломатические отношения с 171 страной. Это, в свою очередь, открыло дорогу для притока иностранных студентов.

В 2008 г. в Китае обучалось 223 499 студентов из 189 государств.

В 2001 г. Китай вступил в ВТО. Глобализация усилила международные контакты людей и совершенно очевидно отразилась на потоках иностранных студентов.

Важной причиной притока иностранных студентов явилось широкое развитие высшего образования в Китае. В 1949 г. в стране было только 205 вузов и 116 тыс. студентов. С 1978 по 2007 г. число студентов возросло с 2,28 до 25,29 млн, а количество вузов за этот период увеличилось с 598 до 1908. В 1962 г. было всего 1138 иностранных студентов в 55 вузах, в 2008 г. уже 600 вузов принимали иностранных студентов.

Потенциалом притока иностранных студентов является распространение китайского языка в мире, являющегося составной частью китайской культуры. В 2007 г. в Пекине был образован Институт Конфуция, в настоящее время в мире в 78 странах уже открыто 305 зарубежных институтов Конфуция или отделений по изучению и приему экзаменов по китайскому языку; число сдавших экзамен разного уровня уже превысило 400 тыс. человек.

Министерство образования КНР главными принципами своей работы с иностранными студентами считает расширение масштабов обучения, гарантирование качество, улучшение уровня образования. С 1998 г. в стране обучаются как студенты полных курсов, аспиранты (магистры и доктора), студенты специальных курсов, так и занимающиеся на курсах усовершенствования и краткосрочного обучения по 16 основным дисциплинам: промышленность, сельское хозяйство, китайская и западная

медицина, психология, китайский язык и лингвистика, история, философия, искусство, экономика, право, педагогика и др.

Отмечается быстрый рост числа иностранных студентов. За 30 лет реформ число иностранных студентов увеличилось более чем в 180 раз. В 1978 г. из Китая на учебу за границу выехало 860 человек, а в 2008 г. – уже 179,8 тыс. В 2008 г. количество учившихся в Китае превысило число китайских студентов за границей, разница составила 40 тыс. Хотя КНР сейчас не является самой большой страной, принимающей иностранных студентов, но очевидно, что она превратилась в одну из самых больших принимающих стран в АТР. Например, в Японии учатся 100 тыс. иностранных студентов, а в КНР уже более 200 тыс.

Контингент студентов обновляется за счет новых стран. Повышается системность обменов. Сейчас с 34 государствами заключены соответствующие соглашения. Увеличилось число студентов, обучающихся за свой счет. Международные обмены в области образования вместо простой помощи со стороны Китая стали частью торговли услугами в области образования. Таким образом, ранее исключительная сфера правительства превратилась в финансовое дело самих иностранных граждан. С 1950 по 1978 г. Китай принимал студентов полностью за счет правительственных стипендий. Сейчас за свой счет обучаются 93,95% всех студентов. Цели студентов и рынок сблизились. Характерно, что Китай создает и совместные вузы с иностранными университетами, активно проводит политику «идти вовне». К концу 2008 г. 24 вуза Китая учредили зарубежные филиалы или отделения (всего 42).

Перспективы для развития дела образования иностранных студентов в КНР самые благоприятные. Иностранные студенты живут и учатся вместе с китайскими, это также дает возможность студентам КНР приспособиться к культурным обменам, что важно в условиях нарастающей глобализации.

В августе 2007 г. председатель КНР Ху Цзиньтао на совещании глав государств-членов ШОС сообщил, что китайская сторона постановила учредить стипендии для иностранных студентов из стран ШОС: помимо существующих договоренностей, каждый год по 20 правительственных стипендий, всего 100. Тем самым была подчеркнута высокая оценка дела образования иностранных студентов. По прогнозам Министерства образования, Китай может увеличить к 2020 г. число иностранных студентов в год до 500 тыс., а к 2025 г. – до 660 тыс. человек.

Каждый университет будет активно работать над решением таких проблем, как ограничение мест для иностранных студентов, улуч-

шение условий учебы и жизни, снижение расходов для иностранных студентов, повышение уровня педагогического образования административных кадров, не будет допускать снижения уровня комфорта в общежитиях. Следует расширить преподавание некоторых дисциплин на иностранных языках. Правительство увеличивает каналы финансовой поддержки иностранным студентам. За последние 5 лет стипендии увеличились на 65%. К 2010 г. стипендии правительства КНР будут получать 20 тыс. иностранных студентов. Получающие стипендии студенты тратят их на книги, учебу, практику и стажировку. Стипендиаты университетов пользуются общежитиями, медицинским обслуживанием и страхованием. Кроме того, каждый месяц студент полного курса получает на расходы 1400 юаней, магистр 1700 юаней, доктор 2000 юаней.

Имеются стипендии нескольких категорий: правительственные, стипендии по договоренностям по сотрудничеству и обменам. Начиная с 2008 г. существуют стипендии, выделяемые местными правительствами городов центрального подчинения. Имеются также стипендии, выделяемые крупными китайскими банками и корпорациями. Некоторые страны, например Вьетнам, Таиланд, Сингапур, Пакистан, Саудовская Аравия и Танзания, выделяют для своих студентов в Китае специальные стипендии и сами управляют ими.

С 2008 г. существует также новый порядок направления студентов в промышленные институты приграничных провинций Китая в основном из соседних государств.

За последние годы улучшилось юридическое сопровождение учебного процесса, повысилась ответственность посольств и консульств стран, студенты которых обучаются в КНР. Улучшилось также качество медицинского обслуживания иностранных студентов. В некоторых случаях имеются соглашения о предоставлении работы иностранному студенту в своей стране по возвращении. Предпринимаются меры по обеспечению иностранных студентов учебной литературой, книгами, пользованию современными средствами получения информации, выходу в Интернет.

За 60 лет после образования КНР в стране получил образование большой отряд иностранных студентов. В будущем дело образования иностранных студентов в Китае, несомненно, получит еще большее развитие.

Перевод с китайского
Г.Д. Бессарабова

Борох О.Н.,
к. э. н., ИДВ РАН

ФОРМИРОВАНИЕ ПАРАДИГМЫ МАРКСИСТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ В КИТАЕ

Первые сведения о марксистской политэкономии проникли в Китай на рубеже XIX–XX вв. в публикациях представителей реформаторского и революционного течений (Янь Фу, Лян Цичао, Ма Цзюньу, Чжу Чжисинь). В первые два десятилетия XX в. наиболее активными пропагандистами экономического учения среди китайских марксистов были Ли Дачжао, Чэнь Дусю, Ли Да. В 1920-е годы пример быстрого экономического развития планового хозяйства в СССР на фоне увлечения китайской интеллигенции идеями государственного регулирования экономики стал мощным стимулом для изучения марксизма.

К началу 1930-х годов на китайский язык был переведен ряд работ иностранных авторов. Наиболее заметными были труды японских ученых – книги с изложением основ марксистской политэкономии Хадзимэ Каваками, марксистские публикации по капиталистической экономике Хитоси Ямакава. Важное место занимали переведенные с русского языка труды Н.И. Бухарина, А.А. Богданова, И.И. Скворцова-Степанова, И.А. Лапидуса, К.В. Островитянова. По подсчетам Ху Цзичуана, в республиканский период было переведено 29 трудов по марксистской политэкономии, из них в 1920-е годы – 9, в 1930-е – 15, в 1940-е годы – 5.

В 1934 г. появился первый учебник по марксистской политэкономии, написанный китайским экономистом. Автор «Очерка новой экономической науки» Шэнь Чжиюань в 1920-е годы обучался в Москве в Университете им. Сунь Ятсена. С 1934 по 1947 г. книга выдержала 11 изданий, она оказала большое влияние на распространение марксистского учения в Китае. В предисловии автор отметил, что людям нужна популярная политэкономия как «массовая наука», однако среди переводов было крайне мало работ, соединяющих марксистскую теорию с практикой. «Очерк» состоял из двух частей. Первая рассказывала о товарной капиталистической экономике, вторая – о плановой экономике переходного периода и социализма с привлечением сведений об экономической ситуации в СССР. Появились и другие работы по политэкономии китайских авторов – «Беседы об экономической науке» (1930) Чэнь Цисю, «Начальный курс экономической науки» (1938) Ху Шэна, «Политическая экономия» (1948) Сюэ Муцяо.

Стимулом для соединения марксизма с китайской реальностью стали решения VI съезда КПК (1928 г.), где впервые было использовано понятие «полуфеодальный» для характеристики китайской экономики (позднее китайское общество было описано китайскими марксистами как «полуфеодальное полуколониальное»). Инициированная марксистами дискуссия о характере китайского общества длилась с конца 1920-х годов по 1933 г., они подчеркивали, что в стране возникли лишь ростки капиталистического способа производства. Весной 1933 г. в Шанхае было создано Китайское общество изучения деревенской экономики, которое занялось исследованием проблем села с марксистских позиций. Основатель Общества Чэнь Ханьшэн собрал вокруг себя молодых исследователей (Цянь Цзюньжуй, Сунь Ефан, Сюэ Муцяо, Сюй Дисинь), которые во второй половине XX в. стали ведущими фигурами в экономической науке КНР. На основании собранных в ходе обследований данных ученые Общества доказывали, что Китай является полуфеодальной страной, попавшей под власть империалистических государств.

Дискуссии о характере общества и деревни середины 1930-х годов стали первым шагом в направлении адаптации марксизма к китайской реальности. В 1940-е годы этап популяризации знаний был в целом завершен, и работа по китаизации марксистской политэкономии вышла на теоретический уровень, итоги научных поисков были отражены в книгах «Основы теории экономики Китая» Ван Янаня (1946) и «Политическая экономия в широком смысле» Сюй Дисиня (1949).

Ван Янань выступал за создание «китайской экономической науки» и стремился приблизить заимствованную из-за рубежа марксистскую политэкономию к китайской действительности. Ученый полагал, что выводы зарубежных экономистов были получены исходя из условий этих стран и потому не могут быть использованы в Китае. Ван Янань призвал соотечественников изучать политическую экономию «в статусе китайцев», отказавшись от абстрактного взгляда на экономическую науку.

Сюй Дисинь продолжил на китайской почве советский спор начала 1930-х годов о том, занимается ли политэкономия только капитализмом. Он отмечал, что политическая экономия в узком смысле имеет единственным объектом исследования капиталистическое общество. Поскольку экономика республиканского Китая имела «полуколониальный» характер, изучение политэкономии в узком смысле ограничило бы ее понимание капиталистической частью. Однако политэкономия в широком смысле может быть применена к изучению

экономических законов докапиталистических обществ в соединении с изучением экономических законов социалистического общества, идущего на смену капиталистическому. Обсуждая перспективы китаизации политэкономии, ученый заключил, что ни механическое включение китайских материалов в систему «Капитала», ни создание «китайской экономической науки» не смогут решить эту проблему. Он видел выход в разработке теории политэкономии в широком смысле, охватывающей, помимо капитализма, докапиталистические и посткапиталистические отношения.

Китайские экономисты стремились использовать марксистскую теорию для разработки стратегии развития страны. Го Дали в работе «Теория строительства производства» (1947) с марксистских позиций исследовал путь индустриализации Китая. О высоком теоретическом уровне марксистской экономической мысли до образования КНР свидетельствуют публикации «Экономическая наука» (1940) Сюэ Муцяо, «Что такое империализм» (1943) Цянь Цзяцзюя, «Очерк истории политической экономии» (1949) Ван Яняня. По мере углубления теоретических познаний марксисты обращались к анализу острых экономических проблем республиканского Китая, прежде всего в сфере денежного обращения. Были изданы «Очерк теории денег» (1949) Ли Да, «Новая теория инфляции» (1948) Ян Пэйсиня, «Очерк новой экономики финансов» (1949) Цянь Цзяцзюя.

После образования КНР парадигма марксистской политэкономии стала господствующей, усилилось влияние советской политэкономии, в 1950-е годы происходило широкое заимствование советских научных работ и учебников, создавалась унифицированная база для исследования и преподавания экономической науки. Наибольшее влияние на экономическую науку КНР оказали увидевший свет в 1953 г. перевод работы И. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» (1952) и опубликованный в 1955 г. перевод советского учебника политэкономии (1954).

В 1955 г. в КНР появился специализированный научный журнал «Цзинцзи яньцзю», ставший трибуной для марксистских экономических дискуссий. В 1957 г. группа китайских экономистов во главе с Чэнь Чжэньханем выступила с критической оценкой ситуации в области преподавания и исследования экономической науки. Они указали на отрыв науки от реальности, догматическое следование классикам, стремление использовать в экономическом строительстве готовые советские рецепты, недооценку практического значения концепций и методов «буржуазной науки», стремление чиновни-

ков засекретить данные, важные для экономических исследований. Ученые отмечали, что практические организации должны уделять внимание экономической науке, а экономисты – больше соприкасаться с практикой. Это выступление было подвергнуто критике, однако современные китайские авторы признают, что поставленные в нем вопросы сохраняют актуальность.

Вскоре после дискуссии 1957 г. к проблеме соотношения постулатов советской экономической науки и китайской реальности обратился Мао Цзэдун в «Критических замечаниях по работе Сталина "Экономические проблемы социализма в СССР"» (1958–1959) и «Заметках об учебнике "Политическая экономия"» (1960). Эти критические оценки стали сигналом для формирования марксистской политэкономии, соответствующей специфике Китая. Однако в условиях изоляции от внешнего мира и политизации научных исследований добиться успеха в этом направлении было трудно. Широкомасштабное развитие экономической теории в КНР с опорой на достижения мировой науки стало возможным лишь в конце в 1970-х годов с началом политики реформ.

Горбунова С.А.,
д. и. н., ИДВ РАН

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЕХИ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ РЕЛИГИЙ В КНР

С образованием КНР начала формироваться новая политика в сфере религий, в содержании которой вместе с тем прослеживается взаимосвязь с многотысячелетней традицией государственного отношения к религиям, а также с общим вектором гоминьдановской вероисповедной политики. На первой пленарной сессии Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК), которая прошла в Пекине с 21 по 30 сентября 1949 г., была принята Общая (совместная) программа НПКСК – фактически, временная конституция. В ней в качестве одного из прав граждан КНР – новой страны, в которой исторически сосуществовали разнообразные религиозные культы, декларировалось право на свободу вероисповедания. Принципы и методы его соблюдения на практике по отношению к различным религиям (буддизму, даосизму, исламу и христианству) не разъяснялись. Было очевидно лишь то, что в соответствии с атеистической ориентацией религия отделялась от государства.

Однако вскоре при НПКСК была создана группа по делам религий. 5 мая 1950 г. она начала обсуждение связанных с ними проблем.

На этом заседании было оглашено послание премьера Госсовета КНР Чжоу Эньлая. В нем указывалось, что правительство выступает за сотрудничество с церковью в политическом плане. Содержание этого послания свидетельствовало об амбивалентной позиции властей, с одной стороны, ориентировавшихся на отделение религии от государства, с другой – стремившихся в сложный период становления нового общества заручиться поддержкой верующих.

Это наглядно проявилось в решении проблемы собственности религиозных общин. Согласно ст. 3 Закона о земельной реформе Китайской Народной Республики (28 июня 1950 г.) принадлежавшие храмам и монастырям земли подлежали реквизиции. Предусматривалось (ст. 13 д), что находившиеся в сельских районах и не имевшие средств существования, но способные и желающие заниматься сельским хозяйством буддийские монахи и монахини получат землю и средства производства наравне с крестьянами. Эти статьи частично повторяли параграфы «Постановления о разрешении земельного вопроса в сельскохозяйственных пригородных районах ранее освобожденных районов» от 13 января 1950 г. Речь в нем шла не о реквизиции земли, а о национализации и последующем распределении. Кроме того, в постановлении оговаривалась целесообразность сохранения храмов, которые использовали доходы от сдачи земли в аренду для содержания школ, приютов, больниц и т.д. В соответствии с директивой ЦК КПК от 5 марта 1951 г. партийным организациям на местах давалось указание объединять религиозных адептов и вовлекать их в единый антиимпериалистический фронт. В отношении тех религиозных объединений, которые поддерживали связи с враждебными силами, местным властям давалось право применять меры по своему усмотрению. Это фактически означало возможность административного произвола в отношении верующих, что особенно проявилось в процессе участия местных властей в продаже имущества религиозных общин, имевших постройки в коллективном пользовании.

Вместе с тем в соответствии с провозглашенной политикой свободы вероисповедания в КНР было заявлено о защите сооружений и памятников исторического значения, в том числе культовых. В Законе о земельной реформе указывалось на недопустимость разрушения храмов, монастырей, церквей и других религиозных сооружений. В связи с этим местным властям предписывалось защищать религиозные реликвии храмов и монастырей. Важный в этом плане документ «Меры по охране древнейших реликвий, культовых ценностей, книг, редких растений и животных» был обнародован 24 мая 1950 г., а

7 июня того же года – соответствующее распоряжение, обязывавшее местные власти охранять те буддийские здания и реликвии, которые имели историческое значение.

В Конституции КНР, принятой по завершении восстановительного периода в сентябре 1954 г., законодательно подкреплялось и повторялось положение Общей программы НПКСК 1949 г. о свободе религиозных верований для граждан КНР.

В первой половине 1950-х годов сформировались две важнейшие структуры (партийная и правительственная), в ведении которых находилась религиозная жизнь: Отдел Единого фронта при ЦК КПК и Управление по делам религий. Одним из государственных механизмов реализации вероисповедной политики и посредником между верующими и властями стали патриотические религиозные объединения. Их деятельность была особенно важна в 1950-е и в начале 1960-х годов – достаточно сложный для всех конфессий период вследствие усиливавшегося несоответствия религиозных и общественных ценностей. Оборотной стороной декларированной свободы религиозных верований, создававшей лишь внешнее впечатление благополучной деятельности религиозных общин, являлась идея об «отмирании» религий и даже их насильственном искоренении. Поскольку религиозная деятельность фактически не опиралась на законодательную базу, в первые десятилетия существования КНР в условиях ужесточения внутренней политики верующим особенно трудно стало вырабатывать новые формы социальной мимикрии и общественной адаптации. Ведь это было время не только отмены земельной собственности религиозных общин, но и свертывания религиозных практик. Положение верующих, как мирян, так и монашества, непосредственно зависело от перепадов внутриполитического барометра, а именно от ужесточения или смягчения политической ситуации в стране, что оказало непосредственное влияние на их общее число. Так, за оттепелью в период «ста цветов» наступило время ожесточенных антирелигиозных кампаний 1958–1959 гг., а за ним вновь период послаблений 1960–1962 гг., создавший, как казалось, благоприятные возможности для расцвета религий. Однако перемены к худшему начали ощущаться уже в 1963 г.

Глубокий общественный и духовный кризис «культурной революции» выразился в нарастании притеснений верующих и привел к тому, что исчезла даже видимость легитимности, замерла легальная религиозная жизнь, приобретшая скрытые формы, прекратили свое существование религиозные патриотические объединения.

Одной из отличительных черт нового периода – периода реформ и открытости –стала эволюция государственной политики КНР в области религий. Она началась с восстановления, а затем и расширения четко структурированной, централизованной модели религиозной сферы китайского общества при общей руководящей роли партии (Отдел Единого фронта при ЦК КПК) и конкретном участии парткомов всех ступеней в повседневной деятельности религиозных инстанций всех уровней. К началу нового тысячелетия религиозная сфера превратилась в элемент системы административного управления государством, который приводится в соответствие с правовыми нормами реформенного Китая.

Существенным достижением последних лет можно считать совершенствование законодательной базы, призванной гарантировать религиозную деятельность и защищать ее от административного произвола. Свобода религиозных отправлений гарантируется Конституцией (1982 г.), законодательными и нормативными актами КНР. В настоящее время различные религии признаются в качестве составной части китайской цивилизации, поощряется и охраняется деятельность официально признанных религиозных общин, несмотря на то, что религия по-прежнему отделена от государства и правящей партии.

В политическом и идеологическом плане власти не стремятся к изоляции верующих от общественной жизни, проводят курс на сплочение верующих с неверующими в деле построения современного социалистического цивилизованного, демократического государства. Можно констатировать, что к настоящему времени четвертое поколение руководителей КНР выбирает новые подходы к анализу общественной роли религий, причин устойчивости религиозных традиций и их существования в социалистическом обществе, связи религиозного и социалистического духовного и культурного строительства и других вопросов. В результате для верующих появляется возможность легально и легитимно существовать в современном обществе, и вырисовывается форма диалога религии и власти.

Одним из результатов эволюции вероисповедной политики, несмотря на секуляризацию общественного сознания, стало в целом улучшение в последнее десятилетие положения адептов различных религий и количественный рост верующих за период реформ и открытости больше, чем за все предыдущие периоды существования КНР. Однако провозглашенная свобода вероисповедания отнюдь не означает полную свободу религиозной деятельности, которая на

практике имеет серьезные ограничения, оставаясь под строгим контролем государственных и партийных органов по делам религий в центре и на местах.

Демидо Н.Ю.,
ИДВ РАН

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИСТОРИИ КНР В КИТАЙСКОЙ ТЕЛЕДРАМЕ «ЗОЛОТАЯ СВАДЬБА»

В последнее десятилетие телевидение КНР уделяет большое внимание жанру многосерийной теледрамы. Феноменальная популярность у китайских зрителей южнокорейских семейных мелодрам подстегнула производство отечественных сериалов на тему «любви и брака».

50-серийная теледрама «Золотая свадьба» *(«Цзинь хунь»)*, созданная Пекинским центром телеискусства в 2007 г., которая из-за нюансов этического характера не была допущена на телеканалы CCTV (Центрального телевидения Китая), в течение месяца транслировалась по спутниковому (общенациональному) каналу Пекинского телевидения, вошла в число лидеров рейтинга зрительской популярности 2007 г. (средний рейтинг — 16,45%) и завоевала серебряную «Магнолию» в номинации «Лучший телесериал» и 3 золотых награды на самом престижном телефоруме в Китае и Азии — 14-м международном телефестивале на приз «Магнолия» 2008 г.

Горячий зрительский отклик и признание авторитетного международного жюри, которые заслужил сериал «Золотая свадьба», объясняются не только талантливой режиссерской работой и блестящей игрой актерского дуэта, но и художественной концепцией изображения полувековой истории КНР через призму судьбы обычной пекинской семьи. Художественное время сериала, которое длится с 1956 по 2005 г., предстает как непрерывный поток сменяющих друг друга годовых циклов (временные рамки одной серии ограничиваются одним годом). Летописный характер повествования, при котором значимость события в жизни макросоциума (страны и общества) уступает или уравнивается с важностью события в жизни микросоциума (семьи), позволяет трактовать семейные ценности как единственную константу в меняющихся координатах исторических перипетий. Почти в каждой серии присутствует один или несколько эпизодов, указывающих на то историческое событие, которое, по мнению создателей теледрамы, наиболее ярко характеризует изображаемый год.

«Маркерами» художественного времени выступают такие художественные средства, как видеоряд, реплики и диалоги героев. В отличие от телесериалов на историческую тему, в которых интерпретация исторической личности и события воспринимаются зрителем как олицетворение «властного дискурса», повествовательная концепция мелодрамы предлагает частную, субъективную оценку исторических событий, делая их контекстом или подтекстом. Таким образом, внешне интерпретация истории носит открытый характер, зритель (субъект восприятия) ощущает себя не пассивным реципиентом художественного текста, а полноправным участником диалога.

Тен Н. В.,
магистр, РУДН

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ КИТАЙЦЕВ О РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ И ИСКУССТВЕ

Китайская цивилизация издавна привлекала внимание многих — как исследователей, так и простых людей. За последние 30 лет выдающиеся успехи КНР многократно увеличили интерес в мире к китайскому опыту и достижениям. В то же время политика открытости внешнему миру, проводимая современным китайским руководством, поощряет интерес Китая к другим цивилизациям и культурам, в том числе соседних государств, и в особенности — России.

Сейчас, когда российско-китайские отношения вышли на качественно новый уровень развития, особый интерес составляют представления современных китайцев о русской культуре. На базе китайской популярной литературы о России и учебников для средней школы КНР, а также материалов из китайского Интернета мы попытаемся исследовать восприятие русской культуры в ее широком понимании, включая литературу, искусство, науку и образование.

Большинство жителей как развитых, так и развивающихся стран получают представления о культуре и науке других стран в процессе школьного обучения. Поэтому очень важно представление такого материала в школьных учебниках, так как тиражи популярной литературы (в Китае — от 5 до 20 тыс.), как правило, на несколько порядков ниже, чем тиражи учебной литературы. В современной китайской учебной литературе, а именно в школьных учебниках истории, наиболее полно освещается русская и советская литература. Обычно учеников средней школы знакомят с творчеством А.С.Пушкина

и Н.В.Гоголя[1]. Гораздо шире представлена советская литература в экспериментальном учебнике истории, рекомендованном комитетом по школьной реформе города Шанхая. В нем указываются произведения М.Горького «Буревестник» и «Мать», В.Маяковского «Ленин» и «Хорошо!», «Железный поток» А.Серафимовича, «Чапаев» Д.Фурманова, «Тихий Дон» М.Шолохова, «Как закалялась сталь» Н.А.Островского, «Непокоренные» Б.Горбатова, «А зори здесь тихие» Б.Васильева[2].

В популярной литературе о России китайские авторы пишут о творчестве очень многих видных писателей и поэтов: А.С.Пушкина, Л.Н.Толстого, А.П.Чехова, М.Горького, Н.А.Островского. Характеризуя такое направление, как постмодернизм в современной русской литературе, составитель книги «Русские» называет поэтов Д.Пригова, Л.Рубинштейна и других, писателей – В.Ерофеева, В.Сорокина. Правда, здесь допущена неточность: писатель Владимир Сорокин и научный сотрудник ИДВ РАН Владислав Сорокин представлены как один человек.

Русская классическая музыка освещается в китайских школьных учебниках менее полно, чем литература. Составители упоминают П.И.Чайковского[3], и только в факультативных школьных учебниках истории подрастающее поколение китайцев может узнать о творчестве М.И.Глинки и Д.Д.Шостаковича[4]. В популярной литературе о России китайские исследователи довольно подробно пишут о развитии русской музыки. Авторы знакомят читателя с творчеством русских композиторов XIX века А.С.Даргомыжского, М.П.Мусоргского и других членов «Могучей кучки»[5], а также с композиторами – авторами знаменитых советских песен: И.О.Дунаевским, В.П.Соловьевым-Седым и др.

Современная российская музыка в Китае известна, главным образом, в форме поп-музыки. Наиболее популярен у китайских слушателей российский исполнитель Витас. Просмотр блогов и форумов показывает, что китайских слушателей привлекает в Витасе особая манера пения. Один из поклонников творчества артиста в своем блоге пишет, что «этот дельфиний голос, бритая голова, одинокость вкупе с этакой русскостью восхитительны»[6]. Проведенный нами интернет-опрос показал, что, кроме Витаса, молодежь и люди среднего возраста считают популярными в Китае группу «Тату», Диму Билана и А.Гомана. Наше исследование показало, что «присутствие» российской музыки в Китае в настоящее время не только ограниченно, но и односторонне. По этой причине у молодого поколения китайцев,

которое является главным «потребителем» зарубежной поп-музыки, представления о русских и России могут оказаться также односторонними и далеко отстоящими от реальности – как, например, в случае с «русскостью» Витаса.

Что касается изобразительного искусства, то, по нашим наблюдениям, осведомленность китайцев о русской живописи значительно слабее, чем их знания о русской и советской музыке, хотя в россиеведческой литературе живопись освещается достаточно полно и достоверно.

О русском балете в школьных учебниках истории практически нет упоминаний. Только в уже называвшемся учебном пособии для факультативных занятий по новой и новейшей всемирной истории в главе «Наука и культура Новейшего времени» упоминается имя великой советской балерины Галины Улановой[7]. В книге о России 1997 г. издания, предназначенной для массового читателя, о русском балете ничего не говорится. Подробная информация о русском танцевальном искусстве содержится лишь в справочнике по России под редакцией Пань Дэли[8]. Высокая оценка русского балета дана в книге «Русские» (2008 г.), отмечены его «идейность, глубокое содержание и гуманизм».

Российский кинематограф для китайцев старшего поколения – это, главным образом, советские фильмы «Служебный роман», «Москва слезам не верит», «А зори здесь тихие». Для многих образ Василия из кинофильмов «Ленин в октябре» (1938 г.) и «Ленин в 1918 году» (1939 г.) и его слова «Будет хлеб и будет молоко» запомнились на всю жизнь. На различных сайтах в китайском Интернете можно найти информацию и о других фильмах советского периода. Достаточно широко сведения как о советском, так и о современном российском кино представлены в соответствующих статьях уже упоминавшегося справочника по России[9]. Кроме того, в китайском Интернете есть немало популярных сайтов с зарубежными фильмами, где можно посмотреть с китайскими субтитрами и российские фильмы последних лет, например, «Ночной дозор», «Параграф 78» и «Адмирал».

Что касается российских достижений в области науки и техники, то в китайских школьных учебниках они освещены весьма полно. Популярная литература о России содержит более подробную информацию. В этих книгах высоко оценивается не только научный потенциал нашей страны, но и российское образование, причем подчеркивается преемственность советских традиций.

Проведенный нами неформальный интернет-опрос и анализ материалов китайских сайтов показал, что существенная часть китайской молодежи рассматривает поступление в российские высшие учебные

заведения как возможность получить хорошее образование. Правда, в Китае распространены представления о произволе российских правоохранительных органов и масштабной преступной деятельности скинхедов, что, похоже, отпугивают многих потенциальных абитуриентов.

Итак, в современном Китае и в школьных учебниках, и в россиеведческой литературе популярного характера изложены довольно полные сведения о достижениях русской культуры и науки. Однако степень осведомленности китайцев о тех или иных сферах культуры и науки нашей страны различна. Нельзя не согласиться с мнением главного научного сотрудника ИДВ РАН А.В.Ломанова: характеризуя культурные представления жителей Китая о России, он использовал термин «анахроничность», имея в виду «конгломерат из российской классики XIX века и советского, в том числе агитационно-пропагандистского, искусства XX века, впитанном старшим поколением через систему образования»[10]. Наш материал подтверждает справедливость этой оценки в отношении литературы и кино. Но в ходе нашего исследования мы пришли к выводу, что подавляющее большинство современных китайцев фактически не знакомы с русским театром, творчеством русских художников-авангардистов начала XX в., а тем более – с современным российским искусством. Большинству граждан КНР о культуре современной России известно очень мало, в основном это представления китайской молодежи о некоторых исполнителях российской поп-музыки.

Суммируя все вышесказанное, можно утверждать, что в современной китайской популярной и учебной литературе преобладает представление о большом вкладе России в общемировую культуру и науку.

---

[1] Шицзе цзиньдай сяньдайши [Новая и новейшая всемирная история: Учебник для факультативных занятий). Хэнань, 2004. С. 135–136; Лиши (История: Учебник для второго семестра девятого класса). Шанхай, 2006. С. 44–45.

[2] Лиши. С. 123–124

[3] Шицзе цзиньдай сяньдайши. С. 140

[4] Там же. С. 116; 140.

[5] *Цзи Чжие, Фэн Юйцзюнь.* Ибосаньчжэ элосыжэнь (По волнам русской жизни). Пекин, 1997. С. 163–176; *Шэнь Юэ.* Элосыжэнь (Русские). Пекин, 2008. С. 141–147.

[6] URL: http://blog.sina.com.cn/s/blog_4a5b5fa30100bu0a.html

[7] Шицзе цзиньдай сяньдайши. С. 116

[8] *Пань Дэли.* Легочжи: Элосы (Страны мира: Россия). Пекин, 2005. С. 467–472.

[9] Там же. С. 444–451.

[10] *Ломанов А.В.* Культурно-цивилизационные аспекты российско-китайского взаимодействия / Российско-китайские взаимоотношения. Состояние, перспективы. М., 2005. С. 374.

Усов В.Н.,
д. и. н., ИДВ РАН

ИЗУЧЕНИЕ РОССИЙСКИМИ УЧЕНЫМИ ИСТОРИИ КНР ЗА ПОСЛЕДНИЕ 10 ЛЕТ (1999–2009 гг.)

1. Об основных этапах изучения истории КНР советскими и российскими учеными уже писалось[1]. Тезисы на эту тему были представлены мной на конференцию по современной истории Китая, проводимую в 2004 г. в Пекине Институтом современного Китая АОН Китая[2]. Определенный и существенный вклад ученых ИДВ РАН в изучение истории КНР, ее экономики, осуществления реформ, внешней политики был оценен в книге «Люди и идеи»[3], посвященной 50-летию ИДВ РАН, где характеризуются основные работы Института, говорится о перспективах дальнейшего развития КНР и Дальневосточного региона в целом. Хотелось бы продолжить эту тему и кратко представить новые работы по истории КНР, ее развитию, ходу реформ за последние 10 лет (1999–2009 гг.), выпущенные в Российской Федерации.

Во второй половине 1990-х годов и в начале XXI века в России заметно усилился интерес к изучению современного Китая, учитывая его успехи в экономическом развитии, в политике реформ и открытости миру, активном выходе на мировую арену. По этой тематике у нас вышло более 70 монографий, сборников статей. В России также вышли сборники статей и документов руководителей КНР: Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина, Цзян Цзэминя, а также сборники документов по российско-китайским отношениям в 1999–2009 гг.

2. В работах российских авторов по истории КНР, ее экономическому и социально-политическому развитию рассматривается условно несколько блоков вопросов, которые мы попытались выделить в представленном докладе: А. Проблемы экономики. Б. Внешняя политика и российско-китайские отношения. В. Социально-политическая история страны и история КПК. Г. Конкретные персоналии современного Китая. Некоторые монографии и книги затрагивают сразу несколько из указанных нами проблем, которые довольно трудно уместить в одну рубрику.

---

[1] Усов В.Н. Изучение истории КНР советскими и российскими учеными (основные этапы исследования) // Китай: поиск гармонии. К 75-летию академика М.Л.Титаренко. М., 2009. С. 584–594.

[2] Dangdai Zhongguo shi guoji gaoji luntai. Dangdai Zhongguo yu tade waibu shijie (1949–2004). Lunwen ji. Beijing, 2004.
[3] Люди и идеи (К 50-летию ИДВ РАН). М., 2006.

Герасимова Т. Г.,
ИДВ РАН

РОССИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ О ПЕРСПЕКТИВАХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В КНР (ВОПРОСЫ ТЕОРИИ)

Подготовленный на основе выступлений российских ученых на XXXII очередной конференции Центра политических исследований Китая ИДВ РАН в феврале 2008 г. сборник «КНР: поиски всеобщей гармонии на пути построения общества *сяокан*»[1] обобщает результаты исследований процесса модернизации в Китае на современном этапе. Содержание статей охватывает широкий круг проблем, касающихся политики, экономики, социальных отношений в КНР, истории и историографии. Особое место в сборнике занимают исследования, в которых анализируются некоторые вопросы теории, касающиеся перспектив преобразований в Китае.

Рубрика открывается статей О.Н. Борох о перспективах преобразований в КНР после XVII съезда КПК[2]. Накануне съезда в научных кругах Китая активно велись многочисленные споры о дальнейшем пути реформ в стране. Стимулом для «великой дискуссии», достигшей пика в 2004–2005 гг., стали социальные противоречия в широких слоях общества, такие, как рост имущественного неравенства, снижение доступности образовательных и медицинских услуг, подорожание жилья. В эти годы в официальную политическую лексику вошел лозунг «гармоничного общества». Выступления Лан Сяньпина, Лю Гогуана и Гун Сяньтяня стали частью споров о реформе, в ходе которых критики поставили под сомнение правильность проводимого в Китае курса преобразований. Они утверждали, что КНР развивается по «ошибочному пути» и отклоняется от социалистического направления. XVII съезд КПК подтвердил правильность и неизменность курса политики преобразований. Для борьбы с догматической трактовкой социализма съезд сделал акцент на развитии «специфически китайского социализма» и дальнейшей «китаизации марксизма», сосредоточил внимание на вопросах углубления экономической реформы. Новые термины в докладе Ху Цзиньтао, относящиеся к реформе политической системы, стали свидетельством происходящих в Китае, в КПК изменений в осмыслении проблемы демократии и механизмов

ее развития. Общие рассуждения о демократических переменах способны помочь властям смягчить внешнее давление со стороны Запада и сдержать рост недовольства негативными последствиями рыночных преобразований внутри страны. Вопрос о сроках и масштабах реализации демократических замыслов китайских властей остается открытым.

Исследуя вопросы теории и партийно-политической практики КПК в XXI веке, Н.Л. Мамаева[3] характеризует новый этап партийно-политических преобразований, начавшийся с XVI съезда КПК (2002 г.). На материалах съезда и пленумов ЦК КПК 16-го созыва прослеживается постепенное развитие концепции построения «гармоничного социалистического общества» и отход от теории и практики создания социалистической рыночной экономики «любой ценой». XVII съезд партии оценивается с позиции углубления идеи гармонии, поиска конкретных мер для повышения благосостояния населения. Идея создания «гармоничного общества» на научной и демократической основе получает официальный статус. Наблюдаются отдельные подвижки в партийной теории и на практике. Однако намерения о построении «гармоничного социалистического общества» еще не приняли форму законченной научной концепции.

Основные тенденции политического развития Китая (2002–2007 гг.) находятся в центре внимания В.Ф. Бородича[4]. Согласно стратегической формуле, обозначенной решениями XVI съезда КПК, — «путем реформ, в условиях поддержания стабильности, развивать страну», стратегической целью политического руководства Китая является развитие страны. Сравнительный анализ документов XVI и XVII съездов показывает, что политическое развитие осуществляется в соответствии с четырьмя основными тенденциями. Они проявляются: в сосредоточении усилий «субъекта политики на руководстве решением конкретной практической задачи достижения Китаем к 2020 г. уровня средней зажиточности», в использовании науки как ведущего средства политического управления, в следовании курсом реформ и открытости и в стимулировании «социальной гармонии». Если первые две тенденции материализуют стратегическую цель развития Китая, третья декларирует форму материализации данной цели, то четвертая обусловливает необходимость обеспечить поддержание стабильности. Все эти тенденции позволяют, теоретически, китайскому руководству реализовать стратегическую формулу «путем реформ, в условиях поддержания стабильности, развивать страну».

Комплекс вопросов, исследуемых А.В. Виноградовым[5], связан с научным прогнозированием развития КНР в XXI в. Прогнозы явля-

ются особым методологическим приемом изучения современности. Выделяются три обязательных элемента прогноза: анализ исторических тенденций развития китайской цивилизации как фактор инерции, современное экономическое развитие Китая как фактор динамики и оценка глобальных изменений как фактор среды. Стремительный рост экономического могущества Китая в последние годы сделал его излюбленным объектом прогнозов. Перспективы развития КНР и обретение нового международного статуса не находятся в прямой зависимости от современной экономической динамики страны, а связаны с ее цивилизационными особенностями и способностью предложить новую формационную инициативу.

Д.А. Смирнов обращается к вопросу истории политической демократии. Подробно исследуется путь преобразований политической системы КНР, начиная с 1930–1940-х годов до наших дней. Тема демократии поднималась еще Мао Цзэдуном при разработке им стратегии и тактики КПК в антияпонской войне. Он противопоставил диктатуре гоминьдана «новую демократию» «в виде совместного правления КПК и объединившихся с ней в составе единого фронта общественно-политических сил в рамках коалиционного правительства»[6], рассматривал ее в качестве исторической перспективы, считал ее соответствующей тогда условиям Китая. Конституция 1954 г. закрепила принципы демократического централизма и коллективного руководства, послужила базой, на которой сложилась политическая система КНР. В годы «культурной революции» (1966–1976) конституционная политическая система КНР «подвергнута слому». Восстановление института власти произошло в конце 1970-х годов в эпоху проведения «социалистической модернизации» под руководством Дэн Сяопина. Последующее развитие событий, вызванное рядом ошибок в проведении экономической политики, спровоцировавших социальную напряженность в обществе, наряду с коррупцией, привело к политическому кризису в 1989 г., потребовавшему решительных действий по поддержанию политической стабильности. После стабилизации обстановки в 1992 г. Дэн Сяопин призвал к дальнейшему углублению реформ, закрепленному в решениях XIV съезда КПК. В выступлении Цзян Цзэминя на съезде «социалистическая демократия и законность» рассматривались в качестве главных опор общественно-политической стабильности и гарантией нормального осуществления экономического строительства. Партийная политика постепенно переводилась в плоскость государственной политики через законотворческую и иную деятельность в рамках системы СНП,

ядром которой по-прежнему являлась КПК. Процесс демократизации затронул законодательство, систему самоуправления. Целью политических преобразований в конечном счете являлась необходимость вывести Китай в обозримой исторической перспективе в ряды наиболее развитых мировых держав, опираясь на дальнейшее развитие «социалистической рыночной экономики» и придания ей инновационного характера. Цель не увязывается с копированием зарубежных моделей демократии[7]. Сегодня реформа политической системы КНР нацелена на совершенствование механизма партийно-административного управления путем развития «социалистической демократии» при сохранении монополии КПК на власть на том основании, что партия выражает интересы народа и представляет собой цементирующую силу китайской нации, единственно способную обеспечить социально-политическую стабильность.

В.Г. Ганшин трактует проблему формирования так называемого «среднего класса» в условиях реформ. В Китае все большее число людей на себе реально ощущают плоды тех перемен, которые затронули практически все стороны жизни. Пока что процесс формирования «среднего класса» находится полностью под контролем государства и проходит при его активном участии. Для этого важно сохранение и укрепление стабильной социально-экономической обстановки в стране. Именно в этом плане вполне корректным выглядит предположение о сути программы построения гармоничного общества *сяокан,* или «малого благоденствия». В трудах китайских ученых ему придается смысл характеристики общества высокого уровня материального, культурного и морально-нравственного состояния. А пока на *сяокан* «работает» и экономическая реформа, и модернизация страны, и вся внутренняя и внешняя политика государства. Мешают построению общества *сяокан* некоторые дестабилизирующие социально-экономические факторы: безработица, неудовлетворительное состояние общественного правопорядка, рост преступности. Многие рекомендации обществоведов и политологов КНР склоняют китайское руководство к мнению, что важная роль в преодолении негативных явлений принадлежит общественным организациям. И хотя в построении системы социальной гармонии в обществе особая роль отводится государству и его институтам, впервые правительство ясно заявило о намерении оказать содействие неправительственным организациям в связи с реализацией правительственной программы по борьбе с бедностью. Именно на это нацеливают китайское общество и решения XVII съезда КПК[8].

Исследование П.М. Кожина[9], посвященное проблеме политической, а шире – общественной культуры современного Китая, дает понимание, что особенность культуры традиционного Китая находится в глубокой связи с ее системой управления страной. Путь, по которому Китай стал двигаться с момента реформ и открытости (с 1978 г.), оказался качественно другим, далеким от изначальных схем и утопических идеалов. Он видится в достаточно отчетливых схематических наметках основных направлений социального и политического поиска новых форм организации жизни в стране. Составляющими этого поиска оказываются административная система, унаследованная от исторического прошлого, традиционные общественные идеалы, связанные с этой системой, в некоторой степени сближенные с европейскими представлениями о социалистическом общественном устройстве (характерно, что в приложении к реалиям Китая оно подается уже в формулировке «социализм с китайской спецификой»); и дающее основание для третьей, предположительно ведущей, составляющей — огромная масса населения, весьма далекая от устремлений и представлений о современном образе жизни «цивилизованного европейца». Следующей составляющей общественной культуры страны становились лозунги и идеалы, связанные с осуществлением реформ. За подход, связанный с выработкой современной комплексной традиции, как представляется автору, выступают решения, принятые XVII съездом КПК и выдвигающие на первый план проблемы гармонизации общества. Остальные вопросы может решить только время.

Проблема «авторитарного капитализма» и неконсервативной критики китайской модели, затронутая А.В. Ломановым[10], прежде всего касается вопроса, насколько правомерно объединять в общую категорию «авторитарного капитализма» переходные модели в Китае и России. Растущее увлечение западных консервативных политологов противопоставлением «либеральной» и «авторитарной» версий капитализма придает новый смысл теме сравнения их моделей развития. Китай и Россия пошли путем рыночных преобразований, сталкиваясь при этом с несовершенством институтов, слабостью правовой базы, чиновной коррупцией, растущим социальным расслоением. При этом экономические системы обеих стран контролируются государством в более значительной степени, чем это одобряется западной либеральной доктриной. В сфере внутренней политики в обеих странах повышенное внимание уделяется поддержанию стабильности как важной предпосылки для сохранения устойчивого экономического роста. Теперь критики стереотипно сравнивают нынешнее по-

ведение России и Китая с действиями Германии и Японии накануне Второй мировой войны. Западные неоконсерваторы пытаются объяснить, почему не наступил либеральный «конец истории», обещанный в 1989 г. в эпохальной статье Фрэнсиса Фукуямы. В апреле 2006 г. американский неоконсервативный идеолог Роберт Кейган заявил, что ныне противниками «свободного мира» становятся не исламские фундаменталисты, а Китай и Россия, поскольку лидеры этих стран думают, что автократия лучше демократии. Сходную мысль высказал израильский политолог Азар Гат, указавший на современный подъем «великих недемократических держав», подобных тем, что играли ведущую роль до 1945 г. Похожий тезис лег в основу доклада американской организации «Фридом Хаус» «Страны на перепутье - 2007», посвященного «амбициям и пределам авторитарной модели XXI в.».

Очевидно, что поиск авторитарного противника для западного либерализма ведет к формированию новой линии глобального противостояния.

Таким образом, анализ исследований российских авторов перспектив преобразований в Китае показывает, что весь комплекс затронутых ими проблем выявляет основную тенденцию, которая выражается в поисках в КНР политической, социальной и экономической стабильности в условиях динамичных перемен, обусловленных ходом реформ. И этот процесс представляется далеким от завершения. В содержании статей отражены рабочие моменты в ходе подготовки политических, экономических, социальных решений, в которых руководство КПК во все большей степени опирается на научный анализ решаемых проблем, в том числе путем использования моделей и прогнозов и руководствуясь достоверным статистическим аппаратом.

---

[1] КНР: поиски всеобщей гармонии на пути построения общества *сяокан:* Материалы ежегодной конференции Центра современной истории и политики Китая ИДВ РАН, 4 февраля 2008 г. // Информационные материалы. Серия В: Общество и государство в Китае в период реформ. Вып. 23. М., 2008.

[2] Там же. С. 6–18.

[3] Там же. С. 20–29.

[4] Там же. С. 42–47.

[5] Там же. С. 29–41.

[6] Там же. С. 48.

[7] Там же. С. 60–61.

[8] Там же. С. 64.

[9] Там же. С. 78–82.

[10] Там же. С. 84–92.

Смирнова Н.В.,
к. и. н., Петрозаводский ГУ

РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КИТАЕВЕДЕНИЯ в 1970-е годы

События так называемой «культурной революции» нанесли урон исторической науке в КНР. В 1960-е годы в периодической печати КНР стали появляться отдельные статьи, а также издаваться брошюры на исторические темы. Эти работы были выдержаны в духе полной апологетики антимарксистских концепций Мао Цзэдуна. Некоторые из маоистских концепций новой истории Китая оказали влияние на советскую историографию. В СССР были переведены и изданы «Избранные произведения» Мао Цзэдуна, а также работы китайских авторов[1], что отразилось на ряде отечественных работ по китайской истории, вышедших в конце1950-х годов[2]. События 1966–1976 гг. в КНР заставили критически отнестись к китайской историографии, концепции которой и, особенно, фактические сведения ранее принимались на веру. Это критическое отношение побудило к углубленному исследованию документальных источников. В результате обнаружилось, что схема революционной борьбы китайского народа Мао Цзэдуна не выдерживает проверки фактами и нуждается в пересмотре. В 1970-е годы речь шла о восстановлении реальных событий, об очищении истории от искажений и фальсификаций.

Понимание идеологических процессов, происходивших в Китае в 1960–1970-е годы, невозможно без знания истории общественной мысли. Советские китаеведы обратились к изучению произведений (прежде игнорировавшихся) буржуазных философов и китайских общественных деятелей рубежа XIX–XX веков. До 1970-х годов в нашей стране не было фундаментальных исследований по данной проблематике. Были расширены переводы и публикации оригинальных трудов китайских мыслителей и их историографическая оценка. Исследователи пришли к выводу, что общественно-политическая мысль Китая рубежа XIX–XX веков знаменовала собой совершенно новый этап развития китайской идеологии. В указанный период прогрессивная общественность Китая пыталась найти путь спасения родины от грозившего ей превращения в колонию, путь преодоления социально-экономической и политической отсталости. Одна из важных тем этой дискуссии – историко-социальное развитие общества. Что является движущей силой прогресса: эволюция или революция? Представители либерального направления (Кан Ювэй, Лян Цичао), в той или иной степени, обращали свои взоры на Запад, считая, что

возрождение Китая неразрывно связано с восприятием отдельных сторон западной культуры. Вместе с тем, развивая свои взгляды, они во многом опирались на традиционные китайские социальные утопии. Особенно явственно это наблюдается у Кан Ювэя, который, используя классические труды «Ли цзи» и «Чунь цю» и комментарии к ним, создает оригинальную утопическую социальную теорию. Традиционализм при постановке и решении социальных проблем был до определенной степени характерен и для представителей революционно-демократической мысли (Сунь Ятсен, Чэнь Тяньхуа, Цзоу Жун, Чжан Бинлинь).

Пестрота взглядов среди революционеров и реформаторов создавала особую остроту политической и идеологической борьбы внутри страны между различными направлениями. В 1970-е годы данные проблемы изучали С.Л. Тихвинский[3], А.Г. Крымов[4] и Л.Н. Борох[5]. В истории взаимоотношений революционеров с реформаторами авторы проследили несколько этапов: переговоры о сотрудничестве в конце XIX в., идейная и политическая борьба в первой половине XX в. Анализ работ исследователей позволяет прийти к выводу, что существуют различные точки зрения на отношения между революционерами и реформаторами.

Исследователи изучили этапы сближения реформаторов с революционерами в конце XIX века до их окончательного размежевания. В тот период революционеры и реформаторы представляли вполне сложившиеся общественно-политические направления, программы которых принципиально расходились. Требование Сунь Ятсена – изгнание маньчжуров и учреждение республики было несовместимо с требованием реформаторов – конституционная монархия во главе с маньчжурским императором. В начале XX в. между реформаторами и революционерами разгорелась идейно-политическая борьба по вопросам о путях преобразования Китая и о революционном свержении маньчжурской монархии. Этот вопрос наиболее полно изучен в монографии Крымова А.Г.[6], проблема взаимоотношений между революционерами и реформаторами нашла отражение в работах Тихвинского СЛ.[7], статьях Сенина Н.Г.[8], Зубкова Н.Б.и Крымова А.Г.[9], в «Очерках по истории общественной мысли народов Востока»[10].

Авторы выделяют два направления либеральной оппозиции в Китае в 1901–1904 гг. Представители одного из них, связанного с именами Кан Ювэя и Лян Цичао, действовали в эмиграции. Они по-прежнему стремились восстановить на троне императора Гуансюя, рассчитывая с его помощью проводить реформы. Для достижения этой цели

ими было создано «Общество защиты императора»[11]. Реформаторы выступали за установление в Китае конституционной монархии. Однако этому, по их мнению, должен предшествовать период просвещения народа. В 1906 г. Цины опубликовали указ о подготовке к введению конституции. Следовательно, изменились и позиции либералов. Они поддержали правительство, выступили за немедленное введение конституции уже независимо от просвещения народа. Более того, они стали высказываться в том духе, что «широко распространить просвещение можно только после утверждения конституционного строя»[12]. Исследователи отметили и оформление в 1901–1905 гг. движения в поддержку конституции. «Конституционалисты требовали введения конституции и местного самоуправления. В отличие от Кан Ювэя и Лян Цичао, которые вынуждены были действовать полулегально, новое течение имело возможность выступать легально. Конституционное движение было связано с волной антииностранных бойкотов и кампаний за "возвращение захваченных иностранцами прав", организацией петиционных кампаний, участием в деятельности совещательных комитетов»[13].

Ученые проанализировали борьбу революционных демократов против реформаторов в начале XX в. Авторы приходят к выводу, что революционеры и либералы стремились вывести страну из кризиса. Китайские демократы организовывали вооруженные восстания, а реформаторы пытались сотрудничать с правительством с целью введения конституции мирным путем. Однако и те, и другие выдвигали свои программы реформ. В 1970-е годы исследователи, на основе изучения текстов произведений общественных деятелей рубежа XIX–XX вв., проанализировали реформаторские взгляды общественно-политических движений в Китае. И реформаторы, и революционеры предлагали свои программы реформ, однако методы достижения независимости Китая были разные.

Столь полный разбор концепций основных идейно-политических группировок, основанный на изучении китайских источников, проводился в советской литературе впервые. Монографии и статьи насыщены документами, большим фактическим материалом. Появилось новое культурологическое направление в изучении китайской истории рубежа XIX–XX вв. в нашей стране. Историков все больше стали занимать вопросы идейного наследия отдельных личностей реформаторского и революционного направлений в Китае этого периода. Обращение к сюжетам, далеким от революционной борьбы и даже идей революции, было вполне новаторским для советской историо-

графии. Новизна данного периода состояла в отходе от прежних, изжитых самой историей, идеологических шаблонов и запретов; в расширении корпуса рассматриваемых исторических источников на основе изучения материалов китайских, советских и зарубежных архивов; в формировании новых подходов к трудам китайских мыслителей и буржуазных политических деятелей; а также – более широком и открытом общении профессионалов-китаеведов. Все это привело к появлению трудов, остающихся и сегодня актуальными исследованиями по истории Китая.

---

[1] *Ли Шу.* Политическая жизнь Китая в период революции 1911 г. М., 1956; *Фань Вэньлань.* Древняя история Китая. От первобытнообщинного строя до образования централизованного феодального государства. М., 1958; Его же. Новая история Китая. М., 1955. Т. 1.

[2] *Ефимов Г.В.* Очерки по новой и новейшей истории Китая. 2-е изд., доп. М.,1951; Его же. Революция 1911 года в Китае. М., 1959.

[3] Новая история Китая / Под ред. С.Л. Тихвинского. М., 1972.

[4] *Крымов А.Г.* Общественная мысль и идеологическая борьба в Китае. 1900–1917 гг. М., 1972.

[5] *Борох Л.Н.* Союз возрождения Китая. М., 1971; Ее же. Сунь Ятсен о двух путях развития общества // Общество и государство в Китае, 6-я научная конференция. М., 1975. Ч. 2. С. 268–269; Ее же. Теории прогресса в китайской мысли начала XX века (Лян Цичао – Сунь Ятсен) // Китай. Поиски путей социального развития (Из истории общественно-политической мысли XX века). М., 1979. С. 9–33; Ее же. Становление принципа «*миньшэн*» («народное благоденствие») в программе Сунь Ятсена // Народы Азии и Африки. 1975. № 1. С. 84–95; Ее же. Сунь Ятсен о проблеме ускоренного развития Китая // Народы Азии и Африки. 1976. № 5. С. 54–65. Ее же. Традиционные источники социально-экономической программы Сунь Ятсена // Китай: государство и общество. М., 1977. С. 153–175; Ее же. Восприятие западных социалистических идей в Китае // Народы Азии и Африки. 1979. № 6. С. 16–22.

[6] *Крымов А.Г.* Указ. соч.

[7] Новая история Китая….

[8] *Сенин Н.Г.* Социально-политические взгляды Сунь Ятсена до революции 1911 года. К истории формирования революционно-демократической идеологии Китая // Сунь Ятсен. 1866–1966. К 100-летию со дня рождения. М., 1966. С. 94-124.

[9] *Зубков Н.Б., Крымов А.Г.* Дискуссия о государственном переустройстве Китая в начале XX века // Китай: общество и государство: сборник статей. М., 1973. С. 217–228.

[10] *Крымов А.Г., Никифоров В.Н.* Китай // Зарождение идеологии национально-освободительного движения (XIX – начало XX вв.). Очерки по истории общественной мысли народов Востока. М., 1973. С. 345–377.

[11] *Цит. по:* Новая история Китая… С. 374.

[12] *Цит. по: Крымов А. Г.* Общественная мысль и идеологическая борьба … С. 117.

[13] *Цит. по:* Новая история Китая... С. 400–405.

ЯЗЫК, ПИСЬМЕННОСТЬ, КУЛЬТУРА: ГОД РУССКОГО ЯЗЫКА В КИТАЕ, ГОД КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В РОССИИ

Завьялова О.И.,
д. филол. н., ИДВ РАН

ИТОГИ ЯЗЫКОВЫХ РЕФОРМ И ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА В КНР

В современном Китае язык и иероглифическая письменность воспринимаются как фундамент китайской цивилизации и традиционной культуры, средство сохранения национальной идентичности и важнейшая составляющая формирования личности в процессе духовного и экономического развития страны. Китайский опыт последних десятилетий, для которых характерно возрождение интереса и уважения к языку, письменному слову и лингвистической науке в ее традиционном и модернизированном варианте, заслуживает внимания также за пределами Китая. Особенно интересен этот опыт в нашей стране, где практическое и научное китаеведение имеет более чем 300-летнюю историю и 2010 год объявлен годом китайского языка.

Два направления современной языковой политики в отношении китайского языка – дальнейшее распространение *путунхуа* и нормализация иероглифической письменности – связаны с продолжением тех языковых реформ, которые проводились в КНР вскоре после ее образования. Активное участие в этих реформах приняли советские ученые, использовавшие обширный опыт языкового строительства в СССР и создания латинизированной письменности для китайского языка в 1930-е годы. Третье направление языковой политики – возвышение традиционной культуры с учетом ее языковых составляющих в условиях современного информационного общества – является частью возрождения духовных ценностей, характерного для нынешнего этапа периода реформ и открытости. Языковыми проблемами в КНР занимаются ряд организаций, прежде всего – 3 (до последнего времени – 2) управления Министерства образования и Государственный комитет по работе в области языка и письменности. Они работают в

тесном контакте друг с другом, а также с научными и образовательными учреждениями, включая подведомственный Министерству образования Институт прикладного языкознания. На протяжении почти 10 лет, с 1 января 2001 г., в Китае действует первый в его истории Закон КНР об общегосударственном языке и письменности. Ежегодно Комитетом по работе в области языка и письменности выпускаются двухтомники о языковой ситуации и языковой политике в стране (первый выпуск посвящен 2005 г.). Опубликованные за период реформ и открытости официальные документы общекитайского уровня, определяющие языковые нормы, в том числе иероглифические стандарты, связанные с информационными технологиями, исчисляются десятками.

Возрождение интереса к традиционной культуре не может не сопровождаться расширением употребления в современных текстах, включая печатные и электронные СМИ, элементов классического языка *вэньяня*. Изучение *вэньяня* является составной частью школьного и высшего образования. Доступно изданные классические произведения, рассчитанные на широкий круг читателей, можно увидеть в книжных, и не только книжных, магазинах. Хрестоматия древнекитайских текстов для студентов высших учебных заведений с комментариями выдающихся китайских лингвистов XX в. за период с 1981 по 2006 г. была выпущена более 20 раз. С 2008 г. проводятся конкурсы сочинителей и чтецов художественных произведений классических жанров, приуроченные к возрожденным традиционным праздникам. В общекитайском масштабе эти мероприятия, а также конкурсы каллиграфии освещаются телевидением.

Еще одно новое явление, связанное с возрождением традиционной культуры, – возможность дискуссии о возврате к той традиционной письменной системе, которая существовала в КНР до введения серии упрощенных иероглифов в 1950–1960-х годах и по-прежнему используется на Тайване, в Сянгане (Гонконг) и Аомэне (Макао). Официальная точка зрения на возвращение к традиционному списку знаков неизменна: упрощенные варианты написания иероглифов будут по-прежнему употребляться в КНР. Тем не менее, обогащение современной лексики, в том числе элементами *вэньяня* и неологизмами, и как следствие увеличение числа иероглифов, которые реально употребляются в печатных и электронных изданиях, требует пересмотра существующих нормативных списков знаков. В упорядочении нуждаются также разноописи, т.е. графические варианты одного и того же знака, и омографы, т.е. знаки-исключения, записывающие

более чем одну морфему (часть современных омографов появилась в результате упрощения письменности в середине прошлого столетия). В связи с этим поставлена задача продолжать работу по нормализации письменности и составлять новые своды иероглифов разного объема и назначения.

В 2009 г. Министерством образования и Комитетом по работе в области языка и письменности опубликован ряд важных нормативных документов. Переработанный список стандартных ключей *(бушоу),* которые должны употребляться в любых поисковых системах, прежде всего словарях, и при компьютерном наборе иероглифических текстов, появился в январе одновременно со списком иероглифов системы компьютерного кодирования GB13000.1, распределенных по стандартным ключам из первого списка. В марте опубликован перечень простых часто употребительных иероглифов (простые иероглифы неразложимы на части, которые в свою очередь способны употребляться в качестве самостоятельных иероглифов) и перечень составных частей (ключей и фонетиков) сложных часто употребительных иероглифов и стандартные названия этих частей. Ранее, в 2008 г. Комитетом по работе в области языка и письменности был представлен проект списка часто употребительных слов (как односложных, так и двусложных и многосложных) современного китайского языка. С нормализацией лексики и современной иероглифической системы тесно связан древнейший раздел китайского языкознания – лексикография, о развитии и дальнейшем совершенствовании которой идет речь не только в научных публикациях, но также и в официальных документах. Помимо китайско-китайских словарей (в частности, посвященных тем или иным эпохам в развитии китайского языка или терминам относящихся к разным областям знаний), публикуются двуязычные, в том числе китайско-русские и русско-китайские. В 2009 г. издательство «Шанхай вайюй цзяоюй чубаньшэ» выпустило фундаментальное издание – «Большой китайско-русский словарь» («Ханьэ да цыдянь»), ориентированный на нормативную лексику *путунхуа* и включающий 9 тыс. гнездовых иероглифов и примерно 112 тыс. словарных статей.

Важнейшим направлением языковой политики остается распространение *путунхуа* в диалектных районах, однако официальное отношение к этой проблеме и к диалектам в течение периода реформ и открытости претерпело изменения. Диалекты и *путунхуа*, которым в той или иной степени владеет лишь половина населения страны, обречены, как подчеркивают китайские лингвисты, на дол-

гое сосуществование и не должны противопоставляться друг другу. Одновременно в лингвистических работах высказана обеспокоенность тем, что некоторые территориальные разновидности китайского языка с небольшим количеством говорящих начинают бесследно исчезать. Диалекты любого уровня, таким образом, воспринимаются в китайском языкознании как объект, имеющий самостоятельную научную и культурную ценность вне связи с проблемой распространения единого устного средства общения в диалектных районах. В 1979 г., после перерыва, связанного с «культурной революцией», возобновление диалектных исследований было отмечено основанием первого в истории китайского языкознания ежеквартального журнала «Фанъянь» («Диалекты»). В 1981 г. создано «Общество изучения диалектов китайского языка», которое с момента своего основания регулярно проводит научные конференции общего и тематического характера. Ежегодно публикуются десятки диалектологических работ, в том числе фундаментальные словари. В 1990-е годы осуществлен уникальный проект – издание серии аудиозаписей 40 китайских диалектов, позже переизданной в современном варианте на диске. Общие черты, характерные для диалектологии последних трех десятилетий, – подведение итогов обследований прошлых лет и одновременно постепенное расширение области исследований с привлечением новых методов и современных компьютерных технологий.

Зограф И. Т.,
д. филол.н.,
Институт восточных рукописей РАН, СПб

КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК В КОНТАКТЕ С ЯЗЫКАМИ ИНОЙ СТРУКТУРЫ

Грамматическая структура китайского как изолирующего языка препятствует структурному воздействию на него языков иного строя – флективных и агглютинативных. Это относится, в частности, к индоевропейским языкам, включая русский, и к алтайским: с теми и с другими китайскому приходилось контактировать на разных этапах его истории. Лексическое заимствование, обычно выражающееся в первую очередь в заимствовании слов, в китайском весьма затрудняется особой фонологической структурой китайского языка как слогового и дополнительно осложняется иероглифической письменностью, которая препятствует адекватному графическому воспроиз-

ведению иностранных лексем и приводит, с одной стороны, к сильному их искажению, с другой – способствует широкой их омографии с исконно китайскими словами, откуда проистекает омонимия[1].

Среди работ, посвященных лексическим заимствованиям в китайском языке, следует особо отметить специальную монографию Гао Минкая и Лю Чжэнтаня[2]. В этой книге сделан экскурс в историю вопроса – приводятся списки старых заимствований из санскрита, монгольского, маньчжурского и других языков. Список монгольских слов составлен авторами на основе специальных публикаций[3]. Известно, что языковая ситуация в Китае в эпоху Юань была осложнена завоеванием Китая монголами, приведшим к тому, что в административной сфере стали использоваться два языка – монгольский и китайский. Функции каждого из этих языков и формы их взаимодействия определялись социальными и культурными различиями между завоевателями и покоренным населением[4].

Для современного китайского языка в книге Гао Минкая и Лю Чжэнтаня даются списки слов, заимствованных из русского, английского, немецкого, французского и ряда других языков. Впрочем, как отмечает А.Г. Шпринцин, к списку русских заимствований надо относиться с большой осторожностью, так как он содержит много слов либо совершенно случайных, видимо, отмеченных один раз в одном каком-нибудь тексте, либо устаревших, вышедших из употребления в русском языке, либо же диалектных[5]. Упомянутая статья А.Г. Шпринцина интересна также тем, что ее автор опирается на данные не книжного языка, а устной речи; при этом немаловажно, что описываемая разновидность китайской устной речи наблюдалась на территории распространения языка-источника заимствований, т.е. русского. От того, в какую форму речи – письменную или устную – поступают заимствования, может в немалой мере зависеть их объем и состав. Письменным языком чаще заимствуются периферийные слои лексики, в первую очередь разного рода специальные термины, устной речью – лексика обиходная, связанная с повседневными нуждами.

Существует мнение, что в исследовании интенсивности и направления взаимовлияния лексика как самый подвижный состав языка, нагляднее всего раскрывающий механизм интерференции контактирующих или контаминированных зон, вызывает наибольший интерес, но нам представляется, что отнюдь не меньшее значение имеют синтаксические взаимодействия. В какой бы мере лексические заимствования ни воздействовали на язык, вызывая в нем развитие си-

нонимии, сдвиги значений исконных слов и т.п., они не могут существенно повлиять на саму его систему, не нарушают ее стабильности и в определенном смысле остаются внешними по отношению к языку. Китайский язык отличается твердым порядком слов, существенная роль в выражении грамматических значений принадлежит синтаксису, поэтому синтаксические изменения не могут быть серьезными и затрагивают лишь периферийные области. Тем не менее, после «движения 4 мая» 1919 г., как отмечают исследователи в первую очередь в самом Китае, в китайский язык стали проникать грамматические структуры европейских языков. Несколько гиперболизируя ситуацию, Ван Ли писал в связи с этим: «Прошло немногим более двадцати лет со времени "движения 4 мая", а изменения, происшедшие в грамматике письменного китайского языка за этот период, не меньшие, чем за период от Хань до Цин», иными словами, от рубежа нашей эры до Нового времени[6].

Синтаксические особенности так называемого европеизированного *байхуа* этого периода, строго говоря, нельзя считать грамматикой современного китайского языка, поскольку это была особая грамматика интеллигенции, которая проявлялась в письменном языке. Ее особенности охарактеризовал, в частности, Г. Мао Шоуфу, посвятивший специальную статью европеизмам в рассказе Лао Шэ «Рикша»[7]. Лао Шэ использует грамматические формы и синтаксические модели европейского типа, как правило, в авторском тексте; в прямой речи персонажей они встречаются очень редко. Речь идет, например, о таких грамматических явлениях, как 1) частое использование местоимения 3-го лица *та,* заменяющего неодушевленное существительное; его можно встретить и во множественном числе, т.е. с суффиксом *мэнь;* 2) частое использование глагольного суффикса *чжэ,* означающего длительный вид; 3) условные предложения с *кэнэн* или *кэнэнсин*; 4) использование распространенных определений и определительных конструкций (существительное может иметь ряд определений; определение может предшествовать личному местоимению; одновременно может употребляться цепочка наречий и т.д.); 5) допустимость перестановки частей предложения; в частности, вводные слова или предложения могут вклиниваться в прямую речь или заключать ее.

Нетрудно заметить, что под влиянием европейских языков происходит как бы активизация и мобилизация потенциальных возможностей самого китайского языка, своего рода приспособление его грамматических форм к нормам европейских языков. В той или иной мере «европеизмы» в синтаксисе подчиняются грамматическим пра-

вилам китайского языка и не противоречат им явным образом. Они в каких-то отношениях дополняют грамматическую систему заимствующего языка и поэтому могут сосуществовать с его грамматическими формами. Иначе говоря, в условиях нормального контактирования языков в заимствующем языке адаптируется и остается именно то, что соответствует общей линии его развития и в какой-то мере «укладывается» в уже имеющиеся у него модели.

---

[1] Об адаптации заимствований в китайском языке см. также: *Novotna Z.* Contributions to the study of loan words and hybrid words in Modern Chinese // Archiv Orientalni. 1967. Vol. 35. № 4; 1968. Vol. 36. № 2; 1969. Vol. 37. № 1.

Сравнительно небольшое число интернациональных терминов в китайском языке автор этой публикации объясняет лингвистическими факторами, к числу которых относит, в частности, идеографический характер китайского письма. По мнению А.Г. Шпринцина, суть дела, однако, заключается не столько в собственно лингвистической системе китайского языка, сколько в китайской письменности. Там, где письменность не оказывает своего ограничивающего воздействия, т.е. при устном заимствовании, последнее происходит в довольно широких размерах. См.: *Шпринцин. А.Г.* О заимствовании китайской речью русской лексики // Страны и народы Востока. Вып. 13. М., 1972. С. 187–188.

[2] *Гао Минкай, Лю Чжэнтань.* Исследование иноязычных заимствований в современном китайском языке. Пекин, 1958.

[3] *Вэн Дуцзянь.* Толкование заимствований в «Юань дянь чжан» // Яньцзин сюэбао. 1946. № 30; Цай Мэйбяо. Некоторые заимствования в языке юаньских цзацзюй // Чжунго юйвэнь. 1957. № 1.

[4] Подробнее см.: *Зограф И.Т.* Монгольско-китайская интерференция: Язык монгольской канцелярии в Китае. М., 1984.

[5] *Шпринцин А.Г.* Указ. соч. С. 186.

[6] *Ван Ли.* Теория китайской грамматики. Т. 2. Шанхай, 1954. С. 258.

[7] *Mao Shou-fu G.* Europeanisms in the works of Lao She (based on his novel «Lo-to hsiang-tzu» – «Rickshaw-boy») // Annales Universitatis Scientiarum Budapestinensis. Sectio linguistica. 1973. T. 4. P. 139.

Хохлов А.Н.,
к.и.н., ИВ РАН

РАСПРОСТРАНЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В КИТАЕ ДО И ВСКОРЕ ПОСЛЕ ОБРАЗОВАНИЯ КНР

Первые серьезные шаги Китайской Республики в организации курсов русского языка в годы антияпонской войны 1937–1945 гг. были предприняты по инициативе Общества культурных связей между Китаем и СССР. Нормализация советско-китайских отношений сопровождалась возобновлением деятельности посольства СССР в Нанкине с последующим переездом в Чунцин вслед за китайским

центральным правительством. Как видно из сообщения журнала «Интернациональная литература» в 1941 г. (№ 2. С. 244–245), к этому времени в Центральном университете Китая в Нанкине уже в течение двух лет работал студенческий кружок по изучению СССР и особенно русской литературы. После появления Центрального университета в Чунцине вскоре был учрежден Юго-западный университет в Куньмине, где также стал функционировать студенческий кружок изучения советской литературы. О росте интереса к русскому языку свидетельствовал факт организации (по инициативе Общества культурных связей между Китаем и СССР) курсов русского языка в четырех крупных городах Юго-Западного Китая: Чунцине, Гуйяне, Гуйлине и Куньмине, где занимались более 200 человек.

Изучение русского языка в Центральном Китае, находившемся под японской оккупацией, велось довольно активно благодаря передачам советской радиостанции «Голос Родины», работавшей в Шанхае в тесном контакте с известным журналистом, сотрудником ТАСС В.Н. Роговым (1906–1988) и его издательством, выпускавшим в Шанхае журнал «Шидай» («Эпоха»). Радиопередачи на русском языке, начинавшиеся в 6 час. утра и продолжавшиеся в течение получаса в понедельник, среду и пятницу каждой недели, назывались упомянутым журналом по-китайски «Эвэнь цзянцзо». Дополнением к ним служили «Последние новости», которые велись на русском языке в дневное и вечернее время: в 2 час. 45 мин., 17 час. 45 мин. и в 10 час. вечера. О содержании и организации радиовещания на русском языке позволяет судить следующий пассаж из письма директора радиостанции В. Валина:

«Большое внимание уделяет наша радиостанция организации уроков русского языка для китайского населения. Эти уроки проводит в эфире преподаватель-китаец, получивший высшее образование в России. От радиослушателей мы получаем много писем с вопросами, касающимися изучения русского языка, что позволяет сделать вывод о том, что *аудитория обучающихся русскому языку довольно многочисленная.* Тексты уроков печатаются в еженедельно выходящем здесь журнале «Эпоха» [«Шидай»], и это является существенным подспорьем для лиц, [самостоятельно или в организованном порядке] изучающих русский язык» (Здесь и далее курсив мой. – *А.Х.*)[1].

Для радиопередач нередко использовались китайские переводы произведений российских писателей, издаваемые «Эпохой» с параллельным русским текстом. Еще более важным инструментом изучения русского языка служил для китайцев учебник русского языка,

один из вариантов которого был представлен в двух номерах журнала «Шидай», опубликованных в ноябре 1947 г. [№ 3–4 (181/182)]. Кружки по изучению русского языка создавались в местах проведения различного рода выставок, в том числе организуемых посольством СССР. Примером может служить информация по этому поводу представителя ВОКС в Кашгаре Васюкевича от 10 марта 1942 г.[2]

Наряду с переводами на китайский язык произведений русской классики (при участии В.Н. Рогова) в 1930–1940-х годах в Китае начинают появляться первые опыты переводов законодательных актов Советской России, которые поначалу не отличались высоким качеством грамотности. Об этом говорит известный активист Общества культурных связей Китая и России проф. Чжан Симан в письме от 10 октября 1944 г. из Чунцина, направленном на имя председателя ВОКС Кеменова:

«Пользуясь любезностью Вашего представителя в Китае г-на Дорофеева в передаче моего письма, с препровождением при сем 5-го и 7-го номеров китайского юридического журнала, покорнейше прошу определить [их] для передачи соответствующим учреждениям и организациям.

Мне давно хотелось перевести Конституции всех 16 союзных республик СССР, но из-за имевшегося у меня их устаревшего издания, я вынужден пока ограничиться переводом только Конституций тех 5 союзных республик, соприкасающихся своими границами прямо или посредственно с Китаем[3].

(Вследствие небрежного набора и корректуры в них вкралось немало опечаток и пропусков, которые, разумеется, будут исправлены в их переиздании.)»

После образования КНР пропаганда русского языка приняла более широкие масштабы, причем главным организатором различного рода курсов выступило Общество китайско-советской дружбы, созданное 5 октября 1949 г. Согласно корреспонденции, помещенной в Шанхайском ежемесячном литературно-художественном журнале «Шидай цзачжи» 1 января 1950 г. (№ 182) и озаглавленной «Китайская молодежь изучает русский язык», упомянутым Обществом было организовано 3 школы по подготовке переводчиков, в которых под руководством 4 преподавателей занималось 5 групп слушателей. При этом автор статьи отмечал, что с Нового года начнет работать открывающийся при Народно-революционном университете в Шанхае факультет русского языка, ректором которого был назначен знаток русского языка Цзян Чуньфан, тогдашний редактор журнала «Шидай», кото-

рого хорошо знал В.Н. Рогов. Для работы на указанный факультет были приглашены 12 русских преподавателей. Из 2200 абитуриентов после сдачи экзаменов осталось только 300, допущенных к учебным занятиям.

Как видно из сообщения журнала «Шидай» от 8 марта 1950 г., 19 февраля в Шанхае открылся Институт русского языка, который возглавил профессор Цзян Чуньфан. В октябре 1949 г. на территории столичного района, на полпути до загородного дворца Ихэюань, возник аналогичный институт русского языка под названием «Бэйцзин эюй сюэюань». В него в феврале 1951 г. вошел факультет русского языка Института иностранных языков, а в июле 1955 г. – факультет русского языка Народного университета *(«Жэньминь дасюэ»)*. По данным газеты «Дружба» за декабрь 1955 г. здесь обучалось около 5700 студентов, причем в составе института дополнительно работали педагогическо-переводческий факультет и двухгодичные курсы усовершенствования. Помимо Пекинского института русского языка в различных городах Китая функционировали 7 крупных учебных заведений с преподаванием русского языка.

Нетрудно представить, какую огромную роль в распространении русского языка играло Общество китайско-советской дружбы, численность членов которого к началу 1953 г., согласно неполным данным, опубликованным в газете «Дружба» в августе 1955 г., превышала 68 млн человек. Помимо центрального правления Общества в Пекине, в масштабе всей страны имелось до 2 тыс. провинциальных, городских и уездных отделений. В программе обучения русскому языку активно участвовали центральные и местные органы радиовещания. Регулярными курсами русского языка по китайскому радио, организованными Пекинским Обществом китайско-советской дружбы, были постоянно охвачены 8 тыс. слушателей.

Действенную помощь изучающим русский язык должен был оказать русско-китайский словарь, над которым начал работать В.Н. Рогов совместно с редакцией журнала «Шидай». В ее составе активно сотрудничали Цзян Чуньфан и опытный журналист русский эмигрант Ю.А. Штраус. О первых успехах в подготовке словаря позволяет судить благоприятный отзыв профессора русского языка Пекинского университета Лю Цзэжуна от 14 июля 1950 г. (сообщенный В.Н. Рогову)[4]. К сожалению, с отъездом В.Н. Рогова в 1951 г. в СССР на последующей истории подготовки словаря сказались политические кампании в КНР. Частично подготовленный типографский набор был фактически уничтожен после общественного осуждения

нового редактора, обвиненного в «коррупции» в период кампании борьбы «с пятью злоупотреблениями».

[1] Подробнее см.: *Хохлов А.Н.* Журналист-китаист В.Н. Рогов в Китае в период антияпонской войны 1937–1945 гг. // Восточный архив. 2007. № 16. С. 62.
[2] ГАРФ. Ф. 5283 Оп. 18. 1941. Д. 28. Л. 50–51; 23–24.
[3] Там же. 1943. Д. 38. Л. 2, 4.
[4] РГАЛИ. Ф. 2266. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 29.

Антонян К.В.,
к. филол. н., ИЯ РАН

КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК ПЕРЕД ЛИЦОМ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

И китайское, и российское общество переживают в последние десятилетия период реформ и резких перемен в жизненном укладе, что находит отражение в языке. Новые экономические принципы, новые технологии, глубоко проникающие в самые разные жизненные сферы (в частности, компьютеризация), – все это ставит перед обществом новые задачи, в том числе и языковые. Глубокие изменения в укладе жизни сопровождаются и глубокими изменениями в языке, и в частности – в резком возрастании количества заимствований[1]. У России и Китая много общего в том отношении, что и то, и другое государство отказалось от тотального идеологического контроля, провозгласило рыночную экономику, стало налаживать многосторонние связи с зарубежными странами, в том числе – совместные предприятия; многие люди стали выезжать за рубеж на работу и учебу; произошла компьютеризация, в том числе – интернетизация многих сфер жизни[2].

Процесс заимствования англоязычных слов, причем заимствований фонетических, в последние 15–20 лет принял в русском языке лавинообразный характер. Это явление констатируется многими лингвистами, как российскими, так и зарубежными, и обсуждается и в научной литературе, и в средствах массовой информации (См.:*Моисеев А.* Медийный новояз // Известия. 28.05.2001). Российские лингвисты относятся к этому явлению с философским спокойствием, полагая, что со временем все устоится: часть заимствованных слов приживется в языке, в частности обрастет производными словами, часть исчезнет, а для соответствующих новых понятий будут использованы исконные русские слова (см.: комментарий М.А. Кронгауза к статье «Медийный

* *Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 08-04-00179а.*

новояз»;.статьи Е.А. Земской и Л.П. Крысина в коллективной монографии «Русский язык конца XX столетия»). Та же позиция представлена и в более поздних работах вышеупомянутых лингвистов[3].

Каково положение дел в китайском языке? И как расценивают его китайские лингвисты?

В настоящее время наибольшее влияние на китайский язык оказывает английский язык. Это воздействие проявляется и в лексике, и в грамматике, и в прагматике (изменение традиционных моделей поведения, в том числе речевого этикета).

В лексике наблюдается резкое возрастание числа заимствований. Особое место среди заимствований занимают буквенные аббревиатуры. Подобные единицы были включены в последнее (2005 г.) издание нормативного «Словаря современного китайского языка». По данным «Отчета о языковой ситуации в Китае» (2006 г.), более 10 буквенных аббревиатур входят в число 5000 наиболее употребительных лексических единиц[4].

В грамматике отмечено расширение сферы употребления пассива, сферы употребления показателя множественного числа *мэнь*, увеличение количества сложных глагольных комплексов, построенных по результативной модели, увеличение числа союзов в сложных предложениях.

В сфере речевого этикета также наблюдается проникновение западных (точнее, американских) моделей. На смену традиционным китайским моделям (скромность и даже самоуничижение, находящие свое выражение в устойчивых речевых клише) приходит умение преподнести себя (в частности, работодателю) в наиболее выгодном свете и, если необходимо, самому себя похвалить.

Происходящие изменения в языке обсуждаются как в СМИ (в том числе электронных), так и на страницах научных журналов. Большой резонанс имели статьи, опубликованные в 2004–2007 г. на страницах газеты «China Daily» (например, «English Invades Chinese Language»)[5].

Значительное внимание проблеме заимствований уделяет Лингвистическое общество Гонконга. На страницах издаваемого этим обществом журнала *«Юйвэнь цзяньшэ тунсюнь»* («Chinese Language Review») регулярно публикуются материалы, посвященные проблемам взаимодействия китайского и английского языков, а также заимствованным словам. Большой интерес представляет опубликованная в этом журнале в 2005 г. серия статей, подготовленная коллективом авторов, среди которых – как лингвисты, так и специалисты в области естественных наук[6]. Отмечая объективную обусловленность

и неизбежность заимствований, авторы, тем не менее, дают негативную оценку таким явлениям, как фонетические заимствования и буквенные аббревиатуры, и отмечают, что обилие фонетических заимствований, чужеродных для китайского языка и письменности, негативно сказывается и на дальневосточном языковом союзе в целом.

Известно, что китайские лексические элементы играют значительную роль в словообразовании японского, корейского, вьетнамского языков. Новая терминология в этих языках традиционно формировалась из китайских лексических элементов (в ряде случаев подобные термины возвращались в китайский язык как вторичные заимствования). Авторы полагают, что китайский язык обладает достаточным потенциалом для того, чтобы найти способы обозначения новых понятий за счет своих внутренних ресурсов. По их мнению, было бы очень желательно объединить усилия китайских, японских, корейских, вьетнамских специалистов для создания, унификации и внедрения новой терминологии. Некоторые фонетические заимствования авторы предлагают заменить эквивалентами, построенными по принципу семантического калькирования, отмечая в ряде случаев, что некоторые из этих эквивалентов уже реально используются в том или ином китайскоязычном ареале.

Действительно, замена фонетических заимствований кальками — процесс для китайского языка естественный. Так, вошедшее в китайский язык в начале XX в. фонетическое заимствование *дэлюйфэн* 'телефон' (по данным Ф. Мазини — *дэлифэн*) было впоследствии вытеснено калькой *дяньхуа* (*дянь* 'электрический' + *хуа* 'речь'); фонетическое заимствование *дэмокэласи* 'демократия' заменили калькой миньчжу (*минь* 'народ' + *чжу* 'хозяин'). Слово «президент», заимствованное из английского языка во второй половине XIX в., было первоначально представлено двумя вариантами: *болисидунь* и *болиситяньдэ*. Впоследствии они были вытеснены калькой *цзунтун* (*цзун* 'главный, основной, генеральный' + *тун* 'правитель')[7].

В связи с этим представляется, что у предложенных авторами эквивалентов есть шанс войти в лексическую систему китайского языка. Идеи китайских лингвистов, а также их разумное и взвешенное отношение к иностранным заимствованиям заслуживают самого глубокого уважения.

---

[1] Глобализация – этнизация. Этнокультурные и этноязыковые процессы. М., 2006.

[2] *Цзя Лежун.* Интернет и китайские онлайновые СМИ. М., 2004.

[3] Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 2000; *Кронгауз М.А.* Русский язык на

грани нервного срыва. М., 2007; *Крысин Л.П.* Слово в современных текстах и словарях. М., 2008.

[4] Подробнее о буквенных аббревиатурах см.: *Маркина К.А.* Новые тенденции в развитии китайской лексики: буквенные слова китайского языка как проявление его интеграции с элементами иной типологии / Автореф. дисс... канд. филол. наук. М., 2008; *Маркина К.А.* Особенности фонологической интерференции буквенных слов в китайском языке // Известия РАН. Серия литературы и языка. М., 2006. № 6.

[5] *Xing Zhigang.* Purity of Chinese Language Debated // China Daily. 2004.09.13; Wang Ying. English Invades Chinese Language // China Daily. 2007.08.17; *Zou Hanru.* Warding off the English Invasion // China Daily. 2007.08.31.

[6] *Ян Кэши, Чжан Япин дэн.* Ханьюй ин жухэ иньцзинь вайлай гайнянь (Каким образом должен китайский язык вводить иностранные понятия?) // Юйвэнь цзяньшэ тунсюнь. Сянган, 2005. № 81, 82; *Лю Юньхань.* Цзай тань чжэнцюэ дуйдай цзымуцы (Еще раз о том, как надлежит относиться к «буквенным словам») // Там же. № 81.

[7] *Masini F.* The Formation of Modern Chinese Lexicon and its Evolution toward a National Language: the Period from 1840 to 1898// Journal of Chinese Linguistics. Monograph series. № 6. Berkeley, 1993.

Маркина К.А.,
к. филол. н.,
ИВ РАН (Москва)

СОВРЕМЕННЫЙ КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С АНГЛИЙСКИМ КАК СРЕДСТВОМ ИНТЕГРАЦИИ В МИРОВУЮ СИСТЕМУ КОММУНИКАЦИЙ

Английскому языку как языку глобального общения сегодня уделяется особое внимание исследователей всего мира. Очевидно, что английский язык является незаменимым инструментом «доступа» носителей различных языков к общемировой информационной базе, средством их приобщения к мировому коммуникативному сообществу. Огромный спектр работ китайских лингвистов посвящен вопросам языкового взаимодействия с английским: проблемы преподавания английского языка как иностранного, речь современной молодежи, язык компьютерного общения и проч.

Роль английского языка в усилении степени интегрированости различных языков мира в глобальную систему межкультурной коммуникации может быть выявлена в ходе анализа новейших тенденций в языках, обладающих заметным типологическим своеобразием, в частности, в китайском языке. Теоретическим вопросам взаимодействия китайского языка с иностранными посвящены ставшие классическими работы ряда языковедов, как китайских, так российских и зарубежных (Гао Минкай и Лю Чжэнтань, 1958; Novotna, 1967; Иванов, 1973

и др.). Большинство исследователей неизменно отводят особое место рассмотрению объективных причин определенной консервативности китайского языка в отношении восприятия заимствований из других языков, особенно заимствований фонетических. Объясняется этот факт, прежде всего, тем, что именно в фонетических заимствованиях более всего проявилось несоответствие свойств заимствованных элементов основному типологическому свойству китайского языка, а именно – слоговости его фонетической структуры. Более того, китайская письменность, базирующаяся на слоговом принципе, не позволяет записывать нетрадиционные для китайского языка комбинации звуков в составе заимствуемых слогов. В письменной системе китайского языка, где каждый иероглиф соответствует морфологически значимому слогу, графические знаки служат для записи отдельных односложных слов или односложных морфем как некоторых целостностей, тем самым отличаясь от букв алфавита, передающих прежде всего звуковой состав слова.

В настоящем сообщении ракурс рассмотрения упомянутых теоретических аспектов несколько смещен. Это смещение вызвано, в частности, формированием в китайском языке лексики нового типа – так называемых «буквенных слов» и «слов-метисов». Графическая запись буквами обусловливает обособленность буквенных заимствований по отношению к заимствованиям предыдущих этапов, записывавшихся в китайском языке иероглифами. Буквенное написание заимствований порождает ряд теоретических вопросов, которые в силу новизны явления не могут быть рассмотрены только в рамках уже существующей теории заимствований в китайском языке. Появление же аналогичных незаимствованных единиц в самом китайском языке указывает на глубинные изменения в структуре процессов формирования и развития китайской лексики.

В настоящем сообщении представлены результаты исследования, нацеленного на выявление степени участия заимствованных элементов английского языка в формировании коммуникативной базы современного китайского языка с учетом а) особенностей фонетической, лексико-семантической, морфологической интеграции заимствований «новой волны» из английского языка в китайский; б) новых тенденций в формировании собственно китайской лексики под воздействием внешних факторов или по аналогии с моделями формирования лексики английского языка. Нами были рассмотрены характерные проявления англо-китайского взаимодействия в следующих областях: а) язык китайского Интернета, б) язык китайского

телевидения, в) язык китайской прессы, г) язык SMS-сообщений. Очевидно, что каждый из выделенных аспектов может быть предметом отдельного лингвистического анализа и самостоятельной темой для научной дискуссии.

В ходе экспериментальной работы с китайскими информантами основной акцент исследования был смещен в сторону проявлений англо-китайского языкового взаимодействия в общем социолингвистическом контексте современного китайского общества.

Результаты исследования убедительно свидетельствуют, что фонетическое, лексико-семантическое, морфологическое, графическое своеобразие китайского языка, фундаментальные типологические отличия его системы от системы английского языка, изолирующий характер китайского языкового строя не могут быть рассмотрены как факторы изоляции самого языка от участия в процессах интеграции в глобальную систему коммуникации и обмена информацией. Наравне с другими языками мира китайский язык активно использует элементы английского языка как средство естественной модернизации, так же, как его носители используют сам английский язык как естественный способ существования в современном коммуникативном пространстве.

Шапиро Р. Г.,
к. филол. н.,
Институт восточных культур и античности РГГУ

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ КИТАЙСКО-РУССКОГО ПИДЖИНА

Для исследований последних десятилетий в области контактной лингвистики характерен поиск универсалий. Внимание исследователей при этом по-прежнему сосредоточено прежде всего на пиджинах, креольских и смешанных языках, возникших на основе западноевропейских языков: португальского, французского, английского. В отличие от подобных пиджинов, лексификатором малоизученного китайско-русского пиджина (КРП), существующего на российско-китайской границе по крайней мере с XVIII столетия, является типичный флективный язык – русский. Таким образом, изучение морфологии КРП покажет, как отражается флективность в контактных языках.

В КРП в целом существует формальное различие между глаголами и не-глаголами (для знаменательных слов). Данное морфологическое различие поддерживается семантическим (глаголы обозначают дейс-

твия или состояния, не-глаголы – актанты или сирконстанты) и синтаксическим критериями (обычно глаголы занимают конечную позицию в предложении). Словоизменение в КРП отсутствует.

Большинство глаголов взято из русского языка в форме единственного числа повелительного наклонения. Русский суффикс императива *-и/-й* стал в КРП показателем глагола. В основном пиджин воспроизводит русские императивы правильно, что свидетельствует о заимствовании этих форм целиком: правила присоединения повелительных суффиксов в русском языке слишком сложны. Однако существуют и формы, созданные внутри КРП и отличающиеся от русских: *погули, искай*. Немногие глаголы нерусскоязычного происхождения используют тот же показатель: *каньтрами* 'убить' < кит. *кань тоур ма* 'отрубить голову'.

Другой широко распространенный глагольный суффикс в КРП – *-ла,* близкий одновременно к русскому показателю прошедшего времени в форме женского рода единственного числа и к китайскому показателю завершенности. Остальные формы, видимо, были заимствованы в пост-пиджинный период, так как они отсутствуют в ранних источниках.

Модальные глаголы образуют отдельную подгруппу, поскольку они не заканчиваются на *-и/-й* и принимают только отрицание *не/ни,* тогда как прочие глаголы могут отрицаться и с помощью *нету.*

Большинство не-глаголов, восходящих к русским существительным, местоимениям, прилагательным и наречиям, заканчиваются на *-а*. Источники этого показателя – русские именные, адъективные и адвербиальные окончания и суффиксы *-а, -о и -е,* а также русские формы с исходом на согласный – к ним КРП прибавляет эпентетическое *-а*.

Личные местоимения КРП образуют особый семантический подкласс не-глаголов. Большинство происходят из русских притяжательных местоимений. Этот факт объясняется влиянием русско-английского пиджина XVII в.[1], общей типологией пиджинов, типологией пиджинов с китайским компонентом[2], а также процессом выравнивания. Личные местоимения используется и в качестве определений, т.е. в функции притяжательных местоимений.

В КРП имеются временно-видовые (будущее, прошедшее, перфектив, актуализация) и отрицательная частицы, все они занимают конечную позицию в предложении. Они восходят к русским и китайским глаголам, однако тот факт, что они занимают конечную позицию в предложении (что является достаточно жестким правилом, а

не тенденцией, как в случае глаголов), и их функциональная близость к китайским частицам заставляют выделить их в группу слов КРП, отличную от глаголов.

Данное исследование показывает, что КРП не унаследовал никаких флективных черт русского языка. Однако пиджин сохранил и даже усилил характерное для русского языка формальное различие между глаголами и не-глаголами. Установлено и то обстоятельство, что в КРП сформировалась система конечных частиц китайского типа, хотя они и не ожидаются в универсальных грамматиках пиджинов[3].

---

[1] *Алексеев М.П.* Словари иностранных слов в русском азбуковнике XVII в. Л., 1968.

[2] *Шухардт Г.* Маймачинское наречие // Русский филологический сборник. Т. 12. № 4. Варшава, 1884.

[3] *Томпсон Р.У.* Заметка о некоторых чертах, сближающих креолизованные диалекты Старого и Нового света // Новое в лингвистике. Вып. 6. М., 1972.

Хэ Цинчжи,
директор Института литературы
АОН пров. Цзилинь, КНР

ШЕСТЬДЕСЯТ ЛЕТ СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ЭВОЛЮЦИЯ РЕАЛИЗМА

В этом году исполняется 60 лет КНР. Вместе со страной эти бурные годы прошла современная китайская литература. В своем развитии новый Китай переживал разные периоды, однако страна неизменно двигалась по своему пути, подобно водам Янцзы, которые в конце концов достигают могучего и прекрасного океана. Несмотря на бури и грозы, литература успешно развивалась, отражая жизнь и преодолевая препятствия. Множество школ, изысканность стилей, рост творческих рядов и обилие произведений, появившихся на протяжении 60 лет, не могут не вызывать восхищение. Вся литература этого периода была только реалистической, хотя, отражая изменения эпохи, она изменялась сама, демонстрируя упорную жизнестойкость.

Термин «реализм» употребляется в широком и узком значении слова. Первое подразумевает тесную связь между литературой и окружающим естественным миром и восходит к древнейшей западной концепции – представлениям древних греков, в соответствии с которыми искусство повторяет и моделирует естественные явления, притом, что критерием успеха того или иного произведения служит его близость к реальности и степень сходства между объектом и его изоб-

ражением. Реализм в узком смысле слова – это исторически сложившаяся концепция, возникшая в рамках реалистических литературных течений XIX в.

Истоки китайского реализма – стихи раздела «Нравы царств» («Го фэн») из древней «Книги песен» («Ши цзин»). Позже в русле реалистических тенденций можно обнаружить литературные произведения разных эпох – стихи танских поэтов, сунские и юаньские повести *хуабэнь,* рассказы эпох Мин и Цин, а также рассказы периода «движения 4 мая», ориентированные на человека и его жизнь.

Первые 17 лет после образования КНР китайская литература находилась под влиянием советского социалистического реализма. Реалистические произведения были порождением тех представлений, которые преобладали в общественном сознании этого периода. Основным направлением реализм стал после того, как 11 января 1953 г. газета «Жэньминь жибао» опубликовала статью Чжоу Яна «Социалистический реализм – путь прогресса китайской литературы». На протяжении 17 лет наиболее успешные произведения были связаны с крестьянской и военной темами.

Среди характерных работ, посвященных крестьянской теме, роман Чжоу Либо «Большие перемены в горной деревне», рассказы «Женитьба маленького Эр Хэя» Чжао Шули и «Ли Шуаншуан» Ли Чжуня. В этих произведениях нашли свое отражение социалистические преобразования в сельской жизни и изменения духовного облика народа, созданы яркие, классические образы, характерные для того времени. Имена таких персонажей, как Сань Сяньгу, Сяо Туйтэн, Ли Шуаншуан, стали в литературе нарицательными.

Среди романов, написанных на военную тему, – «Оборона Яньани» Ду Пэнчэна, «Красное солнце» У Цяна, «Партизаны на железной дороге» Сяо Хуа, «Пылающая твердыня» Лю Лю. Героические персонажи этих произведений воспринимались как духовный символ китайской нации. Одновременно велись успешные поиски методов реалистического отображения как недавних исторических событий, так и жизни современного общества.

В период «культурной революции» ставшая к этому времени зрелой реалистическая литература подверглась серьезным испытаниям, не сумев сбросить сковавшие ее путы. После разгрома «банды четырех» в октябре 1976 г. в Китае произошли глубокие исторические перемены, страна стала готовиться к весне реформ и открытости. Наступил период переосмысления пройденного пути. Сформировались новые литературные направления – «литература шрамов», «литература дум

о прошедшем», «литература реформ», «литература грамотной молодежи», ориентированные на переосмысление прошлого и познание противоречий настоящего. Когда в 1980-е годы китайская литература стала частью мирового литературного потока, широкое распространение получили разные литературные творческие методы, однако полного отхода от реализма все же не произошло.

В 1990-е годы изменения в жизни китайского общества и рыночная экономика способствовали возникновению нового литературного направления – неореализма. Основной особенностью неореалистической прозы стало пристальное внимание к деталям и подробностям человеческой жизни. Вобрав лучшие черты реалистической литературы, новое направление отличалось от нее открытостью и полнотой изображения окружающего мира.

На рубеже двух тысячелетий китайская литература вновь претерпела глубокие структурные изменения: возникло гиперреалистическое направление, получившее название «постреалистического» *(хоусяньшичжуи)*. Для этого направления характерны плюрализм понимания принципов онтологии, диалог с постоянно изменяющимся миром и внимание к разным сторонам человеческого бытия и его многообразию: жизни человеческого дна, периферийным явлениям.

За 60 лет реализм в китайской литературе продемонстрировал упорную жизненную силу и специфический эстетический характер. На первом этапе своего развития он несколько отошел от художественных, эстетических принципов в погоне за исторической реальностью. Ныне, в эпоху глобализации реализм стал «безграничным», в литературном творчестве с невиданной силой восторжествовал дух плюрализма и открытости.

Перевод с китайского
Б.Я.Надточенко

Гурулева Т.Л.,
к. пед. н., ЧитГУ

ОБУЧЕНИЕ КИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ И НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА

Эффективность процесса обучения иностранным языкам во многом определяется тем, в какой степени этот процесс сопровождается овладением соответствующей культурной и языковой картинами мира. В связи с этим необходимо организовать обучение языку через призму его порождения основными факторами, формирующими

культурную и языковую картины мира: пространственно-временным континуумом (ПВК) и национальным обыденным сознанием. Природная среда и материальная культура, составляющие ПВК, даны человеку в непосредственных ощущениях. О.А. Корнилов выделяет три группы слов, порожденные природной средой и материальной культурой [1].

Первую группу составляют концепты, отсутствующие в других языках, они обозначают национально-специфические реалии бытования народа. Такие слова не имеют лексических эквивалентов в других языках, поскольку не имеют соответствий на уровне концептов. Напр., *кан* 'печка-лежанка' в китайском языке, '*лапти*' в русском языке.

Вторая группа – это слова, обозначающие универсальные концепты, которым в разных языках соответствуют свои собственные национально-специфические прототипы. С.Г. Тер-Минасова пишет: «...трудностью, еще более скрытой, чем тайны и непредсказуемость лексико-фразеологической сочетаемости, является конфликт между культурными представлениями разных народов о тех предметах и явлениях реальности, которые обозначены 'эквивалентными' словами этих языков»[2]. Так, например, в русском языке концепт 'подушка' имеет своим прототипом квадратное, мягкое, достаточно высокое приспособление для сна, набитое птичьим пухом или пером. В китайском языке концепту подушка соответствует совсем другой прототип: китайская подушка узкая, длинная и набита крупой. О.А. Корнилов считает, что «знание национально-специфических прототипов общих для большинства языков концептов – это составная часть когнитивной базы любого социума, объединенного общим языковым сознанием. Поэтому проникновение в иноязычную картину мира невозможно без знания национально-специфических прототипов общих понятий ...»[3].

Последнюю, третью группу составляют национально-специфические логогены, или национально-специфическая лексика, обозначающая абстрактные понятия. Так, в китайской конфуцианской культуре существует идеальный образ «благородного мужа», обладающего пятью добродетелями: *жэнь* 'человеколюбие', *и* 'долг', *ли* 'нормы поведения', *чжи* 'знание', *синь* 'верность', *сяо* 'сыновья почтительность'. Перевод этих понятий достаточно условен. В.Я. Сидихменов пишет: «Русский перевод формулировок 'пяти добродетелей' крайне условен: каждая из этих категорий конфуцианской этики имеет слишком емкое содержание, чтобы его можно было выразить одним русским словом»[4]. В русском языке к национально-специфическим логогенам относятся, например, слова 'воля', 'удаль', 'ширь', 'разгул' и т.п.

Наряду с ПВК национальную языковую картину мира формирует национальное обыденное сознание. Обыденное сознание имеет в своей структуре четыре основных компонента: сенсорно-рецептивный, логико-понятийный, эмоционально-оценочный и нравственно-оценочный (по О.А. Корнилову).

Сенсорно-рецептивный компонент отвечает за концептуализацию сенсибилий. Выявляемые различия результатов лексикализации сенсибилий при сопоставлении различных языков позволяют сделать вывод о том, что основополагающими при лексикализации являются не перцептивно-физиологические факторы, а факторы работы коллективного этнического сознания. Представители разных народов одинаково слышат звуки, видят цвета, ощущают вкус, но по-разному категоризируют и концептуализируют чувственно воспринимаемую информацию. Отсюда звукоподражание свинье в китайском языке – *нао-нао,* в русском – *хрю-хрю,* лошади – *сы* и *и-го-го* соответственно; черный чай называется в китайском языке красным и т.п.

Логико-понятийный компонент осуществляет концептуализацию внешней среды, в результате этого информационный поток, воспринимаемый сенсорно-рецептивным компонентом сознания, превращается в совокупность информем, которые становятся концептами национального языкового сознания в результате лексикализации. Специфика работы логико-понятийного компонента языкового сознания в одном случае определяется существующими в обществе культурно-этническими доминантами. Например, китайская культурно-этническая доминанта «культ старших» находит отражение во внутренней форме слов, содержащих в качестве одного из компонентов слог *лао* ‘старый’: *лаошоу* букв. ‘старая рука’, т.е. ‘мастер’; *лаосюн* букв. ‘старый старший брат’, т.е. ‘дружище, приятель’. В другом случае специфика работы логико-понятийного компонента национального языкового сознания проявляется либо в разной степени конкретизации понятий, либо в несовпадении границ между концептами, составляющими единое семантическое поле вне зависимости от каких-либо факторов влияния национальной культуры.

Уникальность работы эмоционально-оценочного компонента языкового сознания в наибольшей степени проявляется в коннотациях. По мнению С.Г. Тер-Минасовой, появление различных стилистических коннотаций у одних и тех же слов в разных языках происходит из-за конфликта между культурными представлениями разных народов о тех предметах и явлениях реальности, которые обозначены «эквивалентными» словами этих языков[5]. Так, в китайской языковой

традиции слово *чжу* 'свинья' имеет коннотативное значение 'глупый' (китайцы говорят *чунь ды сян чжу* 'глупый как свинья'), в то время как русские называют свиньей человека либо неблагодарного, либо неухоженного, неопрятного. Глупость же у нас соотносится с такими животными, как баран, осел («уставился, как баран на новые ворота», «глупый как осел»).

Оценки наиболее типичных социально-значимых ситуаций, моделей поведения, жизненно важных категорий являются обобщением коллективного жизненного опыта, народной мудрости, результатом осмысления общественной практики и представлены лексикой и идиоматическими выражениями (пословицами и поговорками). Первый тип идиом имеет одинаковый инвариант смысла и одинаковую внутреннюю форму. Так, китайская идиома *сюн нуань ду шэ* 'пригреть на груди ядовитую змею' соответствует русской 'пригреть змею на груди'. Второй тип характеризуется одинаковым инвариантом смысла, но разной внутренней формой. Русской пословице 'одним ударом (убить) двух зайцев' соответствует китайская *и цзянь шуан дяо* 'одной стрелой (убить) двух ястребов', а поговорке 'сидеть у разбитого корыта' – китайская *цзи фэй дань да* 'курица улетела, яйцо разбилось'. Третий тип – пословицы со слабо конкретизированной семантикой, позволяющие подбирать в других языках более конкретные варианты в зависимости от ситуации. Например, китайской пословице *хэ ли цзи цюнь* 'быть журавлем среди кур' в зависимости от контекста могут соответствовать две разные русские пословицы: 'быть белой вороной' (отрицательное значение), и 'быть на голову выше всех' (положительное значение). Четвертый тип – специфичность смысла идиомы сочетается со специфичностью языковых средств. Сравните китайскую пословицу *хуа лун дянь цзин* 'дорисовывать глаза дракону', которая употребляется в ситуации, когда одно или два ключевых слова или предложения придают всему высказыванию гораздо больший смысл. Этот тип пословиц отражает национальные представления, выраженные в специфической национальной языковой форме.

---

[1] Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 2003.

[2] *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация/ URL: http://www.i-u.ru/biblio/archive/ter%5Fjasik/00.aspx

[3] *Корнилов О.А.* Указ. соч. С. 162.

[4] *Сидихменов В.Я.* Китай: страницы прошлого. М., 1978. С. 115.

[5] *Тер-Минасова С.Г.* Указ. соч.

Короткова О. Н.,
к. филол. н.,
Филологический факультет МГУ

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ КИТАЙСКОГО АКЦЕНТА В РУССКОЙ ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ

Иностранный акцент – сложное языковое явление. Акцент – это отражение в речи интерференции: совокупности взаимосвязанных отклонений от системы и нормы изучаемого языка, возникших в результате воздействия родного языка. Фонетическая интерференция может быть представлена в двух своих разновидностях: парадигматической и синтагматической. Парадигматическая интерференция проявляется в установлении диафонических отношений (термин Хаугена) между фонемами родного и изучаемого языков. Синтагматическая интерференция наблюдается в слоге, фонетическом слове, синтагме и выражается в нарушении принятых в изучаемом языке законов сочетания единиц. В докладе анализируется китайский акцент в основных контекстах проявления фонетической интерференции в синтагматике – слоге и фонетическом слове, выявляются причины появления акцента и намечаются пути его устранения.

Слог является минимальной единицей синтагматики. Физиологическая обусловленность слогоделения универсальна. Однако фонемный состав слогов, их тип, количество, положение в слове специфичны для каждого языка. И в русском, и в китайском языках представлены все 4 возможных типа слога: полностью открытый (V), полностью закрытый (CVC), прикрытый (CV), закрытый (VC). Однако число подтипов слогов варьируется в зависимости от количества составляющих его элементов. В русском языке это зависит от количества согласных, входящих в слог, в китайском языке – от количества гласных. Так, в русском языке прикрытый слог имеет четыре подтипа: CV (*да*), CCV (*все*), CCCV (*мзда*), CCCCV (*встреча*). В китайском языке представлено только 3 подтипа: CV (*ta*), CVV (*kao*), CVVV (*piao*). В русском языке полностью открытый слог, состоящий из одного гласного, не имеет подтипов. В китайском языке вполне допустимы слоги, состоящие как из монофтонга, так и дифтонга или трифтонга: V (*a, o*), VV (*ya, wa*), VVV (*yao, wei*). Различия в подтипах слогов, существующих в русском и китайском языках, служат источником интерференции.

Другим источником интерференции является структура самого слога. Русский слог отличается от китайского количеством входящих в

него элементов, а также их последовательностью. Сопоставительный анализ структуры слога в китайском и русском языках позволяет сделать следующие выводы:

а) количественный состав русского слога довольно широк, в него могут входить от одного до семи звуков (*всплеск*), в китайском слоге количество звуков не превышает четырех (*huan*);

б) в русском языке допускается разнообразная последовательность звуков в слоге, в китайском языке звуки, входящие в состав слога, размещаются в строгом порядке; конечный слог русского слова может оканчиваться любым глухим или сонорным согласным, в китайском языке закрытые слоги завершаются лишь носовыми [n] и [ŋ] (в диалектах возможны также [m], конечная гортанная смычка и имплозивные согласные);

в) для китайских слогов характерны дифтонги и трифтонги, в русском слоге они отсутствуют.

Эти различия в структуре русского и китайского слога вызывают интерференцию, которая проявляется в звучащей речи.

1. В слогах, содержащих два и более согласных, наблюдается вставка гласного: CCV → CVCV (*[*сьто*] – *сто*).

2. В слогах, содержащих несколько согласных, происходит усечение одного из них: CVCCC → CVCC (* [*пунт*] – *пункт*).

3. В закрытом конечном слоге после согласного появляется гласный: CVCC → CVCCV (* [*мостъ*] – *мост*)[1].

Данные отклонения объясняются влиянием китайского языка, для которого стечения согласных не характерны.

Помимо слога, еще одним контекстом проявления фонетической интерференции является ***фонетическое*** слово. Для характеристики фонетического слова необходимо учитывать характер ударения. В русском языке ударение динамическое. Ударный слог характеризуется наибольшей длительностью и напряженностью, он подчиняет себе безударные слоги, в которых гласные подвергаются количественной и качественной редукции, и связывает слово в единое целое. Этот яркий контраст по длительности и напряженности ударных и безударных слогов составляет характерную черту ритмики русского слова. В китайском языке динамическое выделение слога не является фонологически значимым, но каждый слог произносится с определенным тоном, который играет смыслоразличительную роль. В китайских двусложных и трехсложных словах различают «три степени ударного слога»[2]: сильноударный, слабоударный и безударный. Характерной особенностью китайского слова является наличие двух или трех удар-

ных слогов, которые в ряде случаев комбинируются со слабоударными. Различия в фонетической природе словесного ударения в русском и китайском языках приводят к следующим отклонениям.

1. Произнесение ударного слога русского слова с большей интенсивностью и более высоким тоном. По мнению Чэнь Цзюньхуа, «использование высокого нисходящего тона для выделения ударного слога объясняется тем, что это движение тона характерно для китайского четвертого тона»[3]. Произнесение ударного и безударных слогов с относительно одинаковой длительностью и напряженностью. Данное отклонение объясняется тем, что в китайском языке контраст ударных и безударных слогов практически отсутствует.

2. Выделение каждого слога, что особенно заметно в многосложных словах. Это отклонение вызвано тем, что связь между китайскими слогами является более слабой, чем в русском языке.

Нарушение ритмики русского слова проявляется также в отсутствии качественного изменения безударных гласных. Анализ звучащей речи показывает, что китайские учащиеся не редуцируют русские гласные в безударных слогах: **ж[е]на – жена*, **ш[о]к[о]лад – шоколад*. Особенно устойчив акцент в заударных слогах: **па[м'а]ть – память*.

Ритмику русского слова искажает и неверное произношение стечений согласных. Анализ звучащей речи показал, что при произнесении русских слов со стечением нескольких согласных учащиеся пытаются образовать «удобные» для себя слоги типа согласный + гласный путем перераспределения элементов в звуковой цепи. Это ведет к увеличению или уменьшению фонетических элементов того или иного сегмента. Перенос дистрибутивных моделей родного языка приводит к упрощению в речи учащихся групп согласных за счет выпадения одного из них или вставке гласного между согласными: **[па]трет – портрет*, **са[л'и]фетка – салфетка*. В ряде случаев такое произношение приводит к смешению слов: здание – задание, подслушать – послушать. Наблюдается также появление гласного перед стечением согласных в инициальной позиции или в финальной позиции после нескольких согласных: **[ъс]тудент – студент*, **от[пускъ] – отпуск*. Отклонения от произношения стечений согласных, зафиксированные в речи китайских учащихся, объясняются влиянием их родного языка, в котором группы согласных в одном слоге не встречаются. На произношение согласных в финальной позиции накладывает отпечаток тот факт, что китайский слог может оканчиваться только на [n] и [ŋ].

Работа над правильным произношением русского слова ведется в трех направлениях: 1) устранение ошибок, связанных с трудностями

усвоения ритмики слова, 2) устранение ошибок, связанных с несоблюдением качественной редукции безударных гласных, 3) устранение ошибок, связанных с неверным произношением стечений согласных.

Детальная система упражнений, учитывающая особенности китайского акцента, разработана в корректировочном курсе русской фонетики и интонации «По-русски – без акцента!» Примеры наиболее интересных заданий будут приведены в докладе.

---

[1] *Короткова О.Н.* По-русски – без акцента! Корректировочный курс русской фонетики и интонации для говорящих на китайском языке. СПб., 2006.

[2] *Спешнев Н.А.* Фонетика китайского языка. Л., 1980.

[3] *Чэнь Цзюньхуа.* Курс русской фонетики для китайцев. Пекин, 1997. С. 157

Готлиб О.М.,
к. филол. н., Иркутский государственный лингвистический университет (ИГЛУ)

СИНОЛОГ-ЛИНГВИСТ Н.Н. КОРОТКОВ – УЧИТЕЛЬ УЧИТЕЛЕЙ

Нынешние празднования русского языка в Китае и китайского языка в России – хороший повод вспомнить отечественных ученых, чей вклад в мировую и российскую синологию трудно переоценить: научная память является, вероятно, основным стержнем преемственности и эволюции любой из отраслей знания. Одним из таких блестящих лингвистов-синологов прошлого века, «учителем учителей» был, безусловно, Николай Николаевич Коротков. Одни имена его учеников – Нина Васильевна и Вадим Михайлович Солнцевы, Юрий Владимирович Рождественский, Борис Григорьевич Мудров, Юрий Яковлевич Плам и многие-многие другие – могут сделать честь любому научному сообществу; его работы – «Проблема частей речи и генезис наречий с суффиксом *-жань* в китайском языке», «Учебник китайского языка» (в соавторстве с Б. Исаенко и И. Советовым-Чэнем), «Китайский язык» (в соавторстве с Ю.В. Рождественским, Г.П. Сердюченко и В.М.Солнцевым), «Основные особенности морфологического строя китайского языка» и многочисленные статьи – классика, «настольные книги» для поколений исследователей. Автор этих строк имел счастье быть одним из последних аспирантов Николая Николаевича, и отношения наши складывались и через эпистолярную форму. Некоторые отрывки из писем Николая Николаевича, как мне думается, раскрывают его характер ученого-воина в духе

К. Кастанеды, ортодоксального, преданного науке, для которого нет ничего кроме поиска путей, приближающих нас к открытию «новых сущностей».

«Я все время делаю ударение на "вопросах", а не на "ответах", потому, что, как правильно заметил Анри Пуанкаре, "ответ не так важен как вопрос". При всей парадоксальности этой мысли, в ней заключается важная истина: при правильной постановке вопроса, ответ рано или поздно будет найден, поскольку только новая постановка вопроса может дать существенный сдвиг в исследовании, только постановка новых вопросов способна революционизировать науку. Вот почему исследование проблематики вопроса должно опережать и идти параллельно с обследованием языкового материала. Еще один парадокс: "глаз видит то, о чем думает мозг" — не зная проблематики и не думая о ней, исследователь рискует не увидеть и не оценить "то, что видит глаз". Но парадокс есть парадокс, и ведущаяся параллельно работа с языковым материалом — мозг, в котором зажжена цепная реакция аналитического мышления — способна привести к открытию ***новых*** *сторон, связей и зависимостей, к выдвижению новых вопросов».*

«Ревзин как-то сказал: надо эксплицировать интуицию старых типологов. Как вы знаете, именно этому подходу противостоит тенденция ученых, выполняющих социальный заказ — "опровергать и разоблачать", доказывать, что тут "все как у людей". Именно борьба этих двух линий и составляет глубинную сущность расхождений в нашем китайском языкознании. Углубление познания противоречивости процесса развития китайского языкознания в нашей стране привело к необходимости выхода в проблематику общего языкознания и рассмотрения противоборствующих (и взаимодополняющих!) концепций самого языка как предмета науки. Язык — прежде всего ***средство*** *общения, неотделимое от человека. А это значит, что отражения своеобразия строя конкретных языков, понятий языковых единиц неизбежно должны в чем-то различаться в таких полярно противоположных типах языков, как изолирующие (слоговые) и флективно-синтетические, типа русского. Практика речевой деятельности носителей этих двух типов языков и практика их анализа и описания с необходимостью порождают и разные понятия* ***морфемы****. В силу противоположности «данного» и «искомого» в русском языке существует понятие морфемы, как части слова, а в изолирующих ему соответствует понятие* ***цзы*** *как предельной двусторонней* ***единицы языка,*** *в той или иной мере обладающей синтаксической самостоятельностью или (в редких случаях) лишенной ее и служащей строительным материалом для создания более сложных лексических единиц».*

«Идти "от явления к сущности, от менее глубокой сущности к более глубокой" – этому надо учить уже в средней школе, а в вузе это должно быть руководящим принципом в преподавании всех дисциплин».

Никитина Т. Н.,
д. филол. н., профессор,
Восточный факультет СПбГУ,
Зайцев В. П.,
Институт восточных рукописей РАН, СПб

ОМОГРАФЫ В РОССИЙСКОМ СЛОВАРЕ ДРЕВНЕКИТАЙСКИХ ИЕРОГЛИФОВ

Омограф – это иероглиф, записывающий разные значения, зачастую очень далекие друг от друга как по смыслу, так и по функциям в предложении. Большинство лингвистов не занимаются проблемой омографов, так как не считают ее значимой ни практически, ни теоретически, хотя омографы обычно составляют от 20 до 25% иероглифов в текстах на древнекитайском языке. Как правило, омографы – это одинаково читающиеся иероглифы, т. е. омонимы, но даже в тех случаях, когда омограф в разных значениях имеет разное чтение (только тон или тон в сочетании с разным звуковым составом), в иероглифическом тексте эти различия не отражаются, что затрудняет анализ и перевод предложений; ср., напр., *чуань* (второй тон) «передавать» и *чжуань* (четвертый тон) «летопись», *вэй* (второй тон) «делать» и *вэй* (четвертый тон) «для, из-за». По этой причине проблема омографов и определения их значений сопоставима по важности с проблемой перевода при отсутствии форм словоизменения и форм словообразования в изолирующем по своему строю китайском языке или с проблемой отсутствия в древнекитайском тексте знаков препинания между предложениями. Отметим также, что в древнекитайском тексте могут встречаться фразы, содержащие более одного омографа, а иногда целиком состоящие из омографов. Так, в фразе *цзы цзян ань чжи* «Куда ты собираешься отправиться?» все четыре иероглифа – омографы. Иероглиф *цзы* – существительное «сын» или местоимение «ты»/«Вы». Иероглиф *цзян* – это существительное «генерал», глагол «вести за собой, возглавить», служебное слово – показатель будущего времени или намерения совершить действие. Иероглиф *ань* – это прилагательное «мирный, спокойный» или вопросительное местоимение «где, куда, как». Иероглиф *чжи* – это глагол движения «идти», «направляться»,

беспредложное дополнение после сказуемого, определительная частица между двумя предметными существительными, определительное местоимение «этот». В подобных случаях только анализ более широкого контекста помогает понять и перевести фразу.

Омографы неодинаково интерпретируются в отечественной лингвистической литературе. Одни лингвисты считают омографы разными словами, другие, напротив, пытаются найти этимологическую связь между всеми значениями омографа. Так, в «Учебнике классического китайского языка вэньянь» А.М. Карапетьянца и Тань Аошуан (М., 2001) высказано неверное, с нашей точки зрения, предположение о том, что все значения вышеприведенного иероглифа *чжи* восходят к понятию «движение». Другие исследователи не замечают этимологической связи даже там, где она действительно есть. А.Л. Семенас (Лексика китайского языка. М., 2000) пишет, что, по ее мнению, значения иероглифа *гуань* «трубка» и «управлять» не имеют между собой ничего общего. Между тем известно, что ключ в традиционном Китае имел форму трубки, и одно из регулярных грамматических употреблений существительного со значением предмета в функции сказуемого – сделать что-либо с другим предметом-дополнением с помощью этого предмета. Делать что-то с дверью с помощью ключа («заключать» дверь) – это значит управлять дверью. Отсюда переносное и более широкое значение – управлять вообще. Заметим, что такое же значение, производное от слова «ключ», есть в современном латышском языке.

Хотя древнекитайский язык изучается и преподается в Санкт-Петербургском университете с момента открытия в нем китайского отделения, специальный словарь древнекитайских иероглифов, предназначенный для перевода текстов, которые традиционно читают студенты факультета, не составлялся до последнего времени. В 2003 г. в Благовещенске появилось первое издание «Словаря древнекитайских иероглифов», составленного ранее студентами-китаистами кафедры филологии Китая, Кореи и Юго-Восточной Азии Восточного факультета Е. Б. Кондратьевой и В. В. Бортко под руководством Т. Н. Никитиной на материале текстов VI–I вв. до н.э. Язык именно этого «классического» периода лег в основу складывавшегося на протяжении столетий письменного литературного языка *вэньянь*, который, сохраняя основные синтаксические и морфологические нормы древнекитайского языка, постепенно все больше и больше отходил и отличался от разговорного китайского языка своего времени. На *вэньяне* вплоть до XX в. писали историческую литературу

(в частности, династийные истории), а также медицинские, даосские и буддийские сочинения, составляли словари, справочники и энциклопедии, которыми образованные люди до сих пор широко пользуются в Китае. На *вэньяне* и даже по сути дела на настоящем древнекитайском языке писали стихи и прозу в стиле *гу вэнь*. *Вэньянь* стал языком литературы и науки не только в Китае, но и в других странах Восточной Азии – Японии, Корее, Вьетнаме. Подобно тому, как латынь считается языком культурной традиции на Западе, *вэньянь* по праву считается языком культуры на Востоке. Именно поэтому *вэньянь*, а также древнекитайский язык (поскольку *вэньянь* сохранил в основном грамматический строй древнекитайского языка) изучают в странах Восточной Азии, а также в том или ином объеме во всех университетах России, осуществляющих подготовку специалистов по востоковедным специальностям, причем не только студенты-китаисты, но и студенты-японисты, кореисты, вьетнамисты.

Древнекитайский язык и *вэньянь* необходимо изучать еще и потому, что многие грамматические конструкции и почти все служебные слова древнекитайского языка – предлоги, союзы, наречия, частицы – используются в текстах публицистического стиля современного китайского языка. Этим стилем в Китае пишут не только газетные статьи, он характерен также для всей научной и специальной литературы: юридической, экономической, исторической, культурологической, экологической, политической и т.д. Публицистическим стилем пишутся партийные документы (устав и программа партии), речи партийных и политических руководителей, а также деловые документы, контракты. Не зная грамматики древнекитайского языка, невозможно прочесть или написать приглашение или поздравление, невозможно читать и понимать газетные тексты, поэтому людям, связанным с Китаем деловыми или культурными отношениями, необходимо изучать публицистический стиль китайского языка, его лексику и грамматику. В современных текстах, особенно в политических, исторических, в партийных документах очень часто встречаются *чэнъюи* – устойчивые четырехсложные идиоматические сочетания (функционально похожие на русские пословицы), либо взятые из старинных сочинений, либо новые, но построенные полностью по нормам грамматики древнекитайского языка из слов-однослогов.

Важнейшей составляющей изучения текстов на древнекитайском языке и *вэньяне,* а также элементов *вэньяня* в современных публицистических текстах является изучение древнекитайских омографов. Именно поэтому Т.Н. Никитина и В.П. Зайцев, которые выступают в

качестве научных редакторов второго издания словаря древнекитайских иероглифов, готовящегося к публикации в 2009 г., сочли целесообразным и необходимым добавить к нему в качестве приложения небольшой словарь наиболее частотных омографов, встречающихся в древнекитайских текстах. Словарь составлен студенткой кафедры филологии Китая, Кореи и Юго-Восточной Азии СПбГУ Е. Г. Ивановой и является частью ее выпускной квалификационной работы, защищенной в июне 2007 г. «Словарь омографов» содержит 100 гнездовых иероглифов – наиболее частотных омографов и является полностью независимым от основного словаря. Для удобства пользования обоими словарями введена система специальных перекрестных ссылок, которая призвана облегчить переход от словаря к словарю в случае необходимости. В гнездовой статье перечислены все значения каждого омографа, каждое значение проиллюстрировано простым для понимания примером. Выбрать нужное значение помогает анализ контекста, который способен сделать студент, уже знакомый с основными правилами функционирования знаменательных слов разных семантических классов и групп в предложении и употреблением служебных слов, самыми важными из которых являются предлоги.

Виногродская В.Б.,
к. филол. н., ИДВ РАН

ТЕКСТ-ИНСКРИПЦИЯ В МИРЕ КИТАЙСКОГО ТЕКСТА-КНИГИ

В Китае иероглифические тексты продолжают окружать человека. Благодаря китайцам они окружают теперь и нас – на каллиграфических и живописных свитках, чашечках, подушечках и прочих предметах обихода и ритуала в диапазоне от откровенной магии до откровенного китча. Эти надписанные вещи отсылают нас к глубокой древности, к самому началу текстовой традиции в Китае задолго до того, как доминирующим типом текста стала книга. Древнейшие тексты, такие, как гадательные надписи на костях и панцирях *(цзя гу вэнь)* – это священные объекты, которые не предназначены для чтения благодарной публикой. В.М. Крюков пишет: «Для иньцев гадательные надписи... не являлись текстами вообще... Внутреннее единство отдельных фраз *цзя гу вэнь* заключалось только в одном – в общности их ритуально-магических целей»[1]. Именно в этом обрядово-предметном измерении складывалась китайская письменность и формировался текст как единица коммуникации. Подобные тексты,

в которых «текст может быть адекватно истолкован лишь в функционально-символическом контексте своего материального носителя»[2], можно называть инскрипциями.

Инскрипция присутствует в любой развитой письменной культуре (табличка на дверях кабинета, объявление «Курить запрещено», надгробная надпись, гравировка на подарке), но в Китае она оказала особо сильное влияние на становление текста, а сфера использования инскрипций до сих пор остается значительно шире, чем в современной культуре западного типа. В древности особую роль сыграли два вида инскрипций: мантическая эпиграфика – «надписи на костях и панцирях» *(цзя гу вэнь)* и «надписи на бронзе» *(цзинь вэнь),* которые были наиболее значимыми текстами соответственно при династиях Шан, или Инь (XVI–XI вв.до н.э.) и Западная Чжоу (XI–VIII вв. до н.э.). Традиция «надписей на костях и панцирях» была постепенно вытеснена «надписями на бронзе», которые не являлись частью гадательной практики и входили в ритуал дарений и сообщения с духами предков. Корпус *цзинь вэнь* значительно уже, чем корпус *цзя гу вэнь,* но надписи на бронзе в целом длиннее и содержательнее. Приведем примеры типичных надписей обоих типов:

Цзя гу вэнь

В день *бин-сюй* гадали. Гадатель задал вопрос: в следующий день *дин-хай* вану совершить жертвоприношение Вэнь-У-ди? Ван получит поддержку?

Цзинь вэнь

В день *Бин-У* ван подарил Шу Сы-цзы 20 связок раковин. В храме Цзянью изготовлен драгоценный сосуд *дин* для отца Фу-гуя. В большом зале ванского храма Цзянь. В девятом месяце. *Цюань Юй* (Собака–рыба – эмблема).

По мере становления ритуального текста появляются связные повествования. В ранний период династии Чжоу складывается основа будущего конфуцианского канона – древнейшие слои «Канона стихов» («Ши цзин»), «Канона писаний» («Шу цзин»), «Канона перемен» («И цзин»). С эпохи Весен и Осеней и Сражающихся Царств (770–221 гг. до н.э.) текст-книга начинает доминировать. Расцвет философско-идеологического творчества, когда «сто школ соперничали» *(бай цзя чжэн мин)* на ниве создания новых произведений и упорядочивания старых, приходится на золотой век бамбука как писчего материала. Но ни ритуальный характер построения идеального текста, ни его инскрипционная сущность не были забыты в этот период.

При планках и шелке содержание текста обретает свободу, но сохраняется сильная зависимость от материала: шелк был дорог, а планки тяжелы и громоздки. Бумага после усовершенствования технологии ее изготовления в 105 г. разрешила эту проблему, но до конца Восточной Хань пользователи предпочитали престижные планки и шелк. Распространение бумаги окончательно снимает прямую зависимость текста от носителя, и длина рукописей с династии Хань начинает расти в угрожающих размерах. Но ритуально-сакральная значимость текста продолжала жить в вездесущем культе образованности и письменного слова, когда даже клочки бумаги с иероглифами предпочитали сжигать, а не выбрасывать.

В таблице суммированы отличия текстов-инскрипций от текстов-книг в приложении к традиционному Китаю.

Таблица

	Текст-инскрипция	Текст-книга
Отношение текст-носитель	Для понимания смысла носитель так же важен, как содержание текста – образуют единое целое	Важно содержание
Тема и жанр текста	Избирательность в зависимости от носителя; чем раньше период, тем более выражена	Любые допустимые в данной культуре
Тиражированность	Единичный незаменимый артефакт	Подлежит воспроизводству и размножению
Аутентичность	Доступен в первоначальном виде	В большинстве случаев недоступен в первоначальном виде
Характер текста	Документ, часто сакральный	Выражение личностной позиции
Авторство	Возможен составитель, заказчик	Возможен автор
Адресат	Прежде всего, божества, духи предков	Различные категории людей
Как явление в контексте	Включен в систему ритуала	Включен в механизм трансляции традиции

Ярким пограничным случаем между инскрипциями и текстами служит феномен «каменных канонов» *(ши цзин),* не только конфуцианских, но также буддистских и даосских. От династии Хань до динас-

тии Цин было осуществлено 7 крупных проектов канонов на камне. Раннее развитие техники эстампа также опосредованно связано с «материальностью» и значимостью текстов инскрипций.

В современном мире абсолютно доминирует тип текста-книги, но наследие инскрипции до сих пор остается в Китае востребованным в самых разных проявлениях.

На уровне артефактов

Печати в традиционном стиле. Раньше удостоверяли наделеность полномочиями, позже из сферы властных отношений их использование сместилось в мир искусства, для установления авторства или принадлежности предметов, на которых удобно ставить печати (свитки, книги).

Подписанные места и памятные надписи о посещениях мест. И сейчас это не просто таблички, а большие декоративные наскальные изображения, вписанные в пейзаж.

Молитвы и амулеты напоминают об адресате не из мира людей. Производство подобной продукции хорошо поставлено и в материковом Китае, и на Тайване.

Текст в живописи хорошо ассимилирован и используется часто, хотя жанры живописи и каллиграфии обычно не смешиваются.

Вещи в быту с надписями-цитатами можно встретить где угодно (посуда, предметы мебели и интерьера). Особой популярностью пользуются классические стихотворения и дидактические надписи.

Благопожелательные надписи чрезвычайно распространены и воплощают ритуально-магическое начало древнейших инскрипций.

В высшей степени специфична культура *надписей-обращений (тицы).* Они отсылают к инскрипциям на бронзе, которые создавались для увековечения важного для клана события. Ныне любое общественно значимое происшествие (как радостное, так и трагичное) становится поводом к тому, чтобы известное лицо написало нечто хорошее для всех его участников. Часто подобные обращения или пожелания хранятся в местных музеях или учреждениях, используются как иллюстрации в книгах, подтверждая неординарность произошедшего.

Внутри текстов

Подписи в предисловиях. До сих пор общеприняты развернутые подписи в предисловиях, привязывающие текст к реальности, с указанием не только автора, но также времени и места. Этой же цели связывания с реальностью, создания внетекстового контекста текста служили традиционные *пояснения к стихотворениям,* которые зачастую оказывались намного длиннее самого стихотворного произведения.

В целом, влияние инскрипции привело к тому, что текст оказалось возможным разместить где угодно и адресовать кому угодно. С другой стороны, текст в сочетании с предметом, на котором он нанесен, воспринимается как удостоверяющий реальность, как имеющий силу документа.

Непрерывность письменной традиции с дошедшими до нас эпиграфическими памятниками начиная с XV в. до н.э. сохранялась на протяжении всего исторического существования Китая. Тем не менее, культурные парадигмы сменились не раз, и вместе с ними конкретные смыслы, вернее, контексты, в котором тексты получают определенный смысл, были утрачены. И все же ореола значимости оказалось достаточно для успешного воспроизведение текстов-инскрипций в окружении культуры совершенно иного типа.

---

[1] *Крюков В.М.* Текст и ритуал. Опыт интерпретации древнекитайской эпиграфики эпохи Инь-Чжоу. М., 2000. С. 37–38.

[2] Там же. С. 27.

Гурьян Н.В.,
Восточный факультет
Уссурийского государственного
педагогического института (УГПИ)

СЛОВАРЬ «ЭРЪЯ» В ОТЕЧЕСТВЕННОМ КИТАЕВЕДЕНИИ

Словарь «Эръя», который В.С. Колоколов называл «древнейшей книгой, посвященной смысловой стороне иероглифов и их синонимике»[1], сравнительно мало изучен в отечественном китаеведении, хотя ссылки на эту книгу и упоминания о ней содержаться во многих работах, посвященных вопросам истории китайской культуры, языка, языкознания, письменной традиции (работы С.Е. Яхонтова, Ю.В. Рождественского, В.И. Горелова, М.В. Солнцева, Н.В. Солнцевой, К.И. Голыгиной, А.Л. Семенас, А.И. Кобзева, В.А. Курдюмова, Г.Я. Дашевской и др.). Вопрос о необходимости исследования словаря одним из первых поднял В.С. Колоколов, подчеркнувший, что изучение «Эръя» позволит получать сведения не только этимологического и семасиологического, но также и фонологического характера и тем самым приблизиться к древнему звучанию, которое представляет большой интерес для лингвистической науки[2]. В.С. Колоколов сожалеет о том, что это обстоятельство не было принято во внимание знаменитым шведским синологом Б. Карлгреном в его трудах по китайской фонологии.

По справедливому замечанию В.С. Колоколова, в наше время прочно утвердилось представление о 13 «классических» книгах: одни из этих книг возведены в китаеведческой литературе в ранг «философских трактатов» и «жемчужин мировой литературы»; другие же, в том числе «Эръя», просто-напросто замалчиваются. Между тем, при определении места «Эръя» среди других древнекитайских памятников нельзя не принимать во внимание следующие обстоятельства: 1) в старом Китае заучивание «Эръя» наизусть было обязательным и входило в программу высшего образования; 2) согласно комментариям к «Мэн-цзы», в IV–V вв. н.э., когда было учреждено звание *боши* по отдельным классическим книгам, «Эръя» был поставлен в один ряд с «Лунь юем», «Сяо цзином» и «Мэн-цзы»; 3) по запасу содержащихся иероглифов и по тому, как в «Эръя» наглядно представлен весь механизм композиции любых заданных развитием науки и жизни новых знаков, этот памятник позволяет выйти далеко за рамки всего учебного канона. Доказательством того, что сфера приложения словаря шире конфуцианской классики, могут служить следующие цифры: к числу знаков, которые должен был освоить учащийся при изучении «Тринадцатиканония», в «Эръя» добавлены 928 иероглифов. «Можно и должно смело утверждать, что данное пособие сыграло немалую роль в том, что китайская иероглифическая письменность не только сохранилась в течение тысячелетий, но и распространилась за пределы своей родины, перекинувшись через Корею в Японию, где продолжает жить и развиваться». ...«Эръя» – это не просто словарь, а скорее «курс иероглифики, указывающий возможности дальнейшего развития этой письменности»[3]. В этом отношении показателен тот факт, что в Японии не без влияния «Эръя» появилось несколько сот новых («национальных») иероглифов – *кокудзи*, о чем упоминается в «Большом японско-русском словаре» под редакцией Н.И. Конрада.

В отечественном китаеведении наиболее полно изучена 4-я глава памятника – «Толкование родства», исследование которой осуществил М.В. Крюков[4]. К материалу указанной главы обращался также Д.А. Ольдерогге[5] в связи с изучением системы родства у малайцев. «Эръя» неоднократно упоминается в работах М.В. Софронова в контексте становления китайской филологии и китайского письма[6] и в исследованиях А.П. Терентьева-Катанского в связи с историей тангутской письменности[7]. М.В. Софронов обращает внимание на то, что последовательность предметных классов в «Эръя» не соответствует традиционной для народов Дальнего Востока философской последовательности частей мироздания «небо – земля – человек». На пер-

вый план в словаре выдвинута антропоцентричная лексика, и только после нее следуют главы «Небо» и «Земля». Рубрикация «Эръя», представлявшая собой «лексико-философскую концепцию ойкумены», стала образцовой для составления словников не только последующими поколениями китайских филологов, но и народами, подвергшимися китайскому влиянию, в частности тангутами[7]. Наблюдения над толкованиями синонимов позволили М.В. Софронову прийти к выводу о том, что в словарных глоссах «Эръя» помимо чисто лексического толкования решались и другие задачи, которые, впрочем, не вполне ясны в настоящее время.

А.М. Карапетьянц рассматривает «Эръя» в связи с другими лексикографическими памятниками, появление которых происходило одновременно с формированием феномена китайского письма. Составление словарей, отличных от отдельных глосс и продолжающих традицию прописей, он расценивает как проявление нормализационных процессов в китайском языке IV–III вв. до н.э. Рифмующиеся строки первоначальных прописей частично представляли собой осмысленный дидактический текст, частично – списки синонимов и антонимов, часто объединявшие знаки с одинаковыми ключами. Прописи являлись промежуточным звеном между классификационными схемами и совокупностями глосс иероглифов с одинаковыми ключами (детерминативами), процесс группировки которых был завершен и представлен в законченном виде в словаре «Шовэнь», появившемся позже «Эръя» на несколько столетий. По мнению А.М. Карапетьянца, начальные главы «Эръя», содержащие абстрактную лексику, являются более ранним слоем текста, а первая часть 1-й главы «Ши гу» самостоятельным и, возможно, еще более ранним образованием. Семантический анализ выходных иероглифов первой части 1-й главы позволяет сделать следующий вывод: «семантическая организация внутри этой части представляется очевидной, что особенно интересно ввиду включения служебных слов... Поясняющие слова глосс образуют структуру строф прописей»[8].

Словарю «Эръя», таким образом, уже уделено определенное внимание в трудах отечественных синологов – лингвистов, текстологов, этнографов, историков. Тем не менее, в качестве первого толкового словаря, продолжающего и завершающего традицию прописей последних веков до нашей эры и открывающего новую страницу в истории китайской лексикографии, «Эръя» по-прежнему представляет значительный исследовательский интерес и требует дальнейшего изучения и разносторонней оценки.

[1] *Колоколов В.С.* Некоторые соображения о китайской иероглифической письменности и языке // Страны и народы Востока. Вып. XI. М., 1971. С. 223.

[2] *Колоколов В.С.* Предисловие Го Пу к книге «Эръя» // Китай: история, культура и историография. М.: Наука, 1977. С. 115–123.

[3] *Колоколов В.С.* Предисловие Го Пу… С. 115–123.

[4] *Крюков М.В.* Система родства китайцев М., 1972.

[5] *Ольдерогге Д.А.* Малайская система родства // Родовое общество: Труды института этнографии АН СССР. Новая серия. Т. 14. М., 1951. С. 28–66.

[6] *Софронов М.В.* Школьная традиция в Китае и Тангутском государстве: Доклад на Ломоносовских чтениях в МГУ, 2002. М., [2002]. URL: http://www.iaas.msu.ru/res/lomo02/ecolog/sofronov.html (01.04.03); Его же. Дешифровка тангутской письменности: тангутские словари и учебные тексты // Смешанные знаки [трех частей мироздания] / Факсимиле ксилографа; вступ.ст., пер. с тангутского А.П. Терентьева-Катанского; под ред. М.В. Софронова; реконструкция текста, предисл., исслед. и коммент. М.В. Софронова. М., 2002. С. 36–68; Его же. Слово и познание в культуре древнего Китая: Доклад на Ломоносовских чтениях в МГУ, 2003. М., [2003]. URL: http://www.iaas.msu.ru/res/lomo03/sofronov.html (01.04.03).

[7] *Терентьев-Катанский А.П.* Тангутский словник Цзы цза // Смешанные знаки [трех частей мироздания]. С.15–35.

[8] *Карапетьянц А.М.* Ранние семантические классификации // Лингвистические традиции в странах Востока: материалы рабочего совещания. М., 1988. С. 83–93; Его же. Формирование нормативного письменного языка в Китае // Языковая норма. Типология нормализационных процессов. М., 1996. С. 168–191; Его же. Знак, текст и звучащее слово в древнем Китае // Духовная культура Китая: энциклопедия. В 5 т. М., 2006. [Т. 3] Литература. Язык и письменность. 2008. С. 672–684.

Кондратьева Е.Б.,
к. филол. н.,
Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов (СПбГУЭФ)

ЭЛЕМЕНТЫ ВЭНЬЯНЯ В СОВРЕМЕННОМ ДЕЛОВОМ ТЕКСТЕ

Под *вэньянем* подразумевается письменный язык, сложившийся в эпоху Тан (VII–X вв.) на базе классического древнекитайского языка (ДЯ). Классическим древнекитайским языком мы называем язык письменных памятников VI–I вв. до н.э. ДЯ характеризуется употреблением односложных слов, в то время как в современном китайском обычны не только односложные, но также двух- и многосложные слова. С точки зрения грамматики, одной из особенностей ДЯ является употребление слов в необычных функциях. Так, существительное могло выступать в предложении в качестве сказуемого и получало при этом значение «выполнять обязанности лица, образованного существительным-сказуемым или стать этим лицом», напр.: *ван сян чжи* «Князь сделал его советником». Другой особенностью

ДЯ является употребление большого числа выделительных конструкций, в том числе с относительными местоимениями *чжэ* и *со*, которые характерны и для современного делового текста. В *вэньяне* могут сочетаться грамматические формы, свойственные разным периодам истории древнекитайского языка, а также присутствуют формы и конструкции, характерные для *байхуа* («разговорного языка») более поздних эпох.

В ДЯ, и тем более в среднекитайском языке, существовало довольно большое число грамматических инструментов, но в состав современных деловых текстов, в частности писем, входит лишь малая их часть. Как правило, определенный набор служебных слов повторяется из текста в текст. Обычно древнекитайские слова «вклиниваются» в понятный студенту современный язык, что вызывает трудности при переводе у учащихся, незнакомых с *вэньянем*. Ниже мы остановимся на наиболее широко распространенных словах и конструкциях *вэньяня*, встречающихся в современных текстах. Еще раз уточню, что в данном случае объектом рассмотрения являются образцы различных документов, в том числе деловые письма, для которых характерны следующие элементы *вэньяня*.

Предлоги, такие, как *вэй, и, юй, юй*. Предлог *вэй* часто вводит бенефактив – лицо, в пользу которого совершается действие. Предлог и вводит дополнение, указывающее на предмет, который имеет при себе субъект в момент совершения действия или дополнение причины, основания действия. Предлог *юй* после глагола вводит необязательное дополнение места или времени действия. Предлог *юй* «вместе с» употребляется наравне с современным предлогом *хэ*.

Местоимения. Наиболее характерным среди всех прочих можно считать употребление таких местоимений ДЯ, как относительные местоимения *чжэ* и *со*, а также личных *чжи* и *ци*.

В ДЯ *чжэ* было субстантиватором, т.е. превращало предикативное сочетание в самостоятельный именной член предложения. Эту функцию оно продолжает выполнять и в современном тексте. При помощи *чжэ* образуется большое количество существительных, характерных для торговых документов: *чэнбаочжэ* «страховщик», *тоубаочжэ* «страхователь, *чжуанхочжэ* погрузчик, *сяофэйчжэ* «потребители» и др.

Местоимение *со* в ДЯ выполняло также субстантивирующую функцию, а могло использоваться и в выделительной конструкции, при этом его субстантивирующая функция сохранялась. В современном тексте *со* является показателем пассивного определения, сочетаясь с глаголом или глаголом с дополнением: *соцяньдинды* «подписан-

ный» (договор), *соледы* «перечисленные» (механизмы), *содинды* «заказанный» (товар), *сотиды* «поднятые» (вопросы) и др. Местоимение *со* образует также ряд устойчивых сочетаний. Так, часто встречаются его сочетания с глаголом *ю* «иметь»: *сою* «все», «все имеющиеся» и *юсо* «некоторые», «кое в чем», а также сочетание *совэй* «так называемые».

Местоимение *ци*, как и в ДЯ, обычно выполняет в тексте одну из двух функций: является определением (притяжательное местоимение «его», «их») либо подлежащим зависимой конструкции. Иногда, как и в *ДЯ*, *ци* употребляется вместо указательного местоимения («этот»).

Местоимение *чжи*, как и в ДЯ, выступает в функции дополнения-местоимения 3-го лица и встречается также в других своих функциях ДЯ, а именно: как показатель определения (наряду с современным показателем *ды*), стоит после подлежащего придаточного предложения, а также употребляется в обороте *чжицзянь* «между (кем)», «среди (кого)».

В текстах встречается также указательное местоимение *цы*, однако наиболее характерным для них оказывается употребление слова *бэнь* «основа», «основной», «изначальный», «нынешний» в качестве указательного местоимения: *бэнь хэтун* «данный договор», *бэнь юэ* «в этом месяце» и т.д.

Конструкция *и... вэй* «делать что чем», «считать что чем» (или «кого чем»), в состав которой входят предлог *и* и глагол *вэй*. Иногда эта конструкция в целом выступает как определение к именному члену предложения.

Слово *вэй* встречается также как глагол-связка вместо современной связки *ши* и в этом значении крайне распространено в финансовых документах. Оно входит в состав некоторых штампов: *цзиньэ вэй* «общая сумма» (контракта) составляет.., *ци дин вэй* «срок» (поставки) устанавливается...

Союзы: соединительный союз *цзи* «а также» (обычно соединяет однородные сказуемые или именные члены предложения), присоединительный союз *бин* «а также», «к тому же» (обычно служит для сочинительной связи между предложениями), противительный либо соединительный союз *эр* «а», «и».

Другие служебные слова, в частности показатель будущего времени *цзян*, который стоит перед группой сказуемого.

В деловых документах, таким образом, можно обнаружить лишь некоторые из тех элементов, которые употреблялись в текстах на *вэньяне*. Тем не менее, знание этих элементов необходимо как при составлении деловых писем, так и для правильного перевода современной китайской документации на русский язык.

Воропаев Н.Н.,
аспирант ИЯ РАН

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА В КИТАЙСКОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Под прецедентными именами (ПИ) мы вслед за В.В. Красных, Д.Б. Гудковым и др. понимаем индивидуальное имя, связанное или с широкоизвестным текстом или с прецедентной ситуацией. Уточняя данное определение применительно к нашему исследованию, мы, следуя за Е.А. Нахимовой, называем термином ПИ широкоизвестные имена собственные, которые используются не столько для обозначения конкретного человека (ситуации, города, организации и др.), сколько в качестве своего рода культурного знака, символа определенных качеств, событий, судеб. Как показал анализ соответствующей литературы, интерес к феномену ПИ существует как в России, так и в Китае. Это, в частности, обусловлено тем, что запас ПИ представляет собою ярко маркированную стилистически, эстетически, культурологически, социально, идеологически подсистему языковой картины мира носителя языка. Изучение ПИ китайскоязычного дискурса позволяет решать вопросы приоритетов в последовательности освоения разноплановых знаний о китайском обществе как обязательной компоненты общей лингвокультурной компетенции современного российского китаиста, дает возможность систематизировать эти знания и определять когнитивные приоритеты.

Очевидно, что к числу ПИ относятся личные имена широкоизвестных исторических деятелей и персонажей из произведений авторской художественной литературы, народного творчества, мифологии, а также слова, являющиеся наименованиями когнитивно значимых для носителей языка материальных и нематериальных артефактов определенного культурного пространства (названия произведений разных видов искусств, названия архитектурных сооружений и других творений человека, топонимы и т.п.). Те ПИ, которые приобрели нарицательное значение и регулярно употребляются для того, чтобы охарактеризовать людей, предметы или явления и для вторичной номинации, мы относим к ПИ-символам. Те ПИ, которые используются для вторичной номинации нерегулярно, только в особых авторских вербализациях и при переходе в культурное пространство другой страны, мы относим к ПИ-знакам. Помимо ПИ в языкознании к прецедентным феноменам (работы Д.Б. Гудкова, В.В.Красных, И.В. Захаренко и других) относят прецедентные тексты, ситуации и

высказывания. Все прецедентные феномены взаимосвязаны и актуализируют друг друга. Они являются основными (ядерными) элементами когнитивной базы, представляющей собой совокупность знаний и представлений всех говорящих на данном языке, и хранятся в ней в виде национально детерминированных минимизированных представлений.

Китайскоязычному дискурсу интертекстуальность и прецедентность характерны как в диахронии, так и в синхронии. Имена многих известных исторических личностей, героев мифов и литературных персонажей, наименования широкоизвестных событий и предметов становились прецедентными уже в древности и обретали нарицательное значение. При анализе прецедентных феноменов китайскоязычного дискурса вообще и ПИ в частности весьма удобным представляется использование соответствующего термина традиционной китайской филологии – *дяньгу* 'ссылка на классический источник'. Некоторые из древних дяньгу сохраняются как ПИ-символы (Си Ши, Пань Ань, *Юэся лаожэнь* Подлунный старец, Чжун Цзыци, Му Гуйин, *нюлан – чжинюй* 'пастух и ткачиха', *Болэ*). Другие перешли в разряд ПИ-знаков, например, имя богача эпохи Чуньцю Фань Ли (сменил имя на Тао Чжу-гун после бегства из княжества Юэ); имя проданной девушки Ду Шинян; имена хорошего мужа Лян Хуна и добродетельной жены Мэн Гуан. В современном дискурсе все перечисленные ПИ-символы уже, как правило, не употребляются для характеризации или обозначения соответствующих людей и ситуаций, но не утратили своей когнитивной ценности и продолжают использоваться в дискурсе в качестве культурных знаков. Часть традиционных ПИ уже полностью вышла из употребления и известна лишь узким специалистам ('Чжэ и Цзяо' – легендарные разбойники древности Дао Чжэ и Чжуан Цзяо).

Распространенность в китайскоязычном дискурсе особого вида ПИ – групповых, выраженных фраземами-калькуляциями ['восемь бессмертных', 'четыре великих шедевра', 'четыре великих изобретения', 'три героя' (Лю Бэй, Гуань Юй, Чжан Фэй)], а также фразеологизмов разного типа, которые актуализируют многие ПИ и другие прецедентные феномены, полагаем, является показателем давно завершившейся категоризации некоторых ПИ на основе тех или иных дифференциальных признаков их референтов и выделения этих ПИ как особых единиц китайскоязычного дискурса. В русскоязычном дискурсе подобного типа ПИ сравнительно мало; ср., напр., 'три богатыря' (Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович), 'три мушкетера' (Атос, Портос и Арамис).

В современном китайском обществе исконные ценности, фиксировавшиеся на протяжении веков в виде ПИ, используются в рекламе и, обладая концептуальными значениями, задействованы для выстраивания определенных моделей действования как отдельных членов лингвокультурного сообщества, так и отдельных социальных групп и общества в целом (Лэй Фэн, Бао-гун, Чэнь Шимэй, Хун-нян, Хуа Мулань, Лу Бань, Мао Суй, Юй-гун, 'Шелковый путь', Лю Сян, Конфуций, Хуа То, Болэ, Дэн Сяопин). В то же время анализ сравнительно ограниченного блока ПИ иностранного происхождения (по данным «Малого словаря зарубежных *дяньгу*» его образуют приблизительно 1000 единиц описания) свидетельствует о том, что большинство универсально-прецедентных имен китайскоязычного дискурса заимствованы из древнегреческой мифологии, религиозного дискурса христианства и культурного пространства англоязычного мира. Из культурных пространств других регионов родом лишь небольшая часть китайских ПИ.

Активное использование в современном китайскоязычном дискурсе ПИ и других национальных прецедентных феноменов обеспечивает, таким образом, сохранение исконной национальной самобытности и существование вневременного идеологического пространства. Для китайскоязычного дискурса характерно насыщение ПИ-символами, ведущими свою историю из далекого прошлого и связанными с событиями истории Древнего Китая, что обусловлено языковой преемственностью, которая, в свою очередь базируется на длительной непрерывной культурной, письменной и литературной традиции.

Комарова И.Н,
к. филол. н., ИЯ РАН

Ю.Н. РЕРИХ – СОЗДАТЕЛЬ «ТИБЕТСКО-РУССКО-АНГЛИЙСКОГО СЛОВАРЯ С САНСКРИТСКИМИ ПАРАЛЛЕЛЯМИ»

Русский ученый Юрий Николаевич Рерих снискал общее признание как один из выдающихся тибетологов 20-го столетия. Его научные идеи получили широкую известность как в нашей стране, так и за рубежом. Несколько десятилетий продолжалась плодотворная, насыщенная неустанными научными изысканиями и богатая появлением важных лингвистических концепций деятельность Ю.Н. Рериха в Индии и России. Это был нелегкий путь поисков в неизведанные

области фонетики и фонологии, лексикологии и лексикографии, истории тибетского литературного языка и диалектов, грамматической системы тибетского языка. В России Юрий Николаевич, обладавший исключительной харизмой, обрел много талантливых учеников и последователей, изучавших историю Тибета и тибетский язык. Ежегодно в Институте востоковедения проводятся «Рериховские чтения» как дань великому ученому и человеку.

Ю.Н. Рериху удалось отразить в своих фундаментальных работах взаимодействие лексико-семантической системы тибетского языка и его грамматической системы[1]. Он внес огромный вклад в исследование лхасского диалекта, который является ведущим диалектом современного литературного тибетского языка, имеющего две типологические тенденции – агглютинативно-аналитическую и флективно-синтетическую. Лхасский диалект значительно выделяется своими фонетическими инновациями, что выражается в больших расхождениях между письменной и устно-разговорной формами речи в отличие от таких архаичных диалектов, как Амдо и Дэргэ, в основном сохранивших древнее состояние тибетского языка. Многочисленные диакритические буквы, которые в настоящее время не имеют фонетического значения и являются «немыми», «реликтами», в диалектах Амдо и Дэргэ произносятся почти так же, как в древнетибетском языке.

Научные изыскания Ю.Н. Рериха, воплотившие богатейшее наследие тибетской исторической, философской, религиозной и лингвистической мысли, глубокое знание тибетского языка, а также восточных литератур, знакомство с древними канонами способствовали созданию знаменитого «Тибетско-русско-английского словаря с санскритскими параллелями» (ТРАС), удивившего весь мир[2]. ТРАС содержит несколько десятков тысяч лингвистических единиц и представляет собой единую лексическую и грамматическую систему, воссоздавая, что весьма ценно, многообразную картину истории тибетского языка, начиная с письменных памятников до новейшего времени. Ю.Н. Рерих преодолевал немалые трудности, описывая не только эквивалентную лексику, совпадающую по денотату и коннотату, но и безэквивалентную, выражающую понятия, совпадающие лишь в некоторых значениях и отличающиеся во всех других.

Успех ТРАС был достигнут благодаря сведениям исторического, культурного, этнографического, географического и иных характеров. Ю.Н. Рерих блестяще владел многообразием современного литературного тибетского языка, которое представлено такими лексическими пластами, как литературная речь (основные отрасли науки и

техники, экономики, политики, медицины, культуры, искусства, религии, иноязычные, главным образом китайские, заимствования; архаизмы и неологизмы, фразеологизмы), просторечие и диалектизмы, профессиональная речь, терминосистемы. Он тонко чувствовал нюансы тибетского слова, что нашло свое отражение в словаре, который отличается от других тибетско-иноязычных словарей более полной и объемной словарной информацией. Словарные статьи отмечены лингвистической эрудицией, высоким профессиональным уровнем, богатым иллюстративным материалом, совмещением в одной статье собственно языковой и энциклопедической информации.

В словаре отмечены следующие особенности лексических единиц: функциональная употребительность, деривационная активность (многозначность, продуктивность), синтагматическая широкая сочетаемость, парадигматическая поддержанность (вхождение в многочисленные синонимические ряды). При описании эквивалентов и аналогов слов ТРАС отличается глубиной проникновения во внутренние лексические и грамматические процессы тибетского языка. Он включает следующие разработки лексических значений: значение слова и полисемия слов, синонимия слов, стилистическая окраска слов, смысловые группировки слов (тематические, понятийные), фразеологический состав языка, терминологическая система. В словарных дефинициях он представляет трудные случаи словообразования и словоизменения русского языка, отличного от тибетского языка генетически и типологически. Ю.Н. Рерих выражает значение слов, указывая их нормативное, функциональное значение и экспрессивно-стилистическую окраску. И, наконец, семантическое поле словаря способствует пониманию некоторых особенностей социальной, политической, религиозной, культурной жизни и этнического многообразия народа Тибета. Особый интерес представляют этнолингвистические и этнопсихологические комментарии Ю.Н. Рериха, которые раскрывают национально-специфические особенности мышления и языкового поведения носителей тибетского языка.

---

[1] *Roerich Yu.N.* Tse-Trung Lopsang Phunogtshok. Text-book of Colloquial Tibetan (Dialect of Central Tibet). Calcutta, 1957; Его же. Тибетский язык. М., 1961.

[2] *Рерих Ю.Н.* Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями в 10 т. / Под ред. Ю.М. Парфионовича, В.С. Дылыковой. М., 1983–1993.

Тихонова Е. Ф.,
МГИМО (У) МИД России

РОССИЙСКИЕ СИНОЛОГИ И ТИБЕТСКИЙ ЯЗЫК

Одним из первых тибетологов в России был основоположник отечественного научного китаеведения о. Иакинф, в миру – Никита Яковлевич Бичурин (1777–1853). Результаты его трудов стали поистине бесценным путеводителем при изучении тибетского региона для целой плеяды всемирно известных российских ученых. Круг вопросов, которыми занимался о. Иакинф, выходил далеко за пределы китаеведения. В своем послании от февраля 1810 г., адресованном обер-прокурору Синода А.Н.Салтыкову, он сообщал: «Время позволяет мне учиться сверх китайского и маньчжурского еще понескольку мунгальскому (монгольскому), тибетскому и корейскому». В 1828 г. вышло в свет «Описание Тибета в нынешнем состоянии», переведенное о. Иакинфом с китайского и снабженное примечаниями, комментариями и картой, подготовленными переводчиком.

К числу выдающихся ученых XIX в. принадлежит академик В.П.Васильев. Круг его познаний и деятельности настолько широк, что было бы неточно называть его только тибетологом или же только китаеведом. В.П.Васильев работал над источниками и материалами, написанными на китайском, монгольском, маньчжурском, тибетском языках и санскрите. Обширный круг деятельности ученого (философия, религия, археология, география, литературоведение, языкознание и др.) объясняется не только громадной разносторонностью его интересов, но и неопределенностью востоковедной науки того времени, в которой еще не сформировались и не выделились самостоятельные отрасли знаний. «Ориенталист поколения В.П.Васильева, – писал В.В.Бартольд, – не мог быть только специалистом, не мог также ограничиться чисто филологическими и лингвистическими задачами; предметом его интереса был Восток в целом, настоящее и прошлое восточных народов».

Будучи студентом Казанского университета, В.П.Васильев самостоятельно выучил тибетский язык и был направлен в составе Русской духовной миссии в Пекин, где провел 10 лет, собирая материалы для своих будущих исследований. В 1847–1848 гг. он занялся составлением «Буддийского терминологического лексикона» – словаря буддийских терминов. Основным руководством при составлении этого труда послужила рукопись словаря «Махавьютпатти», входящего в «Ганчжур». По мнению исследователя-ориенталиста М.И.Тубянского,

60 лет КНР.
Шестидесятилетие дипломатических отношений СССР/РФ и КНР (1949–2009 годы).

Тезисы докладов XVIII Международной научной конференции
«Китай, китайская цивилизация и мир.
История, современность, перспективы»
(Москва, 21–23 октября 2009 г.)

ЧАСТЬ 1

Редакторы: Белилина Е.В., Иванова Н.И.
Корректор: Потапова Н.Б.
Верстка и оригинал-макет: Суднищикова С.А.
Оформление: Иваншина Т.В.

Печатно-множительная лаборатория
Учреждения Российской академии наук
Институт Дальнего Востока РАН.
Москва,117997, ГСП-7, Нахимовский пр-т, 32.

Подписано к печати:
Формат 60 х 84/16.
Печ. л. 17,625. Тираж 300 экз.
Заказ № 26